

**ДУХ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА САЛЬСКОГО, ЕПИСКОПА И КНЯЗЯ
ЖЕНЕВСКОГО**

Жан-Пьер Камю, епископ Белле

Camus, Jean Pierre. L'esprit de Saint François de Sales, évêque et prince de Genève : recueilli de divers écrits de M. Jean Pierre Camus, évêque de Bellay. Paris : La veuve Estienne, 1641 (Переиздана 1747). Оцифровано Internet Archive.

В переводе Константина Чарухин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. О милосердной истине

Говоря о братском исправлении, наш блаженный Франциск преподал мне однажды примечательный урок. Я говорю «однажды», хотя он повторял и внушал мне его много раз, дабы крепко запечатлеть в моей памяти. Это превосходное правило может быть полезно всякому человеку, но особенно тем, кто управляет другими и имеет над ними какое-либо начальство.

«Истина, — говорил он, — в которой нет любви, происходит от любви, которая неистинна».

Слова верные, достойные того, чтобы их приняли и с усердием обдумали.

До него дошли верные сведения от очевидцев и слышавших, что, когда я только начал исполнять епископское служение, я во время своих визитаций проявлял рвение горькое и неумеренное, а говоря яснее, воистину неблагоразумное и лишенное знания. В этом духе я делал упреки резкие, грубые и сопровождал их суровыми словами.

Однажды он весьма кстати, со свойственными ему благоразумием, рассудительностью и искусностью, которые были не менее удивительны, чем его кротость, вложил мне в душу это златое слово, которое с тех пор так сильно в ней запечатлелось, что никогда ее не покидало.

Несомненно, люди, облеченные властью и обязанные по своему положению исправлять тех, кто достоин упрека, должны поступать именно так. Когда им приходится говорить истины, тяжелые для усвоения, им следует готовить их в столь пламенном огне любви и благоволения, чтобы всякая резкость была из них удалена. В противном случае это будет незрелый плод, что принесет скорее колики, нежели доброе и основательное питание.

И это весьма явный знак того, что любовь в сердце неистинна, когда слово истины, исходящее из уст, не приправлено любовью.

Глава вторая. Как узнать, происходит ли истина от любви.

Я спрашивал однажды нашего блаженного, по какому признаку можно узнать, что братское исправление происходит от любви.

Он ответствовал мне с той основательностью суждения, что служила проводником всем его действиям и светочем всем его словам: «Истина, — сказал он, — происходит от любви тогда, когда говорят ее лишь из любви к Богу и ради блага того, кого укоряют». Ответ примечательный, бьющий в самую цель и в конечную цель всех наших деяний. Ибо любовь, среди всех примет, отличающих ее от прочих добродетелей, имеет ту особенность, что, как учит нас Апостол, не ищет собственной выгоды (ср. 1 Кор. 13:5).

Все другие добродетели обращены к своим собственным предметам и имеют целью лишь благо творения. Одна лишь любовь, как наставляет нас апостол, ищет блага лишь для

Того, Кто является верховным предметом любви (то есть для Бога), и для того, что с Ним соотносится как с конечной целью.

Посему если тот, кто укоряет другого, имеет какую-либо иную цель, кроме чести Божией и вечного блага того, кого укоряют, — в той мере, в какой исправление его проступка способствует славе Божией, — то, без сомнения, эта истина родится не из духа любви, а из какого-то иного источника.

Лучше умолчать об истине, чем сказать ее дурно. В противном случае это все равно что подать доброе кушанье, но плохо приготовленное, или дать лекарство не вовремя. Не значит ли это удерживать истину в неправде? Нет, конечно, но это значило бы являть ее с неправдой, ибо истинная справедливость истины и истина справедливости — в любви. Рассудительное молчание всегда лучше, чем истина, лишенная любви.

Глава третья. Другой признак истины, происходящей от Любви.

Когда я спросил у нашего блаженного о другом признаке, по которому можно распознать, что исправление воодушевлено любовью, он, имея сердце, всецело преисполненное кротости, отвечал мне в духе великого апостола: когда оно совершается «в духе кротости» (Гал. 6:1). Кротость, по правде сказать, есть великая подруга любви и ее неразлучная спутница.

Именно это имеет в виду святой Павел, когда называет ее благосклонной, и все терпящей, и все переносящей (ср. 1 Кор. 13:4,7). Господь, Который есть любовь, ведет кротких в суде Своем и научает смиренных путям Своим (ср. Пс. 24:9). Дух Его не в вихре, не в буре, не в шторме и не в шуме вод многих, но в веянии тихого ветра (ср. 3 Цар. 19:11-12). «Сошла кротость, — говорит Пророк, — и вот вы исправлены».

Он советовал подражать добруму Самарянину, который возлил масло и вино на раны бедного израненного (ср. Лк. 10:34). Обычным его словом было то, что для хороших салатов требуется больше масла, чем уксуса или соли.

Вот другое его слово на эту тему, весьма памятное, которое он говорил мне много раз: «Будьте всегда настолько кротким, насколько можете, и помните, что на ложку меда можно привлечь больше мух, чем на сто бочек уксуса; если и придется согрешить в какой-либо крайности, пусть это будет крайность кротости».

Никогда избыток сахара не портил соуса. Человеческий дух так устроен: он восстает против суровости, но от обходительности становится податлив на все. Ласковое слово гасит гнев, как вода гасит огонь. Через благосклонность даже самая неблагодарная земля приносит плод.

Говорить истины с кротостью — это все равно что бросать в лицо горящие угли или, скорее, розы. Возможно ли разгневаться на того, кто сражается с нами лишь жемчугом и алмазами? Нет ничего более горького, чем зеленый гречий орех; но будучи засахаренным, он становится сладчайшим и приятнейшим для желудка. Упрек по природе своей резок, но, будучи засахарен в кротости и приготовлен на огне любви, он становится сердечным, любезным и восхитительным.

«Но, — возразил я ему, — истина всегда остается истиной, как бы ее ни говорили и как бы ее ни принимали». Я вооружился словами святого Павла к Тимофею: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4:2).

Он же отвечал мне: «Суть этого апостольского наставления заключается в двух словах: „со всяким долготерпением и назиданием“. Назидание означает истину, и эта истина должна быть сказана с терпением, то есть нужно быть готовым снести ее неприятие и не воображать, будто она всегда должна приниматься с рукоплесканиями. Ибо если Сын Божий является предметом пререканий, то и Его учение, которое есть учение истины, должно быть отмечено той же печатью».

Всякий человек, желающий научить других путям справедливости, должен решиться сносить их неровности и несправедливости и принимать их неблагодарность как свою плату.

Глава четвертая. О Любви-милосердии и целомудрии.

В начале моего епископства я жаловался нашему блаженному на две добродетели, которые сражались в моем сердце.

Он спросил меня с той грацией, что была ему столь естественна, какие же это добродетели? Я сказал ему, что это милосердие и целомудрие. Первое, будучи сильным и могучим, ничего не страшится и с мужеством устремляется на великие свершения во славу Божию. Оно способно на все вместе с Богом, от Которого неотделимо, и презирает смерть, и голод, и наготу, и гонения, и меч, и прошлое, и настоящее, и будущее, и ангелов, и людей, и темницы, и пытки — одним словом, все творения, ибо оно сильнее смерти и в битве яростнее ада (ср. Рим. 8:35-39).

Оно-то и есть терпеливо и кротко; оно верит, надеется, все переносит, не ища своей выгоды (ср. 1 Кор. 13:4-7). Оно не боится не угодить людям, лишь бы угодить своему возлюбленному и принести ему жертвы живые, святые и приятные его божественным очам. Оно предприимчиво, сильно, отважно, решительно и смело.

Другое же, напротив, есть добродетель нежная и хрупкая, пугливая, робкая, трепещущая. Она всего боится, содрогается от малейшего шума, опасается всякой встречи и страшится всего. Малейший взгляд ее пугает, будь то даже взгляд самого Иова (ср. Иов 31:1), который заключил столь тесный завет с очами своими. Легкое слово ее тревожит. Благие ароматы ей подозрительны, лучшие яства кажутся ей ловушками, смех — распущенностью, общества — засадами, чтение занимательных книг — рифом. Наконец, она всегда шествует, словно молва, вся покрытая глазами и ушами, и подобна тому, кто несет много золота и алмазов через лес, известный своими разбойниками, и прячется при малейшем шуме, думая, что воры уже идут по его пятам.

Милосердие торопится помочь ближнему, здоровому и больному, бедному и богатому, молодому и старому, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на сословие, видя лишь Бога во всем и все — в Боге.

Целомудрие же, напротив, знает, что носит бесценное сокровище в глиняном сосуде (ср. 2 Кор. 4:7) и что это сокровище может погибнуть от различных искушений. Что же делать в этом недоумении и как примирить эти две добродетели?

Вот ответ нашего оракула, ответ воистину небесный и ангельский: «Надобно, — сказал он мне, — тщательно различать особ, облеченных саном и имеющих попечение о других, от тех, кто ведет частную жизнь и заботится лишь о себе самом. Первые должны вверить свое целомудрие своему милосердию. И если их милосердие истинно, оно хорошо о нем позаботится, оно послужит ему стеной и предградием. Но частные лица поступят лучше, если вверят свое милосердие своему целомудрию и будут шествовать весьма сдержанно и уединенно.

Причина же сего в том, что Начальствующие обязаны по своей должности подвергать себя опасностям, неотделимым от случаев [их служения]. В этом им помогает Благодать, поскольку они не искушают Бога безрассудством. Что, возможно, делали бы другие, если бы подвергали себя опасностям без законного на то призываия, ибо написано, что любящий опасность, и тем более ищащий ее, в ней и погибнет» (ср. Сир. 3:27).

Глава пятая. Сила кротости.

Пришлось заключить в темницу одного клирика из епархии нашего блаженного, который был порочен и вел соблазнительную жизнь. Пробыв там несколько дней, он выказал раскаяние и со многими слезами и заверениями в своем исправлении стал настойчиво просить, чтобы ему позволили броситься к стопам его святого Прелата, который уже прощал ему многие проступки.

Должностные лица, знавшие о совершенной кротости этого человека Божия, не могли дать согласия на то, чтобы клирика привели к нему. Они понимали, что увидеть его и возбудить сострадание будет одним и тем же, хотя соблазны его и заслуживали примерного наказания. Тем не менее, силой молений он добился столь желанной встречи со своим пастырем, и примерное наказание, которого он заслуживал, обратилось в героический и гораздо более назидательный поступок нашего Блаженного. Ибо у Бога в Его Провидении есть пути, сокрытые от всякой человеческой мудрости.

Оказавшись в присутствии своего епископа, он бросился к его ногам и взмолился о пощаде, заверяя Бога и его, что он изменит свою жизнь и добрый пример будет изобиловать там, где прежде изобиловал соблазн. Святой же Епископ также бросился на колени перед этим виновным. И когда тот, весь в смущении, просил его о жалости, Святой, заливаясь слезами, сказал ему: «А я, умоляю вас утробою милосердия Иисуса Христа, на Которого мы уповаляем, сжальтесь надо мной и над всеми нами, клириками этой епархии, над Церковью и над всем нашим духовным званием, честь которого вы губите своей соблазнительной жизнью, дающей повод нашим противникам хулить нашу святую веру.

Я прошу вас, сжальтесь над самим собой и над своей душой, которую вы губите на целую вечность. Я увещеваю вас от имени Иисуса Христа, примиритесь с Богом через истинное покаяние.

Заклинаю вас всем, что есть святого и священного на Небесах и на земле, Кровью Иисуса Христа, которую вы попираете ногами, благостью этого Спасителя, Которого вы распинаете вновь, духом благодати, которому вы наносите оскорбление».

Эти увещевания имели такую силу (ибо дух Божий говорил устами этого святого пастыря), что с тех пор этот виновный более не возвращался к своим порокам, но стал примером добродетели.

Глава шестая. О дивном терпении.

Наш блаженный стал поручителем на значительную сумму за одного дворянина, который был ему другом и союзником. Когда наступил условленный срок, кредитор стал настоятельно требовать у доброго епископа уплаты. Тот же со всей возможной кротостью разъяснял ему, что состояние того дворянина во сто крат превышает сумму долга; что, будучи уверенным в основной сумме, нетрудно будет получить удовлетворение и по процентам; что должник находится в войске на службе у государя и не может отлучиться, чтобы его удовлетворить. И он заклинал его иметь немного терпения.

Кредитор, то ли будучи в нужде, то ли в дурном настроении, не удовольствовался этими столь справедливыми и разумными оправданиями, но требовал и переспрашивал, вовремя и не вовремя, кричал, бушевал и оглашал своими жалобами все вокруг.

Блаженный просил у него лишь времени, чтобы получить известия от дворянина и дать ему полное удовлетворение. Другой же не желал и этого промедления, прибегая к резким выражениям и неприличным упрекам.

Блаженный сказал ему с неимоверной кротостью: «Сударь, я ваш пастырь. Неужели у вас хватит духу, вместо того чтобы питать меня, как подобает овце моего стада, отнять у меня хлеб изо рта? Вы знаете, что я весьма стеснен в средствах и имею лишь самое малое и необходимое для своего содержания. Я никогда не держал в руках той суммы, которую вы с меня требуете и за которую я, тем не менее, поручился из милосердия. Неужели вы хотите взыскать с меня прежде, чем с основного должника?

У меня есть некоторое достояние, я уступаю его вам. Вот моя мебель, выставляйте ее на улицу, продавайте; я предаю себя вашей воле. Я лишь прошу вас, чтобы вы любили меня ради Бога и чтобы не оскорбляли Его ни гневом, ни ненавистью, ни соблазном. Если будет так, я буду доволен».

Другой же ответил, что все эти слова — лишь дым и лесть придворная.

Наконец он загремел, не устрашив, однако, мужа Божия; он изрыгнул тысячу оскорблений, которые блаженный принимал как благословения, словно тот бросал ему в лицо жемчуг и розы. Однако, тронутый внутренней сердечной болью оттого, что Бог подвергается такому поруганию, и дабы одним ударом пресечь поток оскорблений и чтобы терпение его не стало мостком для ряда новых грехов, он сказал ему с дивным спокойствием: «Сударь, мое неблагоразумное поручительство — причина вашего гнева. Я приложу все возможные старания, чтобы дать вам удовлетворение. Но после всего я хочу, чтобы вы знали: даже если бы вы выкололи мне один глаз, я смотрел бы на вас другим так же ласково, как на лучшего друга, какой только есть у меня на свете».

Тот удалился, весь в смущении, хотя и бормотал себе под нос весьма неразборчиво какие-то резкие слова. Блаженный же известил дворянина, который поспешно приехал и скорой уплатой избавил блаженного от этого несправедливого кредитора. Последний, полный стыда и смущения, пришел к блаженному и просил у него тысячу раз прощения. Он принял его с распластертыми объятиями и с тех пор любил его с особой нежностью, называя своим «вновь обретенным другом».

Глава седьмая. О его искусстве находить оправдание ближнему.

Я жаловался нашему блаженному на неких мелких деревенских дворянчиков, которые, будучи бедны, как Иов, корчили из себя вельмож, не говоря ни о чем, кроме своего благородства и подвигов предков.

Он отвечал мне с дивной грацией: «Чего же вы хотите? Чтобы эти бедняги были бедны вдвойне? По крайней мере, если они богаты честью, они меньше думают о своей бедности. Они подобны тому юному афинянину, который в своем безумии считал себя богатейшим человеком в своем отечестве, а будучи извлечен от душевного недуга заботами друзей, подал на них в суд, требуя, чтобы их приговорили вернуть ему приятные грезы.

Чего же вы хотите? Благородству свойственно не падать духом перед лицом злой судьбы. Оно великодушно, как пальма, что выпрямляется под своей тяжестью. О, если бы только у них не было недостатков более великих! Вот о чем следует сокрушаться — об этих несчастных и мерзких дуэлях», — и при этих словах он вздохнул.

Однажды, когда в его присутствии с громкими восклицаниями и даже с яростными нападками говорили о чрезвычайно соблазнительном проступке, в котором, пусть и совершенном по немощи, была повинна одна особа из Общины, он не промолвил ничего иного, кроме: «О, убожество человеческое! О, бедная природа человеческая!». В другой раз: «Как же мы окружены немощами!». В третий: «Что мы можем делать сами по себе, кроме как ошибаться?». И еще: «Возможно, мы были бы хуже, если бы Бог не держал нас за правую руку и не вел бы по Своей воле».

Наконец, когда на этот проступок стали нападать с резкими и колкими преувеличениями, он воскликнул: «О, блаженная ошибка! Она станет причиной великого блага! Эта душа была бы потеряна вместе со многими другими, если бы не потеряла себя; ее потеря станет ее приобретением и благом для многих других!».

Некоторые отнеслись к этому предсказанию пренебрежительно. Тем не менее, события подтвердило его правоту, ибо смущение этой грешницы принесло славу Богу не только через ее обращение, которое было выдающимся, но и через то, что она своим примером вдохновила всю Общину, которая была весьма распущенной.

Глава восьмая. Об обличении.

Сей дорогой Отец часто укорял меня за мои недостатки, а после говорил: «Я хочу, чтобы вы были мне за это весьма признательны, ибо это — величайшие свидетельства дружбы,

какие я могу вам оказать. И по тому, готовы ли вы ответить взаимностью, я и познаю, истинно ли вы меня любите. Но я замечаю в вас в этом отношении лишь холодность. Вы слишком осмотрительны. У любви глаза завязаны, она не смотрит на столько обстоятельств, она идет напролом и без долгих размышлений.

Поскольку я люблю вас чрезвычайно, я не могу снести в вас ни малейшего несовершенства. Я желал бы, чтобы сын мой был таков, каким святой Павел желал видеть своего Тимофея, — неукоризненным (ср. 1 Тим. 3:2). То, что на другом, которого я не любил бы так сильно, показалось бы мне мухой, на вас, кого я люблю истинно, как то ведомо Богу, выглядит слоном.

Разве не был бы достоин порицания хирург, и скорее безжалостного, нежели сострадательного, который позволил бы человеку умереть, не имея мужества перевязать его рану? Острое слово, сказанное к месту, бывает порой столь же полезно для святости души, сколь и удар ланцета, нанесенный как должно, — для здоровья тела.

Достаточно одного кровопускания, сделанного вовремя, чтобы вернуть жизнь, и одного обличения, также сделанного вовремя, чтобы спасти душу от вечной смерти.

Глава девятая. Его милосердие к духовным лицам.

Один клирик из его епархии был заключен в темницу за некий соблазн. Блаженного настоятельно просили должностные лица, чтобы он позволил свершить наказание по всей строгости законов. И он связал руки своей кротости и позволил им действовать. Помимо покаянных трудов, которые виновному велели совершить, прежде чем выйти из темницы, он был на шесть месяцев отрешен от священнослужения.

Но все это не только не исправило его, а напротив, сделало еще хуже. В итоге его были вынуждены лишить бенефиция и изгнать из епархии. Находясь в темнице, он казался самым гговорчивым и самым смиренным и, казалось, каялся пуще всех; он плакал, молился, обещал и клялся. Когда же заговорили о лишении его бенефиция, он притворился, что желает исправиться, но, столько раз обманув Правосудие, он нашел врата милосердия затворенными.

Несколько лет спустя другой клирик был также заключен в темницу за проступки не меньшие. Должностные лица хотели поступить с ним тем же образом и помешать ему прибегнуть к состраданию блаженного Франциска, своего епископа. Тот же клирик ежечасно взвывал к нему, говоря, что готов сложить с себя сан, лишь бы это было у его стоп, ибо он надеялся, что в его глазах тот сможет прочесть искренность раскаяния.

Блаженный повелел, чтобы его привели. Должностные лица воспротивились. «Что ж, — сказал он им, — если вы запрещаете ему явиться передо мной, вы не запретите мне явиться перед ним. Вы не хотите, чтобы он вышел из темницы, так позвольте же мне войти к нему, и я стану спутником его заточения. Ибо надобно утешить этого бедного брата, который взвывает к нам. Я обещаю, что он выйдет лишь с вашего согласия».

Он пошел навестить его в темницу в сопровождении должностных лиц. Едва он увидел этого бедного человека у своих ног, как, весь в слезах, пал на его лицо, обнял и поцеловал его с величайшей любовью. И, обернувшись к своим служащим, сказал: «Возможно ли, чтобы вы не видели, что Бог уже простил этого человека? Есть ли осуждение для тех, кто

во Христе Иисусе? (ср. Рим 8:1). Если Бог его оправдывает, кто его осудит? (ср. Рим 8:33-34). Воистину, я хорошо знаю, что это буду не я. Иди, брат мой, — сказал он виновному, — иди с миром и впредь не греши (ср. Ин. 8:11). Я знаю, что ты истинно раскаялся».

Должностные лица сказали ему, что это лицемер и что тот, другой, которого пришлось низложить, выказывал куда большие знаки покаяния.

«Возможно, — возразил Святой, — и тот истинно обратился бы, если бы вы обошлиесь с ним с кротостью. Берегитесь, как бы однажды душа его не была взыскана с вас. Что до меня, то если вы желаете принять меня поручителем за этого, я согласен. Я доподлинно считаю, что он тронут как должно; и если он обманет меня, то себе он причинит больше вреда, чем мне».

Виновный, заливаясь слезами, просил, чтобы ему наложили в темнице любую епитимью, какую пожелают, потому что он готов на все и скорбь его терзает больше, чем все покаяния, какие только можно на него наложить. Он сказал, что добровольно откажется от своего бенефиция, если Монсеньор сочтет это уместным.

«Я был бы весьма огорчен этим, — подхватил блаженный, — ибо я надеюсь, что, как колокольня, упав, сокрушила Церковь своим соблазном, так она и украсит ее отныне, будучи восстановлена».

Должностные лица уступили, темницы были открыты. После месяца отстранения от священнодействия он вернулся к исполнению своего служения, в котором с тех пор источал такое благоухание во Христе Иисусе, что пророчество Святого оказалось истинным.

Когда однажды в его присутствии говорили о падении одного и об обращении другого, он сказал это памятное слово: «Лучше творить кающихся кротостью, нежели лицемеров — суровостью».

Глава десятая. О его искусстве ободрять.

В 1608 году я был назначен на епископскую кафедру Белле Генрихом Великим, а в 1609 году, 30 августа, рукоположен в кафедральном соборе Белле нашим блаженным, получив дозволение по возрасту, ибо мне тогда было всего лишь двадцать пять лет. Дозволение это было даровано мне Папой по причине нужд епархии, остававшейся без Епископа на протяжении четырех лет.

Впоследствии меня стали одолевать некоторые угрызения совести из-за этого рукоположения, совершенного прежде времени, которые я и открыл этому блаженному проводнику души моей. Он же утешил и укрепил меня многими доводами: необходимостью, в которой находилась епархия, свидетельствами, которые дали обо мне столько знатных и благочестивых людей, суждением Генриха Великого и, наконец, повелением Его Святейшества. После всего этого, говорил он, мне не следует более оглядываться назад, но, по совету Апостола, устремляться к тому, что впереди (ср. Флп. 3:13).

«Вы пришли в виноградник, — говоривал он мне, — в первый час вашего дня. Смотрите, не трудитесь в нем так лениво, чтобы те, кто пришел в последний час, не превзошли вас и в труде, и в награде» (ср. Мф. 20:1-16).

Однажды я сказал ему: «Отче мой, сколь бы добродетельным и образцовым вас ни почитали, вы все же не преминули совершить эту ошибку, рукоположив меня слишком рано».

Он отвечал: «Воистину, я совершил этот грех и боюсь, что Бог мне его не простит, ибо до сего часа я так и не смог в нем раскаяться.

Заклинаю вас состраданием общего нашего Учителя, живите так, чтобы не дать мне повода для огорчения в этом деле. Видите ли, меня много раз звали на рукоположение других Епископов, но лишь в качестве ассистента. Я же никогда не рукополагал никого, кроме вас. Вы — мой единственный; вы — мое ученичество и мой шедевр в одно и то же время.

Будем же мужественны. Бог нам в помощь. Он — наша помощь и наше спасение, чего нам убояться? Он — защитник жизни нашей, кого нам страшиться?» (ср. Пс. 26:1).

Глава одиннадцатая. О словах смирения.

Он не желал, чтобы произносили слова смирения, если они не исходят от чувства искреннего и истинного. Он говорил, что подобные слова — это самый тонкий цвет, сливки и эликсир самой изощренной гордыни. Истинно смиренный не желает казаться таковым, но быть им. Смирение столь деликатно, что боится собственной тени и не может слышать своего имени, не рискуя при этом потерять себя.

Тот, кто порицает себя, окольным путем идет к похвале и поступает подобно гребцу, который поворачивается спиной к тому месту, куда стремится всеми силами.

Он был бы весьма огорчен, если бы поверили тому дурному, что он говорит о себе, и именно из гордыни он желает, чтобы его почитали смиренным.

Глава двенадцатая. О недоверии блаженного к самому себе.

Однажды блаженному довелось проезжать через город Женеву, чтобы обсудить дела Ордена с господином бароном де Люксом, кавалером Ордена и наместником короля в Бургундии, прибывшим туда нарочно по велению Его Величества.

В этом путешествии блаженный подверг себя большой опасности. И когда я однажды заговорил с ним об этом в добром обществе, где каждый высказывал на сей счет суждение, он обвинил себя в неблагоразумии, не оправдываясь людьми, которые, по сути, и привели его на этот опасный путь, будучи уверены, что никто не осмелится на него напасть или причинить ему зло.

Мне случилось сказать ему: «Что ж, отче мой, худшее обернулось бы для вас лучшим; если бы этот народ побил вас камнями, из исповедника они сотворили бы мученика».

«Откуда вы знаете, — сказал он мне, — оказал ли бы мне Бог эту милость и дал ли бы мне постоянство, необходимое для достижения такого венца?».

Я ответил, что мое предположение было весьма основательно, ибо я думал, что он предпочел бы претерпеть тысячу смертей, нежели отречься от веры.

«Я хорошо знаю, — подхватил он, — что я должен был бы сделать, — именно то, о чем вы говорите. Но разве я Пророк, чтобы угадать, что я бы сделал? Святой Петр, покровитель Женевской Церкви, был, конечно, так же решителен, как и я, однако вы знаете, что он сделал при простом голосе служанки. Блажен тот, кто всегда пребывает в страхе и в недоверии к собственной немощи и кто не опирается на самого себя, возлагая все свое упование на Бога. Мы все можем в укрепляющем нас [Иисусе]; без Него — ничего» (ср. Флп. 4:13).

Глава тринадцатая. О послушании Начальствующих.

«Отче мой, — сказал я ему однажды, — как возможно, чтобы те, кто облечены властью, могли практиковать добродетель послушания?».

Он отвечал мне: «Они могут это делать гораздо лучше и более героически, чем те, кто находится в подчинении».

Этот ответ изумил меня, и когда я попросил раскрыть мне его смысл, он объяснил это так: «Те, кто обязан послушанию, подчиняются, как правило, лишь одному хозяину, чье повеление они должны настолько предпочитать всякому другому, что они даже не могут повиноваться иному без дозволения или согласия тех, кому они подчинены.

Но те, кто начальствует, имеют больше простора, чтобы повиноваться более полно и повиноваться даже тогда, когда повелевают. Ибо если они помышлят, что это Бог поставил их над другими и повелевает им повелевать, и если они повелевают лишь для того, чтобы повиноваться повелению Божию, разве не очевидно, что даже их повеление есть акт послушания?

Этот вид послушания может практиковаться даже государями, у которых над ними лишь один Бог, и лишь Богу они должны давать отчет в своих действиях.

Добавьте к этому, что нет власти столь возвышенной, которая не признавала бы даже на земле некоего рода начальство — по крайней мере, в духовном, в ведении своей души и в руководстве своей совестью.

Но вот степень послушания еще более высокая, до которой могут возвыситься все Начальствующие, — это та, которую советует Апостол святой Петр, когда говорит: „Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа“ (ср. 1 Пет. 2:13).

Именно через это всеобщее послушание всякому творению мы делаемся всем для всех, чтобы всех приобрести для Иисуса Христа (ср. 1 Кор. 9:22). Именно через него мы взираем на всех людей как на вышестоящих, становясь слугами всех ради Господа нашего».

Также я замечал, что когда кто-либо подходил к нему, вплоть до самых малых, он принимал вид подчиненного перед своим начальником, никого не отсылая, не отказываясь ни беседовать, ни говорить, ни слушать и не выказывая ни малейшего знака

скуки, нетерпения или беспокойства, сколь бы ни были назойливы и сколь бы много времени у него ни отнимали.

Великим его словом было: «На то воля Божия, чтобы я был здесь и сейчас; Он хочет от меня именно этого, чего же мне еще? Пока я занимаюсь этим, я не обязан заниматься другим. Наше средоточие — это пресвятая воля Божия; вне ее — лишь смятение и суета».

Глава четырнадцатая. О его приверженности справедливости и о презрении к вещам временным.

Одна знатная особа обратилась к нашему святому, дабы получить от него увещевательную грамоту. Не найдя, однако, дело ее справедливым, он постарался самыми краткими словами и лучшими доводами убедить эту особу отказаться от своего требования.

Другая сторона, уязвленная этим отказом, громко кричала о несправедливости, на что святой не отвечал ничего иного, кроме того, что он опечален, что совесть не позволяет ему дать ей удовлетворение.

«Я друг, — добавил он, — лишь до алтаря и до тех пор, пока служение Богу и свобода моей совести не оскорбляются. Просите у меня того, что справедливо, и вы будете услышаны».

Проситель, раздраженный еще более прежнего, обратился в Сенат Шамбери, получил право действовать через увещевательную грамоту и уведомил его об этом. На это муж Божий вел себя как скала среди волн. Блаженный не дал иного ответа, кроме того, что ему надобно спасать свою душу и хранить совесть и он готов дать отчет в отказе.

Дело зашло так далеко, что уже собирались конфисковать его мирское имущество.

Когда эта буря утихла и с ним заговорили об этом, он кротко ответил: «Если бы они отняли у меня мое мирское имущество, они оказали бы мне величайшее благо, какое только могло бы со мной случиться, ибо они сделали бы меня всецело духовным. И в этом случае я бы судил их, ибо разве не сказано, что „духовный судит о всем, а о нем судить никто не может“?» (ср. 1 Кор. 2:15).

Беседуя с ним в другой раз на эту тему, он сказал мне, что те, кто хотел конфисковать его имущество, причинили ему большой вред тем, что не завладели им, поскольку Бог вернул бы ему его сторицею. «Думаете ли вы, — говорил он, — что мои епархиане оставили бы меня умирать с голоду? Я уверен, что у меня было бы больше хлопот отказываться, нежели принимать».

Глава пятнадцатая. Удивительное почтение.

Подчиняться начальствующим — это скорее справедливость, нежели смиренение, поскольку разум требует, чтобы мы признавали их за наших наставников. Подчиняться равным — это дружба, или учтивость, или благопристойность. Подчиняться же низшим — вот истинная суть смирения, ибо эта добродетель, давая нам познать, что мы ничто, ставит нас под ноги всему миру.

Наш блаженный практиковал это смирение в высочайшей степени. Он повиновался своему камердинеру в том, что касалось его отхода ко сну и пробуждения, его одевания и раздевания, словно он был слугой, а тот — господином. Когда он засиживался далеко за полночь, то ли за учением, то ли за написанием писем, он предлагал тому идти спать, из боязни, как бы тот не утомился в ожидании.

Однажды летом он проснулся очень рано утром и, имея в мыслях нечто весьма важное, позвал его, чтобы тот пришел его одеть. Тот спал так глубоко, что не услышал его голоса. Блаженный прелат встал, думая, что того нет в его гардеробной, и, заглянув туда, увидел, что тот спит с таким благостным видом, что он побоялся повредить его здоровью, если разбудит. Он оделся сам и принял молиться, учиться и писать.

Проснувшись и одевшись, этот юноша вошел в комнату своего господина и увидел его работающим. Он резко спросил его, кто его одел. «Я сам, — сказал ему святой прелат, — разве я не достаточно велик и силен для этого?». Тот, ворча: «Неужели вам так трудно было позвать?». «Уверяю тебя, дитя мое, — сказал блаженный, — дело было не в этом, и я кричал несколько раз. Наконец, полагая, что ты снаружи, я встал, чтобы посмотреть, где ты, и нашел тебя спящим с таким благостным видом, что почел за грех совести будить». «У вас куда лучше получается, — сказал юноша, — так насмехаться надо мной». «О, друг мой, — подхватил прелат, — я сказал это не в духе насмешки, но, воистину, в духе радости. Полно, я обещаю тебе, что не перестану звать, пока ты не проснешься, или сам пойду тебя будить. И раз уж ты так хочешь, я больше не буду одеваться без тебя».

Глава шестнадцатая. Очаровательная кротость.

У него был слуга приятной наружности, добродетельный, учтивый и весьма любезный в общении. Многие горожане желали его в зятья. Он попросил передать об этом блаженному, который однажды сказал ему:

«Дорогой мой... я люблю твою душу, как свою собственную, и нет такого блага, которого я бы тебе не желал и которого не сделал бы для тебя, будь у меня на то возможность. Полагаю, ты не можешь в этом сомневаться. Ты молод, и, возможно, твоя молодость привлекает взоры некоторых особ, которые желают тебя; но, по моему мнению, вступать в семейную жизнь надобно в возрасте более зрелом и с большим рассуждением. Подумай об этом хорошо, ибо когда корабль уже отплыл, раскаиваться поздно.

Супружество — это такой орден, где обеты приносят прежде новициата; и если бы в нем был год искуса, как в монастырях, то постриг принимали бы немногие.

Впрочем, что я тебе сделал, что ты хочешь меня покинуть? Я стар, я скоро умру, и тогда ты сможешь устроить свою жизнь, как тебе будет угодно. Я оставлю тебя моему брату, который позаботится о том, чтобы пристроить тебя не менее выгодно, чем те партии, что тебе предлагаются».

При этих словах юноша бросился к стопам своего господина, прося прощения за одну лишь мысль покинуть его и снова принося заверения в верности и в готовности служить ему до смерти и в жизни.

«Нет, — сказал ему тот, — дитя мое, я не посягаю на твою свободу; я хотел бы выкупить ее, как святой Павлин, ценой своей собственной. Но я даю тебе совет друга, и такой, какой я дал бы своему родному брату, будь он в твоем возрасте».

Именно так он и обращался со своими слугами, как истинный отец семейства, видя в них не прислугу, но своих родных братьев и своих детей.

Глава семнадцатая. О приготовлении к святой Мессе и о благодарении.

До него дошли сведения, что я чрезвычайно долго готовлюсь к святой мессе и это весьма стесняет многих людей.

Он пожелал исправить меня в этом. Он приехал навестить меня в Белле, согласно нашему обычаю взаимных ежегодных визитов. Случилось так, что во время его пребывания в нашем доме в одно утро у него оказалось множество срочных писем, которые задержали его в комнате допоздна. Приближалось одиннадцать часов, а он еще не отслужил Мессу, которую он не пропускал ни одного дня, если только не был болен или весьма нездоров.

И вот он является в Часовню, облаченный в рокетто и камаиль, и, поприветствовав тех, кто там был, совершает довольно краткую Молитву у подножия Алтаря, облачается и служит мессу. Окончив ее, он снова преклоняет колени и, после также довольно краткой молитвы, подходит к нам с таким ясным лицом, что мне он показался ангелом, и беседовал с нами, покуда нас не позвали к столу, что случилось вскоре после.

Я, внимательно следивший за всеми его действиями, был удивлен краткостью этого приготовления и этого благодарения. Вечером, когда мы остались одни, я сказал ему с той доверчивостью, которую давало мне звание сына: «Отче мой, мне кажется, что для человека вашего положения, вы поступаете весьма поспешно. Я обратил внимание сегодня утром на ваше приготовление и ваше благодарение и нашел и то, и другое весьма кратким».

«О Боже, — сказал он, — какое вы доставляете мне удовольствие, говоря мне так прямо правду в глаза!». И, говоря это, он обнял меня. «Уже три или четыре дня, как и у меня есть для вас нечто подобного же рода, и я не знал, как к этому подступиться. Но что вы сами скажете о вашей медлительности, от которой все изнывают? Каждый жалуется, и во весь голос. Возможно, однако, что до вас это еще не дошло, — так мало людей осмеливаются говорить прелатам правду. Без сомнения, только потому, что здесь нет никого, кто любил бы вас так, как я, мне и дали это поручение. Не сомневайтесь, что я уполномочен на то добрым доверием, и нет нужды показывать вам подписи. Кое-что из того, что у вас в избытке, пошло бы нам обоим на великую пользу: вы поступали бы проворнее, а я не шел бы так быстро. Но разве не прекрасно, что епископ Белле упрекает епископа Женевского в том, что тот идет слишком быстро, а епископ Женевский — епископа Белле в том, что тот идет слишком медленно? Неужто мир перевернулся вверх дном?

Подумайте, какое дело тем, кто желает присутствовать на вашей мессе, до ваших великих церемоний и до множества молитв и вздоханий, что вы творите в молельне вашей ризницы? И еще меньше дела до этого тем, кто ждет, пока вы отслужите мессу, чтобы поговорить с вами о делах».

«Но, отче мой, — сказал я ему, — как же следует готовиться к святой мессе?». «Почему бы вам, — отвечал он, — не совершать это приготовление с самого утра, во время молитвенного упражнения, которое, я знаю, или, по крайней мере, думаю, вы не пропускаете?». «Я встаю в четыре часа летом, — сказал я ему, — а к алтарю подхожу лишь в девять или десять». «И вы считаете, — подхватил он, — что этот промежуток в четырех-пять часов не является весьма великим перед Тем, в чьих очах тысяча лет как день вчерашний, что прошел?» (ср. Пс. 89:5).

«А благодарение?» «Подождите, чтобы совершить его в вашем вечернем упражнении. К тому же, разве, испытывая свою совесть, вы не должны взвешивать столь примечательное деяние, и разве благодарение не является одним из пунктов испытания совести? И то, и другое можно сделать и более неспешно, и более спокойно вечером и утром. Это никого не стеснит, будет сделано лучше и более зрело, ни в чем не помешает исполнению ваших обязанностей и не доставит никакого беспокойства ближнему».

«Но не послужит ли это к дурному назиданию, — добавил я, — видеть, как все это совершается с такой поспешностью, ведь Бог не желает, чтобы Ему поклонялись на бегу?». «Сколько бы мы ни бежали, — возразил он, — Бог все равно движется быстрее нас. Он есть дух, который исходит с Востока и в то же мгновение является на Западе. Для Него все — настоящее, нет ни прошлого, ни будущего. Куда мы можем уйти от духа Его?». Я согласился с этим советом и с тех пор находил в нем для себя большое благо.

Глава восемнадцатая. О том, что не следует унывать от тягот, сопряженных со служением.

«Берегитесь, — сказал он мне, — искушения, которое побуждает вас желать оставить свой пост и отречься от своего епископства, чтобы удалиться в частную и уединенную жизнь. Супруга ваша свята (подразумевая Церковь, с которой при рукоположении он обручил меня кольцом), и она способна освятить вас более, чем верная жена, о которой говорит Апостол (ср. 1 Кор. 7:14).

Правда, что множество духовных детей, которых она влагает в ваши руки, доставляет вам боль, которая есть своего рода мученичество. Но вспомните, что в этой горчайшей горечи вы найдете мир души вашей, мир Божий, превосходящий всякое разумение (ср. Флп. 4:7). Если же вы оставите ее в поисках покоя, возможно, Бог допустит, чтобы ваше мнимое спокойствие было нарушено столькими гонениями и превратностями, что вы станете подобны тому добруму Брату Леонису, которого часто посещали небесные утешения посреди суety хозяйственных дел в его монастыре. Но он был лишен их, когда по своей настойчивости получил от настоятеля разрешение удалиться в свою келью, чтобы, как он говорил, с большей пользой предаваться созерцанию.

Знайте (о, как это слово глубоко запечатлелось в моей памяти!), что ненавистен Богу покой тех, кого Он предназначил для битвы. Он есть Бог воинств и сражений, так же как и Бог мира».

Хотя он и рукоположил меня в епископы в возрасте двадцати пяти лет, по дозволению Святого Престола, он, тем не менее, желал, чтобы я предавался всем пастырским трудам. Он хотел, чтобы я служил мессу каждый день, преподавал всякого рода таинства, совершал визитации, проповедовал, наставлял в вере; одним словом, чтобы я целиком

посвящал себя всем своим обязанностям без всякого исключения, дабы исполнить мое служение.

Однажды, уставший и подавленный от стольких трудов, я пожаловался ему на это. Он отвечал, чтобы я вспомнил написанное: что женщина, когда рождает, терпит скорбь, но испытывает радость, как только явит человека в мир (ср. Ин. 16:21).

«Какая честь для вас, — [продолжал он], — что Бог удостаивает использовать вас, чтобы развязывать столько бедных душ, извлекать их из смерти греха и возвращать к жизни благодати! Это подобно сборщикам винограда и жнецам, которые никогда не бывают так довольны и радостны, как когда сгибаются под тяжестью своей ноши. Кто когда-либо слышал, чтобы они жаловались на избыток жатвы или урожая винограда?

Впрочем, я хорошо вижу, что вы хотите, чтобы я вас немного пожалел и утешил вас в вашей сладостной муке. Что ж, да будет так. Итак, я признаю вам, что как мы называем мучениками тех, кто исповедует Бога перед людьми, так не было бы большой опасности называть в некотором роде мучениками и тех, кто исповедует людей перед Богом; даже исповедниками и мучениками одновременно», — произнес он, вдохновив меня оставаться на этом кресте и пребывать на нем до конца.

«Тогда, — сказал я ему, — более чем мучениками следует называть тех, кто исповедует людей совестливых и скрупулезных».

«О, воистину, — подхватил он, — вы правы; и это все равно что подставить лицо, натертое медом, под пчелиный рой».

Глава девятнадцатая. Как господин епископ Белле захотел подражать блаженному в его манере проповеди.

Я питал к нему столь высокое почтение, что все его манеры приводили меня в восторг. И пришло мне на ум подражать ему в искусстве проповеди. Не воображайте, однако, будто я хотел подражать высоте его мыслей, глубине его учения, силе его доводов, благости его суждений, сладости его речей или тому порядку и столь верной связи его рассуждений и той несравненной кротости, что сдвигала скалы с их мест. Все это было за пределами моих возможностей.

Я поступил, как те мухи, которые, не в силах удержаться на глади зеркального стекла, садятся на его раму. Я забавлялся и, как вы сейчас услышите, заблуждался, желая сообразоваться с его внешней манерой, с его жестами, с его произношением. Все это в нем было медленно и размеренно. Моя же манера была совершенно иной, и я претерпел столь странное превращение, что меня перестали узнавать; это был уже не я. Я испортил свой собственный оригинал, чтобы сделать весьма дурную копию с того, кому я хотел подражать.

Наш блаженный был извещен обо всей этой тайне. Однажды он сказал мне, порядочно походив вокруг да около: «К слову о проповедях, есть большие новости. Мне сказали, что вам пришла охота копировать епископа Женевского, когда вы проповедуете». Я отразил этот выпад, сказав ему: «Что ж! Разве это такой дурной пример? По-вашему, разве он проповедует не лучше меня?». «Ах, конечно, — отвечал он, — вот и выпад в адрес его репутации! О нет, по правде говоря, он проповедует недурно; но беда в том, что, как мне

сказали, вы подражаете ему так плохо, что в вашем исполнении не остается ничего от оригинала. Вы портите епископа Белле, ничуть не походя на епископа Женевского. Так что впору было бы вам уподобиться тому дурному живописцу, которому приходилось подписывать на своих творениях их названия, дабы хоть кто-то мог их узнать!».

«Дайте ему срок, — возразил я, — и вы увидите, что мало-помалу из подмастерья он станет мастером, и его копии в конце концов сойдут за оригинал!». «Шутки в сторону, — подхватил он, — вы портите себя и разрушаете прекрасное здание, чтобы возвести на его месте новое, против всех правил природы и искусства. И затем, в том возрасте, в каком вы находитесь, когда вы, подобно камлоту, приобретете дурную складку, будет нелегко ее изменить.

О Боже! Если бы можно было обменяться натурами, чего бы я не отдал взамен за вашу! Я делаю все, что могу, чтобы себя расшевелить, я пришпориваю себя, подгоняя, и чем больше я тороплюсь, тем меньше продвигаюсь. Мне трудно находить слова, и еще труднее — их произносить. Я тяжелее пня, я не могу ни сам прийти в движение, ни подвигнуть других. И хоть я много потею, но мало продвигаюсь. Вы идете под всеми парусами, а я — на веслах. Вы летите, а я ползу или тащусь, как черепаха. В кончике вашего пальца больше огня, чем у меня во всем теле; у вас поразительная быстрота и живость, подобная птичьей. А теперь говорят, что вы взвешиваете слова, что вы считаете свои периоды, что вы волочите крыло, что вы томны и нагоняете томление на ваших слушателей».

Скажу вам, что лекарство оказалось столь действенным, что излечило меня от этого сладкого заблуждения и заставило вернуться к моей прежней манере.

1 Имеется в виду античный анекдот о художнике (часто приписываемый Зевксису), чьи картины были настолько плохи и неузнаваемы, что ему приходилось их подписывать, например: «Это — лошадь». Смысл ироничного упрека св. Франциска: «Вы так плохо мне подражаете, что в вас совершенно не узнать меня. Ваше подражание настолько не похоже на оригинал, что вам пришлось бы „подписывать“ на своей проповеди: „Это я пытаюсь быть как епископ Женевский“, чтобы хоть кто-то понял ваш замысел»

Глава двадцатая. О любви в целомудрии и о целомудрии в любви.

Когда в его присутствии говорили об одной девице из хорошего дома, впавшей в весьма соблазнительный грех, он сказал: «Поразительно, что каждый имеет столько рвения и любви к целомудрию, и так немногие имеют их к целомудрию любви».

Он объяснил это так: «Все ревнуют о сохранении целомудрия, до такой степени, что даже те, кто его не любит, хвалят его, и те, кто его не соблюдает, заставляют соблюдать его людей, которые от них зависят, в чем они и похвальны. Ибо нельзя с излишним усердием хранить столь богатое сокровище, видя, что в этом заинтересовано и общественное благоприлиchie, и честь семей.

Но, о если бы мы имели столько же рвения к целомудрию любви! Я называю целомудрием любви чистоту и непорочность этой добродетели, матери, царицы и души всех прочих,

без которой они либо не являются истинными добродетелями, либо мертвы и лишены заслуги перед Богом.

Но сколь же много на свете любви нечистой и притворной, а значит, и нецеломудренной! И сие достойно великого сожаления. Именно такая любовь и есть та, что под личиной своей оскорбляет истинную любовь к Богу и ближнему. Это предательство, не знающее себе равных, ибо тот, кто прибегает к нему, предает и самого себя.

Я имею обыкновение говорить, что рвение — добродетель опасная, потому что мало кто умеет практиковать ее как подобает. Многие подобны дурным кровельщикам, которые больше черепиц портят, чем кладут на место.

Мы приходим к целомудрию и девственной чистоте любви лишь тогда, когда взираем только на Бога во всем и на все — в Боге. Однако немногие ревнуют о такой чистоте той же божественной ревностью, что пылала в великом Апостоле (ср. 2 Кор. 11:2)».

Этим мудрым отступлением он далеко отстранил оскорбительный разговор, ранивший его слух, ибо в нем бесчестился Бог в злословии, которому подвергали ближнего.

Глава двадцать первая. О том, как высоко он ценил кротость.

К нему привели одного юношу, чтобы он сделал ему суровое внушение. Но он говорил с ним со своей обычной кротостью и, видя его ожесточение, пролил слезы, сказав, что человек с таким твердым и несгибаемым сердцем дурно кончит.

Когда ему сказали, что мать прокляла его, он воскликнул: «Ах! Это еще хуже. Если слово этой женщины будет услышано, у нее будет добрый повод проклинать свои же проклятия. Несчастная мать еще более несчастного сына».

Он оказался слишком хорошим пророком, ибо этот юный отрок вскоре после погиб в жалкой дуэли, и тело его было съедено псами и волками, а его мать умерла от горя.

Когда же некоторые стали упрекать его в слишком большой кротости при том исправлении, он сказал им: «Что вы хотите, чтобы я сделал? Я сделал все, что мог, дабы вооружиться гневом, который не грешит. Я собрался с духом, но у меня не хватило сил обрушить этот гнев ему в лицо.

И потом, сказать вам правду, я боялся расплескать за четверть часа ту малую толику благодушия, который я стараюсь собирать вот уже двадцать два года, словно росу, в сосуд моего сердца.

Пчелы многие месяцы трудятся, чтобы собрать немного меда, а человек съедает его одной ложкой.

И потом, к чему говорить там, где тебя не слушают? Этот юноша не был способен к увещеванию, ибо свет его очей, то есть его разумения, был не с ним. Это ничему бы ему не послужило, а я, быть может, причинил бы себе большой вред и уподобился бы тем, ктотонет вместе с теми, кого, как им кажется, они спасают. Милосердие должно быть благоразумным и рассудительным».

Глава двадцать вторая. Его спрашивают, ездили ли апостолы в каретах.

В 1619 году он прибыл в Париж, сопровождая господина кардинала Савойского, который приехал, чтобы присутствовать на свадьбе своего брата, господина принца Пьемонтского, сочетавшегося браком с мадам, сестрой короля, Кристиной Французской.

Один человек «Религии» [протестант] попросил с ним поговорить, и его ввели в комнату. Этот муж, войдя, спросил его без лишних предисловий и поклонов: «Это вас называют епископом Женевским?». «Сударь, — сказал ему наш прелат, — меня так называют». «Я хотел бы знать от вас, которого повсюду почитают за апостольского мужа, ездили ли апостолы в каретах?».

Наш блаженный от этого выпада несколько опешил. Однако, прия в себя, он вспомнил то, что написано о святом Филиппе в Деяниях Апостолов, который вошел в колесницу евнуха Кандакии, царицы Эфиопской (ср. Деян. 8:27-31). Это дало ему повод ответить, что они ездили в каретах, когда представлялись удобство и случай.

Протестант покачал головой: «Я хотел бы, чтобы вы мне показали это в Писании». Тогда он привел ему тот пример, который мы только что указали. «Но эта карета, — последовало возражение, — была не его, а евнуха, который и пригласил его в нее сесть». «Я и не говорил вам, что карета была его, но лишь то, что, когда представлялся случай, они ездили в каретах». «Но в каретах позолоченных, вышитых и таких богатых, что и у короля не нашлось бы более драгоценных, запряженных лучшими лошадьми и ведомых кучерами в лучших ливреях? Вот чего не увидишь [в Писании], и вот что соблазняет меня в вас, который изображает из себя святого, и которого таковыми почитают. Поистине, хороши же святые, что едут в рай со всеми удобствами».

«Увы, сударь, — сказал ему наш святой, — те, кто в Женеве владеет достоянием моего епископства, оставили мне так мало, что я едва могу жить скромно и бедно на то, что мне остается. У меня никогда не было своей кареты, ни средств, чтобы ее иметь». «Значит, та карета, столь пышная и великолепная, в которой я вас вижу каждый день, не ваша?». «Нет, — подхватил епископ, — и вы правы, называя ее величественной, ибо она принадлежит Его Величеству. Она из числа тех, что король повелел предоставить тем, кто, как и я, находится в свите господ принцев Савойских. Вы можете узнать это по королевским ливреям, которые носит тот, кто ею правит».

«Поистине, это меня удовлетворяет, и я еще более проникаюсь к вам симпатией. Значит, вы бедны, как я погляжу?». «Я не жалуюсь на свою бедность, поскольку имею достаточно, чтобы жить достойно и без излишеств. И если бы я и чувствовал ее неудобства, я был бы неправ, жалуясь на то, что Иисус Христос избрал Своим уделом в течение всех дней Своей жизни, живя и умирая в объятиях бедности.

Впрочем, поскольку дом, давший мне рождение, находится в подданстве у дома Савойского, я почел за честь сопровождать господина кардинала Савойского в этом путешествии и присутствовать на торжестве союза, который господин принц Пьемонтский, его брат, заключает с Францией, вступая в брак с Мадам, сестрой Его Величества».

Все это удовлетворило того протестанта до такой степени, что он пообещал впредь иметь его в почтении и удалился с большим удовлетворением.

Глава двадцать третья. Блаженный принимает вызов пастора.

Когда блаженный проповедовал в Гренобле во время Великого Поста и Адвента, на его проповеди собиралось такое множество слушателей, не только католиков, но и протестантов Женевского исповедания, что их проповеди оставались без слушателей.

Один из пасторов, человек буйный, видя свою паству поредевшей, после многих нападок и оскорбительных речей против святого пригрозил ему устроить официальный диспут, на что блаженный согласился.

Одна почтенная особа, которая не считала, что блаженному следует подвергать себя этому, указала ему на дерзкий нрав пастора, у которого были «уста, подобные аду» и самый ядовитый и злоречивый язык в мире.

«Хорошо, — сказал блаженный, — это как раз то, что нам нужно».

И когда этот друг стал говорить ему, что пастор обойдется с ним недостойно и не проявит к нему больше уважения, чем к ничтожному человеку, «тем лучше, — возразил святой епископ, — это и есть то, чего я прошу. О, какую славу Бог извлечет из моего посрамления!». «Но, — возразил другой, — неужели вы хотите подвергнуть свой сан позору?». «Господь наш, — подхватил блаженный, — и не такое претерпел. Разве Он не был пресыщен оскорблений?». «О, — сказал этот друг, — вы берете слишком высокую ноту». «Что я вам скажу, — продолжил наш блаженный, — я уповаю, что Бог окажет мне милость стерпеть больше оскорблений, чем тот сможет мне сказать. И если мы со всей доблестию претерпим унижение, Бог будет великолепно превознесен. Вы увидите обращения целыми толпами после этого, тысяча падет слева, и десять тысяч — справа. Таков обычай Бога — являть Свою славу в нашем унижении. Разве апостолы не выходили радостными с собраний, где претерпели поругание за имя Иисуса? Будем же мужественны, Бог поможет нам. Уповающие на Него ни в чем не будут нуждаться и никогда не будут посрамлены».

Но враг, из боязни проиграть в этой игре, внушил столько доводов человеческого благоразумия приверженцам пастора, которые сомневались в его силах, что они добились отмены этого диспута через наместника короля, который тогда еще был их веры.

Глава двадцать четвертая. Почтение блаженного к клирику, который был его наставником.

В юности у блаженного был один весьма добродетельный клирик, которого он держал при себе до самой его смерти. Он руководил его учением в Савойе, в Париже и в Падуе и приобрел великое влияние на его дух.

Блаженный всегда питал к нему большое уважение, называя его и своим отцом, и своим наставником. А когда стал епископом, сделал его Каноником в своей Церкви и с честью обеспечил, предоставив ему, кроме того, и дом, и стол.

Этот добрый клирик, со своей стороны, имел такое рвение к чести своего ученика, что не смог бы стерпеть, если бы кто-нибудь сказал в его присутствии хоть одно нелестное слово о нем, не прияя тотчас в дурное расположение духа.

Добрый епископ иногда указывал ему, что неразумно быть столь чувствительным к репутации своего ученика. «Что, — говорил он ему, — разве я совершенен? Разве я святой?». «Я желаю вам быть таковым», — говорил добрый клирик. «И если бы я им и был, — говорил ученик, — разве у святых не было порицателей и насмешников? Разве они были избавлены от бича гонений и от прекословия языков? Чего только не говорили о Господе нашем? Не упрекал ли святой Павел святого Петра? И разве его самого не почитали безумным из-за его великой учености?».

Но добрый монсеньор не удовлетворялся этими доводами. Он упрекал его за малейшие недостатки, или за то, что ему таковыми казалось, с такой свободой, которая истощила бы всякое иное терпение и которая могла быть извинена лишь пламенной ревностью наставника и неимоверной кротостью ученика.

В начале епископства, на которое он был возведен примерно в возрасте тридцати шести лет, он давал свободный доступ всем без разбора, чтобы быть солью и светом для всех, поскольку Бог поставил его на подсвечнике. Добрый наставник говорил, что это не подобает епископскому достоинству. Особенно же он не мог снести, чтобы женщины подходили к нему и говорили с ним так долго.

Святой прелат, который считал себя должником всех, не отвергал никого. Однажды, когда наставник особенно на него насыпал и заклинал избавиться от такой назойливости, сберечь свое время, которое мог бы употребить на лучшие занятия, и, главное, избегать дурных слухов, которым это могло бы дать повод, он сказал ему: «Монсеньор д'Авриль, чего вы хотите? Попечение о душах состоит не в том, чтобы нести обиды, а в том, чтобы сносить немощных. Не стоит браться за этот труд, или уж нужно отдаваться ему всецело. Бог ненавидит теплохладных и желает, чтобы Ему служили без меры. Я, конечно, люблю мудрость змеиную, но несравненно больше — простоту голубиную. Бог, Который есть сама любовь, приставив меня к этому служению любви, знает, что во всем этом я взираю лишь на Его любовь. Пока я буду держаться Его, Он не оставит меня. Он никогда не покидает тех, кто ищет Его и кто взыскивает Его всем своим сердцем. Будем же мужественны, Он поможет нам и не позволит нам упасть и разбиться. Он поддержит нас Своей рукой; Он — могущественный помощник; те, кто в Его руке, не могут погибнуть. Он может извлечь нас из бездн земных, насколько же легче Ему помешать нам туда спуститься. Он умерщвляет и оживляет. Он низводит в преисподнюю и изводит. С Ним мы не должны бояться тысяч воинов. И с Ним мы достаточно сильны, чтобы преодолеть всякого рода препятствия».

Глава двадцать пятая. О совершенстве.

«Я только и слышу, что разговоры о совершенстве, — говорил иногда наш блаженный, — но вижу весьма немногих, кто его стяжал на деле. Каждый кроит его на свой лад: одни полагают его в строгости одеяний, другие — в воздержании в пище, иные — в милостыне, иные — в частом обращении к Таинствам, иные — в молитве, иные — в некоем роде пассивного и сверхъественного созерцания, иные — в тех чрезвычайных благодатных

дарах, что даются без заслуг. И все они заблуждаются, принимая средства или следствия за причину.

Что до меня, то я не знаю и не признаю иного совершенства, кроме как любить Бога всем сердцем своим и ближнего своего как самого себя. Всякое иное совершенство без этого есть совершенство ложное. Любовь — это единственныe узы совершенства среди христиан и единственная добродетель, которая соединяет нас с Богом и с ближним как должно, в чем и состоит наша цель и конечное свершение.

В этом — конец всякого свершения и свершение всякого конца. Те, кто выдумывает для нас иные совершенства, обманывают нас.

Все добродетели, которые казались бы величайшими и превосходнейшими, суть ничто без любви. Ни вера сама по себе, хотя бы она и горы переставляла, и проникала в таинства; ни пророчество; ни языки человеческие и ангельские; ни раздача всего своего имения; ни даже мученичество, будь то и огненное, — все это ни к чему не служит без любви (ср. 1 Кор. 13:1-3). Всякий, кто не пребывает в любви, пребывает в смерти (ср. 1 Ин. 3:14). И все дела, какой бы видимой добротой они ни обладали, суть дела мертвые и не имеющие никакой цены для Вечности.

Я знаю, что суровые подвиги, молитва и другие упражнения в добродетели суть весьма добрые средства для преуспеяния в совершенстве, при условии, что они совершаются в любви и по побуждению любви. Однако не следует полагать совершенство в средствах, но в той цели, к которой эти средства ведут. В противном случае это означало бы остановиться на пути и в середине ристалища, вместо того чтобы достичь цели».

Глава двадцать шестая. Продолжение той же темы.

Когда я спросил его, что нужно делать, чтобы достичь этого совершенства, он подхватил: «Нужно, — сказал он, — возлюбить Бога всем сердцем своим и ближнего своего, как самого себя».

«Я не спрашиваю вас, что есть совершенство, — возразил я ему, — я спрашиваю, каким путем надобно идти, чтобы достичь его». «Любовь, — сказал он мне, — есть добродетель дивная. Она есть и средство, и цель одновременно; она есть и путь, и его завершение; она есть дорога, чтобы прийти к ней самой, то есть, чтобы преуспеть в совершенстве.. „Я покажу вам путь еще превосходнейший“, — говорит святой Павел (1 Кор. 12:31), и тотчас дает пространное описание любви.

Всякая добродетель мертва без нее, и потому она есть жизнь. Никто не достигает без нее последней и верховной цели, которая есть Бог, и потому она есть путь. Без нее нет истинной добродетели, и потому она есть истина. Она есть жизнь души, ибо через нее мы переносимся от смерти греха к жизни благодати. Именно она делает веру, надежду и все прочие добродетели живыми и одушевленными. Как душа есть жизнь тела, так и любовь есть жизнь и совершенство души».

«Все это я знаю, — сказал я ему, — но я желаю знать, как нужно поступать, чтобы возлюбить Бога всем сердцем и ближнего своего как самого себя».

Он отвечал мне: «Нужно возлюбить Бога всем своим сердцем и ближнего своего как самого себя».

«Вот я и остался так же умен, как и был, — подхватил я. — Я желаю узнать подходящее средство, чтобы научиться любить Бога всем сердцем и ближнего как самого себя». «Самое подходящее, самое легкое, самое короткое и самое полезное средство, чтобы возлюбить Бога всем сердцем, — это возлюбить Бога всем сердцем».

Так он находил удовольствие в том, чтобы держать меня в напряжении. Наконец он объяснился и сказал мне: «Многие, так же как и вы, спрашивают у меня о методах, средствах и секретах совершенства. И я отвечаю им, что не знаю больших хитростей, чем возлюбить Бога всем сердцем своим. ...И вся тайна достижения этой любви состоит в том, чтобы любить. Ибо как учатся учиться — учась, говорить — говоря, бегать — бегая, трудиться — трудясь, так и учатся любить Бога и ближнего — любя Его. И те, кто избирает иной метод, заблуждаются.

Итак, доброе средство, чтобы любить Бога, — это любить Его все больше и больше. Продвигайтесь вперед без остановки и не тешьте себя, оглядываясь назад. Пусть ученики начинают, и, любя усердно, они станут в этом мастерами. Пусть те, кто более преуспел, продвигаются все дальше и дальше, не думая, что уже достигли цели, ибо любовь в этой жизни может всегда возрастать, до последнего вздоха. И пусть самые преуспевшие говорят с Давидом: „Ныне я начинаю“ (Пс. 76:11) или с великим святым Франциском: „Когда же мы начнем любить и служить Богу всем сердцем нашим и лелеять нашего ближнего как нас самих?“».

Глава двадцать седьмая. Продолжение той же темы.

«Я хорошо знаю, — сказал я ему, — что христианское совершенство состоит в любви, и что эта любовь есть любовь к Богу ради Него Самого, и к ближнему — ради любви к Богу. Но что значит любить?»

Он отвечал мне: «Любовь есть первая страсть нашего сердца, которая побуждает нас желать блага. Любить Бога и ближнего любовью-милосердием, которая есть истинная любовь-дружба, — это желать блага Богу ради Него Самого, а ближнему — в Боге и ради любви к Богу».

«Но какого блага, — подхватил я, — можем мы желать Богу, Который есть верховное благо и сама сущностная благость?».

«Мы можем, — ответил он, — желать Ему блага двоякого рода. Во-первых, того, которое Он уже имеет в Своем самоуслаждении, радуясь тому, что Он есть то, что Он есть, и что ничего не может быть добавлено к величию и бесконечности Его внутреннего совершенства. Во-вторых, мы можем желать Ему того внешнего блага, что исходит от нас, приумножая его на деле, если это в нашей власти, или же стремясь к этому всем сердцем, если это нам неподвластно».

«И какого же блага не имеет Бог?» — возразил я. «А я как раз, — подхватил он, — собирался вам об этом сказать. Это благо называют внешним, и оно проистекает от той чести и славы, что воздают Ему творения, в особенности разумные. Если мы истинно любим Бога, мы стараемся доставить Ему это благо, посвящая Его славе все наше

существо и все наши действия, не только добрые, но и безразличные. И, не довольствуясь этим, мы прилагаем все наше усердие и все наши усилия, чтобы попытаться привести ближнего к служению Ему и к любви к Нему, дабы повсюду и во всем Бог был прославляем.

Любить ближнего в Боге — значит радоваться тому благу, которое он имеет, постольку, поскольку он использует его во славу Божию. Это значит оказывать ему всю возможную помощь, которой он от нас требует в своей нужде. Это значит иметь рвение о спасении его души и заботиться о нем, как о своем собственном, потому что так желает Бог и находит в этом удовольствие.

Вот что значит иметь истинную любовь и твердо искренне любить Бога ради Него Самого и ближнего — ради любви к Богу».

Глава двадцать восьмая. О любви к врагам.

Одна достойная доверия особа как-то сказала ему, что не находит в христианстве ничего труднее, чем любовь к врагам. «А я, — отвечал он, — уж и не знаю, так ли устроено мое сердце, или то Сам Бог соизволил сотворить мне совершенно новое. Ведь я не только не нахожу никакого труда в исполнении этой заповеди, но обретаю в ней такое удовольствие и ощущаю такую восхитительную и особенную сладость, что если бы Бог запретил мне их любить, мне было бы весьма трудно Ему повиноваться».

Когда же однажды его весьма оскорбило одно частное лицо, он сперва с несравненной кротостью привел множество добрых доводов, чтобы успокоить того, а в завершение сказал: «После всего я хочу, чтобы вы знали, что даже если бы вы выкололи мне один глаз, я смотрел бы на вас другим так же ласково, как на лучшего друга, какой только есть у меня на свете».

«Правда, — добавил он, — что в чувствах происходит некая малая битва, но в конце концов нужно прийти к этому слову Давида: „Гневаясь, не согрешайте“ (Пс. 4:5). О нет, ибо почему бы нам не сносить тех, кого сносит Сам Бог, имея перед глазами этот великий пример — Иисуса Христа, молящегося на Кресте за Своих врагов?

Они еще не распяли нас, они еще не преследовали нас до смерти, мы еще не до крови сражались (ср. Евр. 12:4). Но кто не возлюбит его, этого дорогого врага, за которого молился Иисус Христос, за которого Он умер? Ибо, видите ли, Он молился не только за тех, кто Его распинал, но и за тех, кто преследует нас и кто преследует Его в нас, как Он засвидетельствовал Савлу, когда воскликнул ему: „Почему ты гонишь Меня?“ (Деян. 9:4), что понимается как „в членах Моих“.

По правде говоря, мы не обязаны любить его порок, его ненависть или ту вражду, которую он к нам питает, ибо это неугодно Богу, Которого этим оскорбляют. Но мы должны отделять грех от грешника, драгоценное от низкого, если мы хотим, чтобы уста наши были как уста Господни.

Это малые огни гаснут от ветра, большие же — разгораются еще сильнее. Лучшая рыба питается в соленых водах морских, а лучшие души возрастают в благодати посреди противоречий, чьи воды не могут угасить любовь. Ею они возносятся к Богу, подобно тому как Ковчег Ноев возносился к Небесам на водах потопа».

Глава двадцать девятая. О конкурсном замещении церковных должностей.

Он учредил конкурс на соискание бенефициев в своей епархии и не раз говорил мне, что без этого Пастырское служение было бы для него невыносимым.

И дабы пресечь путь интригам и покровительству и связать себе руки, он образовал совет, состоявший из нескольких докторов и самых ученых и добродетельных клириков своей епархии. Среди них он был лишь председателем и имел только один голос при выборе того из соискателей, кто был признан наиболее способным.

Поистине святое правило, и остается лишь пожелать, чтобы ему следовали во всех Епархиях.

Глава тридцатая. О памяти и рассудительности.

Однажды он жаловался мне на свою слабую память. «Этот недостаток, — сказал я ему, — хорошо восполняется рассудительностью. Последняя — госпожа, первая же — лишь служа, которая производит много шума, но мало плода, если рассудительность не сопутствует ее шагам».

«Это правда, — отвечал он мне, — что блестящая память и глубокая рассудительность обыкновенно не живут в одном доме. И что это словно два несовместимых бенефиция, и редко дается дозволение владеть ими вместе.

Оба этих качества могут существовать в одной и той же особе в посредственной степени, но в степени выдающейся и возвышенной это случается весьма редко».

Я привел ему в пример великого кардинала дю Перрона, это чудо памяти и знания, который также изобиловал и рассудительностью. Он согласился с этим примером, сопроводив его похвалой, свидетельствовавшей два которых о великом почтении, которое он питал к этой великой Особе.

И по правде говоря, эти два качества так несхожи по своей природе, что редко уживаются вместе: одно происходит от живости, другое же существует свинцовыми шагами. «Посему, — говорил я ему, — вам не на что жаловаться на свою долю, ибо вам досталась наилучшая часть, а именно — рассудительность. О, если бы я мог дать вам немного от моей памяти, которая часто удручет меня своей легкостью, ибо она наполняет меня таким множеством идей, что я задыхаюсь от них, когда проповедую и даже когда пишу! И если бы у меня было немного вашей рассудительности, ибо в ней, уверяю вас, я весьма слаб».

Услышав это, он рассмеялся и, нежно меня обняв, сказал: «Поистине теперь я знаю, что вы действуете совершенно чистосердечно. Кроме вас, я встретил лишь одного человека, призвавшегося мне в недостатке рассудительности. Ибо это такая вещь, которой те, кому ее более всего недостает, полагают, будто наделены ею щедрее всех. И поистине, самый скучный умом — это тот, кто мнит, будто превосходит в нем других.

Жаловаться на недостаток памяти и даже на злую волю — дело довольно обычное; мало кто стесняется в этом признаться. Но вкусить этого блаженства — нищеты духа, то есть

смиренного признания своей нерассудительности, не желает никто. Каждый отталкивает его, как бесчестье. Но будьте мужественны, возраст принесет вам его в достатке; это один из плодов опыта и старости.

Этого нельзя сказать о памяти. Это один из несомненных недостатков старииков, потому я и мало надеюсь на ее улучшение. Но лишь бы у меня ее хватило на то, чтобы помнить о Боге, — этого довольно».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. О смирении и целомудрии.

«Есть две добродетели, — говорил он, — которые нужно стяжать непрестанно и, если бы то было возможно, никогда не называть их по имени, или же столь редко, чтобы эта редкость сходила за молчание. Это добродетели смирения и целомудрия».

«Боже мой, — сказал я ему, — отче, я нисколько не разделяю вашего мнения. Я желал бы, чтобы ничто, кроме этих двух прекрасных имен, не оглашало воздух, и чтобы они были вырезаны на коре всех деревьев и написаны золотыми буквами на всяком мраморе».

«И вот почему, — подхватил святой, — нельзя ни назвать эти две добродетели, ни восхвалить их самих по себе или в ком-либо, не исказив их.

1. Нет, по моему мнению, человеческого языка, который мог бы достойно выразить их ценность; и хвалить их низменно — значит некоторым образом умалять их цену.
2. Хвалить смиление — значит пробуждать к нему стремление, в основе которого лежит тайное самолюбие, и вести людей к нему через ложную дверь.
3. Хвалить смиление в ком-либо — значит искушать его тщеславием и опасно льстить ему; ибо он будет тем менее смирен, чем более будет почитать себя таковым; а почитать себя таковым он будет, когда увидит, что другие его таковым почитают.

Что до целомудрия, то:

1. Хвалить его само по себе — значит оставлять в умах тайное и почти неуловимое воображение о противоположном пороке и подвергать их некоторой опасности искушения.
2. Хвалить его в ком-либо — значит некоторым образом готовить его к падению и класть ему под ноги камень преткновения, надмевая его сердце гордыней, прикрытой прекрасным покровом, что ведет его к пропасти.

3. Ибо никогда не следует полагаться на свое прошлое целомудрие, но всегда бояться, поскольку это — сокровище, которое носят в хрупком и стеклянном сосуде (ср. 2 Кор. 4:7).

Вот почему я считаю актом благоразумия называть их нечасто. Но еще большим [актом благоразумия] является стяжать их непрестанно, ибо первая — одна из превосходнейших добродетелей духа, а другая — прекрасная и непорочная добродетель тела.

Я не говорю, однако, что нужно быть скрупулезным до такой степени, чтобы не сметь называть их при случае, даже с похвалой. Нет, сколько бы их ни хвалили, ни ценили, ни почитали и ни возвращали, этого никогда не будет довольно. Но чего стоят все эти похвалы? Все эти листья похвал не стоят и малейшего плода делания».

«Теперь выслушаем ваши доводы». «У меня их больше нет, — сказал я ему. — После этих я с охотой оставляю свои, чтобы согласиться с вашими, которых и хочу держаться».

Глава вторая. О долгой жизни.

Размышляя о его высоком и крепком росте, о его здоровом желудке, о его телосложении, сулившем долгую жизнь, о благоразумии, с которым он берег свое здоровье для служения Богу, и о его умеренности в пище, я говорил ему, что ему, по всей видимости, суждена долгая жизнь. Ему было тогда сорок два или сорок три года.

Он отвечал мне со вздохом: «Самая долгая жизнь не значит лучшая, но лишь та, что наиболее наполнена служением Богу». Затем он добавил эти слова пророка: «Горе мне, что странствование мое продлилось! Я обитал с теми, кто живет во тьме, душа моя долго была странницей» (ср. Пс. 119:5-6).

Я подумал, он опечален тем, что находится вдали от кафедры и своей дорогой Женевы, — так он ее называл. И я сказал ему: «Мы сидели на реках Вавилонских и там плакали, вспоминая о Сионе» (ср. Пс. 136:1). «О нет, — отвечал он, — не это изгнание печалит меня. Разве не слишком хорошо мне и здесь, в нашем прибежище, дорогом Анси? Я говорю об изгнании этой жизни. Пока мы в ней, разве не изгнаны мы от Бога и не вдали от нашего отечества? Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Это сделает благодать Божия через Иисуса Христа, Господа нашего» (ср. Рим. 7:24-25).

«У вас нет причин, — сказал я ему, — быть недовольным этой жизнью, где все вам улыбается. Мне кажется, вся ваша жизнь — сплошной праздник: друзья вас уважают, и даже враги нашей религии вас почитают; вы — услада для всех, кто с вами общается». «Все это, — сказал он, — весьма маловажно, и на это не стоит полагаться. Те, кто пел „Осанна“ Сыну Божию, три дня спустя кричали: „Распни“.

Кроме того, нет для меня ничего дороже души моей. И уверяю вас, если бы кто-нибудь пришел и заверил меня, что я проживу еще столько же, сколько уже прожил, без боли, без тяжб, без невзгод, без неудобств, но среди всевозможных улад и в полном благоденствии, каких только можно пожелать в этой жизни, то я был бы в великом затруднении. Для того, кто взирает на вечность, то, что подвластно времени, — вещь малая».

Мне всегда весьма было по душе это прекрасное изречение блаженного Игнатия Лойолы: «О, сколь низкой и презренной кажется мне земля, когда я размышляю и созерцаю Небо!».

Глава третья. Как он вел себя с больными.

Мы вместе отправились навестить одну знатную даму из моей епархии, которая жила в деревне. Она была весьма преклонных лет, находилась при смерти и незадолго до того приняла Святые Дары.

Мы застали ее в великом мире и душевном покое, ибо все дела ее были уже устроены. Лишь одно ее беспокоило: видеть, как ее дети терзаются днем и ночью, чтобы доставить ей какое-нибудь облегчение.

Наш блаженный, чтобы избавить ее от этой печали, сказал ей: «А мне, дорогая матушка, во время болезни ничто не приносит большего успокоения, чем вид хлопочущих вокруг меня домашних и слуг». Мы спросили у него о причине. «Дело в том, — ответил он, — что я знаю: Бог щедро вознаградит их за помощь, которую они мне оказывают, ибо подобные жертвы весьма Ему угодны.

Поистине, если те, кто служит нам, будь то в здравии или в болезни, обращают свой взор лишь на нас, а не на Бога, и ищут лишь нашей благосклонности, они весьма дурно употребляют свои труды, и справедливо будет, если им достанется лишь горечь. Но если они служат нам ради Бога, то они более достойны зависти, нежели жалости».

Наш блаженный вел себя с больными, находящимися при смерти, подобно добрым ангелам, внушая им краткие и нежные помыслы. Он говорил им время от времени краткие, хорошо подобранные слова, сообразно состоянию больных. Иногда он произносил перед ними краткие молитвенные возвзвания, иногда просил их произнести их вслух или лишь сердцем, если речь их затрудняла, а затем надолго умолкал, чтобы дать им вкусить их. «О Иисусе, я предаю себя, я вверяю себя Тебе. О Боже, я — Твой, спаси меня во славу Твою. О Отче, я вручаю мою душу, мое тело, все мое существо в Твои руки. О Боже, да будет воля Твоя; да, Господи Иисусе, воля Твоя, а не моя». И между каждым возвзванием он оставлял изрядную паузу, чтобы дать им его прочувствовать.

Он с болью смотрел, как мучают бедного умирающего долгими увещеваниями. «Это не время для проповеди, — [говорил он], — ни даже для того, чтобы заставлять его читать длинные молитвы. Следует лишь укреплять его в покорности божественной воле, которая должна стать его вечной стихией и его вечным занятием на Небесах».

Он иногда совершал этот благочестивый труд милосердия и по отношению к преступникам, сопровождая их на казнь и помогая им хорошо умереть, и обходился с ними так же, как и с больными, о чем мы только что говорили. Приняв их исповедь, он давал им немного передохнуть, затем время от времени предлагал им совершить акты веры, затем — надежды, затем — любви, а после — раскаяния и покорности воле Божией, предания себя Его милосердию, не утомляя их назойливостью, от которой не свободна ни одна долгая речь.

Блаженный прелат достигал в этом искусном чередовании такого успеха, что иногда сопровождал на смерть несчастных, которые шли на нее с такой радостью и таким довольствием, каких они никогда не испытывали в течение всей своей беспорядочной

жизни. Они почитали себя более счастливыми умереть таким образом, нежели жить дольше так, как они жили прежде. «Именно с любовью лобызая стопы правосудия Божия, — говорил он им, — мы вернейшим путем приходим в объятия Его милосердия. И нужно считать за непреложную истину, что уповающие на Его благость никогда не бывают посрамлены».

Он внушал им этот дух упования столь любвеобильно, что побуждал их жить согласно этим словам святого Августина: «Лучше умереть, любя Бога, чем жить, оскорбляя Его».

Глава четвертая. Великое упование на Бога.

Я жаловался ему на бремя епископского служения и уверял, что если бы знал о нем прежде, чем вступил на это поприще, никогда бы на это не пошел. Я добавлял, что не без причины Тридентский Собор называет его «бременем, непосильным даже для ангельских плеч».

«Поистине, — отвечал он мне, — вам ли жаловаться, вам, кому достался лишь малый сад для возделывания, и сад, очищенный от терний ереси. Как же стенали бы вы, если бы были обременены епархией, столь же тяжкой, как моя, которая есть вместилище всех заблуждений и прибежище всех отступников, покинувших лоно истинной Церкви?».

«Не думаю, — говорил я ему, — что во всей Франции найдется епархия лучше устроенная или более образцовая, чем ваша, или столь же богатая добрыми пастырями и мудрыми и добродетельными клириками».

«Увы! Это правда, — отвечал он, — что Бог, Который благ, посыпает нам ветер по нашим парусам и позволяет нам извлекать некоторую пользу из наших скорбей. Иначе, если бы Бог не оставил нам это малое семя благочестия, не стали ли бы мы подобны Содому? (ср. Рим. 9:29). Несмотря на это, мы стеналяем на берегах этой великой реки, что течет из нашего Вавилона, и утешаемся блаженной надеждой, что Отец светов однажды просветит эту тьму, и что после этого мрака Он даст воссиять Своему солнцу над этими бедными людьми, сидящими в стране тени смертной (ср. Мф. 4:16). Вы бы иначе запели, будь у вас на плечах такое бремя». «Но, — говорил я, — зачем вам обременять себя теми, кто снаружи и добровольно отторг себя от Церкви, матери своей? Овцы, что остаются у вас, столь послушны, что они — ваша радость и венец ваш в Господе» (ср. Флп. 4:1).

«Я ловлю вас на слове, добрый слуга, — сказал он мне, — и почему же вы не смотрите на своих овец теми же глазами, какими вы смотрите на моих? Неужели вы полагаете, что ваши менее послушны? Надобно иметь дух справедливый и не следует столь высоко ценить добро, которое Бог творит для других, чтобы из-за этого презирать или не замечать того добра, что Он творит для нас. Духу низкому свойственно говорить: „Жатва у нашего соседа всегда обильнее нашей, и стада его тучнее“. Следует благословлять Бога за одно и не быть неблагодарным за другое».

«И все же это — тяжкое бремя, — говорил я ему, — будь то для вас или для меня». «Оно и впрямь было бы так, — отвечал он, — если бы мы несли его в одиночку. Но ведь в этом иге самую тяжкую часть несет Господь наш, ибо Он несет и нас самих вместе с нашей ношей.

«Разве вы ни во что не ставите необходимость давать отчет за столько душ?» — говорил я. И он возражал: «Мы имеем дело с господином, который богат милостью к тем, кто его призывает; он прощает десять тысяч талантов по малейшей просьбе. Надобно иметь о Нем помышления, достойные Его благости. Следует служить Ему со страхом, но, однако, и трепеща, не переставать радоваться. Смирение, которое ввергает в уныние, не есть доброе смирение».

Глава пятая. Об уединении, его скорбях и его опасностях.

Некто восхвалял уединенную жизнь, называя ее святой и невинной. Он отвечал, что она имеет свои недостатки, так же, как и та жизнь, что ведут в миру. И что как существуют общества добрые и дурные, так существует и уединение доброе и уединение дурное. Доброе — когда Бог привлекает нас, согласно словам Пророка: «Уведу ее в пустыню и там буду говорить к сердцу ее» (Ос. 2:14). Дурное же то, о котором написано: «Горе одному» (Еккл. 4:10).

Если бы для того, чтобы стать святым и невинным, достаточно было удалиться в уединение, то святость и невинность были бы легкой добычей.

Ему возразили, что в уединении меньше искушений и меньше поводов ко греху. «Есть демоны, — ответил он, — которые бродят по пустынным местам так же, как и среди городов. Если благодать не помогает нам повсюду, мы повсюду падаем. Лот, который был столь свят и столь праведен в самом позорном из всех городов, в уединении совершил нечистые дела, вызывающие ужас. Человек повсюду носит с собой самого себя, и убожество его неотделимо от него, как собственное тело.

Многие заблуждаются и обманывают самих себя, воображая, будто обладают добродетелями, раз не видят в себе противоположных им пороков. Но велико расстояние между отсутствием порока и обладанием противоположной добродетелью. Это, конечно, начало мудрости — не иметь безумия, но начало столь слабое, что едва ли заслуживает имени мудрости.

Воздерживаться от зла это не то же самое, что делать добро, хотя это воздержание и есть своего рода добро. Это — как бы основание, на котором еще предстоит возвести здание. Добродетель состоит не столько в навыке, сколько в действии. Навык есть качество по природе своей праздное, которое, правда, лишь предрасполагает к добрым делам, но все же не совершает их, если его склонность не претворена в действие.

Как научится послушанию тот, кому никто не повелевает? Терпению — тот, кому никто не перечит? Постоянству — тот, кому нечего сносить? Смирению — тот, у кого нет начальника? Дружбе — тот, кто, подобно дикарю, избегает общения с другими людьми, которых он обязан любить как самого себя?

Есть множество добродетелей, которые невозможно практиковать в уединении, в особенности — милосердие, о котором нас спросят и по которому будут судить в последний день, и о котором сказано: „Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут“» (Мф. 5:7).

Глава шестая. Делай добро — и пусть говорят.

Когда я собирался проповедовать Великий пост в Париже, блаженный научил меня не придавать большого значения тому, что станут говорить люди, рассказав следующую историю.

Настоятель одного коллегиума, — продолжал он, — поручил доброму старику ведать башенными часами, чтобы тот не скучал. Испытав новое послушание, старец убедился, что никогда ещё не получал задания тягостнее и труднее.

— Как же так? — удивился настоятель. — Неужели трудно два раза в день поднимать гири?

— О, нет, — ответил старик, — мучения мои совсем в другом: меня дёргают со всех сторон.

— Каким же образом?

— Стоит часам чуть замедлиться, сотрудники коллегиума жалуются; чтобы их успокоить, я немножко ускоряю ход — и тут же горожане нападают на меня с упрёком, что часы спешат. Задержу стрелки, чтоб угодить горожанам, первые снова поднимают ропот. Голова моя стала тем самым колоколом, в который бьёт молоток часов; я оглушён их бесконечными претензиями.

Настоятель, желая его утешить, сказал:

— Дам вам дальний совет, который восстановит мир. Если часы спешат, и вам жалуются, отвечайте: «Оставьте это мне, я скоро их замедлю». — Но тогда, — возразил старик, — придут другие и начнут кричать. — А вы им скажите: «Друзья, оставьте это мне, я ускорю часы».

А в конце концов пусть часы идут своей дорогой, как смогут; вы лишь раздавайте всем добрые, ласковые слова — и все останутся довольны, а вы — в покое.

— Видите ли, — подытожил наш блаженный, — вас ждут самые разные суждения. Если ловить каждое чужое слово, конца не будет. Что же делать? Уделяйте всем добрые и кроткие ответы, но, в конце концов, идите своей дорогой. Следуйте своей природе, не кроите её по советам, что будете получать, зачастую противоречивым; взирайте на Бога и всецело доверяйтесь действию благодати.

Нам должно быть весьма безразлично, как судят о нас люди, раз мы и не ищем им угоджать: наш Судия — Бог, Который видит глубины сердца и то, что скрыто во мраке.

Глава седьмая. Его суждение об одной Проповеди.

Однажды я проповедовал в монастыре Посещения и, зная, что наш блаженный будет там присутствовать вместе с большим собранием народа, я, по правде говоря, немного подумал о себе и подготовился основательно.

Когда мы удалились к нему, и он остался со мной наедине, он сказал: «Что ж, вы сегодня доставили большое удовлетворение нашим людям; они уходили, говоря *Mirabilia* [«Дивные дела!»] о вашем прекрасном и хорошо причесанном панегирике. Я встретил лишь одного, кто не был доволен».

«Что же я мог сказать такого, — спросил я его, — что могло бы его уязвить? Ибо я не горю желанием знать его имя». «А у меня, — подхватил он, — напротив, велико искушение назвать его вам». «Так кто же он? Я постараюсь загладить свою вину». «Если бы я не питал к вам большого доверия, я бы вам его не назвал; но поскольку я вас знаю, я сделаю это с охотой. Видите ли вы его здесь?».

Я огляделся вокруг, но не увидел никого, кроме него. «Значит, это вы», — сказал я ему. «Я самый», — подхватил он. «Воистину, — возразил я, — я предпочел бы одно ваше одобрение одобрению всего собрания. Слава Богу, я попал в руки, что ранят лишь для того, чтобы исцелить. И все же, что вы нашли сказать [против]? Ибо я знаю, что вы, в своей доброте, не спускаете мне ничего».

«Я слишком вас люблю, — сказал он, — чтобы вам льстить. И если бы вы любили наших сестер такой же любовью, вы бы не тешились тем, что надмевали их умы, вместо того чтобы их назидать; не хвалили бы их состояние, вместо того чтобы преподать им урок смирения, что было бы куда спасительнее. С яствами духовными дело обстоит так же, как и с телесными: льстивые речи пусты, а от пустых лишь раздувает, как от бобов, но сътости в них нет¹. Проповедуя, надобно представлять не ту пищу, что проходит, и память о которой исчезает вместе со звуком, но пищу, пребывающую в жизнь вечную.

Впрочем, никогда не следует всходить на кафедру, не имея особого намерения воздвигнуть какой-нибудь уголок стен Иерусалимских, научая исполнению какой-либо добродетели или бегству от какого-либо порока. Ибо весь плод проповеди — в том, чтобы искоренять грех и возвращать праведность. „О Господи, — говорил Давид, — научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся“ (ср. Пс. 50:15).

«Но о каком обращении, — сказал я ему, — мог я проповедовать этим душам, избавленным из рук их врагов: мира, дьявола и плоти, — и которые служат Богу в святости?». «Им следовало научиться, — подхватил он, — остерегаться, чтобы не упасть, раз уж они стоят (ср. 1 Кор. 10:12); совершать свое спасение по совету Святого Духа, со страхом и трепетом (ср. Флп. 2:12), и даже после отпущения грехов не терять страха (ср. Сир. 5:5). Вы же описали их как святых. Вам, вижу, ничего не стоит канонизировать живых людей. Не следует так подкладывать подушки под локти и давать молока тем, кто нуждается в цикории и полыни».

«Я сделал это, — сказал я, — чтобы ободрить и укрепить их в их святом начинании». «Нужно вселять это мужество, не подвергая особу опасности самонадеянности и тщеславия. Всегда надежнее смирить слушателя, чем позволять ему витать в материалах высоких и дивных, что превыше его разумения. Я убежден, что в другой раз вы обратите на это внимание».

Скажу вам, что это лекарство оказалось столь действенным, что излечило меня от этого сладкого заблуждения и заставило вернуться к моей прежней манере.

¹ В оригинале использован непереводимый каламбур. Французское слово *flatteuses* (льстивые) созвучно со словом, означающим метеоризм. Слово *venteuses* означает одновременно и «ветреные/пустые», и «вызывающие ветры». Таким образом, св. Франциск говорит, что льстивая проповедь, подобно бобам, вызывает лишь пустое «вздутие» духа (тщеславие), не давая истинного насыщения.

Глава восьмая. На ту же тему.

На следующий день он велел мне проповедовать в монастыре дочерей святой Клары. Он и сам там присутствовал, и собрание было не меньшим, чем накануне. Я всячески остерегался натолкнуться на тот риф, который он мне указал: я построил речь с великой простотой языка и мысли, стремясь чисто к назиданию. Я действовал с большим порядком и твердо держался своего предмета.

По возвращении наш блаженный пришел навестить меня в моей келье, которая на самом деле была его, ибо, принимая меня у себя, он всегда уступал мне собственную комнату. И, нежно меня обняв, он сказал: «Поистине, весьма любил я вас вчера, но сегодня люблю еще несравненно больше. Вы, по правде говоря, пришли ко мне по сердцу, и, если не ошибаюсь, угодны и Самому Богу. Думаю, что и Он принял вашу жертву как угодную. Не думал я, что вы столь податливы и уступчивы. Воистину, „человек покорный будет говорить о победах“ (ср. Притч. 21:28), а вы сегодня превзошли самого себя.

Знаете ли вы, что большинство ваших слушателей говорили: „Дни следуют один за другим, но не похожи друг на друга“, и что они были не так довольны, как вчера? И что тот, кто не был удовлетворен вчера, сегодня удовлетворен чрезвычайно?

Сим я дарую вам полное прощение за все ваши прошлые проступки. Вы сегодня поступили всецело по моему желанию. А если будете так продолжать, окажете великую услугу Хозяину виноградника.

Проповедь не должна опираться на слова и мысли человеческой мудрости, но на явление духа и силы (ср. 1 Кор. 2:4). Будьте верны этой манере, и Бог дарует вашим трудам и почет, и благое завершение. Вы будете благоразумны в духовном слове и овладеете наукой святых — той наукой, что творит святых.

И что мы хотим знать, кроме Иисуса, и притом распятого?» (ср. 1 Кор. 2:2).

Глава девятая. О том, каким он был врагом похвал.

Святой Григорий весьма хорошо сказал, что когда хвалят мудрого человека в его присутствии, то оскорбляют его слух и ранят его сердце. Наш блаженный был именно таков. Тот, кто любвеобильнo принимал оскорбляющих его, с готовностью сам ответил бы оскорблением тем, кто говорил ему малейшую похвалу.

Однажды, проповедуя перед ним в Анси, я, вспомнив слова, которые однажды сказал ему владыка епископ Салуццо: «Tu sal es, ego vero neque sal neque lux» («Ты — соль, я же — ни соль, ни свет»), позволил себе легкий намек на его имя и сказал, что он и есть та соль, которой приправлена вся масса этого народа¹.

Эта похвала произвела на него столь дурное впечатление, что по возвращении он упрекнул меня с интонацией, которая была бы суровой, если бы он вообще был способен на суровость. «Вы шли так прямо, — сказал он мне, — вы так хорошо бежали, что заставило вас совершить этот неверный шаг? Знаете ли вы, что вы все испортили, и что одно это слово может лишить всю вашу проповедь доверия? Разве привносить слово человеческое в чистое золото слова Божия не значит портить его примесью? А разве

похвала живым это не слово человеческое? Разве не написано: „Никого не хвали прежде смерти его“?» (Сир. 11:28).

«Хороша же соль! Соль, потерявшая свою силу и испорченная, которая ни на что не годна, как разве выбросить ее на улицу, под ноги прохожим. Я жалею о стольких добрых семенах, заглушенных горстью плевел. Воистину, если вы сказали это, чтобы посрамить меня, вы нашли верный способ».

13десь автор (Ж.-П. Камю) обыгрывает фамилию святого (*Sales*), котораяозвучна с латинским выражением *sales* («ты — соль»).

Глава десятая. О его смирении.

Он не мог не знать о великом почтении, которое не только его народ, но и весь мир питал к его благочестию. Эта слава часто смущала его перед Богом, и он много раз краснел перед людьми, когда видел или слышал, что его считают святым мужем и верным рабом Божиим.

Не было в его обычайе произносить смиренные речи, говоря о себе; он избегал их, словно рифов, грозящих крушением смирению. Он был щепетилен до такой степени, что упоминал о себе — с похвалою ли, порицанием, или просто безразлично — лишь словно бы по принуждению. Он говоривал иногда, что речь о себе — дело не менее трудное, чем канатоходство, и что надобно иметь надёжный противовес, чтобы не упасть, и обладать необычайной осмотрительностью, чтобы не оступиться.

«Видите ли, — говорил он, — по милости этих добрых людей со всеми их похвалами и почтением я в конце концов соберу весьма горький плод их дружбы. А именно, они обрекут меня томиться в Чистилище из-за того, что не будут молить Бога за мою бедную душу, когда я умру, воображая, будто она отправилась прямиком в Рай. Вот и вся польза, которую принесет мне эта репутация.

Я предпочел бы найти в них плод добрых дел и елей милосердия, нежели листья стольких пустых рукоплесканий и тщетных похвал. Один золотник дела дороже пуда слов. Говорят о „придворной святой (bénite) воде“¹, а я называю это „святой водой мира сего“. Это — сладкие благословения (bénédictions), ведущие к горькой богооставленности».

1 Французская идиома «eau bénite de Cour» означает пустую, лицемерную лесть. Св. Франциск по аналогии называет тщетную мирскую похвалу «святой водой мира сего».

Глава одиннадцатая. О поспешных писателях.

Я начал писать очень молодым и слишком рано — печататься. И когда я однажды каялся нашему блаженному в этой поспешности, он отвечал мне, что на сей счет можно

составить два противоположных суждения, и оба они будут подкреплены добрыми доводами.

«Самое распространенное мнение, — сказал он мне, — состоит в том, что писать надобно поздно, а говорить — рано. Один молодой монах, который был священником и проповедником, написав книгу, которую желал выпустить в свет, принес ее своему настоятелю, чтобы получить дозволение. Тот, взяв его книгу и пообещав прочесть ее на досуге и высказать свое суждение, сказал ему лишь краткое слово: „Отче мой, неужели вам больше нечему учиться?“, и на том его оставил. Словно бы он хотел сказать: „Не во время учения надобно писать книги, но после того, как многому научился“.

Наш блаженный полагал, что плоды этого рода созревают лишь поздней осенью. Что до плодов проповеди, то их свежесть приятна, и они более питательны весной и в летний зной.

Для письма требуется больше свинца; для речи — больше ртути.

С другой стороны, некоторые считают, что хорошо писать и публиковаться рано, поскольку так есть возможность внести исправления во вторые издания. Можно узнать, куда дует ветер общественного мнения, и вовремя отступить, если не преуспеешь.

Добавьте к этому, что так и человек наслаждается плодами своего труда, подобно тем, кто строит или сажает в юности.

Мнение первых несколько сурово, а мнение вторых — более снисходительно. И то, и другое, впрочем, не так уж и важно, лишь бы конечной целью всякого труда был Сам Бог.

Те, кто откладывает публикацию трудов до своей кончины, дабы не впасть в тщеславие от рукоплесканий и похвал, поступают неплохо, при условии, что это и есть их истинный мотив. Но если это делается для того, чтобы не испытывать досады от порицаний и упреков, то это значит бежать от одного тщеславия, чтобы впасть в другое.

Во всем превосходна золотая середина. И писать в зрелом возрасте тому, кто имеет этот талант, — совет весьма благоразумный, ибо еще остается достаточно жизни для исправления ошибок. А за талант, что дарован Богом, придется дать ответ Богу. Опасаться же различных суждений — это все равно что бояться путешествовать летом из-за мух».

Глава двенадцатая. О памятовании усопших.

Когда умирал кто-либо из его друзей или знакомых, он неустанно говорил о них доброе и призывал всех молиться о них.

Обыкновенно он говорил: «Мы недостаточно помним о наших мертвых, о наших дорогих усопших. И доказательство тому — то, что мы недостаточно о них говорим. Мы уклоняемся от этой беседы, как от предмета зловещего; мы позволяем мертвым погребать своих мертвцев (ср. Мф. 8:22). Память о них угасает у нас вместе со звоном колоколов. И мы не думаем о том, что дружба, которой смерть может положить конец, никогда не была истинной, ибо само Писание говорит нам, что истинная любовь сильнее смерти» (ср. Песн. 8:6).

После смерти в похвалах уже нельзя заподозрить лесть. И как есть своего рода нечестие в том, чтобы терзать репутацию мертвых, уподобляясь тем свирепым зверям, что выкапывают тела, дабы их пожрать, так же и в рассказе об их добрых качествах проявляется благочестие, ибо это побуждает нас к подражанию им.

Добавлю, что он часто говорил: «Лишь одно это дело милосердия [молитва за усопших] вмещает в себя и все тринадцать прочих».

«Разве мы не посещаем некоторым образом больных, — говорил он, — когда своими молитвами испрашиваем облегчения для бедных душ, что пребывают в Чистилище?

Разве мы не даем пить тем, кто так жаждет лицезрения Божия и находится посреди того жестокого пламени, уделяя им от росы наших молитв?

Разве мы не кормим алчущих, помогая их освобождению теми средствами, которые внушиает нам вера?

Разве мы не искупаем воистину пленников?

Разве мы не одеваем нагих, испрашивая для них одеяние света, и света славы?

Разве это не выдающееся гостеприимство — способствовать их введению в небесный Иерусалим и делать их согражданами святых и своими в доме Божием в вечном Сионе?

Разве поместить души на Небо — не большее служение, чем погребать тела и предавать их земле?

Что до духовных [дел милосердия], разве это не деяние, заслуга которого сравнима с тем, чтобы давать совет простым, исправлять ошибающихся, учить невежественных, прощать обиды и сносить несправедливости? И можно ли утешить скорбящих сего мира так, как утешают наши молитвы те бедные души, страдающие столь мучительно?».

Глава тринадцатая. О Священном Писании.

Святой Карл Борромео читал святое Писание только на коленях, словно слушал Бога, говорящего на горе Синай посреди огней и громов. И наш блаженный требовал, чтобы к Писанию прикасались — будь то в публичной речи, в письме или в частном чтении — лишь с крайним благоговением.

Он был против того, чтобы проповедник сразу углублялся в мистический смысл, не объяснив предварительно смысла буквального. «В противном случае, — говорил он, — это все равно что строить крышу дома прежде фундамента. К Священному Писанию надо бно подходить с большей основательностью и почтением. Это не та ткань, которую можно кроить по своему усмотрению, чтобы сшить себе из нее наряды на свой лад».

Когда истинный смысл буквы был объяснен, тогда он позволял извлекать из него нравоучения и применять их к жизни. Но и здесь он требовал великой рассудительности, без «притягивания образов за уши». В противном случае он называл их «искаженными образами» и нравоучениями, подобными колокольному перезвону, в котором каждый слышит то, что хочет.

Вот пример его щепетильности на сей счет. Однажды, проповедуя перед ним, я применил — а это расхожее изречение — слово пророка «С милостивым Ты поступаешь милостиво, а с лукавым — по лукавству его» (ср. Пс. 17:26-27) к заразительности дурных сообществ. Я тотчас заметил, что он недоволен. А после, когда мы остались наедине, он спросил меня, почему я так исказил этот отрывок, хорошо зная, что это не есть его буквальный смысл. Я сказал ему, что это была аллюзия. «Я понимаю, что это была аллюзия, — подхватил он, — но, по крайней мере, вы должны были сказать, что это не буквальный смысл. Ибо согласно букве, его следует понимать по отношению к Богу, Который благ, то есть милосерден, к тем, кто благ, и строг к тем, кто зол, наказуя одних и милуя других».

По этому можно судить, сколь бережно он обращался со Словом Божиим, ведь он был так строг к другим в этом вопросе — он, который во всем остальном оказывал несравненно больше снисхождения к другим, нежели к себе самому.

Глава пятнадцатая. О проповедях, обильных цветами, но бесплодных.

В 1610 году я был приглашен проповедовать во время Великого Поста перед сенатом Савойи в столице провинции, городе Шамбери. Едва ли прошло шесть месяцев с тех пор, как я принял епископское рукоположение из рук нашего блаженного.

Я находился тогда в расцвете юности, и в памяти моей были еще совсем свежи познания, полученные в школах, в особенности же в изящной словесности, которую всегда весьма ценил. И поскольку я мог делиться лишь тем, что знал, то извлекал из ларца своего сердца лишь содержимое сокровищницы моей памяти, вынося на свет множество вещей старых и новых, что хранились у меня в запасе. Примеры их можно увидеть в тех моих «Разнообразных историях»¹, что являются первыми, как бы это сказать, опытами или всё-таки уже плодами (*efforts ou effets*) — моего ума.

До блаженного, который находился в своей резиденции в Анси, за семь лиг оттуда, донесли, что речи мои были сотканы из одних лишь цветов и благоуханий, привлекающих всех слушателей, подобно пчелам, летящим на сахар и мед.

Он же, будучи искусен в этом искусстве, судил совершенно иначе и желал бы [слышать в моих проповедях] больше божественных словес, нежели человеческих, больше действенной силы духа благочестия, нежели остроумных выражений, убедительных для мудрости человеческой.

По этому поводу он написал мне прекрасное письмо, в котором извещал, что благоухание моих ароматов доносится до него. Он сравнивал себя с Александром, который, плывя к Островам блаженных, угадывал их близость по благоуханиям, которые ветер, скользя по глади морской, доносил до его кораблей.

Но, спрятав горькую пилюлю в сладкой оболочке, он, вонзив ланцет, сказал мне, что после того, как столько гонцов ежедневно доносили ему, будто ложе наше все в цветах, убранство — из кипариса и кедра, а цветущие виноградники повсюду распространяют благоухание, и что в цветнике нашем видны одни лишь цветы и весна улыбается отовсюду (ср. Песн. 1:13-15), он ждет других [гонцов], которые принесли бы ему вести о лете и об осени, о жатве и о сборе винограда. «Я всё слушаю, — писал он, — *an flores fructus parturant* (не принесут ли цветы плодов, ср. Вульг. Песн. 7:12)».

В завершение он советовал мне обрезать на моей виноградной лозе лишние побеги изящной словесности, — *tempus putationis advenit* (ибо настало время подрезки, ср. Вульг. 2:12), — подстричь ее и отсечь все множество чуждых украшений.

И хотя похвально использовать сосуды египетские на службу Скинии, делать это надо, тем не менее, сдержанно. [Он напоминал]: Рахиль, правда, была милее, но менее плодовита, чем Лия. Толкование Евангелия должно соответствовать его стилю и его простоте. Теологии не из таковых, кому следует щёки белить и румянить. И гораздо более следует остерегаться порчи слова Божия, нежели государственной монеты.

[Он написал и] множество других подобных наставлений, которые сделали меня с тех пор куда более сдержанным и умеренным в отношении этих яств, скорее пустых, чем сытных, и внимательнее к стяжанию той пищи, «пребывающей в жизнь вечную» (ср. Ин. 6:27), которую столь настоятельно заповедует нам Писание.

1 «*Les Diversités*» — одно из многочисленных произведений самого автора, Жан-Пьера Камю.

Глава шестнадцатая. О его покорности [воле Божией].

Когда епископ Женевский помышлял о том, чтобы сделать нашего блаженного своим коадъютором, наш блаженный занемог и дошел до такой крайности, что врачи отчаялись в его жизни.

Ему объявили об опасности, в которой он находился, что он воспринял со столь ясным человеком, словно видел Небеса отверстые, готовые его принять.

Наш святой, безразличный к смерти и к жизни, не говорил ничего иного, кроме: «Я — Божий; да сотворит Он со мной по Своему благому изволению».

И когда однажды в его присутствии сказали, что ему следует желать жить, если не для служения Церкви, то хотя бы ради покаяния, он ответил: «Воистину, рано или поздно надо умереть. И в какой бы час это ни случилось, мы всегда будем нуждаться в великим милосердии Божием. Лучше ввериться Его милосердию сегодня, чем завтра.

Он всегда неизменен в Своей благости и богат милостью к тем, кто Его призывает; а мы — всегда дурны. Кто скорее завершил свой бег, тому и меньший отчет давать. Я вижу, что на меня хотят возложить бремя, не менее устрашающее, чем смерть, и если бы все зависело от моего мнения, мне было бы весьма трудно выбирать. Лучше ввериться попечению Провидения; лучше почивать на груди Христовой, чем где угодно бодрствовать. Бог любит нас, Он знает, что нам нужно, лучше нас самих. „Живем ли мы, или умираем, — всегда Господни“ (Рим. 14:8).

У Него ключи жизни и смерти. Уповающие на Него никогда не бывают посрамлены. „Пойдем и мы и умрем с ним“ (Ин. 11:16).

И когда ему с сожалением говорили, что он умирает во цвете лет, ибо ему было тогда лишь тридцать пять, он ответил: «Господь наш умер еще моложе. Число наших дней — пред Ним. Он умеет собирать Свои плоды во всякое время года.

Не будем же отвлекаться на все эти частности; будем взирать лишь на Его пресвятую волю. Да будет она нашим славным крестом; она приведет нас к Иисусу Христу — и к Его яслям, и на Его Голгофу. „Кто следует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни“ (Ин. 8:12), жизни вечной, смерти уже неподвластной».

Глава семнадцатая. О его любви к нестяжанию.

«Великое приобретение, — говорит Священное Писание, — быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6:6). Так и наш блаженный умел довольствоваться тем малым, что оставалось ему от доходов его епископства.

«Разве двенадцать сотен экую годового дохода — это не много? — говорил он. — Разве и этого не довольно? Апостолы, которые несравненно превосходили нас в епископском достоинстве, не имели и того. Мы не достойны служить Богу за свой собственный счет.

О, если бы Бог лишил нас и этого остатка, но зато католическая вера пользовалась бы в Женеве такою же свободой, как в Ла-Рошели, и чтобы у нас там была, как и здесь, небольшая часовня... за короткое время она достигла бы там большого успеха. В народе больше расположения [к истине], чем думают; просто государственный интерес, прикрываемый мнимой свободой, вытесняет там интерес [защиты] веры».

Он жил в Анси в очень красивом и просторном съёмном доме. Покои его были поистине прекрасны, но он удумал поселиться в маленькой, темной и довольно неприятной комнатке и называл её «комнатой Франциска», а ту, где он принимал светских особ, — «комнатой епископа».

Это напоминает мне о святом Карле Борромео, у которого была маленькая келья на верхнем этаже его дворца, наподобие кельи Юдифи, куда он удалялся для молитвы и где спал на соломе, называя эту келью «комнатой Карла», а ту, что была открыта для просителей, — «комнатой кардинала».

Однажды он сказал мне, показывая рясу, которую ему сшили и которую он носил под сутаной: «Мои люди творят маленькие чудеса, ибо из старой мантии они сшили мне эту совершенно новую рясу. Ну не сделали ли они из меня франта?». «Это чудо, — сказал я ему, — кажется, превосходит чудо сынов Израилевых, чьи одежды не ветшали в течение сорока лет, пока они пребывали в пустыне; ибо ваши ухитряются обновлять изношенное».

Иногда его эконом жаловался, что денег больше нет. «О чем вы печалитесь? — говорил он ему. — Этим мы лишь более уподобляемся нашему Учителю, у Которого не было и камня, где преклонить голову». «Но где же их взять?» — говорил эконом. «Сын мой, — отвечал он, — надобно жить хозяйством». «Воистину, — говорил тот, — самое время хозяйствовать, когда уже ничего не осталось». «Вы не понимаете меня, — подхватил блаженный. — Я имею в виду, что нам надобно продать или заложить что-нибудь из нашего хозяйства, чтобы жить. Разве это, друг мой, не значит „жить хозяйством“?».

Однажды я подивился, как он может содержать свой дом при столь малом доходе. «Это Бог, — сказал он, — умножает пять хлебов». Когда же я настойчиво просил его рассказать, как это происходит, он с доброй улыбкой отвечал: «Это не было бы чудом, если бы об этом можно было рассказать. Разве не великое счастье — жить так, чудом? По милости

Господа мы не исчезли» (ср. Плач. 3:22). «Своими ответами вы обращаете в прах всю мою мудрость», — сказал я ему. «Видите ли, — подхватил он, — богатства суть истинные терния, как учит нас Евангелие. Они колют тысячью скорбей при их приобретении, еще большими заботами — при их сохранении, еще большими хлопотами — при их трате, и еще большими огорчениями — при их потере.

Впрочем, мы лишь их арендаторы и экономы, в особенности если это достояние Церкви, которое есть наследие бедных. Важно найти верных управителей. „Имея пропитание и одежду, будем довольны тем“ (1 Тим. 6:8). Чего нам еще желать? Quoam amplius est a malo est. (ср. „А что сверх этого, то от лукавого“ (Мф. 5:37)).

Хотите, я скажу вам откровенно? Я хорошо знаю, как управляться с тем, что имею. Мне отмерено немного. Будь у меня больше, я был бы в затруднении, как этим распорядиться. Разве не счастье — жить, как беззаботное дитя? Для каждого дня достаточно своей заботы (ср. Мф. 6:34). Кто имеет больше, с того больше и спросится».

Глава восемнадцатая. О назойливости.

Среди добродетелей он высоко ценил ту, что помогает нам кратко сносить назойливость ближнего. «Немного кротости, — говорил он, — умеренности и скромности, — вот и все, что для этого нужно.

Когда речь заходит о терпении, можно подумать, будто его следует проявлять лишь при страданиях от тех скорбей, что приносят нам славу. Между тем, ожидая этих великих и выдающихся событий, которые происходят в жизни редко, мы пренебрегаем малейшими. И мы не только ни во что не ставим терпеливое отношение к назойливости ближнего, но, напротив, почитаем за слабых тех, кто ее сносит.

Мы воображаем, будто наше терпение способно вынести великие скорби и оскорблений, и при этом впадаем в нетерпение от малейшей назойливости.

Нам кажется, что мы могли бы помочь ближнему, служить ему и облегчать его страдания в тяжких и долгих болезнях, и при этом мы не можем снести его дурное расположение духа, его грубоść, его невежливость, и особенно — его назойливость, когда он приходит некстати, не вовремя, чтобы занять нас вещами, которые нам кажутся легковесными или суетными.

Здесь мы начинаем самодовольно оправдываться в нашем нетерпении, ссылаясь на ценность времени, в отношении которого одного, как сказал один из древних, склонность похвальна. И мы не видим, что тратим его на множество других, куда более тщетных дел, нежели внимание к ближнему, и, возможно, менее серьезных, чем те, которыми он нас занимает и которые мы называем потерей времени.

Когда беседуешь с ближним, надобно радоваться этой беседе и выражать свою радость. А когда ты один, надобно находить удовольствие в уединении. Но беда в том, что непостоянство духа побуждает нас всегда оглядываться назад: в обществе мы вздыхаем об уединении, а в уединении, вместо того чтобы наслаждаться его сладостью, мы желаем общения.

Надобно иметь дух более ровный и рассудительный. И во время, предназначенное для отдыха, любить отдых; и так же любить чтение, молитву, труд в часы, для них предназначенные, и молчание, когда оно предписано правилом послушания. Так мы сможем сказать с пророком: „Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих“ (Пс. 33:2). Ибо благословлять и хвалить Господа во всякое время — это и значит любые поступки: благие и повседневные, да и бегство от поступков дурных -- совершать во славу Его».

Глава девятнадцатая. Об искушениях.

«Собаки лают не на домашних, а на чужих. Дьяволу нет нужды искушать тех, кто ищет искушения сам и кто ему и так принадлежит.

Когда он донимает и мучит какое-либо сердце, это знак того, что он не имеет над этим сердцем власти. И чем пуще он усиливает искушение, тем явственнее это указывает на выдающуюся добродетель, ибо мощные нападения он совершает лишь на самые сильные крепости, которые оказывают ему наибольшее сопротивление.

Если бы мы умели извлекать добрую пользу из искушений, — говорил наш блаженный, — то вместо того, чтобы их страшиться, мы бы сами их накликивали и, я бы даже сказал, желали их. Но поскольку наша немощь и наше малодушие слишком хорошо известны нам по многим опытам и печальным падениям, у нас есть веская причина говорить: „Не введи нас во искушение“.

И все же, если бы к этому справедливому недоверию к самим себе мы присоединяли упование на Бога (Чья сила избавить нас от искушения превосходит нашу слабость, из-за которой мы можем в нем погибнуть), то наши надежды укрепились бы по мере умаления наших страхов. Мы сказали бы с пророком: „Тобою мы будем избавлены от искушения, и помошью Твою, о Боже мой, мы преодолеем все преграды, которые, подобно стене или крепости, противостоят нашему спасению“. С такой помощью мы, без сомнения, сможем смело наступать на аспида и василиска, и попирать ногами льва и дракона (ср. Пс. 90:13).

Ибо как в великих искушениях мы познаем величие нашего мужества и нашей верности Богу, так и в этих случаях мы возрасталяем в добродетели и учимся владеть оружием нашей брани, которую ведём духовно, против злобы наших незримых врагов (ср. Еф. 6:12).

Именно тогда наша душа, вся облечённая в благодать, предстает перед ними столь же грозной, как полк, построенный к битве (ср. Песн. 6:3).

Есть те, кто думает, что все потеряно, когда их терзают богохульные и нечестивые помыслы, и воображают, будто у них больше нет веры. Однако пока эти помыслы им неприятны, они не могут им повредить, и эти порывистые ветры лишь помогают им пропустить более глубокие корни в вере. То же самое следует сказать и об искушениях против чистоты, и о прочих».

Глава двадцатая. О ежедневном служении святой мессы

Один молодой клирик, уже бывший пастырем, довольствовался тем, что служил мессу лишь по воскресеньям и праздникам. Поскольку наш блаженный весьма его любил, он придумал такое средство, чтобы побудить его служить ежедневно.

Он преподнес ему в дар ларец, обтянутый красным атласом, весь в золотом и серебряном шитье, украшенный несколькими жемчужинами. И прежде чем вручить ему этот ларец, он сказал: «Я хочу просить вас об одной милости, в которой, я уверен, вы мне не откажете, поскольку она касается лишь славы Божией, я знаю, что ваше сердце только её и ищет». Пастырь сказал ему: «Повелевайте». «О нет, — возразил святой, — я говорю не повелевая, но прося, и притом — прося во имя Божие и ради любви Его».

Молчание юного пастыря лучше всяких слов свидетельствовало о его расположении. Тогда блаженный, открыв ларец, показал ему, что он полон еще не освященных облаток, и сказал: «Вы — священник, Бог призвал вас к этому званию, и более того — к пастырству. Хорошо ли было бы, если бы ремесленник, судья или врач вздумал заниматься своим ремеслом лишь один-два дня в неделю? Вы имеете священный сан, дающий вам власть служить святыю Мессу каждый день, почему же не пользоваться ею?

У вас, слава Богу, нет ничего, что мешало бы этому. Я знаю вашу душу, насколько вообще душа может быть познана. Более того, я вижу, что все вас к этому побуждает. Итак, я делаю вам этот подарок и умоляю вас: поминайте у святого алтаря того, кто говорит с вами ныне от имени Бога».

Юный пастырь был несколько удивлен и, не смея противиться столь веским словам, довольствовался тем, что представил на суд святого Прелата свои душевые немощи, юность, недостаток самообуздания и страх злоупотребить столь великим Таинством, ибо жизнь его была недостойна того, чтобы столь часто его совершать.

«Все эти оправдания, — подхватил блаженный, — обернулись бы столькими же обвинениями, захоти я их разбирать. Но не будем входить в прения; довольно и того, что вы вверились моему суждению. Итак, я говорю вам (а, думаю, и я имею духа Божия (ср. 1 Кор. 7:40)), что все доводы, которые вы приводите, чтобы уклониться от ежедневного служения, суть те самые, которые вас к нему обязывают.

Именно это святое действие при частом совершении и позволит вам, мой юный друг, достичь зрелости, облегчит самообуздание, ослабит искушения, укрепит вас в немощах, осветит ваши пути. А по мере того, как вы будете творить его, достигнете в том совершенства.

Впрочем, если даже недостоинство ваше и будет по смирению отвращать вас от него, что случалось некогда со святым Бонавентурой, и если бы это делание приносило вам меньше пользы из-за вашего нерасположения, подумайте о том, что вы лицо публичное. Ваши овцы и ваша церковь в этом нуждаются, а усопшие — и подавно. И более всего, в те дни, когда вы от этого воздерживаетесь, вы препятствуете приумножению славы Божией, лишаете ангелов радости [лицезреть Святую жертву], а блаженных — несравненной утеши».

Клирик, вняв этому совету, сказал: «*Fiat, fiat*» («Да будет, да будет»). И с тех пор в течение тридцати лет не упускал возможности [отслужить Мессы] без важной причины.

Глава двадцать первая. О великой осмотрительности в беседах и переписке с женщинами.

Один прелат не дозволял женщинам, какого бы звания они ни были, входить в его дом, основываясь на примере и совете святого Августина. По этой причине он велел устроить в одной из часовен своего рода приемную с решетками, где он с ними и говорил.

Блаженный, который любил этого прелата, не порицая его суровости, довольствовался тем, что любезно улыбался и говорил, что этот прелат — пастырь лишь наполовину, раз уж он так отделяет себя от половины своего стада.

Наслушавшись жалоб, блаженный пообещал поговорить с ним. Прелат в свою защиту сослался на свой еще молодой возраст, на опасение стать предметом пересудов, на страх впасть в грех из-за этих бесед, на советы древних Отцов по этому поводу, на добрый пример, который это подавало другим клирикам, и на множество подобных причин.

Наш блаженный похвалил его рвение и предосторожность, но сказал ему, что вместо того, чтобы прибегать к этой внешней суровости, можно найти средство более легкое, более надежное, доставляющее меньше неудобств и навлекающее на себя меньше порицаний и осуждения. «Никогда, — сказал он, — не говорите с женщинами иначе как в присутствии нескольких человек. И дайте вашим слугам прямое указание никогда не терять вас из виду, когда какая-либо женщина пожелает с вами посоветоваться».

Я не говорю, что слугам непременно необходимо слышать то, что вы говорите посетительницам, ибо это не всегда уместно, и часто речь идет о делах совести. Но по крайней мере пусть их глаза следят за вами и будут свидетелями вашего поведения.

Если же вы дадите дозволение тому из ваших капелланов, которому вы вверяете сокровищу вашей внутренней жизни, делать вам замечания касательно ваших жестов или ваших действий, поверьте, все это будет надежнее всех решеток в мире, будь они хоть из железа и сплошь утыканы шипами».

И тому же совету, который он давал другим, он следовал и сам. Ведь хотя дом его и был открыт для всего мира, он никогда не говорил с женщинами, в каком бы месте он ни был, без свидетелей, которые внимательно за ним следили.

Он дал ему и другой совет, касающийся писем. «Никогда не пишите женщинам без крайней необходимости, — сказал он ему, — кроме как в ответ; никогда — по собственному почину, если только речь не идет об особых, находящихся вне всякого подозрения, как то: мать, сестра, женщина в весьма преклонных летах. И даже тогда — редко и кратко.

Писать женщине, будь на то возможность, следовало бы не кончиком пера, а острием ножичка — чтобы не сказать ни единого лишнего слова».

Глава двадцать вторая. О тех, кто выказывал самоуничижение в его присутствии.

Он часто ловил на слове того или ту, кто произносил в его присутствии самоуничижительные речи. И даже усугублял их, дабы вызвать спасительное смущение в

особе, их произносившей, и предостеречь ее от того, чтобы впредь так поступать. Ибо он был уверен, что большинство из тех, кто говорит подобное, были бы весьма огорчены, если бы им поверили, что они таковы, как говорят. Вот два примечательных примера.

Будучи новопоставленным епископом, я считал, что он требует от меня подвигов слишком высокого совершенства. «Но, отче мой, — сказал я ему однажды, — неужели вы забыли, что я только что из мира, что я оказался наставником, не побыв прежде учеником? Вы говорите со мной как с человеком, весьма преуспевшим в благочестии и способным учить ему других, а я едва стою у порога».

«Это правда, — сказал он мне, — и я верю в это больше, чем вы, и, возможно, вижу так же хорошо, как и вы, все то, что вы говорите. Я смотрю на вас как на человека, спасшегося при кораблекрушении или вышедшего из пожара и еще разящего гарью. Но после всего вы теперь — епископ. Надобно иметь отеческие чувства, надобно устремлять свое мужество к совершенству. И не следует довольствоваться тем, чтобы пить воду из своего колодца, надобно делиться ею с другими (ср. Притч. 5:15). Бог, разум, ваш сан — все требует этого от вас. Не время оглядываться назад, если вы не хотите превратиться в соляной столп (ср. Быт. 19:26).

Если вы будете уповать на себя, вы никогда ничего не совершиете. Но если вы упиваете на Бога, чего вы только не совершите! Вы сможете все. Ему угодно являть Свое могущество в нашей немощи, Свою силу — в нашей слабости, и посрамлять то, что есть, тем, чего нет (ср. 1 Кор. 1:28). Недоверие к себе — вещь весьма добрая, при условии, что за ней следует упование на Бога. И чем более мы преуспеваем в последнем, тем более пользы извлекаем из первого. Смирение, которое ввергает в уныние, — не есть доброе смирение».

Другой пример касается одной сестры, которая, будучи избрана настоятельницей, отказывалась принять [должность], всячески подчеркивая свое недостоинство. В ответ на это наш блаженный взял слово и, усугубляя то, на что она ссылалась, сказал ей, что, по правде говоря, между «девой» и «листом»¹ разница невелика; что всем сестрам хорошо известны ее неспособность, скучность ее духа, слабость ее суждения, ее неискушенность в делах управления, ее всем явные несовершенства, ее дурной пример; и что, возможно, Бог и допустил ее избрание, чтобы исправить ее от всех ее недостатков, или, по крайней мере, чтобы она постаралась их скрыть, видя, что стала зреющим для Бога, ангелов и людей (ср. 1 Кор. 4:9).

Пусть она убедит себя, что не ей вверяют эту Общину, а Богу, Который избирает неразумное, чтобы посрамить и наставить мудрых, — Ему, Который пожелал спасти нас безумием Креста (ср. 1 Кор. 1:21). Пусть она помнит, что тростник из пустыни в руке Иисуса Христа становился колонной Храма; пусть она крепко держится за эту спасительную руку, которая никогда не оставляет тех, кто взывает о ее поддержке.

Извлеките пользу из этих двух примеров и научитесь избегать слов тщеславия, которые надевают личину смирения и облекаются в покровы утонченности.

¹ В оригинале использована непереводимая игра слов, основанная на созвучии французских слов *fille* (дева, дочь) и *feuille* (лист), призванная подчеркнуть податливость и уязвимость.

Когда я спросил его, каково наилучшее расположение для благой кончины, он спокойно отвечал: «Любовь».

Я сказал ему, что хорошо знаю: тот, кто не пребывает в любви, пребывает в смерти, и что умереть в Господе — значит умереть если не в самом состоянии (*l'acte*), то по крайней мере в готовности (*l'habitude*)¹ к любви, объемлющей все прочие добродетели и вносящей их в душу. Но что я желал бы знать, — предполагая, что любовь уже есть, — какие добродетели, оживляемые и одушевляемые любовью, наиболее приличествуют этому моменту.

Он сказал мне: «Смирение и упование». И чтобы изъяснился в своей любезной манере, он добавил: «Ложе благой кончины должно иметь своим тюфяком любовь. Но хорошо, чтобы голова покоялась на двух подушках: смирения и упования. И чтобы человек испускал дух со смиренным упением на милосердие Божие.

Первая из этих подушек, смирение, дает нам познать наше убожество и заставляет нас трепетать от страха, но от страха, исполненного любви (ибо я предполагаю, что он одушевлен любовью), который зачинает и рождает в нас дух спасения. Смирение мужественное и великодушное, повергая нас ниц, возносит нас в Боге и заставляет нас опираться на Него одного.

С этой первой подушки легко перейти на другую, а именно — упования на Бога. Что же есть это упование? Не что иное, как надежда, укрепленная размышлением о бесконечной благости нашего небесного Отца, Который сильнее нас самих желает нам блага. О Боже, я уповал на Тебя, да не постыжусь вовек (ср. Пс. 30:2). Надеющиеся на Господа обновятся в силе, поднимут крылья, как орлы, и воспарят, и не упадут (ср. Ис. 40:31)».

1 Речь идёт о томистическом различении реально совершающегося «акта» и готовности, обусловленной «привычкой».

Глава двадцать четвертая. О политике.

Светлейший Карл-Эммануил, герцог Савойский, был одним из самых выдающихся государей своего времени, редкого ума и весьма искушен в политике.

Я сказал однажды нашему блаженному, что этот государь, в чьих владениях он родился и где жил, кажется мне, совершает заметную ошибку, не привлекая его к своим делам. Ибо не было бы такого дела, особенно во Франции, которое он бы ему ни поручил и которое не увенчалось бы успехом согласно его желанию. «Ибо, — говорил я ему, — помимо вашего благородства, которое неведомо лишь вам одному, и вашей ловкости, кротости и терпения в переговорах, молва о вашей честности и вашем благочестии столь всеобщая, что, прежде чем вы успели бы открыть уста, вам бы уступили в любой просьбе.

Дело должно было бы быть совсем безнадежным, — добавлял я, — чтобы оно не увенчалось успехом в ваших руках. Я даже думаю, что вы бы справились и с невозможным». «Воистину, — сказал он мне, — вы говорите слишком много, и ваше красноречие чрезмерно. Вы воображаете, что другие меня ценят так же, как и вы, ибо вы

смотрите на меня лишь сквозь увеличительное стекло дружеской пристрастности. Но оставим это как оно есть.

Мое же суждение о нашем государе весьма отлично от вашего, ибо именно в том, о чем вы говорите, я и нахожу проявление его великой рассудительности. Ведь, помимо того, что я не признаю за собой такой ловкости и такого благоразумия в ведении политических дел, как вы себе представляете, я скажу вам, что одни лишь слова „расчётливость“1, „дела“ и „политика“ наводят на меня страх, и я так мало в них разбираюсь, что это малое — есть ничто».

Он добавил: «Я доверю вам одну тайну, но как друг и на ухо, причём даже на ухо сердца: я совершенно не владею ни искусством лгать, ни скрывать, ни ловко притворяться, а ведь это главная пружина в ведении политики и искусство из искусств в делах мирского благоразумия.

Ни за все владения Савойи, ни Франции, ни всей Империи я не понес бы за пазухой лживого донесения. Я поступаю на старинный галльский манер, во всем с доброй верой и со всей простотой. Что у меня на уме, то и на языке. Я не могу говорить с сердцем двоящимся (ср. Пс. 11:3), зная, что мерзок пред Господом человек лукавый. Всякий, кто меня знает, знает и эту мою особенность. Поэтому совершенно справедливо считают, что я ничуть не гожусь для того, что зовется политикой. Кроме того, я всегда почитал как небесное, верховное и божественное правило это великое слово Апостола: тот, кто посвящен Богу, не должен вмешиваться в дела мирские» (ср. 2 Тим. 2:4).

1 prudence в общем случае означает «благоразумие» и является одной из кардинальных добродетелей, но в данном случае имеется в виду мирская ловкость, политическая осмотрительность и дальновидность, которой св. Франциск был чужд, похоже, хотя по своему смирению заодно и отрицал наличие у себя и наличие соответствующей добродетели в высоком смысле.

Глава двадцать пятая. Великое милосердие блаженного к одной умирающей.

Одна монахиня из Конгрегации Посещения, прожив долгую, полную недугов жизнь с таким образцовым терпением, что приводила в изумление всех, кто видел, как она страдает не только с упование, но, что еще более примечательно, с радостью, — наконец слегла под натиском жестокой болезни, от которой и умерла.

Примерно за два часа до того, как она испустила дух, позвали нашего блаженного, чтобы он сопутствовал ей в этом последнем переходе. Блаженный, который давно знал эту душу и которому было ведомо, что Господь наш вел ее крестным путем с редкостным терпением, без всякого труда приготовил ее к смерти. Напротив, ему стоило бы больших трудов, чтобы отговорить ее от желания умереть, если бы не ее совершенная покорность воле Божией.

Эта дева, уже на пороге агонии, но сохранившая, однако, ясный рассудок, совершила все акты веры, любви и сокрушения, к которым блаженный кротко и неспешно ее побуждал. И вот, верный своей обычной манере, он предложил ей акты смирения, упования и

покорности воле Божией. Внезапно, чувствуя острейшие боли, эта добрая монахиня с глубоким вздохом промолвила: «Но, Отче мой, не будет ли в том для меня греха?...».

Блаженный, заподозрив в этом искушение от лукавого и зная, что в этот миг он нападает с великой яростью, чтобы с неистовством увлечь душу к погибели, спросил ее: «Какой грех, дочь моя?». Умирающая: «Увы, дорогой мой отче, нет, это было бы слишком большим нечестием», — и на этом остановилась.

Блаженного охватила еще большая тревога. «Какое нечестие? — сказал он, — дорогая моя дочь! Что случилось! Кто в этот последний час лишил вас того драгоценного упования, которое Господь наш вложил в вас через меня? Ах! это мои грехи тому причиной». «Нисколько, отче мой, — сказала умирающая, — я уповаю на ваше милосердие более, чем когда-либо; но этим не стоит вам досаждать». «Возможно, — подхватил святой, — это имеет большее значение, чем вы думаете. Духовные козни искусителя более тонки и коварны, чем вы себе представляете, особенно в предсмертные мгновения, когда он прибегает к еще большим ухищрениям, чем когда-либо. Умоляю вас и заклинаю вас не скрывать от меня того, что причиняет вам боль». «Ах! добрый мой отче, — сказала она, — это было бы слишком большим нечестием по отношению к Господу нашему; именно сейчас я должна быть Ему наиболее покорна». «Дочь моя, — сказал блаженный, — нет для вас ни большего знака покорности, ни дела, более угодного Ему, чем просто, чистосердечно и доверчиво сказать мне то, что заставило вас вздохнуть». «Отче мой, — сказала она, — я и не такое претерпела; теперь более чем когда-либо время подавлять всякую жалость к себе и не давать воли жалобам». «Всякая жертва ниже послушания, — сказал блаженный. — Я не осмеливаюсь во Имя Его повелеть вам объявить мне о вашем беспокойстве, но я умоляю вас, дорогая моя дочь, по крайней мере избавьте меня от терзающей меня тревоги, ведь, знай вы, сколь она мучительна, вы бы сжалились надо мною». «Отче мой, — сказала она, — у вас достанет силы духа, чтобы не тревожиться и недоумевать из-за такой мелочи». «Вы называете мелочью, — сказал святой, — спасение души, за которую умер Иисус Христос? Я содрогаюсь при виде опасности, грозящей вашей душе, возможно, из-за сущего пустяка». «Вы правы, отче мой, — сказала она, — ибо это — ничто». «О, какое же это ничто,— воскликнул святой пастырь, — коль из-за него обрекают себя на проклятие и Бог карает вечной мукой! Увы, моя добрая дочь, неужели мне придется прибегнуть к крайним средствам, чтобы отогнать от вас этого демона злобы, который связывает вам язык и лишает вас дара речи?».

Он уже хотел велеть всем сестрам молиться, и тут умирающая сказала ему прерывающимся и тихим голосом: «Что ж, отче мой, если вы повелеваете мне это в силу святого послушания, я скажу вам, в чем дело». «На этом и порешим, — сказал блаженный, — о, как вы меня утешаете! Воистину, вы снимете с моего сердца мельничный жернов. Душа моя в тисках, доколе вы не даруете мне этого утешения». «Но, отче мой, уверяете ли вы меня, что в этом нет греха?». «О, дочь моя, без сомнения, грех был бы в том, чтобы не сказать после такого повеления. Будьте уверены, в этом нет ни тени греха, в чем я и ручаюсь вам своей душой». «Увы! — сказала она, — Отче мой, неужели я должна проявить малодушие на исходе моей жизни?». «Какое малодушие? — сказал он, — говорите яснее». «Увы! разве это не величайшее малодушие, — сказала она, — и великое нечестие по отношению к Господу нашему — сказать, что мне очень больно?».

Блаженный, видя, что это и был весь яд, что таился в сердце бедной умирающей, громко воскликнул: «Нет, именем Бога [говорю вам], дочь моя, в этом нет ни малодушия, ни какого-либо нечестия! О, воистину, вы только что даровали мне жизнь! И это все?». «Да, это всё, отче мой, — сказала она. — Но не для того ли, чтобы успокоить и утешить меня в

печали, вы говорите мне с такой горячностью, что в этом нет греха?». «Нисколько, дочь моя, я ненавижу притворство, особенно в таком деле, где говорить надобно от всего сердца.

Итак, дочь моя, после примера, который я вам сейчас приведу, нужно, чтобы все ваши тени рассеялись, как рассеиваются тени ночи при восходе солнца. Сын Божий, наш Спаситель и наш Учитель, будучи на Кресте в жесточайших предсмертных муках, не воскликнул ли громким голосом: „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?” (Мф. 27:46). Сравните ваши слова с этими и увидите, не подобны ли они слабой лампаде пред солнцем.

Это до такой степени не является злом — жаловаться и даже кричать под гнётом боли, что, напротив, я считаю: святая добродетель правдивости, чистосердечия и простоты обязывает нас, когда мы чувствуем боль, особенно когда она сильна, объявлять о ней тем, кто может принести облегчение. Ибо как они подумают о том, чтобы нас утешить, если мы забудем жаловаться и объявлять им об этом?»

«О, отче мой, — сказала она, — значит, я и впрямь совершила много проступков. Ибо уже много лет я постоянно больна и, можно сказать, поселилась в лазарете. Я почти не помню, чтобы прожила хоть мгновение без боли, и часто сносила её, не жалуясь.

Правда, теперь, когда во мне нет ни сил, ни крепости, я чувствую, что боли стали нестерпимыми. И я боялась говорить о них и сетовать, считая, что это было бы проявлением жалости к себе, малодушием и неверностью по отношению к Иисусу Христу, Который претерпел куда большее за меня на Кресте».

Посему она пожелала получить от нашего блаженного и благословение, и отпущение этих проступков. Вскоре после этого чувства ее начали угасать, и после получасовой тихой агонии она предала свою прекрасную душу в объятия Иисуса Христа.

Блаженный обливался слезами утешения, видя столь блаженную кончины. Он воспользовался этим случаем, чтобы поведать сестрам о героическом самообладании святой монахини: ведь она в предсмертных ужасах и муках не осмеливалась даже открыть уст, словно сердце ее говорило вместе с Пророком: «Я был нем и не открывал уст моих, потому что Ты соделал это» (Пс. 38:10).

Однако сам блаженный, рассказавший мне эту историю, признался, что никогда не испытывал такой глубокой печали и что вышел оттуда весь в слезах и поту, словно проповедовал о Страстиах три часа подряд.

Глава двадцать шестая. О краткости в проповеди.

Он чрезвычайно одобрял краткость в проповеди и говорил, что многословие — самый распространенный недостаток проповедников его времени.

«Вы называете это, — говорил я ему, — недостатком и изобилию даете имя скучности?».

«Когда виноградная лоза, — отвечал он, — дает много древесины, именно тогда она приносит меньше всего плодов. Множество слов не порождает великих деяний.

Посмотрите на все гомилии или проповеди Отцов, сколь они кратки, и сколь более действенны они были, нежели наши!

Добрый святой Франциск предписывает в своем Уставе проповедникам Ордена быть краткими и приводит тому такую причину: Бог сократил слово Свое на земле (ср. Рим. 9:28).

Поверьте мне, — говорил он, — я говорю вам это по опыту, и по долгому опыту: чем больше вы скажете, тем меньше удержат в памяти. Чем меньше вы скажете, тем больше извлекут пользы. Перегружая память слушателей, ее разрушают, подобно тому, как гасят лампады, наливая в них слишком много масла, и заставляют задыхаться растения, поливая их без меры.

Когда речь слишком длинна, конец заставляет забыть середину, а середина — начало.

Посредственные проповедники приемлемы, лишь бы они были кратки; превосходные же становятся в тягость, когда говорят слишком долго. Нет у проповедника качества более отталкивающего, чем многословие».

Глава двадцать шестая. О малом числе слушателей.

«Великая да будет ваша радость, — говорил он, — когда, взойдя на кафедру, вы увидите, что собрание ваше немногочисленно».

«Но ведь, — говорил я ему, — научить многих стоит не большего труда, чем научить немногих».

«Это, — отвечал он, — тридцатилетний опыт в этом упражнении заставляет меня так говорить. А я всегда замечал, что проповеди, произнесенные при малом числе слушателей, приносят больше плода для служения Божия, нежели те, что произнесены в присутствии множества.

Когда я был настоятелем собора, мой предшественник епископ послал меня с другими клириками проповедовать. В одно воскресенье, когда была весьма дурная погода, в церкви оказалось всего семь человек, из-за чего некто сказал, что не стоит и труда проповедовать.

Я возразил, что меня ни большое число слушателей не воодушевляет, ни малое не расхолаживает, лишь бы хоть один получил назидание, и этого довольно.

Итак, я взошел на кафедру. Помню, что проповедь моя была о молитве к Святым. Я излагал этот предмет весьма просто, говорил без всякого пафоса и возбуждения. Однако один из слушателей начал весьма горько плакать и даже громко всхлипывать и вздыхать.

Подумав, что ему стало дурно, я попросил его не сдерживаться и сказал, что мы готовы прекратить речь и помочь ему, если он в том нуждается».

Он отвечал, что телом здоров и чтобы я продолжал говорить, ибо, мол, слова мои затронули его за живое.

Когда проповедь, а она была весьма коротка, окончилась, он подошел и бросился к моим ногам, громко крича: «Господин настоятель, господин настоятель, вы даровали мне

жизнь, вы спасли мою душу сегодня! О, да будет благословен тот час, в который я пришел и в который я вас услышал! Этот час возвратил мне вечность!».

И вслед за тем он рассказал, что беседовал с несколькими пасторами о молитве к святым, и они представили ее ему как ужасное идолопоклонство, после чего он уже назначил следующий четверг днем своего отречения от католической веры. Но проповедь, которую он только что услышал, так его вразумила, что, избавившись от всех сомнений, он от всего сердца отверг обещание, которое им дал, и обновил свой обет послушания Римской Церкви.

Не могу вам передать, какое впечатление этот великий пример, явленный среди столь немногих людей, произвел на всю округу, и сколько сердец обратил к нам, сделав их послушными и восприимчивыми к слову жизни.

Я мог бы привести вам и другие подобные [случаи], и еще более примечательные, которые породили во мне столь нежную привязанность к малым собраниям, что никогда не бываю так доволен, как в те минуты, когда, взойдя на кафедру, вижу перед собой немного людей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая. Цель проповеди.

Таково было его убеждение: проповеднику недостаточно иметь лишь общее намерение учить путем Божиим, но надобно ставить себе и некую частную цель, например, познание того или иного Таинства, прояснение какого-либо положения веры, искоренение некоего порока или же насаждение некоей добродетели.

«Вы и представить не можете, — говорил он, — сколь важен сей совет, и сколько прекрасных, тщательно подготовленных проповедей остаются бесплодными из-за небрежения им. Если вы последуете этому правилу, то сделаете ваши проповеди весьма плодотворными; в противном случае вы, быть может, и вызовете восхищение, но не принесете никакого плода».

Когда ему говорили, что некий проповедник говорит чрезвычайно хорошо, он спрашивал: «В каких добродетелях он особенно силен? В смирении, в умерщвлении плоти, в кротости, в мужестве, в набожности и тому подобных?»

Когда же ему сообщали, что, по слухам, он хорошо проповедует, святой отвечал: «Говорить — еще не значит делать. Одно куда легче другого. Сколь многие говорят, но не делают, и дурным своим примером разрушают то, что созидают языком? Не чудовищен ли тот человек, у которого язык длиннее рук?»

Однажды о ком-то, приведшем всех в восторг, сказали: «Он явил сегодня чудеса». «Вот тот, — сказал на это святой, — кто был найден безупречным, кто не гнался за золотом и не уповал на сокровища мира сего» (ср. Сир. 31:8).

В другой раз ему сказали, что этот проповедник превзошел самого себя. «На какое пошел он внутреннее самоотречение? — спросил святой. — Какую обиду он претерпел? А ведь именно в таких случаях превозмогают себя».

«Хотите знать, — добавил он, — по чему я узнаю превосходство и ценность проповедника? По тому, когда слушатели, выходя с проповеди, говорят, ударяя себя в грудь: „Буду исправляться!“, а не когда они восклицают: „О, сколь прекрасно он говорил! Какие дивные слова!“ Да, ибо возвещать прекрасные истины, и притом красноречиво, — значит лишь явить ученость или красноречие человеческое; но когда грешники воистину обращаются, сходя с порочных путей своих, — вот верный знак того, что устами проповедника говорит Сам Бог, что он обладает истинным ведением пути [спасения] и ведением святых. Истинный плод проповеди в том, чтобы грех был истреблен, и правда воцарилась на земле. Именно для этого Бог посыпает проповедников, как Иисус Христос — Своих Апостолов: чтобы они шли и приносили плод, и чтобы плод их пребывал (ср. Ин. 15:16)».

Глава вторая. Об опасности высоких санов.

Однажды в присутствии нашего блаженного зашла речь о некоем прелате, занимавшим высокое положение в Церкви; он, как говорили, на всех парусах мчался к кардинальскому сану, а его отсутствие создавало некоторый беспорядок в епархии.

«О Господи, — сказал блаженный, — хоть бы уже стал наконец кардиналом!»

Я спросил его, почему он так говорит.

«Тогда, — отвечал он, — он помышлял бы о лучшем». «Вот так! — возразил я. — Неужели о том, чтобы стать Папой? И кто отпустил бы ему сей грех?» «Я не то имею в виду, — сказал он, — но душепопечение, сие искусство из искусств, упражняясь в коем можно сослужить величайшую службу Господу нашему». «Но разве высокий сан, — продолжал я, — не помешает ему посвятить себя этому?» «Вовсе нет, — ответил он, — ибо святой Карл в наши дни преизрядно в том преуспел. Я хочу сказать, что, когда бы погоня за почетным званием перестала занимать его ум, он обратился бы к своему сердцу и помыслил о своих пастырских обязанностях, кои от Божественного права, и всего себя посвятил бы им с нераздельным вниманием. А это послужило бы великому назиданию для Церкви».

Когда этот прелат менее всего ожидал чести, которой так долго домогался, он получил ее как бы внезапно, в тот самый час, когда мирские средства иссякли, все ухищрения были исчерпаны и Промысл Божий явил свою силу.

И когда он достиг желаемого, то, дивное дело, столь мало стал он ценить то, что прежде так превозносил, и сколь высоко поставил пастырское достоинство, которым, казалось, пренебрегал.

Он уже готов был удалиться в свою резиденцию, где, имея дарования великие, он полагал употребить все свои силы на великие свершения; но Богу угодно было удовольствоваться его добрым намерением, и Он призвал его из сего мира, после того как тот всего шесть месяцев и почти без всякого удовлетворения пользовался тем, чего доискивался более тридцати лет с такими трудами и горестями, которые легче вообразить, нежели описать. Пример примечательный и достойный серьезного размышления.

Глава третья. Изобретательное милосердие.

Один человек возымел смелость попросить у него взаймы двенадцать экю и, вопреки воле блаженного, не желавшего никакой расписки, настоял на том, чтобы дать ему письменное обязательство. Срок обязательства, по выбору самого просителя, составлял всего месяц. Месяц сей растянулся на год, по прошествии коего человек тот вновь явился к блаженному и, ни словом не упомянув о занятых двенадцати экю, попросил у него еще десять.

Блаженный попросил его подождать в зале, а сам пошел за его обязательством и, вернувшись, сказал: «Вы просите у меня взаймы лишь десять, а вот двенадцать, которые я от всего сердца дарю вам», — что он и сделал, возвращая ему его же расписку.

Другой попросил у него взаймы двадцать экю и также хотел дать ему обязательство. Блаженный не всегда располагал такими суммами, чтобы их дарить; однако, поскольку сердце его было добрым и он готов был на все ради ближнего, он придумал уловку, которая и выручила сего человека, и соразмерила щедрость прелата с его возможностями.

Он пошел за десятью экю и, вернувшись, сказал ему: «Я нашел способ, который позволит нам обоим сегодня же выиграть по десять экю, если вы мне поверите».

«Монсеньор, — сказал тот человек, — что же для этого надобно сделать?»

«Нам с вами нужно лишь разжать руку, — отвечал святой, — что не так уж и трудно. Вот, держите десять экю, которые я даю вам в чистый дар вместо того, чтобы одолжить двадцать; эти десять вы выигрываете. А я сочту за выигрыш другие десять, если вы избавите меня от необходимости давать их вам взаймы».

Глава четвертая. Как блаженный пресекает жалобу господина де Белле.

Однажды я посетовал нашему блаженному на тяжкую обиду, мне нанесенную. Неправота обидчиков была столь явной, что блаженный со мною согласился.

Воодушевленный его поддержкой, я торжествовал и, упиваясь правотою своего дела, находил для него все новые и новые доказательства.

Блаженный, желая остановить этот словесный поток, сказал: «Поистине, они во всем неправы, что так с вами обошлись. Поступок сей недостоин их, тем паче в отношении человека вашего звания. И все же во всем этом деле я вижу лишь одно, в чем можно вас упрекнуть».

«Что же именно?» — спросил я.

«То, что в вашей воле явить больше мудрости и промолчать».

Ответ этот так меня обезоружил, что я тотчас умолк, и в моих устах не нашлось слов для возражения.

Глава пятая. О частых проповедях.

До блаженного дошли слухи, будто меня порицают за то, что я проповедую в своей епархии в Пост, в Адвент, а также по воскресным и праздничным дням. На это он отвечал, что упрекать земледельца или виноградаря в том, что он слишком усердно возделывает свою землю, значит расточать ему истинные похвалы.

После этого, опасаясь, как бы эти упреки не охладили мое рвение, он сказал мне при беседе: «У меня был лучший в мире отец, который, однако, провел немалую часть своей жизни при дворе и на войне. Когда я был настоятелем собора, я при всяком удобном случае старался проповедовать, как в самом соборе, так и в приходах, вплоть до самых малых братств; я не знал, что значит отказывать: *Всякому, просящему у тебя, давай* (Лк. 6:30).

Мой добный отец, заслышиав звон к проповеди, спрашивал, кто проповедует. Ему отвечали: „Кто же еще, как не ваш сын?“ Однажды он отвел меня в сторону и сказал: „Настоятель, ты проповедуешь слишком часто. Я слышу, как звонят к проповеди даже в будние дни, и мне всякий раз говорят: это настоятель, настоятель. В мое время было не так, проповеди были куда большей редкостью. Но зато какие это были проповеди! Видит Бог, они были исполнены учености, глубоко продуманы, в них изрекались дивные вещи, а латыни и греческого в одной такой проповеди приводили больше, чем ты в десяти. Все бывали в восхищении и назидались, народ стекался толпами, можно было подумать, что идут собирать манну небесную. Ныне же ты сделал это дело столь обыденным, что никто его больше не ценит, да и к тебе уже не питают прежнего уважения“.

Видите ли, — продолжал блаженный, — добный мой отец судил по-своему. Нельзя и помыслить, чтоб он желал мне зла; но он говорил со мной по меркам мира сего.

Поверьте мне, проповеди никогда не бывает много. *Nitquam satis dicitur quod nitquam satis discitur* (Никогда не говорится довольно о том, чему никогда не научиться вдосталь)¹, в особенности теперь и в этом kraю, соседствующем с ересью; ересью, которая держится одними лишь проповедями и которая одной лишь святой проповедью и будет сокрушена».

¹ Цитата из Сенеки («Нравственные письма к Луцилию», 75, 6).

Глава шестая. О неясности слога одного писателя.

Однажды он увидел в моей библиотеке несколько томов одного писателя, весьма ученого, но вместе с тем столь неясного в своих выражениях, что и самые искусные умы ничего в них не разумели.

Кто-то ради шутки начертал на первом листе слова: *Fiat lux* (Да будет свет).

Блаженный нашел эту выдумку забавной и, помедлив немного, словно попытавшись разгрызть этот черствый сухарь и не одолев его, сказал мне с великой любезностью: «Сей

муж произвёл на свет множество книг, но я не вижу, чтобы он пролил свет хотя бы на одну».

Весьма прискорбно быть столь ученым и не иметь дара ясно выражать свои мысли. Умеренные познания при легком слоге куда как предпочтительнее.

Глава седьмая. О книге «Духовная брань».

Изречение, приписываемое Фоме Кемпийскому, почитаемому за автора «Подражания», было ему весьма по сердцу: «Я искал покоя повсюду и обрел его лишь в тихом уголке, с небольшой книгой». И он говорил, что для преуспеяния в учении надлежит читать одну единственную книгу, ибо те, кто лишь скользит по страницам многих, никогда не обретают полноценного знания.

Посему он и советовал взять какую-нибудь благую книгу, по возможности малую и удобную для ношения, и читать ее часто, а еще усерднее — жить по ней.

«Духовная брань» была его книгой-любимицей, его драгоценной наперсницей. Он не раз говорил мне, что носил ее в кармане более восемнадцати лет и каждый день прочитывал несколько глав или по меньшей мере несколько строк. Он советовал эту книгу всем, кто к нему обращался, называя ее достолюбезной и всецело применимой на деле.

Глава восьмая. Изящное наставление.

Однажды в Париже несколько знатных дам, выйдя с проповеди, которую он только что произнес, пришли навестить его.

У каждой было какое-то затруднение, которое она хотела ему изложить; одна просила его совета в одном, другая — в другом, и все почти одновременно.

Блаженный, не зная, которую слушать, сказал им: «Я отвечу на все ваши вопросы, если только вы соблаговолите ответить на один мой вопрос. Скажите, что, по-вашему, можно услышать в собрании, где всякий говорит и никто не слушает?»

Все дамы пришли в великое смущение и умолкли, подобно тому как в одно мгновение смолкают тысячи лягушек, когда в воду бросают камень.

Глава девятая. О проповеднике, говорившем против отсутствующих.

Один весьма ученый проповедник, которому его проповеди стоили многих трудов, но на которые мало кто ходил, посвятил добрую часть своего часа жалобам на нерадение тех, кто не пришел слушать слово Божие, и дошел до того, что пригрозил все бросить и оставить кафедру.

Блаженный, присутствовавший на сей проповеди, сказал одному из своих доверенных лиц, выходя из церкви: «На кого гневается сей добрый человек? Он укорял нас за вину,

которой мы не совершали, ибо мы здесь были. Неужто он хотел, чтобы мы разорвали себя на части, дабы заполнить прочие пустующие места? Гневался он на отсутствующих, которые оттого не станут усерднее, ибо не слышали его. Если бы он хотел говорить с ними, ему следовало бы пойти по улицам и площадям города, чтобы понуждать тех, кто их наполняет, войти на его пир. Он кричал на невинных, а виновных оставил в покое».

Глава десятая. О малых добродетелях.

Хотя наш блаженный обладал добродетелями самыми выдающимися, он, тем не менее, питал нежную любовь к малейшим, то есть к тем, что кажутся таковыми в глазах людей; ибо нет ни одной, особливо из дарованных свыше, которая не была бы велика пред Богом.

«Всякий, — говорил он, — желает добродетелей блистательных и заметных, пригвожденных к самому верху Креста, дабы их видели издали и ими восхищались. Весьма немногие спешат собирать те, что, подобно чабрецу, растут у подножия сего Древа Жизни, в тени его. А между тем, они-то и есть самые благоуханные и обильнее прочих орошены кровью Спасителя, Который дал христианам первый урок: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29).

Не всякому дано упражняться в великих добродетелях: в мужестве, в великодушии, в щедрости, в готовности к мученичеству, в терпении, в уповании, в доблести. Случай для их проявления редки, однако все к ним стремятся, ибо они блистательны и славны; и часто бывает, что, вообразив себя способными их явить, люди надмеваются от пустого самомнения, а при первом же испытании ударяются лицом в грязь.

Возможность заработать большие деньги выпадает не каждый день, но каждый день можно заработать гроши и полушки, и, сберегая эту малую прибыль, иные со временем становятся богачами. Мы бы накопили великие духовные богатства и собрали бы себе многие *сокровища на небе* (Мф. 6:20), если бы все малые случаи, выпадающие нам на каждом шагу, обращали на служение святой любви Божией.

Недостаточно совершать деяния великих добродетелей, если не совершать их с великой любовью; ибо именно эта добродетель дает основание, вес и цену добрым делам пред Богом. И деяние малой добродетели (ибо не все добродетели равны по своей природе), совершенное с великой любовью к Богу, много превосходнее деяния добродетели самой изысканной, но совершенного с меньшей любовью к Богу.

Чаша холодной воды (Мф. 10:42), поданная сей великой любовью, заслуживает вечной жизни. Две лепты, монеты самого малого достоинства, принесенные с той же любовью бедной вдовой, Сам Иисус Христос предпочел значительным дарам, которые богатые клали в сокровищницу (ср. Лк. 21:1–4).

Почти не обращают внимания на сии малые добродетели: на снисхождение к дурному нраву ближнего; на кроткое терпение его несовершенств; на готовность смиленно снести недовольный взгляд; на любовь к презрению и собственному уничижению, на [способность вытерпеть] малую несправедливость и то, что другим оказывают предпочтение перед нами, и резкий упрек, и докучливость; на [расположение к] исполнению низких, не соответствующих нашему положению обязанностей, на любезный ответ тому, кто укоряет нас напрасно и с гневом; на [мужество], упав, стерпеть

насмешку; с кротостью принять отказ в милости, с благодарением принять благодеяние; на [силу] смиряться перед равными и низшими, обращаться со слугами человеколюбиво и с добротой. Все это кажется малым в глазах тех, у кого сердце надменно и взор вознесен. Мы желаем лишь добродетелей доблестных и нарядных, приносящих славу, не помышляя о том, что *угождающий людям не раб Христов* (ср. Гал. 1:10), и что дружба с миром делает нас врагами Богу (ср. Иак. 4:4).

Глава одиннадцатая. Сила кротости.

Говорил я однажды одному великому и благочестивому прелату, что восхищаюсь в нашем блаженном той несравненной кротостью, с которой он без всякого насилия все подчинял своей воле.

«Он делает, что хочет, — говорил я, — и притом с такой мягкостью и вместе с тем с такой силой, что ничто не может ему противостоять. *Тысяча падет подле него, и десять тысяч одесную его* (ср. Пс. 90:7). Все уступает его увещеваниям; он достигает цели, к которой стремится, кротко и сильно; можно подумать, что он к ней и не прикасается, а дело уже сделано».

Он отвечал мне с большой рассудительностью (ибо был он просвещен в путях Божиих и в ведении святых): «Именно эта кротость и делает его столь могущественным; разве вы не знаете, что сталь, которая много крепче железа, имеет закалку куда более мягкую? *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5:5). Любая воля покорится им, они станут царями сердец, и все побегут за ними *на благоухание ароматов их* (ср. Песн. 1:3)».

Таково было одно из важнейших и непреложных правил нашего блаженного Отца: «*Блаженны сердца мягкие, ибо они никогда не разобьются*. Воистину, не они разобьются — но все разобьются у подножия их.

Глава двенадцатая. О боязливости целомудрия и о целомудрии страха.

Когда целомудрие боязливо — это добрый знак. Его оплот и его крепость — это страх. *Ты исполнил ужаса твердыни его* (Пс. 88:41, Вульг.). В этом вопросе, как и во всяком другом, можно сказать: *Блажен, кто всегда пребывает в страхе* (Притч. 28:14, Вульг.).

«Среди всех борений христианских, — говорит святой Иероним (Письм. 34 Неп.), — самые ожесточенные — это борения за целомудрие; они самые частые, и, однако, победа в них — самая редкая. Тот, кто полагается на свое прошлое целомудрие, подвергается великой опасности пасть».

Но если страх столь необходим для целомудрия, то не менее нуждаемся мы и в целомудрии страха, дабы совершать наше спасение *со страхом и трепетом* (Флп. 2:12).

Когда я спросил его, что он разумеет под целомудрием страха, он отвечал: «Страх целомудренный, который пророк называет святым и который *пребывает вовек* (ср. Пс. 18:10), — это тот, что происходит от любви к Богу и одушевлен милосердной любовью; любовью, которая побуждает нас заботиться о славе Божией более, чем о нашей

собственной пользе, и, следовательно, более страшиться оскорбить Его, нежели наказания, которое за тем последует.

Когда мы боимся оскорбить Бога, потому что Он благ Сам по Себе, а не потому что Он — Бог отмщений, тогда страх наш целомудрен и чист, и подобен страху верной супруги, которая ничего так не боится, как огорчить своего супруга, ибо любит его и почтает за великое счастье быть им любимой.

Одним словом, страх целомудренный и святой есть страх благоговения, любви и почтения, не рабский и не корыстный, но сыновний, приличествующий даже величайшим святым.

Это не значит, что рабский страх препятствует вхождению любви в душу; напротив, он готовит ей путь, будучи, согласно сравнению святого Августина (Толк. 9 на посл. Иоан.), иглой, которая вводит золотую или шелковую нить. Препятствием же служит рабская природа этого страха, которая состоит в том, чтобы отвращаться от зла из боязни мучений, но так, что если бы не было мучений, которых следует страшиться, зло совершили бы с охотой.

Есть разница между тем, чтобы сказать: „Я воздерживаюсь от греха, потому что боюсь наказания, следующего за грехом“, — или: „Я воздерживаюсь от греха лишь потому, что за грехом следует наказание“. Первое — хорошо; второе — нет, ибо это все равно что сказать: „Если бы не было наказаний, которых следует страшиться, я бы не заботился о том, чтобы не оскорблять Бога“».

Он высоко превозносил страх, берущий начало в любви, как страх всецело сыновний, и его великим изречением было: «Нужно бояться Бога из любви, а не любить Его из страха».

Глава тринадцатая. Он никогда не терял надежды на спасение грешников.

Сердце его было столь благостно, что он не мог питать дурных чувств даже к злым людям. Он делал все, что мог, дабы покрыть грехи ближнего, ссылаясь то на немощь человеческую, то на силу искушения, то на великое число тех, кто совершает подобные прегрешения.

Когда же грехи были столь явными и общеизвестными, что скрыть их было невозможно, он обращался к будущему и говорил: «Кто знает, не обратится ли он, и кто мы такие, чтобы судить братьев наших? Если бы Господь не был нам помощником, мы были бы хуже, и вскоре вселилась бы душа наша в преисподнюю (ср. Пс. 93:17, Вульг.)¹.

Для каждого дня довольно своей заботы (ср. Мф. 6:34)². Величайшие грешники порой становятся величайшими кающимися, свидетельством тому Давид и многие другие; и покаяние их назидает более, чем их грех творит разрушений. Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму (ср. Мф. 3:9). Дивными переменами десницы Своей Он делает сосуды чести из тех, что были сосудами позора (ср. Рим. 9:21)³.

Он никогда не желал, чтобы отчаявались в обращении грешников до самого их последнего вздоха, говоря, что жизнь сия есть путь нашего странствия, на котором стоящие могут пасть, а павшие могут, по благодати, восстать.

Он шел и далее, ибо даже после смерти он не допускал, чтобы дурно судили о тех, кто вел неблагую жизнь, исключая лишь тех, чье осуждение засвидетельствовано в Писании. Помимо сего, он не желал, чтобы вторгались в тайну Божию, которую Он оставил в ведении лишь Своей премудрости и Своего могущества.

Главное его основание было в том, что как первая благодать не дается по заслугам, так и последняя благодать, то есть способность выстоять до конца, также не дается по заслугам. *Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим. 11:34)⁴.

По этой причине он призывал и после смерти человека надеяться на благой удел его души, какой бы тяжкой ни казалась его кончина, ибо мы можем лишь строить догадки, основанные на внешнем, а в этом и самые опытные могут обмануться.

На сей счет он рассказал мне то, что я сейчас поведаю. Один проповедник, человек легкого нрава, говоря об известном ересиархе, ставшем причиной отпадения Женевской Церкви, сказал, что не должно выносить приговор об осуждении кого бы то ни было после смерти, исключая тех, кто объявлен отверженным в Писании, и даже о сем ересиархе, который причинил столько зла своими заблуждениями. «Ибо кто знает, — говорил он, — не коснулся ли его Бог в мгновение смерти, и не обратился ли он?

Истинно, — продолжал он, — вне Церкви и без истинной веры нет спасения; но кто знает, не возжелал ли он спасительно своего воссоединения с Католической Церковью, от которой отделился, и не признал ли он в сердце своем истину той веры, с которой боролся, и не умер ли в истинном покаянии?»

И, продержав всех своих слушателей в напряжении, он в конце заключил: «Истинно, мы должны иметь величайшее упование на благость Божию. Сам Иисус Христос предложил Свой мир, Свою любовь и спасение предателю, который предал Его лобзанием; почему же Он не мог бы предложить ту же благодать и сему несчастному ересиарху? *Разве рука Господня коротка?* (ср. Ис. 59:1). Разве Он стал менее благ и менее милосерд, Он, Кто есть само милосердие, милосердие без числа, без меры и без конца?

Но, — добавил он, — поверьте мне, и я могу уверить вас, что не лгу: если он не осужден, то спасся он таким чудом, какого не бывало; и если он избежал вечной погибели, то должен поставить за это Богу такую знатную свечу, какой не ставил никто из людей его звания».

Сей столь неожиданно веселый конец заставил слушателей скорее рассмеяться, нежели прослезиться.

Глава четырнадцатая. Как он ободрял кающихся грешников.

Однажды некая особа предстала перед ним на Таинстве Покаяния и, поведав о жизни, весьма недостойной ее положения в обществе, под конец спросила: «Что же, отче, какого мнения вы будете обо мне отныне?» «Как о святой», — сказал он. «В таком случае, — возразила она, — это будет противно вашему знанию и вашей совести». «Это будет согласно и с тем, и с другим, а не противно им», — отвечал он. «Как же так?» — переспросила та особа. «Я не настолько несведущ в том, что происходит в мире, — ответил блаженный, — чтобы до меня не доходили слухи о вас, и это причиняло мне великое огорчение как из-за оскорблений, наносимого Богу, так и ради вашего доброго имени, которое я не знал, как защитить. Но теперь, когда я вижу, что душа ваша

примирилась с Богом через доброе покаяние, у меня в руках есть все, чтобы защитить вас и перед бесами, и перед людьми, и чтобы решительно опровергнуть все зло, которое могли бы сказать о вас». «Но, отче, о прошлом-то будут говорить правду». «Вовсе нет, — сказал святой, — не в глазах благих душ. Что же до ропотников и фарисеев, которые будут судить вас, как фарисей судил обращенную Магдалину, то Защитником вашим будет Сам Иисус Христос (ср. Лк. 7:39)». «Но вы сами, что вы будете думать о прошлом?» «Ничего, — сказал святой, — ибо, помимо того, что нам это не дозволено, как, скажите, мысль моя может сосредоточиться на том, что упразднено, уничтожено, одним словом, на том, чего более нет пред Богом? Как можно помыслить о ничём, если не так, чтобы вовсе о нем не мыслить? Изгоните из ума вашего эту мысль о моей мысли; ибо моя мысль о вас и ради вас будет славить Бога, и все мои мысли о вас будут для Него праздником, и я хочу праздновать сей драгоценный праздник с ангелами, которые совершают его на Небесах, ликуя об обращении вашего сердца (ср. Лк. 15:10)».

Особа эта пересказала сей разговор одной доверенной душе, которой была известна ее жизнь, и добавила, что когда лицо блаженного оросилось слезами, она сказала ему, что он плачет от ужаса перед ее грехами. «Нет, — сказал он, — я плачу от радости о вашем воскресении к жизни в благодати».

Я часто слышал, как наш блаженный хвалил склонность святой Терезы читать жития святых, бывших великими грешниками, ибо, по её словам, в них она видела, как великолепие Божественного милосердия сияет посреди их крайнего убожества.

Глава пятнадцатая. О том, что нет истинного недоверия к себе без истинного упования на Бога.

Когда я спросил его однажды, что надобно делать, дабы достичь совершенного недоверия к себе, он ответил: «Совершенно уповать на Бога».

Он добавил, что упование на Бога и недоверие к себе словно две чаши весов: насколько поднимается одна, настолько опускается другая. Чем больше в нас недоверия к себе, тем больше наше упование на Бога. Чем меньше в нас недоверия к себе, тем меньше наше упование на Бога. Если же в нас нет ни малейшего доверия к себе, тогда наше упование на Бога совершенно.

«Но разве не могу я, — возразил я, — совершенно не доверять себе, ясно сознавая свое убожество и бессилие, и при этом не возлагать упования на Бога?»

«Нет, — сказал он, — если вы основаны и укоренены в любви и если вы действуете в согласии с этой добродетелью. Иначе это было бы недоверие к себе не христианское и не сверхъестественное. То недоверие, о котором вы говорите, породило бы в вас лишь печаль, уныние и малодушие; но истинное недоверие к себе, христианское и от любви исходящее, есть недоверие радостное, мужественное и великодушное, которое побуждает нас говорить: *Не я, впрочем, а благодать Божия со мною* (1 Кор. 15:10); без Нее я не могу делать ничего (ср. Ин. 15:5), даже и малейшей доброй мысли иметь. С Нею же я все могу (ср. Флп. 4:13), зная, что *невозможное человекам возможно Богу* (ср. Лк. 18:27), Который может все, что хочет, на небе и на земле. Посему Господь наш говорил Своим Апостолам: *Мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16:33). *Надеющийся на Господа*, — говорит пророк, — *как гора Сион, не подвигнется вовек* (ср. Пс. 124:1)».

Глава шестнадцатая. О постоянстве святой Любви.

Одно из прекраснейших изречений, которые я слышал из уст нашего блаженного, таково: «Верный признак того, что любовь наша принадлежит одному лишь Богу, — это когда мы любим Его равно при любых обстоятельствах. Ибо, поскольку Он всегда равен Себе, непостоянство нашей к Нему любви может проистекать лишь из внимания к тому, что не есть Он».

Я бы желал, чтобы изречение сие было начертано во всех самых видных местах ваших домов и в начале всех духовных книг, которые вам дают читать, дабы, имея его всегда перед глазами, вы лучше претворяли его в жизнь.

Сие и есть тот пробный камень, на котором испытывается, истинны ли или притворны наша любовь и наше благоговение. О, если бы душа наша достигла этой высоты, мы могли бы сказать, что она, подобно Ноеву ковчегу, покоится на вершинах высочайших гор и утверждена на высочайших холмах благочестия.

Все было бы для нас равно: жизнь, смерть, здоровье, болезнь, бедность, богатство; и никакие превратности сей жизни не смогли бы, не скажу поколебать, но опрокинуть наш челн, ибо мы держали бы его руль твердо и прямо и видели бы, что все эти обстоятельства находятся в руке Божией, Который равно достоин любви и когда Он нас карает, и когда Он нас милует; ибо правосудие Его не менее, чем милосердие, есть дщерь Его благости. Мы бы знали, что рука Его, когда она нас наказывает, подобна руке хирурга, который ранит лишь для того, чтобы исцелить, и что в конце громы его, как говорит пророк, обращаются в дожди, и в дожди благодатные, которые Бог хранит для наследия Своих избранных (ср. Пс. 67:10, Вульг.), о ком сказано: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5:4).

Именно в сем твердом и непоколебимом расположении духа великий Апостол бросал вызов всем творениям и не страшился, что они отлучат его от любви Христовой (ср. Рим. 8:35).

Глава семнадцатая. О том, как он ценил простоту.

Наш блаженный, проповедовав в Адвент и в Великий Пост в Гренобле, возжелал посетить Великую Шартрезу, которая находится всего в трех лье оттуда.

В то время приором и генералом всего ордена был дом Брюно д'Аффренк, уроженец Сент-Омера во Фландрии, муж глубокой учености и еще более глубоких смирения и простоты.

Он принял нашего блаженного с радушием, достойным его благочестия, чистосердечия и искренности; вот лишь один тому пример, который наш блаженный превозносил до небес.

Проводив его в одну из гостевых келий, подобающую его сану, и побеседовав с ним о вещах поистине возвышенных, он откланялся, чтобы подготовиться к предстоящей утрене, много извиняясь, что не может более составить ему компанию.

Блаженный весьма одобрил такую строгость в соблюдении устава; добный приор же вновь извинился, сославшись на праздник одного святого, особо чтимого в его ордене. Простишись со всеми знаками почтения иуважения, каких только можно желать, он удалился в свою келью, но по дороге был встречен одним из прокураторов обители, который спросил его, куда он идет и где оставил монсеньора Женевского. «Я, — сказал тот, — оставил его в его келье и откланялся, дабы удалиться в нашу и пойти нынче ночью на утреню ради завтрашнего праздника».

«Право же, — сказал ему на это монах, — преподобный отче, вы большой знаток светских церемоний! Да что там, это всего лишь орденский праздник! Разве каждый день в этой пустыни мы принимаем прелатов таких достоинств? Неужели вы не знаете, что Богу угодны подвиги гостеприимства? У вас всегда будет довольно времени, чтобы воспевать хвалу Богу, утреши у вас будут и в другие дни; да и кто может лучше занять беседой такого прелата, как не вы? Какой позор для обители, что вы оставляете его так, в одиночестве!»

«Сын мой, — сказал преподобный отец, — я думаю, ты прав, и я дурно поступил». И с этими словами он тотчас вернулся к монсеньору Женевскому и сказал ему со всем простодушием: «Монсеньор, уходя от вас, я встретил одного из наших управителей, который сказал мне, что я совершил ошибку, оставив вас одного, и что утреши у меня будет и в другой раз, а вот монсеньора Женевского у нас каждый день не бывает. Я поверили ему и тотчас вернулся просить у вас прощения и молить извинить мой проступок, ибо уверяю вас, что совершил его, не подумав, и что я говорю сущую правду».

Блаженный был ослеплен блеском этой дивной откровенности, чистосердечия, простодушия и простоты и сказал мне, что восхитился этим более, нежели если бы увидел, как тот сотворил чудо.

Глава восемнадцатая. Об исполнительности, умеренности и признаках истинного призыва.

Наш блаженный чрезвычайно хвалил этого доброго настоятеля Шартрезы за его исполнительность, ибо тот был столь точен в соблюдении малейших правил устава, что во внимании к нему не уступил бы и последнему послушнику. Равным образом, он, сдерживая неумеренное рвение, не желал ни на йоту преступить правила, опасаясь увлечь за собой других своим примером.

Наш блаженный, сравнивая его с предшественником на посту настоятеля, который предавался столь суровым подвигам, что, казалось, либо не имел тела вовсе, либо имел тело из железа, говорил: «Он походил на тех врачей, что плодят холмики на кладбищах; ибо желание подражать ему в его подвижничестве многих сводило в могилу тех, кого рвение не по разуму толкало превзойти свои силы. Сей же, напротив, кротостью и умеренностью берег мир и смирение в душах и здоровье в телах».

Предстал однажды перед этим добрым настоятелем один юноша. Преподобный отец, видя, сколь он хрупок, как то обыкновенно бывает с отпрысками хороших семей, представил ему всю суровость ордена и строгость обители. Юноша сказал ему, что все это предвидел и что Бог будет его силой.

Генерал, видя, что тот говорит с глубокой решимостью, сказал ему строгим тоном: «Что вы себе думаете, желая вступить в наш орден? Воображаете, что это детская игра? Знаете ли вы, что для вступления к нам мы требуем в доказательство сотворить какое-нибудь чудо? Сотворите ли вы его?»

«Не я, — отвечал юноша, — но сила Божия во мне. Я так уповаю на Его благость, что, призвав меня на служение Ему в этом звании и дав мне великое отвращение к миру, Он не позволит мне ни оглянуться назад, ни вернуться в мир, от которого я отрекся всей душой. Требуйте от меня какого хотите знамения, я уверен, что Бог сотворит его через меня во свидетельство моего призыва». Говоря это, он, казалось, весь воспламенился, и глаза его сияли, как звезды.

Дом Брюно, изумленный такой твердостью, принял его, обнял и, проливая слезы умиления на его лицо, обратился к тем, кто оказался рядом: «Братья мои, — сказал он, — вот призвание, прошедшее все испытания». И, обратившись к юноше: «Дерзай, сын мой, Бог поможет тебе и возлюбит тебя, а ты возлюбишь Его и будешь служить Ему, что дороже всякого чуда».

Наш блаженный подражал этому добром отцу, когда к нему приходила какая-нибудь девица [с желанием поступить в монастырь]. Он говорил ей лишь о Голгофе, о гвоздях, о терниях, о кресте, о внутреннем самоотречении, об отречении от своей воли, о распятии собственного суждения, о смерти для самой себя и о том, что жить нужно лишь для Бога, в Боге и ради Бога; что нельзя далее жить по влечению чувств и природным склонностям, но всецело по духу веры и Устава.

Глава девятнадцатая. О настоятелях.

Он разделял настоятелей на четыре вида: «Во-первых, — говорил он, — есть те, кто весьма снисходителен к другим и столь же снисходителен к себе; их он называл нерадивыми, мало заботящимися о своем служении, позволяющими реке течь под мостом и оставляющими корабль на милость волн. Такие пастыри названы *идолами* (Зах. 11:17), ибо, подобно идолам, они имеют глаза и не видят, уши и не слышат, ноги и не ходят, язык и не говорят. Это *немые псы, не могущие лаять* на порок и нестроение (ср. Ис. 56:10).

Во-вторых, другие — строги к другим и строги к себе. Эти часто все портят, желая сделать слишком хорошо, и впадают в крайность. Не следует всегда так туго натягивать узду коню; не давая ему споткнуться, не дают и идти¹. Истинно, пастырь должен быть правилом и образцом для своего стада, но упражнение в кротости должно начинаться с него самого; ибо для кого будет кроток тот, кто жесток к самому себе? (ср. Сир. 30:24, Вульг.)

В-третьих, некоторые снисходительны к другим и взыскательны к себе; эти наиболее достойны снисхождения, ибо они благосклонно толкуют проступки других.

В-четвертых, иные снисходительны к себе и суровы к другим; эти последние воистину несправедливы, ибо, подобно фарисеям, о которых говорил Господь наш, они *возлагают на других бремена, к которым сами не захотели бы и прикоснуться перстом* (ср. Мф. 23:4). Посему и укоряет их Господь наш: *Врач! исцели Самого Себя* (Лк. 4:23) и вынь прежде

бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Мф. 7:5).

Он желал бы, чтобы из этих четырех разрядов все перешли в пятый — в разряд святого равенства, следуя правилу: *Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой* (ср. Мф. 7:12), и обращайся с другими так, как хотел бы, чтобы обращались с тобой, и, одним словом, как ты обращаешься с самим собой».

¹ В оригинале использована игра слов, основанная на созвучии: pour l'empêcher de broncher on l'empêche de marcher` (букв. «чтобы помешать ему споткнуться, ему мешают идти»).

Глава двадцатая. О духовной мнительности.

Блаженный имел обыкновение говорить, что мнительность коренится в самой утонченной гордыне.

Он называл ее утонченной, ибо она столь тонка и хитра, что обманывает и того, кто ею страдает.

А причина, говорил он, в том, что одержимый этим недугом не может решиться довериться суждению тех, кто просвещен в путях Божиих, ибо он вечно стремится поставить собственное мнение выше суждения самых опытных; а ведь если бы он захотел покориться и отречься от собственного суждения, то тотчас бы исцелился и обрел мир.

И по справедливости страдает тот больной, что не желает пользоваться лекарствами, которые ему предлагают и которые способны его исцелить, если только он захочет их принять. Кто пожалеет того, кто готов умереть от голода и жажды среди изобилия пищи и питья?

Если Святой Дух учит нас в Божественных Писаниях, что *непослушание такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство* (ср. 1 Цар. 15:23), то что же нам сказать о непослушании мнительных, которые до того боготворят собственные чувства и порабощены собственными мнениями, что упорствуют в своих мыслях, какие бы уверования им ни предлагали и как бы ни уверяли их в безосновательности их страхов? Они вечно воображают, что наставник их не понимает, или говорит не о том, или что они сами изъясняются недостаточно ясно.

Тяжкий недуг, подобный тому, что называют ревностью, для которой все служит пищей и почти ничто — лекарством.

Да сохранит вас Бог от сего пагубного зла, которое я, по своему обыкновению, называю четырехдневной лихорадкой или бледной немочью духа.

Глава двадцать первая. О преступнике, отчаявшемся в своем спасении.

Однажды нашего блаженного пригласили в тюрьму к одному несчастному преступнику, приговоренному к смерти, которого никак не могли склонить к исповеди, ибо тот верил, что ад — его единственный удел по причине черноты содеянных им злодействий.

Блаженный застал его в твердом намерении претерпеть казнь и оттуда сойти в ад, говоря, что он добыча диавола и жертва, обреченная аду. «Не лучше ли тебе, брат мой, — сказал ему святой, — быть добычей Божией и жертвой Креста Иисуса Христа?» «Ещё бы! — отвечал преступник. — Но какое дело Богу до падали и до мерзостной жертвы?»

«О Боже, — сказал блаженный в сердце своем, — вспомни о древних щедротах Твоих и об обетовании, которое Ты дал, — не угашать курящегося фитиля и не доламывать надломленной трости (ср. Ис. 42:3); Ты, Который не хочешь смерти грешника, но чтобы он обратился и жив был (ср. Иез. 33:11), соделай сии последние мгновения благословенными для сей несчастной души».

«В любом случае, — сказал он преступнику, — не лучше ли тебе предаться Богу, нежели диаволу?» «Кто бы сомневался, — отвечал тот. — Но Ему-то какое дело до такого, как я?»

«Именно для таких, как вы, — возразил блаженный, — Отец Вечный послал Сына Своего в мир, и для еще худших, подобных Иуде и тем, кто Его распинал; ибо Иисус Христос пришел спасти грешников, а не праведных (ср. Мф. 9:13)».

«Вы уверяете меня, — сказал преступник, — что с моей стороны не будет дерзостью прибегнуть к Его милосердию?»

«Великой дерзостью было бы, — отвечал блаженный, — помыслить, что Его милосердие не бесконечно и не превышает не только все содеянные, но и все вообразимые грехи; и что Его искупление не настолько обильно, чтобы не дать благодати преизобиловать там, где преизобиловал грех, вызвавший потоп бедствий (ср. Рим. 5:20). Напротив, Его милосердие, которое *на всех делах Его* (Пс. 144:9) и которое всегда *превозносится над судом* (Иак. 2:13), тем более возвеличивается, чем огромнее груда наших грехов, ибо престол Его милосердия имеет наше убожество своим подножием».

Подобными речами, основанными на положениях веры, которая не совсем угасла в этой душе, он вновь зажег ее почти почившую надежду и привел его к такой покорности, что тот готов был всецело предаться в руки Божии — на смерть, на жизнь временную и вечную, дабы Он сотворил с ним во времени и в вечности по Своей благой воле.

«Но Он осудит меня, — говорил тот человек, — ибо Он справедлив».

«Отнюдь, Он простит тебя, — говорил наш блаженный, — если ты будешь взывать к Нему о пощаде, ибо Он милосерд и обещал прощение всякому, кто попросит о нем с сердцем сокрушенным и смиренным».

«Что ж, — сказал страдалец, — пусть осудит меня, если Ему угодно. Я в Его власти; разве не может Он поступить со мной, как *горшечник со своею глиною?* (ср. Рим. 9:21)».

«Скажи лучше, — отвечал блаженный, — вместе с Давидом: *Твой я, спаси меня* (Пс. 118:94)».

В конце концов он расположил его к исповеди, и тот принес ее с великим раскаянием и сокрушением; и умер стойко, с глубоким осознанием своих грехов, полностью вверившись всесвятой воле Божией. Последние слова, которые блаженный вложил ему в уста, были: «О Иисусе, прими меня! Я всецело вверяюсь Тебе!»

По сему случаю скажу вам: наш блаженный часто повторял, что для Всемогущего Бога невозможно навеки погубить душу, которая, покидая тело, свою волю подчинила воле Божественной.

Поэтому, находясь у одра умирающего, он прилагал все усилия, чтобы склонить его всецело подчинить свою волю — Божией, и ни о чем ином с ним не говорил. Его великими словами были: «О Боже, воля Твоя!», и еще: «*Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение*» (Мф. 11:26), и: «О Господи мой, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42).

Глава двадцать вторая. О том, что ничто не случается с нами кроме как по воле Божией.

Он имел обыкновение видеть и побуждать видеть все события в свете всесвятой воли Божией.

«Ничто не случается с нами, — говорил он, — кроме греха, что не было бы по воле Божией, будь то добро или зло. Добро — ибо Бог, будучи источником всякого блага, есть Тот, от Кого *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный исходит свыше, от Отца светов* (Иак. 1:17). Зло — ибо *бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?* (Ам. 3:6), но здесь говорится о зле наказания; ибо Бог не может желать греха, хотя и попускает его, позволяя человеческой воле действовать согласно естественной свободе, которую Он ей дал.

Добавьте к этому, что о грехе, собственно говоря, нельзя сказать, будто он с нами случается, ибо то, что случается, приходит к нам извне, грех же, напротив, исходит изнутри, из сердец наших, как говорит святое Слово (ср. Мф. 15:19). О, какое счастье было бы для нас, если бы мы привыкли все принимать из отеческой руки Того, Кто, отверзая ее, исполняет все живущее Своего благоволения! (ср. Пс. 144:16). Какой елей умягчил бы наши скорби, и сколько меду извлекли бы мы из камня, и елея — из твердой скалы! (ср. Втор. 32:13). Какая умеренность сопутствовала бы нам в благоденствии, ибо Господь посыпает нам и невзгоды, и благополучие лишь для того, чтобы обратить их во славу Свою и ко спасению нашему!

Помыслим же хорошенько об этой истине и будем видеть одного лишь Бога во всех событиях, и все события — лишь в Боге, дабы во всем прославлялся Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, Который *утешает нас во всякой скорби нашей*, дабы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби (ср. 2 Кор. 1:3-4) и извлекать пользу и выгоду из всех наших бедствий.

Глава двадцать третья. О почтении, которое все, и в особенности господин де Ледигьер, воздавали добродетели нашего блаженного.

Добродетель его была столь общепризнанна как католиками, так и протестантами, что пользовалась всеобщим почтением.

В год, когда он проповедовал в Адвент и в Великий Пост в Гренобле, господин де Ледигьер, бывший там королевским наместником и маршалом Франции, еще не вернулся в лоно Католической Церкви.

Тем не менее, он принимал нашего блаженного с необычайной обходительностью и почтением, часто приглашал его к своему столу, навещал его в его доме и даже порой

присутствовал на его проповедях, высоко ценя его учение и весьма уважая его добродетель.

Приверженцы так называемой реформатской веры встревожились, в особенности из-за долгих и тайных бесед, которые маршал вел со святым епископом.

Он хвалил его при всяком случае, всегда называл его «господин Женевский» и выказывал ему почтительность, которая всех изумляла.

Какие бы слухи ни распускали и какими бы отлучениями ни грозили пасторы, дабы удержать своих единоверцев от посещения проповедей святого епископа, с которых те выходили с великим для себя назиданием, они ничего не смогли поделать.

Они даже созывали консистории, чтобы обсудить, как бы сделать представление господину де Ледигьеру по поводу чрезмерной чести, которую он оказывал епископу Ансийскому (ибо так они его называли по местопребыванию его кафедры), слишком большой близости с ним и его присутствия на проповедях к соблазну всех протестантов. Затем они отправили к господину де Ледигьеру нескольких именитых людей своей партии для братского разумления.

Маршал, тотчас извещенный об их решении, велел передать им, что если они просят о встрече, дабы сообщить ему о каком-либо деле, он примет их с радостью; но если они вздумали делать ему представления от имени консистории, то могут быть уверены: войдя в дверь, они вылетят в окно.

Видя, что это средство бесполезно, они придумали другую уловку: попросили поговорить с ним одного из знатнейших сеньоров провинции, который был их единоверцем. Сей господин, взяввшись за поручение, при удобном случае изложил наедине господину де Ледигьеру то, чего господа из консистории не осмелились высказать, опасаясь его гнева.

Господин де Ледигьер отвечал ему: «Скажите этим господам, что я уже не в тех летах, чтобы меня учили, как жить на свете. Я был католиком до тридцати лет, и я знаю, как католики обращаются со своими епископами и как с епископами обращаются короли и принцы. Мы живем в государстве, где они занимают совсем иное положение, чем наши пасторы, которые среди нас, самое большее, подобны приходским священникам, ибо они отвергли епископское достоинство (хотя оно и имеет прочное основание в Писании), и, я полагаю, им не стоит об этом сожалеть.

Передайте такому-то (это был пастор низкого происхождения, некогда бывший его слугой, которого его покровительство возвело в число управителей так называемой реформатской церкви Гренобля), что когда я увижу среди пасторов сыновей и братьев королевских, да и самих государей, как я вижу их среди епископов, архиепископов и кардиналов, тогда я посмотрю, какую честь им оказывать.

Что же до господина Женевского, то будь я господином Женевским, как он, и правящим государем этого города, как он, я бы заставил себя там слушаться и признавать мою власть. Я знаю его права и титулы лучше, чем такой-то или любой из его коллег и помощников. Это мне учить их в этом деле, а им — молчать, если они разумны. Слишком мелки они и слишком молоды, чтобы учить жить человека моего возраста и моего звания».

После этого он удвоил почести и знаки внимания доброму епископу, к изумлению одних лишь наших так называемых реформатов; и в свою очередь получил от сего святого

прелата такие наставления и столь добрые впечатления о нашей вере, что это весьма облегчило его обращение, когда он был призван к званию коннетабля, в котором и умер добрым католиком, стяжав поистине блаженную кончину.

Глава двадцать четвертая. Жажды Небес в простом сердце.

Однажды, объезжая свою епархию с пастырским визитом, блаженный был извещен, что один добрый крестьянин, находясь при смерти, желает получить его благословение, прежде чем умереть.

Блаженный, который никому не отказывал в благословении, пошел к нему и застал доброго крестьянина на пороге смерти, но в совершенно здравом уме.

Вне себя от радости, что может увидеть своего святого епископа перед смертью, он сказал ему: «Монсеньор, я благословляю Бога за то, что, прежде чем закрыть глаза, могу получить ваше святое благословение».

Он попросил исповедаться; все удалились, и после примирения с Богом, оставшись наедине с добрым прелатом, крестьянин спросил его: «Монсеньор, я умру?»

Блаженный, полагая, что им овладел страх, и желая его немного успокоить, сказал: «Я видел, как и не с такого дальнего расстояния возвращались», — и добавил, что нужно возложить все свое упование на Бога, Который есть Владыка нашей жизни и нашей смерти.

«Монсеньор, — сказал добрый крестьянин, — но как вы думаете, я умру?»

«Сын мой, — отвечал добрый пастырь, — на это врач ответил бы лучше меня. Могу лишь сказать, что вижу душу вашу в самом добром расположении, а ведь вы могли быть призваны и в другое время, когда не имели бы такой готовности к уходу. Лучшее, что вы можете сделать, это, оставив заботу и желание жить, всецело предаться попечению Промысла и милосердия Божия, дабы Он сотворил с вами по Своей благой воле, ибо воля Его, без сомнения, всегда будет для вас наивысшим благом».

«О, монсеньор, — возразил добрый крестьянин, — не из страха смерти я спрашиваю вас об этом, но скорее из страха *не* умереть, ибо мне горько и подумать о выздоровлении».

Блаженный весьма удивился таким речам, зная хорошо, что желание умереть обычно является уделом лишь душ в высшей степени совершенных, либо же несовершенных и склоняющихся к отчаянию или, по меньшей мере, пребывающих в глубокой меланхолии.

И спросил его, есть ли у него какое-то сожаление о жизни, и откуда в нем это отвращение к ней, любовь к которой столь естественна.

«Монсеньор, — сказал добрый человек, — сей мир — такая малость, что я и не знаю, как столько людей его любят; и если бы Бог не повелел оставаться, пока Он Сам нас не призовет, меня бы давно здесь не было».

Блаженный, вообразив, что сей человек охвачен какой-то великой скорбью, которая заставляет его гнушаться жизнью и столь настоятельно желать смерти, спросил, нет ли у него каких-либо тайных тягот, телесных или имущественных.

«Вовсе нет, — сказал тот, — я прожил весьма здоровую жизнь до тех лет, в которых вы меня видите, а мне семьдесят. Что до достатка, то его у меня даже слишком много. По милости Божией я не знаю, что такое бедность».

Блаженный спросил его еще, не бывает ли у него огорчений от жены или детей.

«Напротив, они — вся моя отрада, — отвечал он, — никогда они не причиняли мне ни малейшего огорчения; и если бы я и мог о чем-то скорбеть, покидая сей мир, то лишь о разлуке с ними».

Блаженный, не в силах угадать, откуда в нем это отвращение к жизни, спросил его: «Откуда же в тебе, брат мой, такое желание смерти?»

«Монсеньор, — отвечал он, — оттого, что на проповедях я всегда слышал, как превозносят иную жизнь и радости рая, и мне кажется, что здешний мир — это темница, сущая тюрьма».

Тут, говоря от избытка сердца на столь отрадную тему, он поведал ему о ней столько дивных вещей, что блаженный епископ был в восторге, и лицо его оросилось слезами умиления, ибо он ясно видел, что Сам Бог наставил его в этом, и что не плоть и кровь открыли ему сие, но Дух Божественный.

Снизойдя от этих высоких и небесных умозрений, он с такой силой живописал ничтожество величайших почестей, роскошнейших богатств и изысканнейших услад мира сего, что и в душе нашего блаженного пробудил небывалое к ним отвращение.

Святой епископ отдал должное чувствам этого доброго человека, но, дабы удержать его от крайностей, в которые тот чуть не впал, побудил его торжественно высказать покорность воле Божией, принимая равно и жизнь, и смерть, по примеру святого Павла и святого Мартина. А спустя несколько часов, приняв из рук святого епископа последнее помазание, тот кротко испустил дух, и лик его, не искаженный страданием, в смертном упокоении показался прекраснее, чем был при жизни.

Глава двадцать пятая. О том, что в очищении сердца от земных желаний не бывает излишества.

Есть желания земные, и есть желания небесные. Последних не может быть слишком много: это крылья, которые возносят нас к Богу; это те *голубиные крылья*, которые Пророк испрашивал у Бога, дабы *улететь и упокоиться* (ср. Пс. 54:7, Вульг.).

Что же до прочих, тех, что обращены лишь на блага преходящие и тленные и привязывают нас к земле, то чем их меньше, тем лучше.

Святой Августин называет их «kleem для духовных крыльев» (Толкование на Евангелие от Иоанна, 40, 10).

От желаний последнего рода наш блаженный был совершенно свободен. Вот как он говорил об этом:

«Я желаю немногого, а и то немногое, чего желаю, — желаю несильно. У меня почти нет желаний, и если бы мне довелось родиться вновь, я не желал бы их иметь вовсе».

И то правда, земля — ничто для того, кто устремлен к Небесам, и время — лишь тень для того, кто стремится к Вечности.

Глава двадцать шестая. О духовной мнительности одного богатого и весьма милосердного человека.

Во время его поездки в Париж в 1619 году к нему пришел один человек, весьма обеспеченный благами земными, но еще более богатый благочестием и нищелюбием.

Этот добный человек спросил епископа, возможно ли ему, при всем его богатстве, обрести спасение, и выказал немалый страх, что, владея столь большим состоянием, спастись не сможет.

Блаженный спросил его, откуда в нем этот страх.

Он отвечал: «Оттого, что я слишком богат, а вы знаете, что, по слову Евангелия, спастись богатому столь трудно, что это кажется и вовсе невозможным» (ср. Лк. 18:24).

Блаженный, не в силах составить суждение на основании одного этого ответа, спросил, не имеет ли тот неправедно нажитого достояния.

«Нисколько, — сказал тот, — мои предки, бывшие людьми весьма добропорядочными, не оставили мне ничего подобного; а то, что я приумножил, накоплено моими сбережениями и честным трудом. Да сохранит меня Бог от обладания чужим добром; совесть моя в этом чиста».

«Так что же, — спросил святой прелат, — вы дурно употребляете эти богатства?»

«Я содержу себя, — отвечал тот, — сообразно своему положению в обществе, но боюсь, что недостаточно подаю нищим, а вы знаете, что однажды мы будем судимы именно за это».

«Есть ли у вас дети?» — спросил наш блаженный. «Да, — отвечал тот, — но все они хорошо обеспечены и легко могут без меня обойтись».

«Поистине, — возразил блаженный, — я не знаю, откуда в вас могла зародиться такая мнительность. Вы первый, кого я встречаю, кто жалуется на изобилие своего состояния; большинству же всегда мало».

Ему было весьма легко вернуть этому добному человеку душевный покой, ибо тот с готовностью внимал его советам.

А после он мне рассказал, что узнал, как этот добный господин некогда занимал высокие должности, на которых служил весьма достойно, и что он оставил их все, дабы посвятить себя лишь подвигам благочестия и милосердия. Он не оставлял без внимания ни церквей, ни больниц, ни семейств стыдящихся просить помощи бедняков, причём делился с нуждающимся так щедро, что на их поддержку у него уходило более половины дохода. В завещании же своем, сверх многих других даров на дела благочестия, он назначил первым наследником Иисуса Христа, выделив приюту для неимущих долю, равную долям его собственных детей; и наконец увенчал он такую жизнь блаженной кончиной.

Глава двадцать седьмая. О внутреннем преображении.

Он имел обыкновение говорить, что благодать, как правило, подражает природе, а не искусству, которое работает лишь с внешним, как то видно в живописи и ваянии; природа же начинает свои труды изнутри, откуда и пошло известное изречение: «сердце первым рождается к жизни и последним умирает»¹.

Когда он желал привести души к жизни христианской и побудить их оставить жизнь мирскую, он не говорил о внешнем: ни о причёсках, ни о нарядах и прочем тому подобном; он обращался лишь к сердцу и говорил лишь о сердце, зная, что как только взята эта твердыня, остальное уже не устоит. «Посмотрите, как выбрасывают все убранство из окон, когда дом охвачен огнем, — говорил он. — Когда истинная любовь к Богу овладевает сердцем, все, что не от Бога, представляется нам ничтожным».

Однажды в разговоре с блаженным кто-то удивился тому, что одна весьма знатная и набожная дама, находившаяся под его духовным руководством, не отказалась даже от серег.

Он ответил: «Уверяю вас, я даже не знаю, есть ли у нее уши, ибо, когда она приходит на исповедь, голова её столь тщательно укрыта под чепцом или накидкой, что мне и прически ее не видно. И потом, я думаю, что святая Ревекка, которая была уж никак не менее добродетельна, чем она, нисколько не умалила своей святости, нося серьги, которые Елиезер вручил ей от имени Исаака» (ср. Быт. 24:22, 47).

Та же самая дама вздумала украсить бриллиантами золотой крест, который носила, и в этом вновь упрекнули святого епископа, обвиняя ее в суэтности. На это он отвечал, что именно то, в чем ее упрекают, и назидает его более всего. «Ах, — сказал он, — я бы желал, чтобы все кресты на свете были покрыты бриллиантами и драгоценнейшими камнями; ведь это и значит обратить на служение Скинии сокровища, забранные у египтян (ср. Исх. 12:35-36) и хвалиться Крестом Господа нашего Иисуса Христа? (ср. Гал. 6:14). И можно ли найти лучшее применение ее драгоценностям, чем украсить ими знамение нашего Искупления?»

¹ Афоризм, восходящий к античной медицине (Аристотель, Гален): лат. *Cor primum vivens, ultimum moriens.*

Глава двадцать восьмая. Прекрасное слово Таулера.

Он весьма ценил то прекрасное слово, которому Таулер научился от одного доброго крестьянина, данного ему Богом в духовные наставники.

Когда того спрашивали, где он нашел Бога, он отвечал: «Там, где я оставил самого себя; а где я нашел самого себя, там я потерял Бога».

Это отсылает нас к двум противостоящим градам, Вавилону и Иерусалиму, созидаемым двумя видами чувства: богопротивного себялюбия и самоотверженного боголюбия.

Первая из этих любовей, доходя до ненависти к Богу, созидае первый град; вторая же созидае второй град, доходя до ненависти к себе.

Если грех есть не что иное, как отвращение от Творца и обращение к творению, то разве не очевидно, что благодать, изменяя нас, лишь отвращает нас от творения, дабы мы вернулись к Творцу? Этому и учит нас Святой Дух, когда говорит, что *никто не может служить двум господам* — Богу и мамоне (ср. Мф. 6:24), и что не может быть согласия между светом и тьмою, между Христом и Велиаром (ср. 2 Кор. 6:14-15).

Умереть для себя и своих страстей, чтобы жить для Иисуса Христа, — вот истинная жизнь христианина; умереть же для Иисуса Христа, чтобы жить для себя и своих страстей, — вот путь к вечной смерти.

Если живете по плоти, — говорит святой Апостол, — то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете (Рим. 8:13).

Глава двадцать девятая. О сухости в молитве.

Когда одна сестра жаловалась ему на свое внутреннее опустошение и бесплодие в молитвенном делании, он, вместо того чтобы утешать ее, говорил: «Что до меня, то я всегда ценил сухое варенье¹ больше, чем жидкое». И приводил слова Давида: «В земле пустынной, непроходимой и безводной, я предстал пред Тобою, как во святилище, дабы созерцать силу Твою и славу Твою» (ср. Пс. 62:2-3, Вульг.).

Манна, этот хлеб ангелов, эта небесная пища, была сухим зерном, и когда народ захотел променять ее на мясо, пищу более влажную, «пища была еще в устах их, как гнев Божий пришел на них» (Пс. 77:30-31).

Немногие убеждены в той истине, которая, однако, несомненна: союз праведной и верной души с Богом гораздо теснее и глубже во времена оставленности и опустошенности, нежели в пору благодатных порывов и чувственных утешений.

Ибо чем более душа услаждается утешением Божиим, тем менее она привязывается к Божественному Утешителю; подобно тому как пчелы, что производят больше всего воска, дают меньше всего меда.

Можно ли вообразить большую богооставленность, чем та, которую претерпел Спаситель на Кресте и которая исторгла из уст Его слова: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). И однако, кто может усомниться, что Спаситель в тот час был теснейшим образом соединен с волей Своего Отца, — в союзе, в котором и состоит цель всякого свершения, ради которого Он и восклицает, что «совершилось» (Ин. 19:30), и в этом совершенном исполнении предает дух Свой в руки Отца.

О, как блаженна душа, что хранит верность во времена сухости и чувственного оставления; это и есть горнило, в котором чистое золото любви достигает совершенной чистоты. Блажен, кто с терпением выдерживает это испытание, ибо, «быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1:12).

¹ Сухое варенье (фр. *confitures sèches*) — традиционное для XVI-XVII веков лакомство, аналог современных цукатов или засахаренных фруктов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая. О своеобычии.

Он трудился над искоренением своеобычия не только в монашеских обителях, где оно есть сущая язва, но и у тех, кто в миру стремится к набожной жизни, ибо, по его словам, этот недостаток делает их благочестие не только отвратительным, но и смешным.

Он желал, чтобы во внешнем, насколько возможно, сообразовались с образом жизни людей того же звания, не стараясь нарочито выделиться каким-либо своеобычием, и приводил в пример Господа нашего, Который во дни Своей земной жизни восхотел *во всем уподобиться братиям, кроме греха* (ср. Евр. 2:17; 4:15).

Сей блаженный и сам весьма точно следовал этому уроку; признаюсь вам: четырнадцать лет я пребывал под его духовным руководством и с неослабным вниманием примечал все его поступки, вплоть до малейших движений, а равно и слова, но никогда не обнаружил в его поведении ничего, что хоть сколько-нибудь отзывалось бы своеобычием.

Здесь я должен открыть вам одну свою хитрость. Когда он приезжал ко мне в резиденцию и гостил там, по своему обыкновению, восемь праздничных дней, чего он не пропускал ни одного года, я нарочно проделал отверстия в некоторых местах, чтобы наблюдать за ним, когда он уединялся в своей комнате, дабы видеть, как он ведет себя во время работы, молитвы, чтения, размышления, как он сидит, ходит, ложится, встает, пишет — словом, в тех малейших проявлениях, в которых человек часто позволяет себе вольности, оставаясь в одиночестве.

Однако я никогда не замечал, чтобы он отступал от строжайшего закона благопристойности; каким он был наедине с собой, таким же и в обществе, каким в обществе — таким и наедине; внешняя его стать соответствовала ровности его духа. Оставшись один, он был так же собран, как и на людях.

Когда он молился, можно было подумать, что он пребывает в присутствии ангелов и всех блаженных. Неподвижный, как столп, и с осанкой, выражавшей глубочайшее благоговение.

Я даже нарочно следил, видя его одного, не скрестит ли он ноги, не закинет ли одну на другую, не подопрет ли голову локтем. Никогда.

Всегда строгость — но соединенная с такой кротостью, что все, кто на него взирал, проникались любовью и почтением.

Он часто говорил мне, что наше внешнее обхождение должно походить на воду, а лучшая вода — та, что самая прозрачная, самая простая и безвкусная.

И хотя в нем и не было ничего своеобычного, я находил его столь своеобычным в этом отсутствии всякого своеобычия, что все в нем казалось мне своеобычным.

Я навсегда запомнил то, что сказал мне однажды в Париже один великий и благочестивый муж: ничто так не напоминало ему о жизни Господа нашего среди людей, как присутствие и ангельский облик этого блаженного прелата, о котором можно было сказать, что он был не просто облечен, но всецело исполнен Иисусом Христом.

Глава вторая. О целомудрии сердца.

Не могу вам передать, сколь высоко наш блаженный ставил целомудрие сердца.

Он говорил, что целомудрие телесное — это лишь кора, сие же — сердцевина; что в целомудрии сердца — корень дерева этой добродетели, а в телесном — его ветви и листья.

Он разумел под целомудрием сердца полное отречение от всякой недостойной привязанности.

Святой Бернард почитал за чудо более дивное, нежели воскрешение мёртвых, способность часто и дружески беседовать с особами иного пола, не замутив сего сердечного целомудрия, не говоря уж о том, чтобы сохранить его при этом в совершенной непорочности.

Есть и другое целомудрие сердца, которое состоит в чистоте намерения. О, сколь редка и эта чистота! Ибо чтобы ее обрести, говорил наш блаженный, нужно видеть во всем лишь одного Бога, и все — лишь в Боге.

Это лучик из Рая, где *Бог есть все во всех* (ср. 1 Кор. 15:28).

Глава третья. Его суждение о высоких санах и об обязанности епископов пребывать на месте служения.

Два великих папы, Климент VIII и Павел V, весьма высоко ценили нашего блаженного, и последний не раз помышлял о том, чтобы возвести его в кардинальский сан, о чем блаженный был извещен.

Однажды, когда я говорил с ним об этом, он сказал мне: «Ну полноте, о чем вы? И чем, скажите, помогло бы мне это звание в служении Господу нашему и Его Церкви? Разве Рим, где мне надлежало бы пребывать, — более подходящее для этого место, чем то, на которое поставил меня Бог? Разве там у меня было бы больше трудов, больше врагов, с которыми нужно бороться, больше душ, которые нужно вести, больше забот, больше упражнений в благочестии, больше визитаций, больше паствирских обязанностей?»

«Вы бы, — возразил я ему, — вошли в попечение о всех Церквях; и от управления одной частной Церковью перешли бы к управлению Церковью вселенской, совместно с папой и кардиналами».

«И все же вы видите, — возразил он, — что самые выдающиеся по учености и благочестию кардиналы наших дней, будучи епископами, оставляют Рим, хотя их пребывание там и предписано церковным правом. Они возвращаются в свои епархии, ибо Божественное право обязывает их быть со своей паствой. Сей высший долг паствирского

служения требует, чтобы они неотлучно бодрствовали над своими стадами, пасли и вели души, им вверенные».

По этому поводу он рассказал мне примечательную историю о великом кардинале Беллармине, блаженной и святой памяти.

Он был возведен в это достоинство без его ведома и против его воли папой Климентом VIII. Также против своей склонности он был назначен архиепископом Капуи.

Сразу же после рукоположения он приготовился отправиться к месту своего служения.

Папа — это был Павел V, — желая воспользоваться его службой в Риме, где он был весьма полезен в различных кардинальских конгрегациях, призвал его, чтобы узнать, твердо ли он решил ехать в Капую.

Он отвечал, что в этом он был куда более тверд, нежели в своем согласии на рукоположение; и что, поскольку повеление его святейшества обязало его взять на себя это бремя, было бы справедливо, чтобы он его и нес; и что он полагал, будто его святейшество не нуждается в нем в Риме, раз уж он дал ему попечение об этой провинции.

Когда папа сказал, что освободит его от этой обязанности, он возразил: «Святой отец, не тому я учил всю свою жизнь в школах, утверждая, что обязанность епископов пребывать в своей епархии установлена Божественным правом, и, следовательно, от нее нельзя освободить».

«По крайней мере, — сказал папа, — уделите нам половину года».

«А с кого взыщется кровь овец, — возразил кардинал, — которые погибнут за эти полгода?»

«Хотя бы три месяца!» — попросил папа.

А кардинал ответил: «[За три с того же взыщется,] как и за шесть».

И он действительно уехал в Капую, где непрерывно пребывал три года и где для отдохновения от своих трудов составил прекрасное и богатое Толкование на Псалмы. И папа не смог заставить его вернуться в Рим иначе, как позволив ему передать эту епархию в руки достойного прелата, избранного самим великим кардиналом.

Вот что думал об обязанности епископов пребывать на месте служения этот великий муж, который в наши дни был столпом в Доме Божием и снабдил нас щитом и мечом против ересей.

Того же мнения придерживался и святой Карл Борромей, честь епископов и кардиналов, а равно и его достойнейший преемник, кардинал Федерико Борромей, один из ученейших и благочестивейших прелатов, какие только есть в Церкви.

Что же до нашего блаженного, то ценность высоких санов, как церковных, так и светских, он измерял лишь тем, насколько они способствовали служению Богу и приумножению Его славы.

Глава четвертая. О его возведении на Женевскую кафедру и о его рукоположении.

Никто, как говорит Апостол, не восхищает себе чести сам, но лишь тот, кто призван Богом, подобно Аарону (ср. Евр. 5:4).

Таков образ призыва нашего блаженного. Отдав себя Церкви без иного намерения, кроме как служить в ней Богу, и пройдя все степени служения: каноника, приходского священника и настоятеля собора, проповедника, духовника, миссионера, — он и не помышлял о большем, когда Бог внушил его предшественнику обратить на него свой взор.

Никогда блаженный не говорил с ним об этом, ни прямо, ни косвенно, и не просил никого говорить от его имени. Когда же тот открыл ему свое намерение, он не стал услаждать его слух красивыми словами или притворными отказами, но позволил ему говорить и действовать, а лучше сказать — взирал на одного лишь Бога и во всем предался Промыслу.

Монсеньор де Гранье, епископ Женевский, без малейшего вмешательства со стороны блаженного, получил согласие его высочества герцога Савойского и представил кандидатуру Его Святейшеству. Папа, будучи хорошо осведомлен о добродетели и способностях предложенной кандидатуры, согласился на этот выбор с тем условием, чтобы тот явился в Рим для испытания на полной консистории¹. Это и обязало нашего блаженного предпринять то путешествие, которое, вместе с его успехом и похвалой, возданной ему папой Климентом VIII, подробно описано в его житии².

Чего еще было ожидать от столь дивного призыва, кроме тех плодов, что оно и принесло?

Так, во время чина его рукоположения, Бог дал ему узреть весьма ясно и вразумительно, что три достопоклоняемые ипостаси Пресвятой Троицы совершали в его душе особые благодатные действия, дабы помочь ему в епископском служении, в то самое время как три епископа, его рукополагавшие, изливали на него свои благословения. Поэтому он всегда считал себя рукоположенным Самой Пресвятой Троицей.

¹ Полная консистория (лат. *consistorium plenum*) — торжественное публичное заседание коллегии кардиналов под председательством Папы, созываемое по особо важным вопросам. В данном случае речь идет о каноническом экзамене, на котором кандидат в епископы должен был доказать свое знание богословия и канонического права.

² Речь идет о первом и наиболее авторитетном жизнеописании святого, составленном его племянником, Шарлем-Огюстом де Салем, и опубликованном около 1657 года.

Глава пятая. Он отказывается от Парижского архиепископства.

В 1619 году, прибыв в Париж вместе с принцами Савойскими, он пробыл там восемь месяцев. Невозможно передать словами, сколько за это время он потрудился на благо душ во славу Божию.

Он снискал великое уважение не только у паствы, но и у ее пастыря, которым в то время был монсеньор кардинал де Ре. То был прелат несравненной кротости, благосклонности,

приветливости, человеколюбия, щедрости, скромности и умеренности — качеств поистине пленительных.

Все устремлялись к блаженному, словно бы влекомые небесным благоуханием, а кротость его нрава и обхождение произвели на сего прелата столь сильное впечатление, что он возымел желание сделать его своим коадъютором.

Не ожидая встретить сопротивления со стороны нашего блаженного, он уже заручился согласием короля.

Но наш святой сумел с дивным искусством отклонить это предложение, оставив великого кардинала в восхищении своей добродетелью, но не доставив удовлетворения, какое тот мог бы получить от его уступчивости.

Блаженный приводил различные причины, но среди прочих — и ту, что мне весьма по душе, а именно: он не считает, что должен менять бедную жену на богатую. И что если бы он и оставил свою супругу, свою Церковь, то не для того, чтобы взять другую, но чтобы не иметь ее вовсе, следя совету Апостола: *Остался ли без жены? не ищи жены* (1 Кор. 7:27).

Прибавил он и то, что, отдав своей Церкви всю свою любовь, он, по его словам, уже не мог воспылать ею к другой.

Глава шестая. О его желании удалиться от мира.

Замысел его состоял в том, чтобы, вернувшись из Лиона (где ему суждено было умереть), удалиться в уединение и, потрудившись столько лет в служении Марфы, посвятить остаток своих дней служению Марии.

Для этого он велел построить скит в весьма подходящем и приятном месте на берегу прекрасного озера Анси. Он также велел украсить старую часовню, что была близ того места, и возвести пять или шесть келий, обнеся их красивой оградой.

По соседству находился бенедиктинский монастырь, где его попечением была введена реформа, и он находил утешение в общении со святыми и добродетельными насельниками этой священной пустыни, видя в них возлюбленнейших братьев и чад.

Итак, его намерением было удалиться в эту святую пустынь, передав управление своей епархией монсеньору Халкидонскому¹, своему брату и коадъютору. И когда он, обдумывая своё грядущее затворничество, говорил о том с приором соседнего монастыря, то изъяснялся в таких выражениях:

«Когда мы удалимся в наш скит, мы будем служить там Богу молитвой по бревиарию и розарию, а также пером. Там мы с усладой употребим святой досуг на то, чтобы изложить во славу Божию и в назидание душам те мысли, что я более тридцати лет вынашиваю в сердце и к которым прежде обращался в своих проповедях, наставлениях и частных размышленииах. У меня сохранилось множество записей, но помимо того уповаю на Бога, ведь по Его вдохновению замыслы могут просыпаться на нас с Небес, как частые хлопья снега, целиком убеляющего зимой наши горы. О, кто дал бы мне крылья голубиные, чтобы улететь в сей священный покой и хоть немного отдохнуть под сенью Креста? (ср. Пс. 54:7, Вульг.). Там я буду ждать, доколе не придет мне перемена — *expectabo donec veniat immutatio mea* (Иов. 14:14, Вульг.).

Но увы! Бог готовил ему совсем иной покой, который и стал плодом всех трудов его.

¹ Речь идет о Жане-Франсуа де Сале (1578–1635), младшем брате святого Франциска. Будучи назначенным епископом-коадъютором (помощником с правом наследования кафедры) своего брата, он получил титул епископа Халкидонского — по названию древней, уже не существующей епархии в Малой Азии.

Глава седьмая. О том, что должно скрывать свои добродетели.

Один прелат, приехав навестить нашего святого, был принят им по его обыкновению, с великим радушием, и задержался у него на несколько дней.

В пятницу вечером блаженный пришел к нему в комнату и спросил, не угодно ли тому будет пройти к столу, где их ожидал ужин. «Ужин? — сказал на это прелат. — Какой же может быть ужин в пятницу? Уж хотя бы разок в неделю можно было бы и попоститься!»

Блаженный не стал ему прекословить и, удалившись, повелел принести тому легкую трапезу в его комнату, а сам сошел в залу, чтобы разделить ужин с капелланами этого прелата и со своими домашними.

Капелланы того прелата рассказали блаженному, что их господин был столь точен и исполнителен в своих благочестивых упражнениях, будь то молитва, пост или иное подобное делание, что не делал ни малейшего послабления ни для кого из своих гостей; не то чтобы он не садился за стол с другими в дни, когда постился, но вкушал лишь то, что позволялось по постным предписаниям.

Однажды, когда мы беседовали о святой духовной свободе, он рассказал мне эту историю и заметил, что снисхождение есть дочь любви, равно как пост — родная сестра послушания; и что если послушание лучше жертвы (ср. 1 Цар. 15:22), то не следует и колебаться, предпочитая снисхождение и гостеприимство посту. «Видите ли, — говорил он мне, — не нужно привязываться даже к самым благочестивым упражнениям настолько, чтобы не быть в силах порой их прервать. Иначе, под предлогом твердости духа и верности, в душу прокрадывается весьма утонченное самолюбие, которое заставляет предпочитать средство цели; ибо вместо того, чтобы устремляться к Богу, человек привязывается к средству, которое к Богу ведет.

Что же до случая, о котором мы говорим, то, прервав в подобных обстоятельствах пятничный пост, прелату удалось бы скрыть многие другие добродетели, а ведь скрывать их не меньшая добродетель, чем сами те, что скрываешь. Бог есть Бог сокровенный (Ис. 45:15), Который любит, чтобы Ему служили, молились и поклонялись *втайне*, как учит нас Евангелие (ср. Мф. 6:6). Вы знаете, что случилось с тем неосмотрительным царем Израильским¹ из-за того, что он показал свои сокровища послам варварского царя: тот затем нагрянул с могучим войском и похитил их у него.

Поверь мне, хорошо прожил тот, кто хорошо укрылся².

Тот, кто увидел бы его ужинающим в пятницу, никогда бы не догадался, что он имел обыкновение поститься каждую пятницу. Он мог бы перенести этот пост на субботу или

на следующую неделю. Словом, он мог пренебречь этим постом и пригласить на его место добродетель снисхождения.

Я исключаю, однако, случай обета, ибо в этом нужно быть верным до смерти и не заботиться о том, что скажут люди, лишь бы Богу было угодно».

¹ Речь идет о царе Езекии, показавшем свои сокровищницы послам вавилонским (4 Цар. 20:12-19). ² Crede mihi, bene qui latuit, bene vixit. Овидий, «Скорбные элегии», III, 4, 25.

Глава двадцать восьмая. О посте.

Однажды этот блаженный прелат спросил меня, легко ли мне поститься. «Настолько, — отвечал я, — что почти никогда не чувствую голода, и когда сажусь за стол, то почти всегда без аппетита».

«Тогда, — сказал он, — не поститесь много». «Почему? — спросил я. — Ведь этот вид умерщвления плоти указан в Писании». «Это, — возразил он, — для тех, у кого аппетит лучше вашего. Створите какое-нибудь иное доброе дело и истязайте плоть свою иным подвигом». «Я не из самых крепких, — сказал я, — чтобы выносить великие телесные труды». «Величайший из всех, — отвечал он, — это пост, ибо он подносит секиру к корню дерева; прочие же лишь скоблят, царапают, подрезают ветви. Тело, питаемое скучно, легче укротить; напротив, будучи вдоволь накормлено, оно так и норовит взбрывкнуть, ибо от избытка туха легко рождается беззаконие (ср. Пс. 72:7, Вульг.).

Те, кто по природе своей воздержан, имеют великое преимущество в учении и в духовных делах; тело их подобно коню в узде, которым легко управлять.

Наш святой не был сторонником неумеренных постов. Дух, — говорил он, — не может нести тело, когда оно слишком тучно, а тело не может нести духа, когда оно слишком измождено. Он любил во всем умеренность, говоря, что Бог желает «разумного служения» (ср. Рим. 12:1), и добавлял, что силы телесные всегда легко убавить, причем когда угодно, но восстановить их, когда они подорваны, не так-то просто. Легко ранить, не так легко исцелить.

Дух должен обращаться с телом то как со своим дитята, когда оно послушно, не изнуряя его; то как с мятежным подданным, когда оно восстает, следуя слову Апостола: *Усмиряю и порабощаю тело мое* (1 Кор. 9:27); то как с конем, когда оно упрямится, ну и, по слову доброго святого Франциска Ассизского, как с «братьем ослом».

Глава девятая. Господин де Белле советуется с нашим блаженным о своем желании удалиться от мира.

Когда я советовался с ним о своем желании оставить епископское служение, чтобы вести уединенную жизнь, он отвечал мне словами святого Августина: *Otium sanctum diligit charitas veritatis, & negotium justum suscipit necessitas charitatis*. То есть: «Любовь к истине ищет святого досуга, нужда же любви берет на себя должное дело»¹.

Он пояснил, что любовь к вечной Истине ищет святого покоя, чтобы беспрепятственно питаться им; но истинная любовь, или милосердие, побуждает нас браться за все, что может послужить благу ближнего и славе Божией.

И хотя он выше ценил удел Марии, названный в Евангелии «благой частью», он, всё же полагал, что служение Марфы, совершающее ради Бога, более соответствует земной жизни, тогда как служение Марии более подобает Небесам.

Он делал исключение лишь для некоторых особых призваний, сопровождаемых столь могущественными влечениями, что им почти невозможно противостоять, а также для тех, кто, не имея дарований для деятельного служения Марфы, обладал способностями, свойственными жизни созерцательной. А равно и для тех, кто, истощив все свои телесные силы в служении душам, удалялся от дел на склоне лет, дабы лучше приготовиться к смерти.

Посему он счел мое желание удалиться от мира искушением и так отговорил меня, что, покуда он был жив, я не смел о том и подумать. Но после его кончины мысль эта вновь стала одолевать меня с такой силой, что я решился сойти на берег и укрыться в этом гроте, откуда, словно из убежища, я взираю на бури и невзгоды, что треплют корабли других мореходов².

¹ Св. Августин, «О Граде Божием», кн. XIX, гл. 19. Перевод по изданию Киевской духовной академии.

² Классическая аллюзия на начало второй книги поэмы Лукреция «О природе вещей» (ст. 1-4), где философ из безопасного укрытия созерцает мирские бури.

Глава десятая. О различных видах смирения.

Он различал смирение внешнее и внутреннее. И говорил, что если первое не рождается от второго или хотя бы им не сопровождается, оно весьма опасно, ибо это лишь кора, лишь наружность, лишь обманчивый и лицемерный вид; если же оно происходит от смирения внутреннего, то оно весьма благо, и служит к назиданию ближнего.

Он также различал в смирении внутреннем смирение ума и смирение воли.

Первое встречается довольно часто, ибо кто не знает, что он есть ничто? Отсюда и проис текают все эти красивые речи о собственном ничтожестве и о ничтожестве творений.

Второе же весьма редко, ибо немногие любят само уничижение. У этой последней добродетели есть различные степени: первая — любить его; вторая — желать его; третья — жить им, либо изыскивая случаи для самоуничижения, либо с радостью принимая те, что посылаются нам.

Наш блаженный несравненно вышеставил последнее, ибо куда большее уничижение претерпевает тот, кто с радостью принимает, любит и объемлет те уничижения, что приходят не по его выбору, нежели те, что он избирает для себя сам. Причина в том, что наш собственный выбор весьма уязвим для нападок самолюбия, если только не содержит

намерения совершенно прямого и очищенного, а кроме того, там, где меньше привносится от нас, там всегда больше воли Божией.

Когда же человек доходит до того, что ради любви к Богу находит уладу в унижениях, поношениях, поруганиях и презрении и даже *преизобилует радостью и исполняется утешением* (ср. 2 Кор. 7:4), тогда чем глубже его унижение, тем он возвышеннее.

Глава одиннадцатая. О нищете духа.

Он говорил, что под нищетой духа следует разуметь три превосходные добродетели: во-первых, простоту; во-вторых, смиренение; в-третьих, христианскую нищету.

Простота состоит в том, чтобы, взирая на Бога как на единственную цель, к Нему одному направлять все множество помыслов о вещах, которые не суть Бог.

Смиление — в том, что, подобно как нищий почтает себя самым презренным и последним из всех людей, так и истинно смиренный не видит на земле никого ниже себя и почтает себя за сущее ничто и *раба ничего не стоящего* (ср. Лк. 17:10).

Христианскую нищету он разделял на три вида:

1. Нищета в расположении, но не в положении.
2. Нищета в положении, но не в расположении.
3. Нищета и в расположении, и в положении.

Первая превосходна и может быть явлена и среди величайших богатств; такова была нищета Авраама, Давида, святого Людовика и многих других великих святых, которые были духом расположены к нищете, готовы с благословением, хвалой и благодарением принять бедность, если бы Богу угодно было им ее послать.

Вторая сугубо несчастна, ибо сочетает в себе тягостное положение бедняка и муку от лишения богатств, которых страстно желает.

Третья же есть та, что заповедана в Евангелии. Она дается нам либо от рождения, либо вследствие какого-либо крушения земных надежд; и тогда мы принимаем ее с добрым сердцем, и, если благословляем Бога в этом состоянии, то шествуем вослед Иисусу Христу, Его Пресвятой Матери и Его апостолам, ведь известно, что они жили в нищете.

Есть и другой способ жить этой нищетой: когда, по совету Иисуса Христа, мы *продаем все, что имеем, и раздаем нищим* (ср. Лк. 18:22), чтобы последовать за Ним в том состоянии нищеты, которое Он избрал из любви к нам, дабы обогатить нас этой самой нищетой. Сие совершается достойно тогда, когда тот, кто оставил все свое достояние ради Господа, трудится своими руками не только для того, чтобы заработать себе на жизнь, но и чтобы подавать милостыню.

Этим и хвалится Апостол Павел, когда говорит: «*Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых...*» (Деян. 20:33-35).

Глава двенадцатая. О том, как довольствоваться одним лишь Богом.

Одна знатная и набожная особа потерпела полное разорение. Эта беда, лишившая ее большого состояния, повергла ее в безутешное горе, и в припадках скорби она доходила до того, что произносила дерзкие слова против Бога, будто Промысл оставил ее без Своего попечения.

Блаженный, сперва попытавшись отвратить ее взор от земного и возвести к Богу, спросил ее, не дороже ли ей Бог всех этих благ и всего мира? И, полюбив Его, когда она обладала многим, не готова ли она любить Его, не обладая ничем?

Душа эта отвечала ему, что речи сии скорее умозрительны, чем жизненны, и что такое легко на словах, да не на деле.

«Поистине, — возразил блаженный, — слишком жаден тот, кому недостаточно одного лишь Бога».

Это слово, «жаден», так живо тронуло сердце, прежде глухое к уверещаниям, что несчастная не смогла удержаться от слез, ибо всегда была великой противницей жадности.

Глава тринадцатая. О любви к бедным.

Любить кого-либо — значит не только желать ему добра, но и творить ему добро, когда имеешь на то возможность; иначе рискуешь заслужить упрек, с которым святой Иаков обращается к тем, кто утешает бедных лишь словами, не помогая им на деле, хотя и имеет такую возможность (ср. Иак. 2:15-16).

Блаженный прелат питал к бедным столь нежную любовь, что, казалось, лишь в этом одном и выказывал лицеприятие, всегда предпочитая их богатым как в делах духовных, так и в телесных, подобно врачам, что спешат к самым больным.

Однажды я вместе с несколькими другими ожидал своей очереди на исповедь, в то время как он исповедовал одну бедную слепую старуху, просившую хлеба по домам. И когда я подивился долготе этой исповеди, он сказал мне: «В делах Божиих она прозорливее многих зрячих».

В другой раз я плыл с ним в лодке по озеру Анси, и лодочники, что были на веслах, называли его «отцом» и обращались с ним совершенно запросто. «Видите ли, — говорил он мне, — эти добрые люди называют меня своим отцом и любят меня воистину по сыновнему. О, насколько это для меня отраднее всех почестей от тех приверженцев церемоний, что величают меня монсеньором».

Глава четырнадцатая. Его суждение о Сенеке.

Однажды я говорил с ним об одном изречении Сенеки: «Велик тот, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной»¹.

«Этот философ, — сказал он мне, — прав, говоря так; ибо первый питается лишь пустым воображением, которое легко становится жертвой тщеславия; второй же ясно показывает, что он выше богатств, ибо в его глазах они не дороже праха».

А когда я продолжил нахваливать этого философа, полагая, что его правила весьма близки к евангельским, он сказал мне: «Да, по букве, но нисколько не по духу».

«Отчего же?» — спросил я. «Оттого, — отвечал он, — что дух Евангелия стремится лишь к одному: совлечь с нас нас самих, дабы мы облеклись в Иисуса Христа и в силу свыше; отречься от себя, дабы всецело зависеть от Благодати. Сей же философ всегда возвращает нас к нам самим, ибо, по его учению, мудрец не должен искать довольства и блаженства вне себя, что есть явная гордыня.

Христианский мудрец должен быть мал в собственных глазах, и столь мал, чтобы почитать себя за ничто. Сей же философ, напротив, желает, чтобы мудрец, которого он себе воображает, был превыше всего, почитал себя владыкой вселенной и творцом своей собственной судьбы, что есть несносное тщеславие».

¹ Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», письмо 5. Пер. С. А. Ошерова.

Глава пятнадцатая. Он отказывается от пенсии, предложенной ему королем.

Великий Генрих IV, король Франции, весьма высоко ценил добродетель нашего блаженного и ожидая, когда освободится какое-либо епископство с доходом большим, чем у Женевского, и зная, что состояние его было невелико, предложил ему весьма значительную пенсию.

Блаженный не желал ни покидать свою церковь, ни возбуждать ревность своего государя, в чьих владениях находилась его резиденция, принимая пенсию от другого монарха. Посему он нашел способ, который позволил ему одним ответом избежать обеих этих опасностей.

Он выразил смиреннейшую благодарность за ту заботу, которую его величество соизволил явить о его судьбе, почитая за величайшую для себя честь то, что столь великий монарх о нём благосклонно помнит. Однако он умолял короля оставить его на том посту в своей Церкви, на который его поставил Бог, ибо считал, что епископства следует оценивать не по доходам, но лишь по той службе, которую в них можно сослужить Богу, а в этом, по его мнению, его епархия не уступала никакой другой.

О пенсии же он сказал, что не отказывается от нее, ибо она — дар из королевских рук, достойных величайшего почтения, но умоляет его величество согласиться на то, чтобы она осталась на хранении у казначея, до тех пор пока не понадобится для служения католической вере или бедным. Ибо, прибавил он, до сего дня Бог весьма щедро снабжал его всем необходимым для жизни.

Великий Генрих восхитился его находчивостью и рассудительностью и дал высокую похвалу его благоразумию, сказав: «Вот самый учтивый и обходительный отказ, какой мне когда-либо давали. Сей муж воистину неподкупен, ибо он выше любых подарков¹».

¹ Здесь заключена игра слов. Французское *les présents* означает и «дары», и (в аскетике) «все настоящее, сиюминутное, земное». Таким образом, король (возможно, сам того не осознавая) говорит не только о том, что святой выше подкупа, но и о том, что он выше всех временных, земных благ.

Глава шестнадцатая. О жизни по общему уставу.

Наш блаженный весьма высоко ценил жизнь по общему уставу. Посему он не желал, чтобы дочери ордена Посещения, основателем которого он был, имели какие-либо особые ограничения в одежде, постели или пище. Он установил для них правила касательно еды, постов и одеяний, сообразуясь с общим обыкновением всех, кто желает жить по-христиански в миру; в чем эти добрые дочери подражают Иисусу Христу, Его Пресвятой Матери и Апостолам, которые жили именно обыкновенно. При этом он предоставлял благоразумному суждению настоятельниц позволять или предписывать особые умерщвлении плоти, в зависимости от нужд отдельных сестер, для которых эти средства окажутся необходимы.

Не то чтобы наш блаженный не ценил телесных подвигов, но он желал, чтобы к ним прибегали с рвением, соединенным с рассуждением, охраняя ими чистоту тела, но не подрывая здоровья. Одним словом, он предпочитал жизнь Иисуса Христа жизни святого Иоанна Крестителя.

Глава семнадцатая. Есть то, что предложат.

Он часто повторял евангельское правило: «Ешьте, что вам предложат» (Лк. 10:8), и заключал из этого, что большее умерщвление плоти заключается в умении приспособить свой вкус ко всякой пище, нежели всегда избирать худшее.

Часто бывает, что и самые изысканные яства нам не по вкусу; протянуть к ним руку, не выказав ни малейшего отвращения, — вот немалый подвиг. Неудобства от него ложатся лишь на самого подвижника.

Он почитал своего рода неучтивостью, сидя за столом, не то что брать, но даже просить какое-либо дальнее блюдо, оставляя то, что стоит ближе. По его словам, это выдавало в человеке излишнее пристрастие к яствам и соусам. Если же кто поступает так не из чревоугодия, а чтобы выбрать кушанья попроще, то выказывает тем некоторую нарочитость, которая неотделима от тщеславия, как дым от огня.

Как можно быть чревоугодником, питаясь одной капустой, так можно быть и воздержанным, вкушая куропаток; но быть равнодушным и к тому, и к другому блюду — вот что свидетельствует об умерщвлении вкуса, которое встречается нечасто. Есть

изысканные яства, не получая от них удовольствия, труднее, чем с наслаждением вкушать пищу грубую.

Однажды ему подали яйца-пашот (а говоря о яйцах, он имел обыкновение повторять вслед за святым Бернардом, что бедные яйца мучают сотней способов), и, доев их, он принялся макать хлеб в воду, остававшуюся на блюде, так же, как прежде макал в яйца.

Сидевшие за столом стали посмеиваться над этой его оплошностью. Когда же он узнал о причине, то сказал им: «Поистине, вы весьма неправы, что раскрыли мне глаза на сие приятное заблуждение, ибо уверяю вас, редко какой соус я ел с большим аппетитом, чем этот. Правда, и голод мой тому немного способствовал, подтвердив правоту пословицы, что он — лучшая приправа».

Случай этот подобен тому, что произошел со святым Бернардом, который выпил масло вместо вина, не заметив того, — столь мало он обращал внимания на то, что пил и ел.

Глава восемнадцатая. О том, какую пищу можно дозволить солдатам в Пост в случае нужды.

Случилось так, что несколько капитанов, чьи солдаты стояли гарнизоном в моей епархии во время Великого Поста, пришли ко мне просить дозволения для своих солдат есть яйца и сыр.

Я, не имевший обыкновения давать такие дозволения никому, кроме болящих, оказался в затруднении, тем более в kraю, где Пост соблюдается так строго, что даже разрешение вкушать масло соблазняет крестьян.

Поэтому я немедля отправил к блаженному, чья резиденция находилась всего в восьми лье от Белле,gonца, который служил у меня лишь для того, чтобы доставлять ему все мои послания, что случалось нередко. И вот каково было его решение по этому вопросу.

«Я благоговею, — писал он мне, — перед верой и благочестием сих добрых сотников¹, что обратились к вам с просьбой, которую, без сомнения, следует удовлетворить, поскольку она назидает не Синагогу, а Церковь. Более того, я бы не только дозволил, но и расширил дозволение: вместо яиц — дозволил бы им есть быков², а вместо сыра — самих коров, из чьего молока его делают.

Право же, — добавлял он, — любезно с вашей стороны советоваться со мной о том, что солдатам есть в Пост, как будто закон войны и закон нужды не самые суровые из всех законов и не стоят выше всяких исключений.

Дай Бог, чтобы все их злодеяния ограничивались вкушением яиц или быков, сыра или коров; не твори они больших бесчинств, и жалоб на них было бы куда меньше».

¹ Сотник (*фр. centenier; лат. centurio*) — знаковая новозаветная фигура в Новом Завете, неизменно предстающая в положительном свете как образец веры и благочестия, проявляемого в языческой, военной среде (сотник из Капернаума, сотник у Креста, сотник Корнилий). Называя так капитанов, святой Франциск иронично, но с глубоким уважением превозносит их заботу о солдатах, видя в ней евангельскую добродетель.

² Здесь игра слов, построенная на созвучии: *æufs* (яйца) и *bœufs* (быки).

Глава девятнадцатая. О его суровых подвигах и о том, как он старался их скрывать.

Нашему блаженному в течение жизни удавалось пользоваться всеми орудиями покаяния так искусно и так удачно их скрывать, что слуга, помогавший ему утром и отходе ко сну, никогда ничего и не замечал. Лишь сама смерть открыла эту тайну, явив то, что он всегда держал в глубочайшем секрете.

Один случай позволит вам судить об остальном. Однажды его камердинер нашел в рукомойнике остаток рыжеватой воды, словно бы окрашенной кровью. Он не мог понять, откуда она взялась, ибо сам же принес блаженному эту воду для омовения рук. Он стал внимательно следить и заметил, что в этом рукомойнике святой мыл свою дисциплину¹, обагренную кровью. И хотя воду он выливал, на дне оставалось немного, что и навело слугу на догадку.

¹ Дисциплина (лат. *disciplina*) — небольшой бич или плеть, использовавшаяся для аскетического самобичевания.

Глава двадцатая. Предсказание блаженному господину де Белле.

Видя, как неохотно я даю разрешения и послабления и как беспрестанно осаждаю его вопросами на сей счет, он сказал мне однажды: «Вы довольно советуетесь со мной о других, но что вы делаете, когда сами оказываетесь в подобной нужде?» «Я поступаю, — отвечал я, — как велит мне совесть, иногда прибегая к помощи моего постоянного духовника».

«Почему бы вам не поступать так же и с другими?» «Но ни я, ни мой духовник — не епископ Женевский». «Что ж, — сказал он, — помяните мое слово, настанет день, когда вы станете советоваться с этим епископом о себе самом, и вам уже не так легко будет поверить ему, как ныне, когда он дает вам советы относительно других».

Когда я стал уверять его, что он окажется плохим пророком и что я поверю ему в том, что касается меня, еще охотнее, чем в том, что касается других, он возразил: «Добрый наш святой Петр говорил то же самое и Господу нашему, однако вы знаете, как он сдержал свое слово».

«Запомните еще и вот что: когда вы начнете быть снисходительным к другим, вы станете строги к себе; ибо таков обычай, что те, кто слишком многое себе прощает, весьма суровы к другим. И вот тогда-то вы и станете чаще советоваться с епископом Женевским, а он будет подобен бедной Кассандре: будет говорить правду, а ему не поверят».

О, воистину, мой блаженный отец был в тот год первосвященником (ср. Ин. 11:51), ибо он пророчествовал, и все случилось в точности так, как он мне предсказал.

Глава двадцать первая. О благах уединения.

Однажды мы вместе вошли в келью одного картезианца, мужа, отличавшегося изяществом ума и редким благочестием, и нашли там начертанными два стиха одного древнего поэта:

Tu mihi curarum requies, tu nocte vel atra Lumen, & in solis tu mihi turba locis.

Что можно перевести так: «Ты мне в заботах покой, ты мне в夜里 тёмной светило, / В пустынях диких ты мне — многолюдный народ»¹.

Тут мы принялись толковать эти стихи. Блаженный сказал нам, что Бог есть единственный покой для тех, кто оставил все заботы мира, дабы в уединении слушать, как Он говорит в их сердце; и что без этого внимания уединение стало бы затяжной мукой и источником беспокойств, а не средоточием покоя.

Напротив, те, на ком лежат заботы Марфы, не перестают наслаждаться глубоким покоем благой части Марии, если только все свои заботы они обращают к Богу.

Рядом мы увидели слова Пророка: *Hæc requies mea in sæculum sæculi, hic habitabo quoniam elegi eam.* («Это покой Мой на веки веков, здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс. 131:14)).

«В Боге, — сказал блаженный, — а не в келье следует избирать себе обитель, дабы не менять ее вовек. О, как блаженны живущие в этом доме, который есть не просто дом Господень, но Сам Господь, ибо они будут восхвалять Его во веки веков! (ср. Пс. 83:5)».

Мы увидели и другое изречение: *Unam petii a Domino, hanc requiram, ut inhabitem in domo Domini omnibus diebus vitæ meæ, ut videam voluptatem Domini, & visitem templum ejus.*

(«Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Пс. 26:4)).

«Истинная обитель Господня, — сказал блаженный, — есть Его святая воля».

Мы вернулись к нашим стихам и, остановившись на словах *tu nocte vel atra lumen*, он сказал: «Иисус, родившись в Вифлееме, сотворил ясный день посреди ночи, ведь и воплотился Он для того, чтобы просветить сидящих во тьме и тени смертной» (ср. Лк. 1:79). Воистину, Он — свет наш и спасение наше, и, если бы мы и пошли посреди тени смертной, не убоялись бы зла, имея Его рядом с собой (ср. Пс. 22:4). Он — свет миру (ср. Ин. 8:12), Он обитает во свете неприступном (ср. 1 Тим. 6:16), во свете, который тьма не объяла (ср. Ин. 1:5)».

Et in solis tu mihi turba locis. «Да, воистину, — сказал он, — беседа с Богом в уединении лучше, чем толпа, что осаждает врата великих мира сего, которые могут поддерживать свое величие лишь в суете дел, под гнетом докучливых просителей и ценой своего покоя.

Несчастное величие, что приобретается и сохраняется такими трудами и которого, однако, лишаются с таким сожалением! Потому-то и гласило одно из его прекрасных изречений: «Нужно находить усаду в себе самом, когда пребываешь в уединении, и в близнем, как в себе самом, когда находишься в обществе, и везде находить усаду в одном лишь Боге, Который сотворил и уединение, и общество. Кто поступает иначе, тому везде будет скучно, ибо уединение без Бога — это смерть, а общество без Него — более пагубно, чем желанно. Везде хорошо с Богом, и нигде — без Него».

¹ Альбий Тибулл, «Элегии», кн. IV, 13, ст. 11-12. Пер. Л. Остроумова.

Глава двадцать вторая. О том, как уметь жить и в изобилии, и в скудости.

Сие слово святого Павла было ему особенно дорого: «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии» (Флп. 4:12).

Он говорил, что уметь жить в изобилии — куда труднее, чем уметь переносить скудость. Тысяча падет от левой руки — в напастях, и десять тысяч от правой — в благоденствии; столь трудно в изобилии идти прямым путем. Это и заставляло Соломона говорить: «Господи, нищеты и богатства не давай мне, питай меня наущным хлебом» (ср. Притч. 30:8).

Умение хранить умеренность посреди богатств один древний мудрец сравнивал с купиной неопалимой, что горела и не сгорала, и с тремя отроками, вышедшими из печи Вавилонской невредимыми.

Смирение, — говорит святой Григорий, — подвергается великой опасности среди почестей, целомудрие — великому риску среди услад, а умеренность — великой угрозе среди богатств¹.

Умение жить в изобилии и переносить скудость с ровным сердцем есть верный знак того, что человек взирает на одного лишь Бога и в бедности, и в богатстве; ибо ни тяготы первой не повергают его в уныние, ни блага второго не надмевают его.

Кто способен с равным расположением духа целовать обе руки Божии, тот достиг вершины христианского совершенства и обретет спасение в Господе.

¹ Св. Григорий Великий, «Моралии на Книгу Иова», кн. XXII, гл. 13 (30).

Глава двадцать третья. Ничего не просить и ни от чего не отказываться.

Следуя своему великому правилу — ничего не просить и ни от чего не отказываться, — он имел обыкновение принимать скромные подношения, которые доставались ему от бедных людей, даже во время совершения Таинств.

Было назидательно видеть, с какой благосклонностью и радушием он принимал при таких обстоятельствах горсть орехов, или каштанов, или яблок, или небольшие сыры, или яйца, которые подносили ему дети или бедняки. Иные давали ему су, дубли или лиарды¹, которые он принимал смиренно и с благодарением. Он брал даже те три-четыре су, которые ему порой предлагали за мессу в какой-нибудь деревне, и совершал службу с великим тщанием.

То, что ему давали деньгами, он сам раздавал бедным, которых встречал при выходе из церкви; а съестное уносил в складках своего стихаря или в карманах и клал на полки в своей комнате или отдавал эконому с условием, чтобы это подали ему к столу, говоря иногда: «От трудов рук твоих будешь есть: блажен ты, и благо тебе!» (Пс. 127:2, Вульг.).

Он весьма высоко ценил те места из Писания, где святой Павел с особой настойчивостью заповедует труд (ср. 2 Фес. 3:7-12), а также и сии слова: «Человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх» (Иов. 5:7); и «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). И с любезной улыбкой добавлял, что если бы мужчина мог жить не трудясь, а женщина — рожать без боли, они бы выиграли свою тяжбу с Богом².

¹ Су, дубль, лиард — старинные французские монеты самого малого достоинства.

² Это ироничный намек на Божий приговор Адаму («в поте лица твоего будешь есть хлеб» — Быт. 3:19) и Еве («в болезни будешь рождать детей» — Быт. 3:16) после грехопадения. Если бы эти установления не исполнялись, это означало бы, что человечество как бы оспорило и отменило Божий суд.

Глава двадцать четвертая. Об отдохновении и о том, как он все обращал к возвышению духа к Богу.

Он никогда не искал отдохновения¹ по собственному желанию, но лишь из снисхождения к другим. В двух домах, где он жил во время своего епископства, у него не было даже сада, и он никогда не прогуливался, разве что из учтивости к окружающим или когда врач предписывал ему это для здоровья, а указаниям врачей он следовал весьма точно.

Святой Карл Борромей был той же суровой строгости и не мог сносить, чтобы после трапезы гости, которых он принимал, развлекались пустыми разговорами, говоря, что это недостойно пастыря, на котором лежит бремя столы большой и тяжелой епархии, как его, и у которого есть множество других, лучших занятий. Это было простительно для сего святого, который, как известно, жил в великой суровости, поэтому никто не находил странным, когда он прерывал подобные беседы, чтобы найти иное поприще для того великого рвения о душах и о славе Божией, которыми он был снедаем.

Наш блаженный был нравом покротче и не избегал бесед после стола. Когда я его навещал, он заботился о том, чтобы дать мне отдохновение после трудов проповеди. Он сам возил меня на лодке по тому прекрасному озеру, что омыает стены Анси, или вел в весьма красивые сады на его приятных берегах. Когда он приезжал ко мне в Белле, то не отказывался от подобных развлечений, которые я ему предлагал, но никогда не просил о них и не предавался им по собственному почину.

И когда с ним говорили о строениях, о живописи, о музыке, об охоте, о птицах, о растениях, о садоводстве, о цветах, он не порицал тех, кто предавался этим занятиям, но в любом из них предпочел бы видеть лишь повод для возвышения мысли к Богу. И он сам подавал тому пример, извлекая из всего этого духовные порывы.

- Если ему показывали красивые растения, он говорил: «Мы — нива, которую возделывает Бог» (ср. 1 Кор. 3:9). Если строения: «Мы — Божие строение».
- Если великолепную и богато украшенную церковь: «Мы — храмы Бога живаго (ср. 2 Кор. 6:16); о, если бы и души наши были так же украшены добродетелями!»
- Если цветы: «Когда же наши цветы принесут плоды?»

- Если редкие и изысканные картины: «Нет ничего прекраснее души, сотворенной по образу Божию».
- Когда его приводили в сад: «О, когда же сад нашей души будет засеян цветами и исполнен плодов, ухожен, очищен, прибран? Когда он будет огражден и затворен для всего, что неугодно небесному садовнику?»
- При виде фонтанов: «Когда мы будем иметь в сердцах наших источники воды живой, текущей в жизнь вечную? (ср. Ин. 4:14). Доколе будем мы оставлять источник жизни, чтобы высекать себе водоемы разбитые? (ср. Иер. 2:13). О, когда же мы будем в радости черпать из источников Спасителя? (ср. Ис. 12:3)».
- При виде прекрасной долины: «Они приятны и плодородны, и воды текут по ним; так и воды благодати текут в смиренных душах, оставляя сухими вершины гор, то есть души надменные».
- Видел ли он гору: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя» (Пс. 120:1). «Горы высокие — сернам» (Пс. 103:18). «Гора дома Господня будет поставлена во главу гор» (Ис. 2:2). «Благословите Господа, горы и холмы» (Дан. 3:75).
- Если деревья: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Лк. 3:9). «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод» (Мф. 7:18).
- Если реки: «Когда мы устремимся к Богу, как эти воды — к морю?»
- Если озера: «О Боже, изведи нас из рва страстей и из тинистого болота» (ср. Пс. 39:3).

Так он видел Бога во всем, и все — в Боге, или, лучше сказать, взор его был устремлен лишь на одно — на Бога.

¹ Отдохновение (фр. *récréation*) — в монастырской традиции установленный час общего отдыха после трапезы, предназначенный для благочестивой беседы и укрепления братских уз. Обычно — просто прогулка.

Глава двадцать пятая. О почитании Пресвятой Девы.

Родившись в один из дней октавы Успения Пресвятой Девы, 21 августа 1567 года, он всегда почитал Ее с глубочайшим благоговением.

Житие его свидетельствует: он с самых нежных лет посвятил себя Ее почитанию, выражая его и в особых молитвах, и в необыкновенной любви к чистоте, и в обете святого девства, принесенном Богу под покровительством и при содействии Царицы Дев.

Известно, что именно в день Ее Непорочного Зачатия он принял епископское рукоположение и во время этой священной церемонии получил то внутреннее помазание, о котором говорится в его житии.

Я не раз слыхал, как в проповедях возвещали величие Божией Матери; но, признаюсь, чтобы поведать о Ней как о Матери благословения, требовалась его безмерная кротость.

И ничто с такою силою не заповедовал он своим духовным чадам, как почитание Пресвятой Девы.

Но что значит почитать Пресвятую Деву, как не чествовать Ее в Боге и Бога в Ней, дабы лишь Бог был конечной сего целью? Иначе мы бы перенесли на Пресвятую Деву то высшее поклонение, что подобает одному лишь Богу.

Вот как говорит об этом Блаженный в своем «Трактате о любви к Богу»:

«Кто хочет угодить Богу и Владычице нашей, поступает хорошо, поступает очень хорошо; но кто захотел бы угодить Владычице нашей в той же мере или более, чем Богу, совершил бы несносное отступление от должного порядка».

Глава двадцать шестая. О том, что блаженный не мог ни в чем отказать.

Во время последней поездки в Париж, где он пробыл около восьми месяцев, его звали отовсюду с такой настойчивостью, что ему приходилось проповедовать почти каждый день. Это стало причиной болезни, которая, хоть и миновала довольно скоро, оказалась весьма опасной.

Но те, кто любил его и желал ему доброго здоровья, сочли недостаточным лишь предостеречь его, но говорили, что он берет на себя слишком много и что это может погубить его здоровье. На это он отвечал, что те, кто по своему служению есть *свет миру*, должны, подобно свечам, сгорать, светя другим.

Доброжелатели возражали, что при таком подходе слово Божие в его устах теряет в цене, ибо мир ценит лишь то, что редко; ведь все бегут смотреть на луну, но никто не встает спозаранку, чтобы увидеть восход солнца, а ведь это светило куда более достойное.

«Право же, — ответил на это добрый прелат, — для этого мне пришлось бы нанять викария, чтобы он за меня отказывал. Ибо то самое слово, которое я проповедую, учит меня, что мы — должники перед всеми, и что мы обязаны не просто ссужать, но давать всякому, кто у нас просит. И что истинная любовь не ищет и не блюдет своих интересов, но лишь интересы Бога и ближнего. Как же после этого отказывать и отсылать ни с чем каждого, кто ко мне обращается? Помимо неучтивости, мне кажется, это было бы великим упущением в братской любви.

Далеко нам еще до тех двух великих святых, из которых один желал ради братьев своих быть изглаженным из Книги Жизни (ср. Исх. 32:32), а другой — быть отлученным от Христа (ср. Рим. 9:3), что, по сути, одно и то же».

Сие было основано на его великом правиле: ничего не просить и ни в чем не отказывать. Он следовал ему с такой точностью, что, могу вас уверить, я никогда не высказал ему справедливой просьбы, в которой бы он мне отказал, или же отказ его не был бы справедливее моей просьбы, притом даже по моему собственному суждению. И отказы его были облечены в такие ласковые слова, что казались несравненно приятнее, нежели милости многих, которые уделяют их с таким неудовольствием, что сводят на нет

собственное благодеяние. И я не слышал, чтобы он когда-либо отказал кому-нибудь в разумной услуге.

Глава двадцать седьмая. О жесточайшем искушении, испытанном нашим блаженным.

Среди искушений, испытывающих нашу веру, то, что касается предопределения, — одно из самых мучительных, ибо это бездна, поглощающая любую человеческую премудрость.

Бог, предназначив нашего блаженного к служению душам и руководству ими, попустил ему жестокие искушения на сей счет, дабы он на собственном опыте научился быть *немощным с немощными* (ср. 2 Кор. 11:29).

Когда он завершал учебу в Париже, будучи тогда лишь шестнадцати лет от роду, лукавый дух подкинул его воображению помысел, будто он принадлежит к числу отверженных.

Искушение это произвело такое впечатление на его душу, что он лишился покоя и не мог ни пить, ни есть. Он увядал на глазах, впадая в апатию.

Его наставник, видя, как юноша чахнет день ото дня, потерял ко всему вкус и не находил ни в чем утешения, осунулся и пожелтел лицом, часто спрашивал его о причине таковой меланхолии. Но демон, наполнивший его этим заблуждением, был из тех, кого называют немыми, по причине молчания, которое они заставляют хранить тех, кого мучают.

Он ощущал себя в то же время лишенным всех радостей божественной любви, но не верности, которой, словно непроницаемым щитом, старался отражать, хоть и не осознавая того, раскаленные стрелы врага (ср. Еф. 6:16). Утешения и покой, которые он с таким довольствием вкушал до этой бури, то и дело приходили ему на память, усугубляя страдание.

«Итак, тщетно, — говорил он сам себе, — блаженная надежда питала меня ожиданием того, что я изведаю обилие сладости дома Божия и погружусь в потоки Его наслаждений. О, любезные селения дома Божия, мы, значит, никогда не увидим вас и никогда не будем обитать в дивных и желанных чертогах Господних!»

Целый месяц он томился тоской и сердечной горечью, которые вправе был сравнить со смертными муками и ужасами ада. Дни он проводил в скорбных стенаниях, а в ночи омывал ложе свое слезами (ср. Пс. 6:7).

Наконец, по божественному вдохновению, он зашёл в какую-то церковь, чтобы призвать благодать Божию на свое убожество. И, преклонив колени перед образом Пресвятой Девы, он молил Матерь милосердия вымолить для него у щедрого Господа лишь одно: если уж ему суждено быть навеки отверженным, то пусть ему будет дано по крайней мере в этой жизни любить Его всем сердцем.

И вот, обливаясь слезами и с сердцем, стесненным невыразимой скорбью, он произнес такую молитву:

Memorare, o piissima Virgo Maria, non esse auditum a saeculo, quemquam ad tua currentem praesidia, tua implorantem auxilia, tua petentem suffragia, esse derelictum. Ego, tali animatus

confidentia, ad te, Virgo Virginum, Mater, curro; ad te venio, coram te gemens, peccator, assisto. Noli, Mater Verbi, verba mea despicere, sed audi propitia, et exaudi. Amen.¹

И едва он ее завершил, как ощутил действие помощи Матери Божией и силу ее заступничества перед Богом; ибо в одно мгновение тот змей, что отравлял его своими пагубными наваждениями, оставил его, а юный Франциск исполнился такой радости и утешения, что свет преизобиловал там, где прежде изобиловала тьма (ср. Рим. 5:20).

Эта брань и эта победа, это пленение и это избавление, эта меланхолия и эта радость, эта буря и это затишье — всё это и даровало ему с тех пор такое искусство и такую мудрость во владении духовным оружием, что он был словно арсенал для других, снабжая защитным оружием и советом всем, кто открывал ему свои искушения. Он был для них как *столп Давидов, на котором висит тысяча щитов... все сие — щиты сильных* (Песн. 4:4).

Превыше всего в великих искушениях он советовал прибегать к могущественному заступничеству Матери Божией, Которая грозна, как полки со знаменами (Песн. 6:3).

¹ Молитва «Вспомни, о Премилосердная Дева Мария» (*Memorare*), ошибочно приписываемая св. Бернарду. Ее текст: «Вспомни, о Премилосердная Дева Мария, что вовеки не слыхано было, чтобы кто-либо, прибегающий к Твоей защите, молящий о Твоей помощи, просящий Твоего заступничества, был Тобою оставлен. Исполненный такого упования, я прибегаю к Тебе, о Дева над девами, Мать; к Тебе прихожу и предстою пред Тобою, стена, как грешник. Не презри моих слов, о Мать Предвечного Слова, но милостиво услыши и исполни их. Аминь».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава первая. О скромности

Любовь его к чистоте была столь велика, что он не мог примириться ни с малейшим поступком, ни с малейшим жестом, даже необдуманным, способным омрачить ее блеск и сияние. Он обыкновенно называл ее прекрасной и белоснежной добродетелью души.

На этот счет он приводил два метких сравнения.

Первое: подобно зеркалу — сколь бы ни была нежна, чиста и гладка его поверхность, довольно одного дыхания, чтобы затуманить ее, и вот уже оно не способно ничего отразить.

Второе: «Взгляните, — говорил он, — на эту прекрасную лилию. Она — само олицетворение чистоты; она хранит свою белизну и нежность даже среди шипов, покуда ее не тронут. Но стоит ее сорвать, и благоухание ее делается столь сильным, что пьянит».

Посему он желал, чтобы ради сохранения чистоты люди блюли строжайшую и самую щепетильную скромность. Он наставлял никогда не позволять прикасаться к себе — ни к

лицу, ни к рукам, даже в шутку, ради одной лишь забавы. Ибо, хотя подобные вольности порой и не нарушают благопристойности, они все же всегда бросают на нее легкую тень.

Глава вторая. Блаженный теряет драгоценный перстень

В 1619 году Мадам Кристина Французская, сестра короля, сочеталась в Париже браком со Светлейшим принцем Пьемонтским, старшим сыном и наследником Савойского престола. Наш блаженный сопровождал на этой церемонии господина кардинала Савойского; и Мадам, несмотря на свою юность, прониклась к святому таким глубоким почитанием, что пожелала сделать его своим Великим элемозинарием. Он был принужден принять эту должность, но лишь с тем условием, чтобы она нисколько не препятствовала исполнению его епископского долга и не нарушала его обязанности проживать в своей епархии, что он почитал установлением Божественного права.

Требования новой должности обязывали его сопровождать Мадам до самого Пьемонта. Пробыв там несколько дней, он испросил дозволения вернуться в свою епархию, оставив вместо себя владыку Халкидонского, своего собрата и коадъютора.

Дозволение это было дано ему ко всеобщему сожалению двора. Мадам преподнесла ему дары, достойные столь великой принцессы, и среди прочего — перстень с весьма ценным бриллиантом.

В пути, когда он ехал верхом среди высоких альпийских гор и снимал перчатку, перстень соскользнул с его пальца, а он того и не заметил.

Когда же на постоялом дворе он обнаружил пропажу, то, нимало не смущившись, возблагодарил Бога за эту потерю — по двум, как он сказал, причинам. Во-первых, теперь у него не было повода прельщаться столь драгоценной вещью или привязываться к ней сердцем. А во-вторых, Провидение, быть может, пошлет эту находку кому-нибудь бедняку, который, обретя перстень, сможет прожить в достатке остаток своих дней; и в этом случае сокровищу найдется лучшее применение, нежели у него.

Однако вышло иначе, чем он полагал. Перстень подобрал бедняк, не знавший его цены, и показал его в деревне, где о пропаже уже было известно. Так перстень был возвращен ему, когда он о нем уже и не помышлял; и он явил великую щедрость и тому, кто его нашел, и тому, кто его принес.

Из этого видно, сколь мало сердце сего блаженного прелата было привязано к вещам, которые люди так высоко ценят, ибо он знал, что на Небесах его ждут сокровища непреходящие и поистине драгоценные.

Глава третья. О его самообуздании

Однажды я подал ему за столом некое изысканное кушанье и, видя, что он осторожно отодвигает его на край тарелки, чтобы взяться за пищу попроще, сказал ему: 2Ага, я поймал вас! Где же евангельская заповедь: «*Ешьте, что вам предложат?*»? (Лк. 10:8).

Он отвечал с присущей ему любезностью: «Вы разве не знаете, что желудок у меня простой, крестьянский? Если я не съем чего-нибудь плотного и грубого, то и не насыщусь. Эти лакомства просто проскальзывают; ими не наешься».

«Отче, — возразил я, — все это лишь отговорки. Подобными завесами вы только прикрываете строгость вашей жизни».

«Право же, — отвечал он, — здесь нет никакой хитрости, и говорю я с вами прямодушно и искренне. Впрочем, если совсем уж начистоту, без уверток и двуличия, то не стану отрицать: лакомые блюда мне куда приятнее на вкус, нежели грубая пища. Я не из тех, кому нужно побольше соленого, пряного и острого лишь для того, чтобы вино показалось вкуснее, — мы, савояры, и без того знаем в нем толк. Но ведь за трапезой ищут насыщения, а не чувственных услад. Потому и я выбираю то, что считаю для себя более питательным и подходящим. Ибо, как вы знаете, должно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть; а значит — не превращать еду в приключение, занимая ум одним лишь созерцанием разнообразия блюд. И все же, дабы оказать честь нашему радушному угощению, я доставлю вам удовольствие, стоит вам лишь немного потерпеть. Ибо, заложив основание трапезы этой пищей, более плотной и питательной, я не премину увенчать его теми изысканными кусками, которыми вы изволили меня потчевать».

Сколько же добродетелей проявилось в этом, на первый взгляд столь обыденном, поступке: искренность, правдивость, чистосердечие, простота, воздержание, трезвость, снисхождение, доброжелательность, кротость, благость, благоразумие и ровность духа! Души, живущие благодатью, не знают малых дел, ибо совершенны дела Божии, и наипаче — дела благодати. Потому и слава служит им венцом. «*Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, — говорит Апостол, — все делайте в славу Божию*» (1 Кор. 10:31).

Глава четвертая. О признаках освящающей благодати

Одна из величайших мук, какие может претерпевать душа, любящая Бога, — это неведение, истинно ли она Его любит и пребывает ли в Его благодати. Ибо никто... не знает, достоин ли он любви или ненависти (ср. Еккл. 9:1), — если только не дано ему об этом особого откровения.

Ангельский доктор [св. Фома Аквинский], однако же, указывает несколько признаков того.

Первый — не иметь укоров совести ни за один смертный грех; то есть не знать за душою ни одного такого греха, от которого не очистился бы в Таинстве Покаяния.

Второй — когда человек находит угоду в Боге и с радостью приемлет все, что Ему угодно и что относится к служению Ему. Ибо тот, без сомнения, угоден Богу, кому Бог угоден, — и угоден настолько, что он всеми силами стремится Ему нравиться, согласно словам Самого Господа: «*Любящих меня я люблю*» (Притч. 8:17), и «те, кто оставляет Меня, будут оставлены» (ср. 2 Пар. 15:2, 1 Пар. 28:9).

Третий — когда в сравнении с Творцом мы ни во что не ставим творения. Эту мысль Евангелие выражает словом «ненависть»: «*Кто, — говорит Иисус Христос, — не возненавидит отца своего, и матери... а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником*» (Лк. 14:26).

Однако сколь бы ни были превосходны эти признаки, они не так удовлетворяют мой дух, как те, что наш блаженный обыкновенно давал людям, терзаемым подобной внутренней тревогой.

Первый — со светильником самого пристального самоиспытания обозреть Иерусалим нашей внутренней жизни и увидеть, обитает ли в глубине ее твердая и неизменная решимость никогда не оскорблять Бога смертным грехом по обдуманному произволению. Ибо именно в этом и состоит наше великое единение с волей Божией, которая не желает для нас ничего, кроме благодати и освящения.

Второй — обладаем ли мы твердым и постоянным желанием любить Бога. Говоря «постоянным и твердым», он подразумевал желание действенное, а не те несовершенные волеизъявления, что остаются лишь смутными порывами.

Глава пятая. О повиновении властям

Светлейший герцог Савойский, ведя войны и теснимый неотложными государственными нуждами, получил от папы бреве на взимание в своих владениях некоторого сбора с церковных имуществ. Он разослал это повеление епископам, дабы каждый в своей епархии распределил эту подать соразмерно доходам с бенефициев.

Блаженный созвал бенефициариев своей епархии и, видя, что они мало расположены исполнить предписанное Его Святейшеством, — ибо все как один приводили различные отговорки, — нашел эти предлоги слишком ничтожными в сравнении со столь насущными нуждами, какие испытывал герцог. Тогда он воспламенился рвением — как о доме Божием, так и о доме своего государя — и в порыве усердия сказал им: «Что, судари мои! Нам ли приводить какие-то доводы, когда два верховных правителя сходятся в едином повелении? Нам ли исследовать их замыслы и вопрошать их: «Почему вы поступаете так?» Мы ведь оказываем великое почтение не только постановлениям верховных судов, но и решениям самых малых судей, поставленных Богом для разрешения наших споров, и не вникаем в обоснования их приговоров. Когда они говорят «по такой-то причине», этого нам довольно, и мы смиряемся. А здесь, где говорят два оракула, обязанные отчетом в своих повелениях лишь одному Богу, мы хотели бы судить об их решениях, словно покушаясь на право выступать их дознавателями? Что до меня, объявию вам, что я не могу ни разделить ваших чувств, ни одобрить их.

Поистине, далеки мы от совершенства тех христиан, даже мирян, коим святой Павел говорил: «*Вы... расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее*» (ср. Евр. 10:34).

Вы видите, он говорит о неправедном похищении *всего* их достояния; а вы не хотите пожертвовать и малой толикой вашего, чтобы помочь отцу Отечества, добром нашему государю, чьему рвению мы обязаны восстановлением католической веры в трех округах Шабле, и у которого нет больших врагов, чем противники нашей веры?

Разве наше сословие не первое из трех, составляющих все государства христианских правителей? Есть ли что-либо справедливее, чем содействовать нашим достоянием, равно как и нашими молитвами, защищать алтарей, нашей жизни и нашего покоя, в то время как народ для этого расточает свое имущество, а дворянство — свою кровь?

Вспомните минувшие войны и убийства, как бы ваша неблагодарность и неповиновение не ввергли вас снова в подобные беды.

К этим словам он прибавил и собственный пример и назначил себе налог столь чрезмерный, в соотношении с его доходом, что никто из присутствующих не только не осмелился жаловаться, но и устыдился своего прежнего прекословия.

Так он сам повиновался и учил повиноваться других, сильный словом и делом, и говоря, как Гедеон своим воинам: «Что я буду делать, то и вы делайте» (Суд. 7:17).

Глава шестая. О превосходстве обета

Нет никакого сомнения, что пост, к примеру, совершающийся по обету, лучше, превосходнее и совершеннее того, что совершается без обета, ибо, согласно доводам Ангельского доктора [св. Фомы Аквинского, *Summa Theologiae*, II-II, q. 88, art. 4; q. 189, art. 4]

1. Обет есть акт добродетели благочестия — благороднейший из нравственных добродетелей и по природе своей куда более превосходной, нежели сам пост. Посему благо, присущее добродетели благочестия, соединяясь с постом, значительно увеличивает его ценность и совершенство.
2. Тот, кто постится по обету, приносит в дар не только плод, то есть сам пост, но и древо, порождающее его, то есть волю, утвержденную и связанную обетом.
3. Обет, налага на акт поста строгое обязательство, тем самым сильнее связывает волю и делает ее более решительной, постоянной и твердой в исполнении.
4. Добавлю и то, что одно благо, присоединенное к другому, непременно его увеличивает.

Следует, однако же, признать, что тот, кто постился бы без обета, но с большею любовью, совершил бы дело лучшее, превосходнейшее и совершеннейшее, чем тот, кто постился бы по обету, но с любовью меньшей. Ибо именно эта добродетель определяет ценность наших дел перед Богом. Это побуждает тех, кто творит добрые дела по обету, совершать их в любви и ради любви, дабы не утратить награды за свою заслугу.

Глава седьмая. О его щепетильности

Одним из его правил было то, что великую верность Богу проявляется в малых вещах. «Кто бережет денье и лиарды, — говорил он, — сколь же более сбережет экю и пистолей?»

И чему он учил, тому и следовал в точности, ибо был самым щепетильным человеком, какого только можно было встретить. Не только на Божественных службах, у алтаря и на клиросе он пунктуально и верно соблюдал малейшие обряды, но и когда читал свои часы частным образом.

Таков же он был и в проявлениях учтивости: ничего не упускал. Однажды я сетовал на чрезмерное почтение, которое он мне оказывал. «А разве ту честь, что я воздаю в вашем лице Иисусу Христу, — отвечал он, — можно счесть чрезмерной?»

Превыше всего он советовал мне хорошо изучить епископский церемониал. «Пастырям, — говорил он, — которые суть соль земли и свет мира (ср. Мф. 5:13-14), надлежит во всем являть собой пример».

Он часто повторял прекрасные слова святого Павла: «*Все у вас да будет благопристойно и чинно*» (1 Кор. 14:40).

Глава восьмая. О его пренебрежении благами земными и ревности о спасении душ

Хотя женевцы и удерживали почти весь доход с его епископского стола и капитула, я никогда не слышал от него ни единой жалобы на этот счет, — столь мало он был не то что привязан или привержен, но даже просто внимателен к вещам земным.

Он говорил, что с церковными владениями происходит то же, что и с бородой: чем чаще ее бреешь, тем гуще и пышнее она растет. Когда апостолы не имели ничего, они обладали всем; а когда духовные лица желают обладать слишком многим, это «слишком» обращается в ничто.

Он вздыхал лишь об обращении тех душ, что противятся свету истины, сияющему только в истинной Церкви. Вздыхая, он порой говорил: «*Отдай мне людей, а остальное возьми себе*» (ср. Быт. 14:21), — разумея под этим свою Женеву, которую, несмотря на ее бунтарство, он всегда называл «бедной» или «дорогой».

«О, если бы, — говорил он мне иногда, — эти господа владели и тем малым доходом, что они мне оставили, а нам дозволили присутствовать в этом несчастном городе на тех же правах, что и католикам в Ла-Рошели! Маленькую часовню, чтобы служить Божественную литургию и совершать обряды нашей веры, — и вы бы увидели, как в скором времени все эти отступники обратились бы сердцем, и мы бы радовались их возвращению в лоно Римской Церкви».

Эту сладостную надежду он всегда лелеял в своей груди.

Никогда не пели на клиросе псалом *Super flumina Babylonis* («На реках Вавилонских», Пс. 136), чтобы он не вспомнил об этом бедном городе, престоле епископов, его предшественников, и не потому, что желал бы пребывать там в их пышности и изобилии, ибо он, *поношение Христово... почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища* (Евр. 11:26), — но потому, что был уязвлен внутренней сердечной скорбью о погибели великого множества душ. Когда он читал службу частным образом и доходил до этого псалма со своим капелланом, слезы текли из глаз его.

Он рассказывал, что Генрих VIII, король Англии, который в начале своего правления был столь ревностным защитником Католической веры и так достойно писал против заблуждений Лютера, что снискал себе славный титул «защитника веры», под конец жизни, устроив по своей невоздержанности великий раскол в королевстве, пожелал вернуться в лоно Церкви, которое он столь плачевно покинул. Но когда он уже был готов приступить к этому благому делу, ему воспрепятствовала невозможность вернуть церковные владения, которые он раздал своим лордам. И тут блаженный восклицал:

«Неужели горсть земли и праха может похитить у Неба столько душ? Увы! Удел всякого христианина, и в особенности духовного лица, — хранить закон Божий. *Господь есть часть наследия моего и чаши моей* (ср. Пс. 15:5). Он бы с избытком возвратил им это достояние, и могущество Своё явив, и кротость.»

Глава девятая. О его терпении в болезнях

Он претерпевал муки болезни с терпением, исполненным такой любви и кротости, что от него никогда не слышали ни малейшей жалобы; и в душе его не возникало ни единого желания, которое не было бы согласно со святой волей Божией.

Он нисколько не сокрушался о тех служениях Богу и ближнему, которые мог бы совершать, будучи здоров. Он желал страдать, ибо такова была благая воля Божия.

«Он лучше меня знает, что мне нужно, — говорил он. — Предоставим же Ему действовать. *Он — Господь; что Ему угодно, то да сотворит* (ср. 1 Цар. 3:18). О Боже, да будет воля Твоя, а не моя (ср. Лк. 22:42)! Да, Отче Небесный, я желаю этого, ибо таково было Твое благоволение (Мф. 11:26). Да, Господи, я желаю этого, и да будет закон Твой и воля Твоя вовеки начертаны в сердце моем (ср. Пс. 39:9)».»

Если его спрашивали, примет ли он лекарство или бульон, и не желает ли, чтобы ему пустили кровь, и тому подобное, он отвечал лишь одно: «Делайте с больным, что вам угодно. Бог предал меня в руки врачей».

Никогда не видали пациента более простого в обращении и послушного, ибо он почитал Бога во врачах и знал, что *Господь создал врачевание и повелел почитать врача* (ср. Сир. 38:1-2), а почтение сие включает в себя и послушание.

Он говорил о своей болезни спокойно, не преувеличивая страданий излишними жалобами и не умаляя их притворством. Первое он почитал малодушием, второе — двуличием.

И хотя низшая его природа страдала от жестоких болей, на лице его, и особенно в глазах, всегда можно было прочесть безмятежность высшей части его души, сиявшую сквозь тучи телесной муки.

Глава десятая. О слугах

Никогда блаженный не говорил своим слугам ни единого угрожающего или обидного слова; а когда они допускали оплошности, он приправлял увещания такой кротостью, что они тотчас исправлялись из любви, не страшась жезла железного, которого, как они прекрасно знали, в его руках и не бывало.

Однажды, беседуя с ним о том, как следует обращаться со слугами, я заметил, что фамильярность порождает презрение. «Да, — отвечал он, — фамильярность непристойная, грубая и предосудительная; но учтивая, сердечная, благопристойная и добродетельная — никогда. Ибо последняя проистекает из любви, а любовь порождает подобное себе; истинная же любовь никогда не бывает без почтения, а следовательно, и без уважения к любимому, поскольку сама любовь основывается лишь на том почтении, что мы к нему питаем.» «Но, — возразил я, — в таком случае придется предоставить им полную свободу и позволить поступать, как им вздумается?» «Нет, я лишь говорю, что если любовь правит в сердце, она сумеет указать должную меру и рассудительности, и благородству, и справедливости, и умеренности, и великодушию, равно как и смиреннию, самоумалению, терпению, стойкости и кротости.

Что я могу сказать о слугах, так это то, что они, в конце концов, — наши ближние и «малые сии»; и любовь обязывает нас любить их, как самих себя. Так возлюбим же их, как самих себя, этих дорогих близких, которые так близки к нам, совсем рядом находятся, живут с нами под одной кровлей и пытаются от нашего достояния. Будем же обращаться с ними, как с самими собой, или, лучше сказать, как мы желали бы, чтобы обращались с нами, окажись мы на их месте и в их положении; и вот лучший способ обхождения со слугами.

Правда, не следует ни смотреть сквозь пальцы на их проступки, когда те значительны, ни щадить их в наставлениях; но вместе с тем надо и признавать то добро, что мы от них получаем. Уместно даже, дабы воодушевить их, порой выказывать им, что вы довольны их службой, что доверяете им и почитаете их братьями или друзьями, чью нужду вы хотите облегчить или чьему преуспеянию содействовать.

Истинно, как один порыв ветра в парусах галеры продвинет ее в море дальше, чем сто ударов весел, так и одно дружеское слово и свидетельство благоволения добываются от слуги большей услуги, чем сто повелений суровых, грозных и неумолимых».

Глава одиннадцатая. О его снисхождении

Снисхождение к нравам других и кроткая, но справедливая поддержка ближнего были его излюбленными и особыми добродетелями, и он непрестанно наставлял в них своих дорогих чад.

Он часто говорил мне: «О, насколько же легче приноровиться к другому, нежели пытаться склонить каждого к нашему нраву и нашим мнениям! Человеческий дух — истинное зеркало, он легко принимает все цвета, какие ему ни предстанут. Важно лишь не уподобляться хамелеону, восприимчивому ко всем цветам, кроме белого; ибо снисхождение, не сопровождаемое прямодушием и чистосердечностью, есть снисхождение опасное, которого следует всячески избегать.

Хорошо сострадать грешникам, но с намерением извлечь их из той трясины, где они лежат, а не для того, чтобы малодушно оставить их там гнить и умирать.

То порочное милосердие — видеть ближнего в беде греха и не осмеливаться протянуть ему руку помощи в кратком, но чистосердечном увещании.

Надобно быть снисходительным во всем, но лишь до [ограды] алтаря [как при причащении верных], — то есть до той черты, за которой начинается оскорбление Бога. Вот пределы истинного снисхождения.

Я не говорю, что надобно при всяком случае обличать грешника: благоразумная любовь требует дождаться времени, когда он будет способен принять лекарства, пригодные для его недуга.

Рвение необузданное, лишенное умеренности и знания, более разрушает, чем назидает.

Иные не делают ничего доброго из-за желания сделать все *слишком* хорошо и лишь портят то, что хотят исправить.

Надобно спешить не торопясь, согласно древней пословице; кто ступает поспешно, рискует упасть.

В обличении требуется рассудительность, как и в снисхождении».

Я не видел никого более снисходительного и терпеливого, чем наш блаженный; но, выбрав время и приняв все меры, он наносил свои удары весьма кстати и с такой мудростью, силой и кротостью, что ничто не могло ему противостоять.

Глава двенадцатая. О победе блаженного над своими страстями

Со своей обычной прямотой и простотой он чистосердечно признавался, что более всего ему стоило труда укротить в себе две страсти: любовь и гнев.

Первую он одолел искусством, вторую же — прямым натиском, или, как он сам говоривал, «взяв сердце в обе руки».

Искусство, к которому он прибег, чтобы справиться с первой, состояло в том, чтобы дать ей иное направление; ибо душа не может жить без какой-либо любви, и вся тайна в том, чтобы позволять ей лишь любовь добрую, чистую, святую, целомудренную и безупречную.

Какова наша воля, таковы и мы. «Если мы любим землю, — говорит святой Августин, — мы земные; если Небо — небесные; а если любим Бога — то становимся богами по причастию».

«Они стали гнусны, как те, которых возлюбили», — говорит пророк Осия об идолопоклонниках (Ос. 9:10). Все писания нашего блаженного дышат одной лишь любовью, но любовью святой; ибо выражения его, хотя и нежные, столь целомудренны, что несут оправдание в самих себе: «Слова... чистые... оправданные сами в себе... и сладчайшие паче меда и соли» (ср. Пс. 18:10-11, Вульг.).

Что же до страсти гнева, к которой он был склонен, то с нею он сражался в открытую, и с такой силой и мужеством, или, лучше сказать, с таким усилием и постоянством, что это стало видимо при его кончине. Когда тело его вскрыли, обнаружилось, что желчный пузырь его заполнен мелкими камнями. Священным усилием, коим берется Царство Небесное, он до такой степени усмирил эту неистовую и порывистую страсть, что обратил ее в камень, чemu врачи не смогли найти иного объяснения.

О камни из пастушьей сумы Давидовой, скольких исполинов — то есть скольких яростных приступов гнева — вы повергли! О камни, источившие воду, елей и мед! Вы — знаки великой власти благодати над природой, которая порою обращает камни в мед, а порою и желчь — в камень.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава первая. О двуличии

Наш блаженный почитал великим предательством пред Богом и людьми скрывать свое внутреннее состояние за внешним обликом, ему не соответствующим.

Таких людей он называл двоедушными, лицемерными, притворными и опасными; и Слово Божие изрекает на них великие проклятия: «*Горе тому, у кого сердце двоедушное*» (ср. Сир. 2:12) и «*уста лживые!* «*Говорят... от сердца притворного*» (Пс. 11:3). «*Человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих*» (Иак. 1:8).

Он любил, когда внешнее благообразие рождалось из еще более совершенного внутреннего порядка, дабы причина всегда оказывалась превосходнее своего следствия; ибо от корня должна исходить вся красота цветов и листьев и вся сласть плодов древесных.

Он любил, когда внутреннее порождало внешнее, а затем внешнее питало, облекало и хранило внутреннее, и для выражения этой мысли приводил весьма удачное сравнение с огнем, который сперва создает пепел, а пепел затем служит для поддержания и питания огня.

Поистине, без листьев дерево не только было бы неприглядно, но и плоды его не могли бы созреть, ибо листья своей тенью умеряют слишком жгучие лучи солнца. То же и с внешним: оно служит великим украшением для внутреннего и приносит великую пользу для сохранения сердца.

Хотя участь Марии, то есть жизнь внутренняя, и весьма хороша, участь Марфы, усердной во внешнем, не лишена своей особой благости. И когда эти две сестры пребывают в добром согласии на службе Иисусу Христу, тогда во всем царит мир — и в хозяйстве, и в устройении души христианской.

Итак, учитесь у нашего блаженного искусно соединять внутреннее с внешним, избегая всякого двуличия. Ибо как по благообразию лица судят о здравии и состоянии телесных

внутренностей, так и по доброте наших внешних дел судят о святости нашей внутренней жизни.

Глава вторая. О намерении

Меня спрашивают: можем ли мы, совершив доброе дело без всякого намерения, уже после придать ему благое намерение?

На это я могу лишь ответить собственными словами нашего блаженного:

«Если порой, — говорит он, — внешнее действие по привычке и опережает внутреннее расположение, пусть по крайней мере это расположение последует за ним без промедления. Если, прежде чем телесно поклониться моему настоятелю, я не совершил поклона внутреннего, в смиренном желании ему покориться, то пусть по крайней мере это желание сопутствует внешнему поклону или следует тотчас за ним».

И поистине, я не вижу, почему бы нам не могло быть дано последующим усилием исправить или возвысить наше намерение, ведь и покаянием, следующим за проступком, мы можем вновь обрести благодать у Бога и омыть нашу вину в раскаянии. Если дух сокрушения и раскаяния имеет такую силу, что истребляет зло и дает благодати изобиловать там, где изобиловал грех, то почему же дух благодати не сможет обратить добро в еще большее благо и вознести к Небесам доброе дело, пресмыкавшееся по земле из-за слишком низкого намерения?

Если кривое полено выпрямляют, подержав его над огнем, то почему же нельзя выпрямить не вполне праведное намерение огнем святой любви?

Глава третья. О жизни деятельной и созерцательной

Говорят: возможно ли, чтобы сестры, посвятившие себя по своему призванию деятельной жизни, со всеми ее трудностями и трудами, имели пред Богом не больше заслуг, чем те, что предназначены лишь для псалмопения и жизни созерцательной, столь сладостной и легкой?

Отвечаю: если под заслугами понимать превосходство той и другой жизни, то, говоря по существу, созерцательная жизнь, без сомнения, благороднее и превосходнее деятельной, согласно оценке Самого Господа нашего, рассудившего Марфу и Марию, из коих последняя «избрала благую часть». Поскольку наше блаженство и совершенство состоят в единении с Богом, несомненно, что созерцание соединяет нас с Ним прямее, чем действие; хотя, с другой стороны, в насущных, а порой и неотложных нуждах земной жизни деяние и имеет великие преимущества перед созерцанием.

Если же под заслугами понимать то, что относится к вечной награде, тогда следует обратиться к любви, главной составляющей, определяющей самую суть блаженства, и

сказать: те, кто будут действовать или созерцать с большею любовью, будут иметь и больше заслуг, а следовательно, и большую награду на Небесах.

Наш блаженный разрешает этот вопрос такими словами:

«Пусть Марфа, — говорит он, — будет деятельной, но пусть не попрекает Марию. Пусть Мария созерцает, но пусть не презирает Марфу, ибо Господь наш вступится за ту, которую станут упрекать».

Впрочем, я предостерегаю вас: не измеряйте дела благодати правилами природы, а дела природы — мерой благодати. Ибо сколь небо отстоит от земли, столь же отстоят и сверхъестественные пути Божии от наших путей, которые суть лишь естественны (ср. Ис. 55:9).

Некогда не дозволялось взвешивать мирское весом святилища, а священное — весом мирским¹.

1 Аллюзия на понятие «сикля священного» (Исх. 30:13) — эталонной меры веса, хранившейся при Скинии. Здесь «вес святилища» — это божественная, духовная система ценностей, а «вес мирской» — человеческая, земная.

Глава четвертая. О том, что преуспение в добродетели — не в том, чтобы делать много, а в том, чтобы хорошо делать то, что делаешь

Наш блаженный наипаче советовал избегать суетливой поспешности, которую называл главным врагом истинного благоговения.

Лучше, — говорил он, — делать мало, но хорошо, чем браться за многое и делать его несовершенно.

«Не множеством дел, — добавлял он, — преуспеваем мы в совершенстве, но усердием и чистотой намерения, с которыми их творим».

Отсюда мы выводим следующее:

1. Наше преуспение в совершенстве зависит не столько от множества наших дел, сколько от усердия святой любви, с которой мы их совершаем.
2. Одно доброе дело, совершенное с великим усердием, ценнее и угоднее Богу, чем многие дела того же рода, совершенные с теплохладностью и нерадением.
3. Чистота намерения высоко возносит заслугу доброго дела; ибо цель определяет ценность действия, и чем чище и превосходнее цель, тем выше и сам подвиг. Ибо какую более достойную цель можем мы иметь в наших делах, нежели славу Божию?

Он любил, когда в частных беседах говорили, как он выражался, «мало, но по существу». А в делах советовал не браться за всё подряд, но то малое, что делаешь, исполнять с великим совершенством, согласно пословице: «Что хорошо сделано, то и скоро сделано».

См. «Трактат о любви к Богу» (Феотима), кн. 11, гл. 7.

Глава пятая. О великом смиренномудрии

«Не знаю, — говорил он мне, — почему все называют меня наставником и основателем дочерей Посещения. Тоже мне, могучий основатель [обителей] и премудрый учредитель новых орденов, — будто и без того не довольно уже монашеских установлений! А ведь я создал то, что намеревался разрушить, и разрушил то, что намеревался создать». «Что вы под этим разумеете?» — спросил я. «То, — отвечал он, — что замысел мой был лишь в том, чтобы основать в Анси один-единственный дом для девиц и вдов, без обетов и без затвора, чье служение состояло бы в посещении и утешении нищих больных, покинутых и лишенных помощи, и в других делах благочестия и милосердия, как духовных, так и телесных. А теперь это — уставный орден, живущий по правилу св. Августина, с обетами и затвором, что несовместимо с первоначальным замыслом, в котором они прожили несколько лет; так что и оставшееся у них имя Посещения им более не подходит. Так что я им скорее крестный отец, нежели наставник, ибо мое у становление было, так сказать, отменено. Вы ведь знаете, что монсеньор архиепископ Лионский Дени-Симон де Маркемон был главной, после Бога, причиной этой перемены, а потому его и следовало бы называть основателем их сообщества. Если я и составил им устав, сообразуясь с их правилами, то сделал это лишь по принуждению от Святого Престола, повелевшего мне преобразовать дом в Анси в монастырь, по образцу которого с тех пор и были учреждены другие в разных местах».

Наш блаженный высоко ценил и превозносил поступок великого мужа, Иоанна Авильского, знаменитого проповедника в Андалусии, который, основав конгрегацию секулярных священников для служения Богу и Церкви, оставил свое начинание, когда увидел становление Общества Иисуса, посчитав, что этого на тот момент было достаточно, и в его собственном замысле не было нужды.

И сам св. Игнатий, хотя и видел успехи своего установления и признавал, что ничто не могло бы уязвить его чувствительнее, чем его разрушение, все же обещал себе (случись такое), что утешился бы после одного часа молитвы.

И наш блаженный, видя, как новое его установление едва ли не при самом рождении своем оказалось на грани уничтожения из-за тяжелейшей болезни той добродетельной особы, что послужила первым камнем в этом духовном здании, сказал: «Что ж, Бог удовольствуется нашей доброй волей, как Он принял волю Авраама. Господь дал нам великие надежды, Господь и отнял их; да будет благословенно имя Его святое».

Глава шестая. О совершенстве своего звания

Он говорил, что самое важное дело в жизни истинно верующего христианина — это непрестанно искать совершенства своего звания; то есть все более и более совершенствоваться в том звании, в котором он находится.

Совершенство же звания каждого состоит в том, чтобы правильно соотносить средства с целью и пользоваться теми из них, что приличествуют нашему званию, дабы преуспевать

в любви. Ибо в одной лишь любви и заключается истинное и сущностное совершенство христианства, и без нее ничто не может быть названо совершенным.

Ибо если совершено то, в чем нет недостатка, и если никакая добродетель не может достичь конечной цели — славы Божией — иначе как через любовь, то кто же не видит, что никакая добродетель без любви не может носить имени совершенной добродетели, а следовательно, и не может привести нас к цели истинного совершенства нашего звания?

«Более же всего... облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3:14), — говорит святой апостол. Она не только связывает и единит нас с Богом, в чем и состоит наше единственное совершенство, но и собирает воедино все прочие добродетели и направляет их к их истинному средоточию — к Богу и Его славе.

Глава седьмая. О подражании

Он советовал читать жития святых, которые были нашего звания или наиболее на него походили, дабы им подражать. Ибо, надобно признать, Бог даровал основателям орденов и конгрегаций не только начатки их духовных установлений, но и такое великое обилие благодати, что их героические добродетели суть совершенные образцы, с которых их последователям надлежит снимать копии; и копии эти будут тем превосходнее, чем ближе подойдут к своим первообразам.

Однажды я сказал ему, что так неотступно слежу за ним и с таким вниманием изучаю все его поступки, что ему следует быть весьма осмотрительным в моем присутствии.

«Уверяю вас, — добавил я, — я тотчас же последую вашему примеру, почитая это за добродетель».

«Какая жалость, — отвечал он, — что дружба, равно как и любовь, носит на глазах повязку и мешает нам различать недостатки и совершенства любимого человека. Что за досада! Выходит, я должен жить рядом с вами, как на вражеской земле, и мне придется остерегаться ваших глаз и ушей, будто соглядатаев. Однако вы оказываете мне услугу, говоря так прямо, ибо, как известно, кто предупреждён, тот вооружён. Это все равно что сказать: *«Сын человеческий, блюди себя и всегда ступай правым путем, ибо Бог и люди бодрствуют над тобой»*. Враги наши следят за нами, чтобы укорить нас и навредить нам, порицая; друзья же наши должны были бы иметь то же внимание к нам, но с совершенно иным намерением, а именно — дабы предупреждать нас о наших промахах и помогать нам исправиться. Но вы, — сказать ли вам? только не взыщите с меня за это, — вы для меня жесточе всех их. Ибо вы не только не протягиваете мне дружеской руки, чтобы вытащить меня из моих недостатков спасительными и милосердными увещаниями; но, кажется, еще и хотите сделать меня соучастником ваших ошибок этим неправедным подражанием. Что до меня, то Бог наделил меня иными чувства к вам. Ибо во всем, что вас касается, я движим такой ревностью по Боге и с таким пылом желаю видеть вас прямо идущим по Его путям, что малейший недостаток в вас для меня невыносим. Ваши мухи для меня — слоны; и я не только не желал бы подражать вам в сих малых ошибках, но, поверьте, со страшным внутренним борением умалчиваю о них, выжидая удобного случая, чтобы вам о них сказать».

Глава восьмая. О том, чтобы делиться духовными благами

Однажды некая сестра спросила нашего блаженного, что надобно делать, дабы хорошо сохранить дух [ордена] Посещения и не дать ему иссякнуть. Он ей ответил:

«Единственное средство — это держать его заключенным и скрытым в строгом соблюдении устава.

Но вы говорите, что есть и такие, что столь ревностно блюдут дух своего установления, что не желали бы делиться им за стенами обители.

В этой ревности есть излишество, которое надобно отсечь. Ибо к чему, скажите на милость, утаивать от ближнего то, что может принести ему пользу? Я не такого мнения; ибо я желал бы, чтобы все то благо, что есть в [ордене] Посещения, было признано всеми и ведомо каждому, и потому я всегда считал, что было бы хорошо напечатать Правила и Устав, дабы многие, видя их, могли извлечь из них некоторую пользу.

О, если бы нашлось побольше людей, желающих жить по ним! Вскоре мы увидели бы великие перемены в них, которые послужили бы к славе Божией и ко спасению их душ. Будьте весьма усердны в сохранении духа [ордена] Посещения, но не так, чтобы эта забота мешала с любовью и простотой делиться им с ближним, каждому по его мере. И не бойтесь, что от этого сообщения он иссякнет, ибо любовь никогда ничего не портит; напротив, она все приводит к совершенству».

Глава девятая. О чтении святых книг

Чтобы чтение было душеполезным, надобно читать лишь одну книгу за раз, и притом читать ее по порядку, то есть от начала до конца.

И не одна лишь польза, но и удовольствие должно побуждать нас к такому последовательному и непрерывному чтению; ибо так мы, подобно путникам, черпаем в пути отдохновение, открывая для себя все новые предметы и виды; мы постоянно переходим к новым мыслям, а это радует дух.

Те же, кто не имеет постоянного чтения, но перескакивает с книги на книгу, вскоре пресыщается всеми и охладевает к этому занятию, а ведь оно — самая приятная пища для духа и одна из сладчайших услад жизни. Наш блаженный называл чтение маслом для светильника молитвы.

Врачи говорят, что для сохранения здоровья хорошо вкушать за каждой трапезой лишь одно кушанье; ибо разнообразие яств, предлагаемых на пирах, весьма ему вредит. Полагаю, что и духовные врачи могут сказать то же о пище духовной, которую мы черпаем из чтения: множество книг приносит скорее вред, нежели пользу.

Глава десятая. О добродетели

Есть заблуждение, довольно распространенное даже среди людей духовных: воображать, будто обладаешь некой добродетелью лишь потому, что не замечаешь за собой дел, свойственных противному ей пороку. Невероятное множество людей убаюкивают себя, склонив голову на эту коварную подушку. Однако велико расстояние между делами и навыком добродетели — и делами и навыком противного ей порока.

Перестать творить зло — это, конечно, ослабляет порочный навык; но чтобы стяжать или приумножить добродетель, этого недостаточно: надо упражняться в ней и совершать дела, ей свойственные.

Если некая особа кротка, когда никто ее не раздражает, не обижает и не перечит ей, в этом нет великого чуда. Чудом, скорее, было бы, если бы она оставалась язвительной и гневливой среди угождений, покорности и почтения.

Даже самые жестокие и свирепые звери приручаются рядом с теми, кто делает им добро и не дразнит их; и, напротив, когда тигр приходит в еще большую ярость, заслышиав музыку, сие считается признаком бешенства.

Есть натуры, которые кажутся весьма кроткими, покуда все им улыбается; но *коснитесь этих гор, и тотчас они задымятся* (ср. Пс. 143:5). Это раскаленные угли, сокрытые под пеплом. «Не велика заслуга, — говорил святой Григорий, — быть добрым с добрыми; но быть таковым среди злых, делать добро тем, кто нас преследует, и говорить кротко, скромно и сдержанно с теми, кто чернит нашу добрую славу, — вот что значит иметь душу, подобную вершине горы Олимп, недоступной для бурь».

Те, кто столь красно рассуждает о кротости или терпении, но взрывается от малейшего обидного слова и повсюду на него жалуется, ясно показывают, что добродетели эти у них лишь на кончике языка, а корень их — не в сердце.

Вот как наш блаженный объясняет это в «*Трактате о любви к Богу*»:

«Сила добродетели, как и добродетель мужества, никогда не обретаются в мирное время, но лишь тогда, когда мы закалены искущением противного им порока. Те, кто является великою кротостью, покуда им никто не прекословит, и кто не стяжал этой добродетели с мечом в руке, поистине могут казаться образцом для подражания и назидания. Но стоит подвергнуть их испытанию, как они тотчас приходят в смятение, и становится явным, что кротость их была не добродетелью сильной и твердой, но скорее мнимой, нежели истинной.

Велика разница между прекращением порока и обладанием добродетелью, ему противной. Многие кажутся весьма добродетельными, не имея, однако же, никакой добродетели, ибо они не стяжали ее в борении. Весьма часто случается, что страсти наши дремлют и пребывают в оцепенении; и если в это время мы не запасемся силой, чтобы сразиться с ними и противостоять им, когда они пробудятся, — мы будем побеждены в битве.

Надобно всегда пребывать в смирении и не полагать, будто мы обладаем добродетелями, даже если мы не совершаляем (по крайней мере, насколько нам известно) проступков, им противных».

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава первая. Остроумный ответ

Когда некто однажды довольно резко попенял ему, что вокруг него видно одних лишь женщин, он отвечал:

«Не будем сравнивать, но так же было и с Господом нашим, и многие из-за этого роптали».

«Но, — возразил тот, кто столь легкомысленно бросил это замечание, — я не знаю, почему они так вьются вокруг вас; ибо я не заметил, чтобы вы поддерживали с ними беседу или много им говорили».

«А разве вы ни во что не ставите то, что я даю им выговориться? — отозвался блаженный. — Поистине, они более нуждаются в ушах, что их слушают, нежели в устах, что им отвечают. Они говорят достаточно и за себя, и за меня; возможно, именно эта готовность их выслушать и привлекает их ко мне; ибо для говоруна нет ничего приятнее терпеливого и молчаливого слушателя».

Собеседник, продолжая в том же вольном духе, сказал, что он обратил внимание на его исповедальную: на одного мужчину у него приходится великое множество женщин, осаждающих ее.

«Чего же вы хотите? — добавил святой. — Сей пол более склонен к благочестию; и потому Церковь называет его *набожным*. О, если бы мужчины, совершающие куда более тяжкие грехи, имели бы такую же склонность к покаянию!»

Тот, набираясь дерзости, спросил его, не спасается ли больше женщин, нежели мужчин.

«Оставим шутки, — сказал блаженный, — не нам проникать в тайны Божии и быть Ему советниками».

И этим ответом он пресек и завершил беседу.

Глава вторая. Его ответ епископу, желавшему оставить свою должность

Один епископ просил у него совета касательно своего намерения оставить должность и жить частной жизнью. В пример он приводил св. Григория Назианзина, прозванного Богословом, который оставил три епископских престола: Сасимский, Назианзкий и Константинопольский, — дабы закончить свои дни в своем имении, называемом Арианз.

«Надо полагать, — отвечал ему блаженный, — что эти великие святые ничего не делали без особого побуждения Духа Божия; и не следует судить об их поступках по одной лишь

внешней стороне, тем более что этот святой был принужден уступить насилию, когда покидал свой последний престол».

Епископ возразил, что величие его служения устрашает его, ибо ему предстоит нести ответ за множество душ.

«Увы, — сказал блаженный, — что бы вы сказали и что бы вы сделали, если бы на ваших плечах лежало такое бремя, как мое? И однако же, я не должен из-за этого меньше уповать на милосердие Божие».

Епископ сетовал, что он подобен светильнику, который истаивает, светя другим, и что у него столько забот о служении ближнему, что почти не остается времени подумать о себе и о своем спасении.

«Но разве спасение ближнего, — возразил блаженный, — не составляет часть вашего собственного? И притом часть столь великую, что она — почти что всё целое? Разве, трудясь ради спасения других, вы не соделываете и своего? И можете ли вы соделывать свое, не преуспевая в спасении ближних, раз уж вы к этому призваны?»

Епископ отвечал, что, силясь вести других к святости, он подвергает себя опасности ее утратить.

«Прочтите, — сказал ему святой, — «Церковную историю» и жития святых и убедитесь, что ни в одном ордене и ни в одном призвании не найдётся столько святых, сколько в епископском сане. Ибо нет в Церкви Божией такого состояния, которое предоставляло бы столько средств к освящению и совершенству. Лучший способ преуспеть в совершенстве — это учить ему других и словом, и примером, к чему епископы и обязаны своим саном. Вся жизнь христианина на земле есть непрестанная брань и бег к одной цели — совершенству. И поскольку среди всех состояний и призваний, какие есть в Церкви, нет более совершенного, чем епископское, как по цели, так и по средствам, то оставить это призвание значит в некотором роде озираться назад. Оставайтесь в том судне, в которое Бог поместил вас для странствия по этой жизни. Путь этот так короток, что не стоит труда пересаживаться в другую ладью. И если голова вас укачивает на большом корабле, не сильнее ли у вас закружится голова в челне, более подверженном волнению, — я хочу сказать, в состоянии более скромном, которое, хотя и менее хлопотно и с виду спокойнее, однако не менее подвержено искушениям».

Эти доводы убедили того епископа оставаться, следуя совету апостола, в том призвании, в котором Бог его призвал (ср. 1 Кор. 7:20).

Глава третья. О главном попечении епископов

«Как епископ, — говорил он мне, — вы — блюститель и надзиратель в доме Божием; именно это и означает имя «епископ». Посему надлежит бодрствовать и иметь попечение о всей вашей епархии, зная, что вам предстоит дать отчет Пастыреначальнику о всех душах, вам вверенных.

Но наипаче вы должны иметь попечение о двух родах людей, которые суть главы: о настоятелях приходов и об отцах семейств. Ибо от них исходит все добро или все зло, какое только можно найти в приходах и в домах.

Когда грудной младенец занеможет, врач, как вам известно, предписывает лекарство кормилице, дабы сила его перешла в молоко, а через молоко — и в дитя. От наставления и добродетели, которые суть непосредственные пастыри народа, зависит его доброе воспитание в учении и добродетели. Они — как прутья Иакова, от которых агнцы принимают желаемый цвет шерсти (ср. Быт. 30:37-39).

Наставление значит много, но пример — несравненно больше, ибо немногие способны следовать евангельскому уроку: «*что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте*» (Мф. 23:3).

То же самое и с отцами и матерями семейств: от их увещаний, и еще более — от их поступков зависит все благополучие их домов.

Поскольку ваше епископское служение есть служение надзорное, то вам и надлежит бодрствовать над первыми среди людей — над теми, кто, подобно Саулу, выше прочих на целую голову (ср. 1 Цар. 10:23), то есть над главами домов и приходов. Ибо от них благо проникает и во внутреннюю жизнь каждого, подобно тому как благовонный елей с головы Аарона стекал до самых краев его одежд (ср. Пс. 132:2); ибо вы — настоятель для настоятелей и отец для отцов семейств».

Глава четвертая. О любви к Богу

Без этой любви вся совокупность добродетелей была для него лишь грудой камней. Потому-то, вслед за святым апостолом, он превыше всего советовал «*достигать любви*» (ср. 1 Кор. 14:1); но не желал, чтобы люди довольствовались одним лишь обладанием ею, а добавлял вместе с тем же апостолом: «*Все у вас да будет с любовью*» (1 Кор. 16:14).

Он непрестанно и неустанно твердил, о чем говорит великий апостол: без любви ничто не приносит пользы (ср. 1 Кор. 13) — ни вера, ни милостины, ни знание, ни постижение тайн, ни мученичество, даже от огня. И он не раз говорил мне, что мысль эту следует повторять неустанно, дабы она глубоко запечатлелась в уме верных. «Ибо в конце концов, — говорил он, — какая польза бежать, если не достигаешь цели? О сколь многие добрые дела остаются бесполезными для спасения из-за того, что не оживотворены любовью! А ведь об этом-то и думают меньше всего! Словно намерение — не душа наших дел, и словно Бог обещал вознаградить за деяния, что творятся не для Него и не к Его чести».

«Спасение, — говорил он в „Трактате о любви к Богу“, — явлено вере, уготовано надежде, но даруется одной лишь любви. Вера указывает путь в землю обетованную, подобно столпу облачному и огненному, блистающему и темному. Надежда питает нас своей манной сладостной. Но лишь любовь, подобно Ковчегу Завета, вводит нас в землю небесную, обетованную истинным израильтянам, — в ту землю, где ни столп веры уже не будет путеводителем, ни манна надежды не будет пищей».

Поистине, как зодчий, возводя свое строение, держит в руках отвес, правило и уровень, так и мы, созидая стены Иерусалима и желая сделать наши деяния живыми камнями в нем, должны всегда иметь перед глазами правило игры слов или ударение не там поставлено? любви, делая все для Бога, согласно слову Апостола: «*Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию*» (1 Кор. 10:31), во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Глава пятая. Всё — по любви, ничего — силой

Это было его великое правило и главный рычаг всего его духовного руководства.

Он часто говорил мне, что те, кто пытается принуждать человеческую волю, осуществляет тиранию, в высшей степени ненавистную Богу и людям. Потому-то он и не мог одобрить тех властных натур, что требуют повиновения волей-неволей и желают, чтобы все покорялось их господству. «Те, — говорил он, — кто любит внушать страх, боятся вызывать любовь, и сами боятся более всех прочих; ибо другие боятся лишь их одних, они же боятся всех». *Кого многие боятся, тот многих боится.*

Я часто слышал от него прекрасное изречение из «Трактата о любви к Богу»: «На царской галере божественной любви нет каторжников; все гребцы на ней — добровольцы».

Основываясь на этом принципе, он никогда не отдавал повелений иначе, как в форме убеждения или просьбы. Слова святого Петра были ему особенно дороги: «*Пасите Божие стадо... не принужденно, но охотно и богоугодно*» (1 Пет. 5:2).

Он любил, когда в делах духовного водительства поступали с душами по образу Бога и ангелов: внушениями, намеками, озарениями, увершаниями, молитвами, побуждениями; «*со всяким долготерпением и назиданием*» (ср. 2 Тим. 4:2). Чтобы, подобно Жениху, стучали в двери сердец и кротко побуждали их отворить. Если дверь отворялась — с радостью вносить туда спасение; если же нет — с кротостью принимать отказ.

Когда я однажды пожаловался нашему блаженному на сопротивление тому добруму, что я желал установить во время своих визитаций, он сказал мне:

«Какой же у вас самовластный дух! Вы хотите ходить на крыльях ветра и позволяете увлечь себя своей ревности, которая, подобно неукротимому пламени, ведет вас к пропасти! Неужто вы хотите сделать больше, чем Бог, и сломить волю созданий, которых Бог сотворил свободными? Вы рубите сплеча, словно воля жителей вашей епархии всецело в вашей власти, а ведь Бог, в Чьей руке все сердца, поступает не так. Он терпит сопротивление, бунт против Своего света, противление Своим внушениям, доколе не *оскорбляют Духа Его* (ср. Еф. 4:30), и в конце концов попускает погибнуть тем, кто по упорству своего нераскаянного сердца собирает себе гнев на день гнева (ср. Рим. 2:5).

Но и тогда Он не перестает внушать, хотя люди и отвергают Его призывы и говорят Ему: «*Отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих!*» (ср. Иов 21:14).

Наши ангелы-хранители подражают в этом Его водительству: и хотя чрез свои беззакония мы оставляем Бога, они, тем не менее, не оставляют нас. Какие же еще нужны вам примеры для руководства?»

Глава шестая. О покорности, святом бесстрастии и простом ожидании

«Покорность, — говорит блаженный, — проявляется через усилие и подчинение. Человек хотел бы жить, а не умирать; однако, поскольку Богу угодно, чтобы он умер, он покоряется. Он желал бы, чтобы Богу было угодно даровать ему жизнь; он умирает с охотой, но жил бы еще охотнее. Он умирает вполне охотно, но жил бы еще охотнее.

Святое бесстрастие выше покорности, ибо оно не любит ничего, кроме как из любви к воле Божией; так что в присутствии этой воли ничто не затрагивает бесстрастного сердца».

Итак, и покорность, и святое бесстрастие обращены к воле Божией, явленной в событии, хотя и по-разному: первая подчиняется ей с усилием, а второе — без усилия. Но уровень простого ожидания еще выше, ибо сие расположение обращено к воле Божией, еще нам неведомой, и побуждает нас желать заранее всего, чего бы ни пожелал Бог, еще до того, как мы узнаем о том и получим какое-либо заверение.

Глава седьмая. Присутствие духа, соединенное с великим смирением

Одна довольно добрая, но простая душа пришла к нему однажды и со всей прямотой объявила, что из-за неких дошедших до нее слухов она прониклась к нему крайним отвращением и более не может его уважать.

Блаженный, не спрашивая о причине, тотчас отвечал: «А я за это люблю вас еще больше». «Как так?» — спросила женщина. «Потому что надообно обладать великим запасом прямодушия, чтобы говорить со мной так, а я это качество чрезвычайно ценю». «То, что я сказала, — возразила та, — идет от самого сердца, и чувство это во мне не только прошлое, но и нынешнее». «А я, — отозвался блаженный, — отвечаю вам от всего сердца, и чувство мое — не только прошлое и нынешнее, но, уповаю на благодать Божию, и будущее».

Тогда женщина, словно желая затеять с ним спор, сказала, что основанием для ее неприязни послужило дошедшее до нее известие, будто он в одном весьма щекотливом и важном деле оказал поддержку ее противникам.

Блаженный возразил: «Известие это правдиво, и я поступил так, ибо счел, что правота была на их стороне». «Вам следовало бы, — сказала та, — вести себя как общий отец, а не как одна из сторон, принимая одно мнение в ущерб другому». «А разве общие отцы, — отвечал блаженный, — не разбирают в спорах своих детей, кто прав, а кто виноват? По вынесенному же приговору вам следовало бы понять, что правота была на стороне ваших противников, раз уж дело было решено в их пользу». «Со мной поступили несправедливо», — возразила предвзятая женщина. «Поверьте, — отвечал блаженный, — будь я одним из ваших судей, я бы вынес тот же приговор против вас». «Вот уж хороший способ, — сказала та, — исцелить меня от моей неприязни».

«Видите ли, — сказал блаженный, — это обычная жалоба тех, кто проиграл дело. Но когда время приведет ваш дух в более спокойное состояние, вы благословите Бога и ваших судей, которые суть Его орудия, за то, что они отняли у вас достояние, которым вы по совести и по справедливости не должны были владеть. И тогда всякая неприязнь исчезнет — и к ним, и ко мне; но не следует на это надеяться, покуда пелена страсти не спадет с ваших глаз. Молю Бога, чтобы Он даровал вам такую милость». «Аминь, — отвечала та. — Но я хотела бы знать, искренне ли вы сказали, что за прямоту мою любите меня еще больше?» «Никогда, — сказал блаженный, — я не произносил слов, более согласных с истинным чувством моего сердца. Ибо кто же не полюбит душу, которая так прямо избавляется от того, что тяготит ее, и, так открыто являя свои раны, делает исцеление столь легким? Поступок этот не только кажется мне достойным любви, но я почитаю его героическим и происходящим от силы духа недюжинной. Вы поступаете не так, как люди света сего, которые делают хорошую мину при плохой игре».

Затем он так ясно показал ей неправоту ее дела и правоту ее противников, что она была принуждена воздать славу Богу и признать, что, проиграв, она выиграла.

«Но все же, — добавила она, — это не мешает мне почитать вас меньше, чем прежде, ибо было время, когда я считала вас святым». «И вы тогда ошибались, — отвечал блаженный. — Ибо, уверяю вас, и говорю это по правде, без тени ложного смирения, я весьма далек от той славы, которую приписывают мне друзья. Но они лишь рисуют меня таким, каким хотели бы видеть, столь велико их желание, чтобы я стал таким на деле. Теперь же, когда вы не столь высокого мнения обо мне, я тем более люблю вас, ибо вы на моей стороне и одного со мной мнения. Те, кто льстят мне похвалами, обманывают и меня, и самих себя, противясь истине и подвергая меня опасности впасть в самомнение и погубить свою душу. Те же, кто невысокого мнения обо мне, поступают так, как и я сам должен был бы поступать: они на деле учат меня смирению и наставляют на путь спасения, ибо написано, что Бог спасет смиренных сердцем. Одним словом, раны от того, кто говорит мне правду, я предпочитаю поцелуям льстеца.

«Праведник укорит меня и исправит с любовью, елей же грешника да не умастит головы моей» (Пс. 140:5, Вульг.). Вот причины, по которым, принося мне больше блага, вы заслуживаете и большей любви, — и я воистину люблю вас больше».

Глава восьмая. О враге примиренном

Он не одобрял пословицы, гласящей, будто никогда не следует доверять примирившемуся врагу.

Он почитал более верным противоположное изречение и говорил, что ссоры между друзьями — лишь способ удвоить их приязнь, сравнивая их с водой, которой кузнецы заставляют пламя в своем горне разгореться еще жарче. Ибо, как учит опыт, костная мозоль, что образуется на месте перелома, так крепка, что кость скорее переломится в другом месте, нежели там, где была сломана прежде.

Довольно часто случается, что примирившиеся возобновляют узы еще более крепкой привязанности, чем прежде: обидчики осторегаются впасть в прежнюю ошибку и стараются загладить прошлую вину какой-нибудь выдающейся услугой; обиженные же почитают за честь простить и предать забвению нанесенную им обиду.

Мы видим, что государи куда тщательнее охраняют отвоеванные крепости, нежели те, которых никогда брали штурмом или захватывали их враги.

Глава девятая. О воздержании очей

Однажды речь зашла об одной даме из его краев, его родственнице; и когда сказали, что она красивейшая женщина в тех местах, он обернулся ко мне и промолвил: «Я уже слышал это от многих».

Я отвечал ему довольно эмоционально: «Вы ведь видите ее весьма часто, она вам довольно близкая родня; неужто вы говорите об этом с чужих слов?»

Он отвечал мне с удивительной простотой: «Правда, я видел ее часто и много раз с ней говорил, но, уверяю вас, я до сих пор на нее по-настоящему не смотрел».

«Отче, — сказал я, — как же это возможно — видеть людей, не глядя на них?»

«Видите ли, эта родственница принадлежит к тому полу, который следует видеть, не разглядывая. Надобно видеть поверхностно и в общих чертах, лишь чтобы различить, что говоришь с женщиной, а не с мужчиной, и быть настороже, дабы не смотреть на нее пристально, сосредоточенным и слишком пытливым взглядом».

Это напомнило мне слова Иова, который говорил, что *«завет положил... с глазами своими, чтобы не помышлять... о девице»* (Иов 31:1); а также о поступке Александра, не пожелавшего видеть жену персидского царя, которую он держал в плену вместе с ее мужем, ни девиц из ее свиты, говоря, что *«персидские дамы причиняют боль глазам»*. Достойный пример умеренности языческого государя, опасавшегося, как бы невоздержание не похитило у него честь победы.

Святой Амвросий, наставляя одну деву в том, как сохранить девство, советует ей бережно управлять своими взорами, дабы разбойники, то есть дурные мысли и дурные желания, не проникли в ее душу через эти окна. «Пусть глаза твои, — говорит он, — взирают на мужчин безразлично, ни на ком не останавливаешься». Не то ли это самое — видеть, не глядя, — как поступал наш блаженный?

В другой раз, когда речь зашла о некой девице, которую один знатный вельможа взял в жены из-за ее красоты, святой сказал: «Я слышал, что она весьма благовидна, но я ее никогда не видел».

«Скажите лучше, отче, что вы никогда на нее не смотрели».

«Нет, — отвечал он, улыбаясь, — я не помню, чтобы я ее видел».

«Но почему, — возразил я, — вы употребили слово «благовидна»? Не знаю, савойское ли оно, но оно не слишком-то французское».

«Оно, — сказал он, — ни французское, ни савойское, но сугубо церковное. Ибо, когда люди нашего звания говорят об этом поле, мне кажется, что слова «прекрасный», «прекрасная», «красота» неблагопристойны в их устах, ибо они некоторым образом выдают суждение их очей; и подобает умерять их словами более скромными и не столь обыденными».

Глава десятая. Магдалина у подножия Креста

Наш блаженный питал особое благоговение к изображению святой кающейся Магдалины у подножия Креста и называл его порою своей книгой и своей библиотекой.

«О, — сказал он однажды, увидев это изображение в моем доме в Белле, — какой удачный и выгодный торг совершила эта кающаяся грешница! Она принесла слезы к ногам Иисуса Христа, и вот, эти ноги источают ей кровь, — но кровь, омывающую все грехи».

К этой мысли он прибавил и другую: «Как же должны мы лелеять малые добродетели, что произрастают у подножия Креста, ибо они орошены самою Кровью Сына Божия!»

«А что это за добродетели?» — спросил я.

«Это, — отвечал он, — смирение, терпение, кротость, благость, поддержка ближнего, снисхождение, сердечная мягкость, благодушие, радушие, сострадание, прощение обид, простота, чистосердечие и им подобные. Доброты эти — словно фиалки: они любят прохладу тени, питаются росою и, хотя и не блещут красотой, все же источают дивное благоухание».

«А разве есть и другие, на вершине Креста?» — спросил я.

«Множество, — отвечал он. — Это те, что сияют ярким блеском, когда сопровождаются великой любовью. Таковы благоразумие, справедливость, великодушие, рвение, щедрость, милостыня, мужество, целомудрие, телесные подвиги, послушание, созерцание, постоянство, презрение к богатству и почестям и им подобные. Их-то каждый и жаждет вкусить, ибо они и превосходнее, и ценятся выше, а нередко и потому, что приносят нам славу и почет; тогда как нам надлежало бы любить их превосходство лишь потому, что Бог ценит их больше, и они дают нам способ явить Ему нашу любовь более совершенным образом».

Глава одиннадцатая. Блаженный смиряется с мыслью о крушении своего установления в самом его начале

Та в высшей степени добродетельная дама, которую блаженный избрал, дабы сделать ее первым камнем своего установления, впала в столь тяжкую болезнь, что врачи отчаялись в ее исцелении.

Блаженный принял это известие со своим обычным спокойствием, тотчас покоряясь благой воле Божией. Он ясно предвидел, что с ее кончиной все остальное рассыплется, и что он едва ли найдет другую душу такой же закалки, на которой мог бы основать здание ордена Посещения. Он не сказал ничего, кроме: «Бог удовольствуется нашим добрым намерением; Он знает нашу немощь и видит, что мы не имели вдоволь сил, чтобы совершить весь путь».

Но едва он смирился пред Провидением, как здравие вернулось к той, на чьё исцеление уже не было надежды. Да притом с такою силой, что, оправившись от недуга, она вот уже двадцать восемь лет живет, соработая Богу в Визитандинском ордене, благодаря чему он достиг того величия, в каком пребывает ныне. Поистине, дела Божии сколь чудесны, столь и совершенны.

«Есть такие начинания, — говорил наш блаженный, — коим, по воле Божией, мы лишь полагаем начало, а другие доводят их до конца. Так, Давид собрал материалы для Храма, который освятил его сын Соломон. Святой Франциск, святой Доминик, святой Игнатий Лойола вздохали о мученичестве и искали его всеми способами; Бог, однако же, не пожелал увенчать их сим подвигом, удовольствовавшихся их волей. Просто и кротко предаться воле Божией, когда рушатся начинания, служащие Его славе, — это немалое изъявление покорности».

Глава тринадцатая. О разуме и рассуждении

Он говоривал, что не разум (*raison*) обманчив, но рассуждение (*raisonnement*).

Когда нашему блаженному представляли какое-либо дело, жалобу или затруднение, он с великим терпением и вниманием выслушивал все приводимые доводы (*raisons*). И поскольку он был в избытке наделен даром рассудительности и благоразумия, он, взвесив их, прекрасно мог отличить весомые от ничтожных.

А когда кто-либо упорствовал, отстаивая свои мнения с помощью доводов (*raisons*), казавшихся правдоподобными, но не имевших достаточной силы, он, стремясь опереться на справедливость, иногда говорил с изрядным изяществом: «Это ваши резоны, я их прекрасно понимаю; но знаете ли вы также, что не все резоны резонны?»

И когда ему говорили, что это все равно что обвинять жар в том, что он не горяч, он отвечал, что разум и рассуждение — вещи разные; рассуждение — это лишь путь к разуму.

После этого, мало-помалу, он старался вернуть заблудшего к истине, которая никогда не бывает отделена от разума, ибо они — одно.

Люди не всегда сообразуют свои поступки с мерилом правого разума. Упрямцы, приверженные собственному суждению, не постигают этого; но умы послушные и податливые — постигают. «*Кто мудр, чтобы разуметь это?*» (ср. Ос. 14:10). Нужна немалая сила духа, чтобы познать собственную немощь, и признак недюжинной мудрости состоит в том, чтобы уступить мнению, которое лучше твоего собственного.

Глава четырнадцатая. О правосудии и судопроизводстве

Он проводил четкую грань между правосудием и судопроизводством, а также между человеком справедливым и человеком из судебного ведомства. Человек справедливый —

это тот, кто честен и беспристрастен и, в каком бы звании ни был, воздает каждому должное. Человек же из судебного ведомства — это чиновник или магистрат, чье ремесло — вершить суд над каждым согласно формам юриспруденции. И страшно жаль, что об этих формальностях можно сказать то же, что святой Бернард говорил о дурных дочерях, которые удушили свою мать. Ибо, будучи измыслены с благим намерением воздавать каждому должное по правилам истины и справедливости, со временем и из-за дурной изворотливости людской они превратились из средства *отдавать* каждому то, что ему принадлежит, во множество способов *отнимать* у каждого то, что ему принадлежит, и обращать достояние тяжущихся в руки тех, кто ведет дела. Отсюда и пошла пословица: где двое спорят, третий поживится.

И как тот древний император говорил, что его убивает множество лекарств, так можно сказать, что и правосудие задыхается от множества законов и формальностей, а те, кто в них ввязывается, подобны тутовому шелкопряду, что ткет себе гробницу.

Когда об этом заводили речь в присутствии нашего блаженного, он обыкновенно приводил слова Давида: *Justitia conversa est in Judicium* (Правосудие обратилось в судопроизводство; Пс. 53:15). Об этих долгих формальностях он говорил, что они как предместья, которые куда обширнее самого города, и как блуждающие огни, что по ночам заводят в пропасть. Одним словом, область судопроизводства, по его словам, была сущая земля Ханаанская, пожиравшая своих жителей (ср. Чис. 13:33), и где лисицы Самсона поджигали все жатвы (ср. Суд. 15:4-5).

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Глава первая. О послушании

Наивысшее послушание состоит не в том, чтобы следовать воле настоятеля кроткого и милостивого, который повелевает скорее мольбою, нежели властью, но в том, чтобы склоняться под иго того, кто суров, строг и властен.

Таково было мнение нашего блаженного. И хотя он предпочитал, чтобы духовные руководители управляли своими подопечными как отцы, а не как господа, более примером, нежели властью, и сам управлял так с несравненной кротостью, тем не менее, он одобрял некоторую строгость в начальниках и порицал в подчиненных ту изнеженность, что делает их нетерпеливыми и нестойкими.

Чтобы донести свою мысль, он прибегал к таким сравнениям. Грубый напильник лучше снимает ржавчину и лучше полирует железо, нежели напильник более гладкий и с менее острой насечкой. Взгляните, как острыми чертополохами ворсят сукно, чтобы сделать его более гладким и тонким, и скользкими ударами молота укрепляют лучшие клинки.

Снисходительность настоятелей, когда она чрезмерна, порой бывает причиной многих неустройств среди подчиненных. У детей отнимают сахар, ибо от него у них заводятся глисты.

Когда настоятель повелевает слишком кротко, он не только ставит под сомнение свою власть и делает ее презренной, но и так привлекает к себе благоволение подчиненных, что зачастую, сам того не помышляя, похищает его у Бога. В итоге они повинуются человеку, которого любят, и именно потому, что его любят, а не Богу в этом человеке из любви к Нему. В итоге сама кротость повеления и производит эту незаметную подмену.

Суровость же строгого настоятеля куда лучше испытывает верность сердца человека, истинно любящего Бога. Ибо, не находя в повелении ничего приятного, кроме сладости Божественной любви, ради которой одной он и повинуется, человек достигает тем большего совершенства в послушании, чем чище, прямее и непосредственнее его намерение устремлено к Богу.

Наш блаженный добавлял такое сравнение: повиноваться настоятелю суровому, угрюмому, вечно недовольному, которому ничем не угодишь, это все равно что черпать чистую воду из источника, что течет из пасти бронзового льва. Это, согласно загадке Самсона, значит извлекать пищу из глотки пожирающего (ср. Суд. 14:14). Это значит — взирать лишь на Бога в наставителе, даже если бы тому, как некогда святому Петру, было сказано и о нас: «Заколи и ешь» (Деян. 10:13).

Глава вторая. О знании (science) и о совести (conscience)

Поистине, знание — великое украшение для благочестия, что показывают нам примеры древних отцов и учителей Церкви, соединивших ученость с высочайшей добродетелью. Но если надлежит сравнить одно с другим, не найдется никого, кто не предпочел бы добрую совесть (conscience) самому изысканному знанию (science), и любовь, которая назидает, знанию, которое надмевает (ср. 1 Кор. 8:1).

Однажды в присутствии нашего блаженного хвалили одного пастыря за его добрую жизнь, порицая при этом недостаток учености. Он сказал:

«Правда, знание и благочестие — это два ока духовной особы, но ведь в священный сан рукополагают и кривых, особенно если у них сохранился правый глаз, — так что настоятель прихода может быть добрым служителем, если у него есть правый глаз, то есть жизнь образцовая и каноническая, иными словами, благоустроенная.

Правда, — добавлял он, — есть степень невежества столь грубого и дремучего, что оно непростительно и превращает слепца в поводыря для другого слепца. Но когда хвалят благочестие человека, это означает, что он обладает истинным светом, ведущим его ко Иисусу Христу. Если у него и нет тех великих даров учености и эрудиции, что позволили бы ему блистать на кафедре, довольно и того, чтобы он может, как говорит Апостол, *наставлять в здравом учении и противящихся обличать* (ср. Тит. 1:9). Взгляните, — говорил он, — Бог заставил пророка Валаама принять наставление от собственной ослицы (ср. Чис. 22:28)».

Так его любовь искусно покрывала недостатки ближнего, и тем самым он учил нас ценить одну унцию доброй совести выше множества книг, наполненных знанием, которое надмевает.

Глава третья. Терпение в страданиях

Однажды он посещал одну особу, страдавшую от тяжелейшего недуга, которая не только выказывала, но и воистину имела изумительное терпение посреди жесточайших болей. «Она, — сказал блаженный, — нашла сотовый мед в пасти льва» (ср. Суд. 14:8).

Но поскольку он любил добродетели твердые и истинно совершенные, то захотел испытать, было ли это терпение подлинно христианским, и терпит ли эта особа исключительно из любви к Богу и ради Его славы, а не ради людского уважения. И вот он начал хвалить ее стойкость, превозносить ее страдания, восхищаться ее мужеством, ее молчанием, ее добрым примером, зная, что так можно распознать истинные чувства ее сердца.

И он не обманулся, ибо эта особа, поистине добродетельная и наделенная тем терпением, о котором Писание говорит, что *дело его совершенно* (ср. Иак. 1:4), тотчас сказала ему:

«Отче, вы не видите бунта моих чувств и низшей части моей души. Поверьте, там все в расстройстве и вверх дном; и если бы благодать Божия и страх перед Ним не воздвигли крепость в высшей части моей души, давно бы уже началось всеобщее отступничество и полный бунт. Представьте себе, что я как тот пророк, которого ангел нес за волосы (ср. Иез. 8:3; Дан. 14:35, Вульг.); мое терпение висит на тонкой ниточке, и если бы Бог не укреплял меня Своей мощью, я бы уже оказалась жительницей преисподней. Итак, это не я, но благодать Божия во мне (ср. 1 Кор. 15:10), которая помогает мне сохранять внешнее самообладание. Вся стойкость с моей стороны — лишь притворство и лицемерие. Если бы я следовала своим собственным порывам, я бы кричала, билась в отчаянии, роптала и проклинала; но Бог обуздывает уста мои, и я не смею жаловаться под ударами Его руки, которую по Еgo же благодати я научилась любить и почитать».

Блаженный, отойдя от этой особы, сказал тем, кто его провожал: «Вот истинное христианское терпение. Мы должны скорее радоваться ее страданиям, нежели жалеть ее, ибо добродетель сия *совершается в немощах* (ср. 2 Кор. 12:9). Но заметили ли вы, как Бог скрывает от нее то совершенство, которое ей дарует? Терпение ее не только мужественно, но и любвеобильно, и смиренно, и подобно чистому бальзаму в воде, который — если не имеет примесей — оседает на дно. Но не вздумайте передавать ей то, что я вам только что сказал, дабы она не возгордилась, ибо это нарушило бы в ней все домостроительство благодати, воды которой текут лишь по долинам смирения. Оставьте ее мирно обладать душою своею через терпение свое (ср. Лк. 21:19, Вульг.); она пребывает в мире посреди этой горчайшей горечи (ср. Ис. 38:17, Вульг.)».

Глава четвертая. О верности в малых делах

Некто играл в присутствии нашего блаженного в некую забавную игру на ловкость и плутовал, обыгрывая своего товарища.

Блаженный, не в силахстерпеть этого лукавства, указал ему на его проступок.

«Помилуйте, — отвечал тот, — мы играем всего лишь на лиарды».

«А что было бы, — возразил блаженный Франциск, — если бы вы играли на пистоли? Верный в малом и во многом верен (Лк. 16:10); и тот, кто боится взять булавку, не украдет и экю».

Как-то раз я навестил его. День был очень знойный, и я вошел к нему совершенно изнуренный жарой. Когда я пожаловался на этот чрезмерный зной, он со смехом спросил, не хочу ли я, чтобы для меня затопили камин.

«Как? — вскричал я. — Вы хотите меня окончательно изжарить?»

Он мне отвечал, что огонь согревает тех, кому холодно, и освежает тех, кому слишком жарко.

Затем, немного подумав, он сказал мне со всей кротостью:

«Вот видите, я сейчас поступил не совсем прямодушно. Вспомнив, что вы, как я слышал, очень боитесь холода и никогда не страдаете от жары, я хотел посмеяться над тем, что нынче вам душно, и тем самым напомнить вам ваши же слова, что лучше потеть, чем дрожать от холода, и что огонь хорош в любое время года. Судите сами, сколь далека была моя мысль от того ответа, что я вам дал».

Присоединю к этому и другое изречение нашего блаженного, которое я часто слышал из его уст:

«Великая верность Богу состоит в том, чтобы воздерживаться от малейших проступков. Великие грехи сами по себе внушают достаточный ужас, и потому избегать их легче».

Глава пятая. Умение довольствоваться своим

Он говорил, что *похоть очей* имеет то дурное свойство, что никогда не смотрит вниз, но всегда — вверх; и потому те, кто одержим ею, никогда не знают ни покоя, ни подлинного довольства.

Стоит человеку возжелать стать знатнее или богаче, чем он есть, как то достоинство или достояние, которым он уже обладает, кажется ему ничем. А когда он достигает желаемого, аппетит приходит во время еды, и, снедаемый этой духовной водянкой, он от питья лишь сильнее жаждет. Так он и идет всю жизнь, никогда не достигая цели, ибо смерть настигает его прежде, чем иссякнут его притязания и надежды.

Блаженный не только положил предел своим желаниям, но, кажется, либо вовсе не имел честолюбивых помыслов, либо почитал свое положение куда более высоким, нежели его чаяния.

Он часто дивился (таково было его смижение), как Бог попустил ему возвыситься до того сана, в котором он пребывал, и ценил его так высоко, что трепетал, размышляя о возложенном на него бремени. Имея великое почтение к ближним, он изумлялся, видя себя настоятелем многих людей, которых почитал более способными и достойными, чем он сам.

А когда ему с сожалением указывали на скучность его доходов, недостаточных для поддержания его сана, он отвечал:

«А что имели апостолы для поддержания своего, еще более высокого сана? И сколько честных людей не имеют и того, что есть у нас? «Великое приобретение — быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6:6). «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6:8).

Правда, — продолжал он, — епископ должен оказывать гостеприимство и творить милостыню, если у него есть на то средства. Но когда он стеснен в средствах и имеет лишь самое необходимое для жизни, у него остается лишь добрая воля. Но если эта добрая воля искренна и истинна, Бог, Который, без сомнения, богат милостью (ср. Еф. 2:4) и взирает более на сердце, чем на дары, примет ее за самое дело (ср. 2 Кор. 8:12)».

Глава шестая. О справедливости

Чтобы быть справедливым, говорил он, надобно, продавая, становиться на место покупателя, а покупая — на место продавца. Ибо самая повсеместная и распространенная в мире несправедливость в том и состоит, что продающий хочет выручить за свой товар как можно больше, а покупающий — отдать как можно меньше, отчего и проистекает бесконечное множество обманов и плутовства, бесчестящих торговлю.

Говорил он и еще: «Давно уже Справедливость стала однорукой и лишилась одной из своих дланей».

Мысль его была в том, что при распределении наград и наказаний она словно бы утратила правую руку. Ибо нет более награды за добродетель; левая же рука, которой караются пороки, хотя и кажется действующей, однако и она словно поражена параличом и наполовину изувечена. Публичные казни, по пословице, уготованы не столько для виновных, сколько для несчастных, ибо у протекции и продажности всегда найдется довольно ухищрений, чтобы извинить или обелить величайшие преступления, хотя священное Слово и взыывает к нам, что *оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость пред Господом* (Притч. 17:15).

Глава седьмая. О содержателях постоянных дворов

Он питал особое расположение к тем, кто держал постоянные дворы и принимал в них путников; а если они были еще и хоть немного учтивы да приветливы, то почитал их за святых.

Он говорил, что не видит другого такого сословия, где было бы больше возможностей послужить Богу в ближнем и приблизиться к Царству Небесному; ибо там непрестанно упражняются в милосердии, хотя и получают, подобно врачам, плату за свой труд.

Однажды после трапезы, когда он для отдохновения занимал нас приятной беседой, речь зашла о хозяевах постоянных дворов. Каждый свободно высказывал свое мнение на этот счет, и вот один из собеседников договорился до того, что постоянные дворы — это настоящие разбойничье вертепы.

Речь эта не понравилась блаженному, но поскольку это было не то место и не то время, чтобы делать замечание, да и говоривший не был расположен его принять, он, вероятно, отложил увещание до более удобного случая и перевел разговор на другое, рассказав нам следующую историю.

«Один испанский пилигрим, — начал он, — у которого денег было немного, прибыл на постоянный двор, где с ним обошлись довольно дурно, а за то малое, что ему подали, взяли так дорого, что он призывал небо и землю в свидетели причиненной ему обиды. Однако пришлось смириться и помалкивать, ибо сила была не на его стороне.

Он покинул постоянный двор в великом гневе, словно ограбленный. Двор этот стоял на перекрестке, напротив другого, а посреди площади был водружен крест. И вот какое он нашел остроумное средство, чтобы облегчить свою скорбь. «Поистине, — сказал он, — место сие — Голгофа, где Крест Господа нашего водружен между двумя разбойниками,» — разумея под ними хозяев обоих постоянных дворов.

По случайности хозяин того двора, где он не останавливался, оказался у своих дверей и, снисходя к его горю, спокойно спросил, какую обиду он от него претерпел, чтобы заслужить такое прозвание. Пилигрим, который лучше владел своим посохом, нежели языком, отвечал ему резко: «Молчите, молчите, брат мой, — вы-то и будете добрым разбойником!» — словно говоря ему: «У Креста Господа нашего стояло два разбойника, один хороший, а другой злой. Вы для меня — хороший, ибо не причинили мне никакого зла; но как, по-вашему, я должен называть вашего соседа, который содрал с меня шкуру заживо?»

После этого рассказа он, воспользовавшись случаем, мягко заметил, что бедный пилигрим хоть и скрасил свою вспышку гнева этим остроумным замечанием, однако все же следует избегать огульного порицания целых народов или сословий, говоря, например: «Они — воры, гордецы, предатели». Ибо, хотя говорящий и не имеет в виду никого в частности, люди, принадлежащие к этим народам или сословиям, принимают это порицание на свой счет, и им неприятно такое обращение.

Надо сказать, что наш блаженный был такщен к содержателям постоянных дворов, что, находясь в пути, строжайше запрещал своим слугам спорить с ними о цене, которую те назначали, и указывал, что лучше снести любую несправедливость, нежели вызвать их недовольство. А когда ему говорили, что они поступают совершенно неразумно и продают свои товары вдвое и втройне дороже, он отвечал: «Не одну лишь цену надобно принимать в расчет; во что вы цените их заботу, их труд, их бессонные ночи и ту добрую волю, что они нам выражают? Поистине, за все это нельзя заплатить слишком много».

Слава о его благочестии была столь повсеместна, а доброта столь велика, что знаяшие его хозяева обычно не торговались с его людьми, но во всем полагались на его усмотрение. Его же щедрость была такова, что он почти всегда назначал им плату большую, чем они осмелились бы попросить.

Глава восьмая. О духе нищеты в богатстве и о духе величия (magnificence) в бедности

Сей дух можно увидеть на двух противоположных примерах: святого Карла Борромео и блаженного Франциска Сальского.

Святой Карл, будучи племянником папы Пия IV, был щедро одарен своим дядей; полагают, что его доход превышал сто тысяч экю, не считая его собственного родового достояния, которое было весьма значительно. Однако посреди этих великих благ он обладал духом нищеты. Ибо он не только не имел ни gobelенов, ни серебряной посуды, ни драгоценной утвари, — самый стол его, даже для гостей, был столь скучен, что граничил с суровой аскезой. Для него же самой обычной пищей были хлеб, вода да немного овощей. Сокровищницами, где он хранил свои богатства, были руки бедняков; и так он был беден посреди своих богатств.

Дух нашего блаженного был иным, ибо он обладал духом величия в своей бедности, которая была всем хорошо известна по той малости, что оставалась ему от доходов с его епископства; что же до его родового достояния, то он оставил его в пользование своим братьям.

Он не отказался ни от gobelенов, ни от серебряной посуды, ни от красивой утвари, особенно той, что предназначалась для служения у алтаря, ибо он принимал близко к сердцу украшение и благолепие дома Божия.

Случалось, он привечал в своем доме знатных вельмож с таким блеском, что все дивились, как при столь малых средствах он мог устраивать столь пышные приемы. Во всем он старался возвысить свое служение, но лишь ради славы Господа, Которому служил.

Я видел, как он порой сокрушался, что государи и правители видят в епископах лишь своих вассалов, не помышляя, что в духовном отношении они их отцы и пастиры, а это служение неизмеримо выше всего временного.

Меня спрашивают, какой из этих двух подходов предпочтительнее.

Я отвечу словами одного древнего философа: тот возвышен духом, кто пользуется глиняной посудой так, словно она из серебра; ибо сердце его столь благородно, что он из нужды творит добродетель, находя равное удовлетворение и в скучности, и в изобилии. Но еще большим мужеством, по его мнению, обладает тот, кто пользуется серебряной посудой, ценя ее не более, чем если бы она была из глины. Первый богат воображением, второй же — поистине нищ духом; ибо богатства так же поверхностно касаются его сердца, как кожи козлят — рук и шеи Иакова (ср. Быт. 27:16).

Именно это и выражал великий апостол, когда говорил «Умею жить и в скучности, умею жить и в изобилии», будучи равнодоволен и тем, и другим состоянием (ср. Флп. 4:12).

Глава девятая. О бережливости одного прелата

Монсеньор архиепископ Лионский, ставший впоследствии кардиналом де Маркемоном, имел нужду посовещаться с нашим блаженным касательно некоторых богоугодных дел, относящихся к служению Церкви, а также к учреждению ордена Посещения. Встречу они назначили в моем доме в Белле, который находился почти на полпути между их резиденциями, ибо Белле отстоит от Лиона лишь на десять лье, а от Анси — на восемь.

Я удостоился счастья принимать их у себя в течение восьми или десяти дней, за которые мог бы, будь более рачителен, обогатиться многими примерами добродетели.

К великому назиданию всего народа, оба почтили кафедру нашего собора своими проповедями, наши службы — своим присутствием, а наши алтари — своими ежедневными жертвами.

К досаде моих гостей — а к моей, признаться, и еще большей, — они роптали, что я принимаю их чересчур радушно. Я же им на это возражал, что мне это почти ничего не стоит, ибо каждый давал мне едва ли не больше, чем требовалось для их угощения: духовенство, дворянство и народ состязались в усердии, кто внесет свою лепту в убранство стола этих двух столь прославленных прелатов.

«Если вы уедете, — говорил я им, — мне больше ничего не дадут. Это вы устраиваете мне хороший стол; вас не станет — прощайте, дни изобилия!»

Однажды после трапезы, когда они стали просить меня умерить щедрость стола, казавшуюся им чрезмерной, и принимать их так, как святой Карл принимал епископов, проезжавших через Милан и посещавших его, я отвечал:

«Я не знаю, как принимал их святой Карл, покинувший сей мир в тот самый день, когда я в него вошел. Но я могу рассказать, как принимает их его двоюродный брат и преемник, монсеньор кардинал Федерико Борромео, нынешний архиепископ Миланский, ибо я много раз вкушал пищу за его столом во время моих путешествий по Италии».

Они попросили меня рассказать об этом.

«Вы прежде всего должны знать, — начал я, — что это прелат, располагающий доходом, как полагают, в пятьдесят тысяч эко, творит на них столь великие дела для служения Церкви и для помощи бедным, что можно подумать, будто он обладает сокровищами Креза. Восхитительное основание той великой Амброзианской библиотеки — лишь малый образец его широты (*magnificence*). Но что касается его самого, его дома и его стола, вы сейчас услышите о бережливости, которая вас поразит.

Вы лучше меня знаете, что такое *la parte*¹, которую папа, кардиналы и прелаты Италии, как в Риме, так и в других местах, выдают своим домочадцам; такова она и в доме кардинала, о котором я говорю.

Что же до него самого и его дома, то есть его одеяний и убранства, то вы не увидите там ничего, кроме самого необходимого. Однажды он говорил со мной о предписаниях Триентского собора касательно домов епископов и сетовал на то, как плохо они соблюдаются. В домах тех, по его словам, не видно было ни *frugalem mensam*, ни *rauperem suppellectilem* (ни скучного стола, ни убогого убранства). Он сокрушался, что у дверей прелатов стоят нагие бедняки, а бесчувственные стены их чертогов облачены в богатые gobelены. Столы их, говорил он, ломятся от излишних яств, но даже излишков не раздают нищим».

Поскольку гости настоятельно просили меня описать и сам порядок, и состав одной из его трапез, я поведал им об одном памятном обеде, данном в особо торжественный день.

«Мне с монсеньором епископом Вентимильским довелось сослужить ему во время архиерейской литургии, которую он отправлял в своем митрополичьем соборе в день праздника святого Карла Борромео, четвертого ноября 1616 года; я в то время как раз возвращался из Рима. После службы он задержал нас на обед, а с нами и графа Карло Борромео.

Во всем его доме не видно было ни гобеленов, ни шелковой обивки. Лишь несколько благочестивых картин кое-где висели на совершенно голых, но ослепительно белых и чистых стенах. Тарелки, солонка, блюда — и для умывания рук, и для яств — и кувшины — все было из белой глины, именуемой фаянсом. Лишь одна ложка была серебряной; вилки были из блестящей стали, равно как и ножи.

После благословения трапезы по Римскому Бревиарию *может, со строчной?* мы заняли свои места. Один из элемозинариев начал читать главу из Евангелия и продолжал чтение до середины трапезы, и никто его не прерывал. Мы некоторое время хранили молчание, слушая чтеца, прежде чем на стол было подано хоть какое-то кушанье.

На первое каждому подали равную долю, как за монастырским столом, и принесли нам по два блюда: на одном — пять или шесть ложек того, что в Италии называют *vermicelli*, нечто вроде риса или каши, подкрашенной щепоткой шафрана; на другом — маленький вареный цыпленок, плавающий в жиденьком бульоне. Я называю его маленьким, ибо размером он был меньше среднего. Вот и вся наша закуска, или, если угодно, первая перемена блюд.

Второе, что составляло, так сказать, основу пирам, также состояло из двух блюд перед каждым из нас: на первом — три тефтели из рубленого мяса с травами, величиной с три яйца-пашот; на втором — дрозд с апельсином. Вот и все главное угощение.

На третье, в качестве десерта, мы получили еще по два блюда: в одном лежала тушеная груша, вся очищенная, размером меньше среднего, а в другом — салфетка, которую я счел предназначенней для вытирания рук после трапезы. Но, заметив, что монсеньор Вентимильский порылся в своей и извлек оттуда кусочек миланского сыра величиной с тесто, я заключил, что, обследовав свою, найду там такое же угощение. Я не обманулся; а когда с этим было покончено, салфетка осталась нам для той цели, на какую я и предполагал её употребить. Нам подали для омовения рук воду, слегка благоухавшую розой или флердоранжем.

Вот вам не краткое изложение и не очерк, но полный отчёт о пире, который был нам предложен в этот столь знаменитый праздник. И, уверяю вас, — сказал я им, — вы не найдете в нем ничего излишнего, ничего, что могло бы породить испарения, способные затуманить мозг и помешать ясной и непринужденной беседе после трапезы».

Тут я спросил этих господ, не угодно ли им, чтобы я принимал их на «борромейский манер». На что они отвечали, что просят меня принять во внимание, что по сию сторону гор у нас желудки, не любящие, когда их «вооружают» столь легковесно; но также не следует и «душить» их таким обилием яств, как это было до сих пор.

Монсеньор де Маркемон дополнил мой рассказ другим, свидетелем которого он был в Риме.

«Один из наших французских кардиналов, — начал он, — которого я не стану называть, прелат недюжинной добродетели и благочестия, вздумал однажды, будучи в Риме, пригласить на обед кардинала Беллармина. И поскольку он знал о заслугах и святости этого мужа, то счел, что доставит ему большее удовольствие, если примет его на манер святого Карла Борромео, нежели устроит ему пир на французский лад. Он принял его необычайно скромно и, желая после трапезы выразить ему похвалу, сказал, что, зная о его благочестии, думал доставить ему удовольствие, принимая его так по-домашнему и запросто.

Кардинал Беллармин, человек нрава весьма веселого, на эти слова о «домашнем» и «запросто» отвечал лишь одно: *«Assai, Monsignor illustrissimo, assai!»*, что на тамошнем языке означает «весьма», то есть — даже чересчур.

Наш кардинал, который лучше понимал по-французски, чем по-итальянски, остался весьма доволен, полагая, что это повторенное *«assai, assai»* означает, что угождения было более чем достаточно. Извиняясь, он пообещал, что если тот снова окажет ему подобную честь, он уменьшит дозу и примет его еще скромнее обычновенного».

Наш блаженный, которому также не чуждо было веселое расположение духа, решил и со своей стороны внести лепту в беседу, рассказав следующую забавную историю.

«Когда я был в Риме, — сказал он, — туда прибыл новый посол Франции. У него еще не было итальянского кучера, знающего римские обычаи; а обычай там таков, что карета останавливается, когда проезжает кардинал, который, в свою очередь, также велит остановить свою, дабы приветствовать послов, прелатов или вельмож, оказывающих ему честь. И вот случилось, что один неаполитанский кардинал проезжал в карете как раз в то время, когда господин посол ехал в своей по городу.

Несколько французских кавалеров, обученных римским придворным манерам и сопровождавших господина посла, стали кричать кучеру: *«Ferme, cocher, ferme, ferme!»*, что по-итальянски означает «Стой!». Французский же кучер, вообразив, что ему велят ехать быстрее, так славно стегнул лошадей, что они понеслись во весь опор. Все кавалеры кричали: *«Ferme, ferme!»*, а кучер стегал все яростнее (франц. *plus ferme*).

Кардинал, видя, что тот мчится мимо, не приветствуя его и не оказывая никакого почтения, вообразил, что это некая выходка, устроенная ему назло, и своего рода дерзкий вызов.

Пришлось приносить извинения. Господин посол немедля послал к нему одного из своих дворян, который попросту объяснил, откуда взялось недоразумение: французский кучер, поняв, что ему кричат *«ferme»*, так крепко (франц. *fermement*) стегнул лошадей, что они пустились вскачь, ибо слово *«ferme»* по-французски означает «крепко и проворно».

Кардинал принял это извинение весьма сдержанно, полагая, что с плохих должников приходится брать любую монету. Но поскольку он продолжал негодовать, дело потребовало дальнейших разъяснений. Другие кардиналы, знавшие наш язык, заверили его, что извинение весьма убедительно, а проступок непреднамерен. На это кардинал холодно отвечал: *«I Francesi hanno ogni cosa à la roverscia, & la lingua, come il cervello»* («У французов все шиворот-навыворот: и язык, и голова»).

Один кавалер, бывший в той компании, добавил, что не пристало итальянцу говорить о вещах «шиворот-навыворот» (*renverse*), когда у них в стране есть медали, чья оборотная

сторона (*revers*) немногим лучше лицевой, и к тому же они опасные игроки в реверси (*reversis*)».

¹ *La Parte в Италии* — это порция хлеба и вина, ежедневно выдаваемая служащему или иному домочадцу в домах кардиналов и прелатов.

Глава десятая. О Страстих Господа нашего

Мысль нашего блаженного была такова, что нет более сильного побуждения, дабы преуспеть в святой любви, нежели размышление о смерти и страданиях Господа нашего. Он называл это самым сладостным и самым мощным из всех побуждений к благочестию.

А когда я спросил его, как он может соединять сладость с мощью, он отвечал:

«Так же, как апостол говорит, что *любовь Христова объемлет нас* (ср. 2 Кор. 5:14). Так же, как Святой Дух учит нас в Песни Песней, что *любовь сильна, как смерть, и лята, как преисподняя* (ср. Песн. 8:6). Нельзя отрицать, — говорил он, — что любовь есть сладость из сладостей и услада всех горечей; однако же, взгляните, как она сравнивается с тем, что есть в мире самого неумолимого, — со смертью и преисподней. Причина же в том, что как нет ничего сильнее сладости, так нет и ничего сладостнее и любезнее ее силы.

Нет ничего сладостнее масла и меда, но когда эти жидкости кипят, нет жара им подобного. Так же и пчела — никто не несёт столько сладости, но когда она раздражена, нет ничего пронзительнее ее жала.

Иисус на кресте — это *лев от колена Иудина* (ср. Откр. 5:5) и загадка Самсона, в ранах Которого обретается мед крепчайшей любви; и из этой-то крепости и проистекает сладость величайшего нашего утешения (ср. Суд. 14:8-14). И поистине, как смерть божественного Искупителя есть высочайшее проявление Его любви к нам, так она должна быть и самым сильным из всех побуждений нашей любви к Нему. Это и заставляло святого Бернарда говорить: «О Господи! Молю Тебя, да поглотит сердце мое воспламененная и услажденная медом сила Твоей распинающей любви, дабы я умер из любви к любви Твоей, о Искупитель души моей, благоволивший умереть из любви к любви моей».

Именно об этом избытке любви, отнявшем жизнь у Возлюбленного душ наших на горе Голгофской, говорили Моисей и Илия на горе Фавор посреди славы Преображения (ср. Лк. 9:31), дабы научить нас, что даже в славе небесной, коей Преображение было лишь предвестием, после созерцания благости Божией, любимой в Самой Себе и ради Самой Себя, не будет более сильного побуждения к любви к великому Спасителю, чем память о Его смерти и страданиях.

В этой-то памяти ангелы и святые воспевают ту Песнь: «*Достоин Агнец закланный принять силу и Божество, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение*» (ср. Откр. 5:12).

Глава одиннадцатая. О благоухании благочестия

Не могу выразить, сколь высоко ценил наш блаженный благоухание благочестия и сколь счастливыми почитал он тех, кто своим добрым примером распространял его в мире — не ради собственной славы, но ради славы Отца Небесного, от Которого нисходит всякое даяние доброе и всякий дар совершенный (ср. Иак. 1:17).

Нет сомнения, что те, кто благовонием своего доброго примера наполняет мир и тем самым указывает другим путь правды, однажды будут сиять, как светила на тверди (ср. Дан. 12:3).

Поистине, если не могущее согреть Слово возвестило горе тем, кто приносит в мир соблазн (ср. Мф. 18:7), то какое же благословение почнет на тех, кто назидает его своей образцовой жизнью, а благоуханием добродетелей влечет души к подражанию!

Святой Павел говорил о таких людях, что они — Христово благоухание, запах живительный на жизнь, а соблазнители — запах смертоносный на смерть (ср. 2 Кор. 2:15-16).

Некто, не одобряя учреждённую им общину Посещения и в присутствии нашего блаженного называя её новшеством, спросил: «Но, в конце концов, какую пользу принесет Церкви это установление?»

Блаженный весьма любезно отвечал: «Оно будет исполнять служение царицы Савской».

«И что же это за служение?» — возразил некто.

«Воздавать честь Тому, Кто больше Соломона (ср. Мф. 12:42), и наполнять благовониями и добрым ароматом весь воинствующий Иерусалим».

Глава двенадцатая. О предании себя в руки Божии

Блаженный говоривал, что когда мы хотим оправдаться перед людьми, это выглядит низко, малодушно и путано; но когда мы предаем себя в руки Божии, Он оправдание наше свершает возвыщенно, мощно и ясно.

Если мы невинны, Он рано или поздно являет нашу невинность во всем ее блеске, никогда не попуская посрамления тем, кто возлагает на Него все свое упование. «Поелику он на Меня уповал, — говорит Он устами Царя-Пророка, — избавлю его; покрою его, поелику он познал имя Мое» (Вульг. Пс. 90:14).

В подтверждение этой истины он приводил славный пример святой Девы, Которая, зная о смущении святого Иосифа при виде Ее чревоношения и по скромности Своей не дерзая открыть ему ту несравненную благодать, коей удостоил Ее Бог, соделав Матерью воплощенного Слова, всецело предала Себя попечению Провидения. И Провидение рассеяло тучу сомнений в душе Ее Обручника, послав к нему ангела (ср. Мф. 1:19-21).

Святой Павел, советуя нам не защищаться, когда нас оскорбляют или несправедливо обвиняют, но давать место гневу Божию, преподает превосходный урок предания себя Богу во всем, что нас касается (ср. Рим. 12:19).

Глава тринадцатая. О ровности духа

Ничему, как мне кажется, наш блаженный не наставлял с таким усердием, как святой ровности духа.

Он говорил, что, поскольку жизнь сия есть плавание к пристани спасения, мы должны уподобляться искусным кормчим, которые всегда твердо держат руль посреди зыбких волн.

Для сего надобно подражать тем же кормчим, которые в море ведут судно, неотступно сверяя путь по полюсу. И что же есть сей полюс, как не пресвятая воля Божия, на которую мы должны постоянно взирать, дабы в ней утвердиться? Ибо неровность духа имеет причиной лишь то, что мы взираем на творения, не соотнося их с Богом; и так, в зависимости от переменчивых обстоятельств сей жизни, мы меняемся в настроении и расположении духа.

Но когда мы созерцаем все это многообразие в неизменном единобразии пресвятой воли Божией, которая распределяет, как ей угодно, и благоденствие, и невзгоды, и здоровье, и болезнь, и богатство, и нищету, и жизнь, и смерть; и когда мы помыслим, что из всего этого мы можем извлечь повод славить Бога, тогда мы войдём в то сладостное христианское бесстрастие, которое и порождает святую ровность духа.

Глава четырнадцатая. О суетливой поспешности

Наш блаженный высоко ценил изречение одного древнего императора: «Спеши медленно», а также и другое: «Что хорошо сделано, то и скоро сделано». Он не любил, когда брались за многое, а предпочитал, чтобы то малое, за что брались, делали хорошо.

«Мало, но по существу», — это было одно из его излюбленных и часто употребляемых изречений. Он говорил, что надобно остерегаться полагать совершенство во множестве упражнений в добродетели, будь то внутренних или внешних. А когда ему говорили: «Что же станет тогда с той ненасытной любовью, о которой говорят наставники духовной жизни, — с любовью, которая никогда не говорит „довольно“, никогда не считает, что достигла цели, но всегда устремляется вперед широкими шагами?» (ср. Флп. 3:13-14), — он отвечал: «В этой любви надобно расти в корень, а не в ветви».

И объяснял:

«Расти в ветви — значит гнаться за множеством добродетельных дел, многие из которых, однако, оказываются не только несовершенными, но и излишними, подобно бесполезным побегам на виноградной лозе, что обрезают, дабы все соки пошли в ягоды. А расти в

корень — это значит творить мало дел, но с великим совершенством, то есть с великой любовью к Богу, в которой и состоит все совершенство христианина. К этому и призывает нас апостол, когда говорит, чтобы мы были укоренены и утверждены в любви, дабы постигнуть превосходящую разумение любовь Христову (ср. Еф. 3:17-19).

Но, скажут, можно ли сделать слишком много для Бога? Не надобно ли спешить, пока не наступила ночь смерти, когда уже никто не сможет делать? (ср. Ин. 9:4). Не надобно ли творить как можно больше добра, пока есть время? (ср. Гал. 6:10).

Все эти истины достойны уважения и самого пристального внимания, но они нисколько не противоречат тому мудрому правилу, что лучше совершить мало дел добрых и притом совершенных, нежели много, но несовершенных.

И что же значит — совершить доброе дело в совершенстве? (Разумеется, в состоянии благодати, ибо без нее дело было бы не просто несовершенным, но и вовсе бесполезным для вечности.) Это значит совершить его: 1) с великим усердием, 2) с великой твердостью, 3) с великой чистотой намерения. Одно дело, совершенное так, стоит больше, чем множество других, совершенных холодно, нерадиво и с менее чистым намерением.

Итак, для подлинного преусперения в совершенстве следует заботиться не столько об умножении числа духовных упражнений, сколько о том, чтобы наши повседневные дела были проникнуты усердной, сильной и чистой любовью к Богу; ибо малая добродетель, соединенная с пламенной, сильной и чистой любовью, несравненно угоднее Богу и приносит Ему больше славы, нежели добродетель более блистательная, совершающаяся с любовью вялой, слабой и не до конца очищенной».

Вот что рассказал однажды наш блаженный по этому поводу.

«Некоторое время назад, — говорил он, — ко мне пришли несколько благочестивых инокинь и сказали: “Монсеньор, что нам делать в этом году? В прошлом году мы постились три дня в неделю и столько же раз совершали бичевание. Что же нам делать теперь? Надобно ведь сделать что-то большее в этом году, — и чтобы возблагодарить Бога за год минувший, и чтобы всегда преуспевать на пути Божием”.

“Хорошо сказано, что надобно всегда преуспевать, — отвечал я, — но преуспеяние наше совершается не так, как вы думаете, — не через множество благочестивых упражнений, но через совершенство, с которым мы их совершаем, все глубже уповая на Бога и все менее — на себя. В прошлом году вы постились три дня в неделю и трижды совершали бичевание. Если вы хотите каждый год удваивать ваши подвиги, то в этом году вам придется подвизаться всю неделю. Но что вы будете делать в следующем году? Уж не придется ли вам тогда и неделю расширить до девяти дней, и поститься сорок восемь часов в сутки? Великое безумие — мечтать о мученичестве в Индиях и при этом не исполнять того, что положено по твоему состоянию. Поистине, великое заблуждение — желать съесть больше, чем можешь переварить. Нам недостает духовного жара, чтобы как следует усвоить всё то, за что мы беремся в стремлении к совершенству, а при этом мы не хотим умерить в себе эту суетную жажду делать всё больше и больше”».

Глава пятнадцатая. О том, как надобно готовиться к монашеству

Блаженному донесли, что один молодой человек, весьма распутный и ведший соблазнительную жизнь, решил уйти в монастырь.

«Поистине, — отвечал он, — он идет дорогой не в монастырь, а в госпиталь для бедных».

Ему сказали, что тот и сам открыто об этом заявляет, говоря, что монастырь — его последнее прибежище на тот случай, когда он все промотает, и что в этом укрытии ему отказать не смогут. В остальном же он намерен с легким сердцем предаваться мирским удовольствиям, дабы потом не сожалеть о них, когда будет от них отлучен, и, подобно Соломону, потворствовать всем своим страстям.

«Дурной же он выбрал себе образец, — сказал блаженный, — ибо Соломон, которого он берет себе в наставники, оставил нас в неведении относительно своего спасения. Может статься, что и монастырь для него будет закрыт, а вот в приют он идет верной дорогой».

И он оказался слишком верным пророком, ибо этот несчастный, промотав все, и впрямь, словно от отчаяния, бросился в монастырь, который через несколько дней изверг его, как море извергает мертвчину. Оттуда он по воле заимодавцев был заключен в тюрьму, где вдоволь вкусили хлеба скорби, и воды печали (ср. З Цар. 22:27, Ис. 30:20).

Когда в присутствии нашего блаженного заговорили о бедственном положении этого несчастного, он сказал: «Я так и думал, что он идет не в монастырь. Слишком он заискивал перед миром, чтобы потом нанести ему такой грубый пинок. Обычно не устраивают пышных пиров для друга, с которым решили порвать, разве что из предательства. И вести столь грязную жизнь, столь несогласную с жизнью иноческой, которую он намеревался принять, — значило жестоко оскорблять дух благодати, влекший его в обитель. Не принято наносить обиды и оскорблений тому, чьей милости и помощи ищешь. Не дух Божий вел его в пустыню, и потому он, подобно мятежному Адаму, был изгнан из сего земного рая.

Впрочем, если бы скорбь могла даровать ему разумение, он обрел бы в тюрьме ту же благодать, какую встретил бы и в монастыре. Именно в этом находил утешение в темнице блаженный папа Петр Целестин, куда он был заключен по жестокости своего преемника, папы Бонифация VIII. «Петр, — говорил он сам себе, — ты обрел ныне то, чего так желал, о чем так вздыхал под бременем дел, неразлучных с престолом святого Петра. У тебя есть уединение, молчание, затвор, келья, ограда, мрак; в этой тесной, но блаженной тюрьме благословляй Бога во всякое время, ибо Он исполнил желания души твоей, хотя и не так, как ты помышлял, но образом более верным и угодным очам Его, нежели тот, что ты себе представлял. Бог желает, чтобы Ему служили по Его воле, а не по твоей. Чего еще желать тебе на небе и на земле, кроме Его святой воли? О, благой крест, долгожданный, ныне обретенный, я принимаю тебя всем сердцем; прими ученика Того, Кто через тебя совершил мое спасение в юдоли земной».

В конце концов этот несчастный блудный сын вышел из тюрьмы и, видя себя посмеищем для всего мира, впал от горя, нищеты и последствий былых своих беспутств в болезнь, сколь постыдную, столь и мучительную, которая и привела его в приют, где он заживо сгнил, изъеденный червями и сломленный нечистотой и нуждой.

Когда блаженному говорили о неких молодых людях, которые, прежде чем уйти в монастырь, с упоением предавались суете и наслаждениям мира, коему они, по их словам, хотели «сказать последнее „прости“», он находил такие призвания весьма сомнительными. И в самом деле, редко случалось, чтобы они оставались в обители до принесения обетов, ибо те, кто столь дурно пользуется благодатью призвания,

заслуживают того, чтобы ее лишиться. Когда ему говорили, что они «отбегают назад, чтобы лучше прыгнуть», он отвечал: «Они могут так далеко отбежать, что, когда придет время прыгать, у них от рывка перехватит дыхание».

Но когда он видел, что иные готовятся к отречению от мира хладнокровно и загодя, в терпении, молитве, посте, часто прибегая к причастию и творя иные благочестивые упражнения, он говорил: «Эти подходят к делу серьезно; они не играют, а если и играют, то по-крупному. Они не уподобляются жене Лотовой, оглянувшейся назад, ни тем израильтянам, что скучали по луку египетскому».

Глава шестнадцатая. О розарии

Одна знакомая мне особа, узнав, что наш блаженный в юности дал обет ежедневно читать розарий, пожелала последовать его примеру, но все же не хотела начинать без его совета.

Он сказал ей: «Ни в коем случае не делайте этого».

Та спросила: «Почему же вы предостерегаете других от пути, который сами избрали в юности?»

«Слово «юность» все решает, — отвечал он, — ибо в те годы я дал этот обет с меньшей рассудительностью. Теперь же, когда я стал старше, я говорю вам: не делайте этого. Я не говорю: «Не читайте розарий»; напротив, я советую вам это от всей души, и увещеваю вас не проводить без этой молитвы ни единого дня, ибо она весьма угодна Богу и Святой Деве. Но пусть это будет по твердому и обдуманному решению, а не по обету, — дабы, если вам случится его пропустить, вы не подвергали себя опасности оскорбить Бога. Ибо мало дать обет, его надобно исполнить, и исполнить под страхом греха, а это дело немалое. Уверяю вас, меня самого это часто весьма затрудняло, и не раз я был на грани того, чтобы испросить себе разрешение от этого обета или, по меньшей мере, заменить его на иное делание, равно важное, но не столь строго обязующее».

Глава семнадцатая. Об основании монастырей и о выборе настоятельниц

За тринадцать лет, прошедших с учреждения конгрегации Св. Марии, он дал согласие на основание лишь двенадцати обителей и трижды столько же раз отказал, всегда повторяя девиз: «Мало, но хорошо».

Он опасался вверять управление монастырями настоятельницам, обладающим недостаточными для того способностями, прекрасно зная, что добро и зло распространяются от главы на все остальное тело.

Теснимый просьбами из разных мест, он всегда имел наготове предлоги для отказа; дошло до того, что я с великим трудом добился от него разрешения открыть обитель для небольшой общины в нашем городе Белле.

Он часто говоривал мне: «Они только-только вступают на путь благочестия, и следует дать им время утвердиться в нем. Будем же терпеливы, и довольно будет с нас, если то малое, что мы сотворим, окажется угодным великому Господину. Лучше им расти вглубь, укореняясь в добродетелях, нежели вширь, умножая число обителей. Ибо разве станут они совершеннее от одного лишь их множества?»

Я вижу, что большинство орденов именно из-за этого и ослабили свое усердие. Найти добрых настоятельниц труднее, чем кажется. Полагают, что, рассеивая их по разным народам, делают из них апостолов; но утверждены ли они в благодати, как апостолы? Часто, желая созидать, разрушают, и вместо того, чтобы возвеличивать славу Божию, умаляют ее; рассеивая, расточают».

Девизом его было: «*Multiplicasti gentem, sed non magnificasti laetitiam*» — «Ты умножил народ, но не увеличил радости» (Вульг. Ис. 9:3).

«Я прекрасно знаю, — говорил он, — что вящая слава Божия и желание привлечь множество душ к служению этой славе — вот благовидный предлог для такого умножения. Но не знаю, всегда ли это истинный их побудительный мотив, ибо сюда часто примешивается самолюбование».

Глава восемнадцатая. О благоразумии и простоте цвет

«Не знаю, — говорил он, — чем провинилась передо мной эта бедная добродетель благоразумия; мне трудно ее любить, и если я и люблю ее, то лишь по необходимости, ибо она — соль и светильник жизни. Красота же простоты восхищает меня, и я всегда готов отдать сто змей за одну голубку.

Я знаю, что их смешение полезно, и что Евангелие нам его заповедует (ср. Мф. 10:16); однако же мне кажется, что здесь надобно поступать, как при составлении териака, где на малую толику змеиного яда кладут множество других спасительных снадобий.

Будь в нем от голубки и змеи поровну, я бы не доверился такому составу; змея может убить голубку, но не голубка змею. Ведь это орлиное перо истребляет перья других птиц¹, это напильник стачивает то, по чему скользит. К тому же есть некое благоразумие человеческое и плотское, которое Писание называет *смертью* (ср. Рим. 8:6), ибо оно служит лишь тому, чтобы творить зло, и притом путями кривыми.

Мне говорят, что в столь лукавый век, как наш, благоразумие необходимо, хотя бы для того, чтобы не дать застать себя врасплох.

Я нисколько не порицаю это правило, но полагаю, что и другое, не менее евангельское, учит нас, что великкая мудрость, по Богу, — это сносить, когда нас обирают и отнимают наше достояние (ср. 1 Кор. 6:7), зная, что нас ждет благо лучшее и вернейшее. Одним словом, добрый христианин всегда предпочтет быть наковалней, а не молотом; ограбленным, а не грабителем; убитым, а не убийцей; мучеником, а не тираном.

Пусть ярится мир, пусть лопнет от злости мудрость века сего, пусть плоть отчаивается — лучше быть добрым и простым, нежели хитрым и злым».

¹ Отсылка к древнему поверью, изложенному, в частности, у Плиния Старшего в «Естественной истории». Согласно ему, перо орла, «царя птиц», обладает такой силой, что, будучи положено вместе с перьями других, «низших» птиц, со временем «пожирает» или истребляет их.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Глава первая. О том, что значит любить ближнего в Боге

Сверхъестественная любовь, которую Святой Дух изливает в сердца наши, побуждает нас любить Бога ради Него Самого любовью дружеской, и ближнего — также любовью дружеской, но в соотнесении с Богом, Который желает, чтобы мы любили его так, ибо это Ему угодно и Он прославляется в этой любви, к Нему возводимой.

Именно это и называется любить ближнего в Боге и ради Бога. В такой любви человек ищет не своей выгоды, но выгоды ближнего, и то — в соотнесении с Богом.

Любовь эта весьма редка, ибо «все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (ср. Флп. 2:21) или их ближнему.

«Дела любви, — говорит наш блаженный, — которые мы совершаем по отношению к ближнему с мыслью о Боге, суть самые совершенные, ибо в них все устремлено к одному лишь Богу. Но услуги и прочие знаки внимания, которые мы оказываем тем, кого любим по естественной склонности, имеют гораздо меньшую заслугу из-за великого самодовольства и удовлетворения, которые мы при этом испытываем, и поскольку обычно мы поступаем так, следуя этому душевному порыву, а не из любви к Богу».

Любя ближнего в Боге и ради Бога, мы не только не умаляем нашей любви, но, напротив, любим его гораздо сильнее и совершеннее; ибо именно соотнесение с Богом преображает нашу дружбу из естественной в сверхъестественную, из человеческой — в божественную, из временной — в вечную. Это и заставляло нашего блаженного говорить:

«Узы естественной дружбы недолговечны, ибо причина их хрупка, и при малейшей неприятности они охладевают и портятся; чего не случается с теми, что основаны на Боге, ибо причина их тверда и постоянна».

Потому и в другом месте он говорит, что все прочие узы, связующие сердца, — из стекла и фаянса, но узы святейшей любви — из золота и алмаза.

По этому поводу св. Екатерина Сиенская приводит такое сравнение:

«Если вы возьмете стакан, — говорит она, — и, наполнив его у источника, станете пить, не отнимая его от струи, то, сколько бы вы ни пили, стакан не опустеет. Но если вы отнимете его от источника, то, выпив, увидите, что он

пуст. Так же и с дружбой: когда ее не отрывают от ее источника, она не иссякает».

«Надобно, — говорил наш блаженный, — видеть ближнего на груди Спасителя. Увы! Кто взирает на ближнего вне ее, тот подвергается великой опасности любить его нечестно, непостоянно и неровно. Но там, на груди Его, — кто не возлюбил бы ближнего? Кто не поддержал бы его? Кто не снес бы его несовершенств? Кто счел бы его нелюбезным или докучным? Ибо он, этот ближний, пребывает на груди Спасителя, он там — как возлюбленнейший, и столь любезен, что Возлюбленный умирает за него».

«Поистине, — заключает блаженный, — всякая иная любовь, кроме этой, либо не есть любовь, либо не заслуживает имени любви; либо же эта — бесконечно больше, чем любовь».

Глава вторая. О знаках благоволения

Меня спрашивают, не являются ли знаки благоволения, которые мы оказываем вопреки собственному чувству тем, к кому питаем естественную неприязнь, предательством и двуличием, поскольку мы выказываем им совсем не то, что имеем в сердце.

Ответ будет прост, если мы различим в душе часть чувственную и часть разумную. Поскольку неприязнь гнездится лишь в первой, нет никакого двуличия или предательства в том, чтобы оказывать любезность, следяя второй, которая есть главная и высшая. И эти знаки благоволения тем лучше и превосходнее, чем большего усилия они нам стоят, ибо они яснее свидетельствуют о власти разума над чувствами. Это и есть то священное усилие, которым восхищается Царство Небесное и которое столь угодно Богу, — Ему, Кому двуличие так ненавистно, что Он изрекает проклятие на тех, у кого *сердце двоедушное* (ср. Сир. 2:12).

Но, говорят, если бы те, кому мы расточаем любезности, знали об этой борьбе двух частей нашей души, что бы они о нас подумали?

Следует заботиться не столько о суде человеческом, сколько о суде Божием. Если они судят по плоти, им следовало бы сжалиться над нашим убожеством и над этим бунтом чувственной части нашей души против разумной. Если же они судят по Богу, то их суд не может не быть для нас благоприятным, ибо он будет согласен с судом Самого Бога, Который есть Бог истины и знает самые сокровенные наши помышления.

Одна унция этой любви, мужественной и разумной, стоит больше, чем сто фунтов любви нежной и чувствительной, общей у нас с животными, которая часто предает наш разум и сбивает его с пути. То, что мы делаем для Бога с большим противлением со стороны чувственной части нашей души, свидетельствует об избытке благодати и о величайшем совершенстве самого дела, ибо возвышеннее источник его, то есть благодать.

То, что мы делаем для Бога с удовольствием, должно вызывать в нас подозрение или, по крайней мере, заставлять нас быть настороже, дабы не обмануться, особенно в любви к ближнему, где скрыто столько ловушек и столько поводов, отвращающих нас от святой

любви к Богу: симпатия, желание угодить, расчёт на почтение, пользу или удовольствие — все это разбойники, которые крадут у нас видение Бога, похищают Его любовь и заставляют нас, начав духом, закончить плотью и кровью (ср. Гал. 3:3).

Чувство — это Далила, которая усыпляет Самсона, чтобы остричь его, и застигает врасплох разум, когда тот дремлет (ср. Суд. 16:19). Нет ничего дурного в том, чтобы любить приятного нам человека — в Боге, — но при условии, что мы действительно любим его более ради Бога, нежели потому, что он нам приятен. Но поскольку трудно, если не невозможно, смотреть в зеркало и не видеть себя, видеть себя — и не рассматривать, рассматривать — и не любоваться собою, — а это удовольствие незаметно заставляет нас забыть о зеркале, соблазня думать о своем отражении, а затем и о себе самих, — так же трудно не взглянуться и не останавливаться на себе в той любви, которую мы питаем к ближнему. Между тем, чтобы любить его чисто, надоально любить его лишь в Боге и для Бога, то есть потому, что Бог пребывает в нем, или для того, чтобы Он в нем пребывал.

Глава третья. Любить, когда тебя ненавидят, и гнушаться любви к себе

Он предпочитал, чтобы мы любили, когда нас ненавидят ради Бога, согласно слову Евангелия: «Блаженны вы, когда будут поносить вас... и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:11-12; ср. Лк. 6:22). Посему он часто повторял: «Блаженны изгнанные за правду» (Мф. 5:10). «Не удивляйтесь, — говорил Иисус Христос Своим ученикам, — если мир вас ненавидит, ибо он Меня прежде вас возненавидел. Царство Мое не от мира сего, и вы не от мира сего; дружба с миром есть вражда против Бога. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое» (ср. Ин. 15:18-19; Иак. 4:4).

Так надоально любить, когда тебя ненавидят.

И так же надоально гнушаться любви к себе, если любят тебя иначе, чем в Боге и ради Бога, — из-за великой опасности, что дружба человеческая, сколь бы ни была она благопристойна и законна в своем истоке, выродится во что-либо дурное, особенно когда она возникает между людьми разного пола.

1. Желать, чтобы тебя любили иначе, чем в Боге, — это своего рода кражи, ибо это значит похищать у Бога частицу сердца тех, чьей любви мы ищем, а у них и так его недостает, чтобы любить Бога, Который бесконечно больше сердец наших (ср. 1 Ин. 3:20).
2. Это значит оскорблять ревность Божию, ибо Он не желает иметь ни соперника, ни соучастника в нашем сердце. Любовь к Нему должна быть всем или ничем, Царем — или никем.
3. Полагать, будто обладаешь некой заслугой, дающей право на чью-либо любовь, — это тщеславие, причем ворище.

«О, сколь блаженны те, — говорит наш блаженный, — в ком нет ничего привлекательного, ибо они могут быть уверены, что любовь, которую к ним питают, превосходна, поскольку она всецело в Боге!»

Любить кого-то пред лицом Бога, не возводя, однако, этой любви к Нему, — пусть даже и не нарушая при этом закона Божия, — значит умалять ту любовь, которую мы должны питать к Богу, желающему, чтобы мы любили Его всем сердцем нашим.

О Боже, либо возьми нас из мира, либо возьми мир из нас! Исторгни сердце наше из мира или исторгни мир из нашего сердца. Все, что не Бог, — ничто или почти ничто. Чего еще желать нам на земле и на небе, кроме Тебя, Боже? (ср. Пс. 72:25, Вульг.).

Глава четвертая. О пастырском служении

Когда я пожаловался ему на препоны и трудности, с которыми сталкивался в исполнении своего пастырского служения, он отвечал, что, поступая на службу Богу, надобно *приготовить душу свою к искущению* (ср. Сир. 2:1); ибо никто не может следовать за Иисусом Христом и быть Его учеником, *не неся креста своего* (ср. Лк. 14:27), и никому не дано войти в Царство Небесное иначе, как путем страданий.

«Представьте себе, — говорил он, — что праотец наш, даже в состоянии невинности, был помещен в земном раю, чтобы возделывать его и хранить его (ср. Быт. 2:15). Неужели вы думаете, что после грехопадения он был изгнан оттуда, чтобы предаваться праздности? Вспомните, как Бог осудил его и все его потомство трудиться и возделывать неблагодарную землю. А ведь расчищать дебри умов — куда больший труд, чем возделывать землю, сколь бы ни была она жестка, камениста и бесплодна.

Искусство из искусств — это управление душами. Не следует браться за него, если не готов к тысяче трудов и тысяче препон. Сын Божий был *предметом пререканий* (ср. Лк. 2:34); стоит ли удивляться, что и дело Его подвергается тому же? Он так много трудился и так много страдал, чтобы снискать души; неужели Его соработники и сподвижники, которые суть лишь Его ученики, чают для себя лучшей доли, чем их Учитель?

Святой Павел говорил юному епископу Тимофею: «*Настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием*» (2 Тим. 4:2). Заметьте, что он ставит долготерпение прежде назидания, ибо одолеть упорные умы можно лишь терпением. Этой добродетелью мы стяжаем не только наши души, но и души других (ср. Лк. 21:19, Вульг.). Человек терпеливый превосходит в этом и доблестного, и уж тем более порывистого.

Тот же апостол учит того же епископа *быть бдительным и трудолюбивым, и во всем хранить трезвость* (ср. 2 Тим. 4:5) и ставит в пример самого себя — в трудах и в воздержании, в нищете, в холода, в наготе, в голоде, в жажде и в страданиях, принимаемых и справа, и слева, то есть со всех сторон (ср. 2 Кор. 11:27).

Но, опасаясь, как бы обилие трудностей не сломили мой дух, он тотчас же укреплял его примером Пастыренаачальника, Который, дабы совершить наше спасение, *вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, невзирая на посрамление* (ср. Евр. 12:2). К этому он прибавлял пример апостолов и первых пастырей Церкви.

«Надобно, — говорил он, — принимать наследие со всеми его тяготами. Где есть любовь, там нет труда; а если и есть, то труд этот в радость. Чего только не претерпел Иаков, чтобы взять в жены Рахиль! (ср. Быт. 29:20). Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но,

родив младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир (ср. Ин. 16:21). В конце концов, нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (Рим. 8:18), — в Царствии Небесном, где Бог отрет слезы наши и где не будет более ни сетований, ни трудов, ни скорбей, ибо все прежнее миновало (ср. Откр. 21:4).

Глава пятая. Об умах, склонных к излишним размышлениям

Он совершенно не одобрял умы, склонные к излишним размышлениям, которые строят сотни умозаключений о вещах ничтожных. «Они, — говорил он, — подобны шелковичным червям, что сами себя заплетают и заточают в своем коконе».

Эти непрестанные размышления о себе и своих поступках отнимают много времени, которое было бы лучше употребить на то, чтобы действовать, а не беспрестанно разглядывать то, что делаешь. Часто, силясь рассмотреть, хорошо ли ты поступаешь, начинаешь поступать дурно.

Великого святого Антония спросили, как можно узнать, хорошо ли человек молится. «Именно по тому, — отвечал он, — что он этого не знает. Тот молится хорошо, кто так поглощен Богом, что и не замечает, что молится». Тот, кто на ходу станет считать и внимательно разглядывать свои шаги, немного пройдет за день.

«Тот, — говорит наш блаженный, — кто всем сердцем стремится угодить небесной Любви, не имеет ни времени, ни желания обращаться к самому себе; дух его непрестанно устремлен туда, куда влечет его любовь. Он не позволяет душе своей обращаться на самое себя, чтобы разглядывать, что она делает и довольна ли она. Увы! Наши удовольствия и утешения услаждают не взор Божий, а лишь наше жалкое самолюбие и заботу о себе, вне Бога и помышления о Нем».

Но, скажут мне, разве не надобно нам внимательно следить за тем, что мы делаем, особенно когда речь идет о служении Богу? Ведь Писание говорит, что «вся земля опустошена, потому что ни один человек не прилагает этого к сердцу» (ср. Иер. 12:11).

Чтобы все это согласовать, надобно лишь различать времена. Никто не говорит, что не следует размышлять о себе и о своем поведении, — это значило бы жить по-скотски и не пользоваться разумом. Но, как говорит Премудрый, *всему свое время* (ср. Еккл. 3:1).

Есть время действовать, и есть время размышлять о своих действиях. Художник не останавливается после каждого мазка кисти, чтобы оценить свое творение; он делает это лишь время от времени.

Частые испытания совести весьма полезны — вечером, утром и в полдень. Каждый христианин, ревнующий о своем спасении, должен заботиться, чтобы « заводить часы своего сердца». И даже в течение дня хорошо время от времени проверять, в каком они состоянии. Но не иметь иного занятия, кроме как разглядывать то, что делаешь, — не лучший способ приумножить славу Отца Небесного; это внимание, в конце концов, становится обременительным и, как правило, обращается лишь на нашу собственную выгоду.

Соль и сахар — две хорошие вещи, но и ими надобно пользоваться умеренно.

Глава шестая. О настоятелях

Когда некие люди пожаловались блаженному, что им дали неученого настоятеля вместо другого, который обходился с ними слишком сурово, приправляя свои жалобы грубыми и даже оскорбительными, хоть и завуалированными, словами, он сказал им:

«Никогда не следует так говорить о настоятелях, сколь бы жалкими они ни были. Бог желает, чтобы мы повиновались даже тем, кто суров и неуживчив (ср. 1 Петр. 2:18), ибо *противящийся власти противится Божию установлению* (Рим. 13:2)».

И, вступаясь за того настоятеля, сказал:

«Если Валаам был наставлен ослицей (ср. Чис. 22:28), с тем большим основанием вы должны верить, что Бог, давший вам этого настоятеля, сделает так, что он будет учить вас по воле Его, хотя, быть может, и не по вашей. Я слышал, что этот добрый человек весьма кроток, и если он и не обладает большой ученостью, то дела его от этого не становятся хуже, и его пример восполняет недостаток познаний.

Лучше иметь настоятеля, который молча творит добро, нежели того, кто проповедует должное, но сам тому не следует».

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Глава первая. Об обуздании (*mortification*) естественных склонностей

Золотое слово нашего блаженного, которое я не раз слышал из уст его: тот, кто усерднее обуздывает свои естественные склонности, тот обильнее привлекает к себе вдохновения сверхъестественные.

Поистине, самообуздание, как внутреннее, так и внешнее, — великое средство для привлечения благоволения Небес, но лишь при условии, что оно совершается в любви и любовью. Те, кто носит *умерщвление* (*mortification*) Иисуса Христа в теле своем и в сердце своем (ср. 2 Кор. 4:10), подобны той жертве пророка Илии, на которую снизошел огонь небесный (ср. 3 Цар. 18:38), или тому жертвенному животному, о котором говорится в книгах Маккавейских, что воспламенилось от лучей солнечных (ср. 2 Макк. 1:22).

Подобно тому как манна небесная была дана Израилю в пустыне лишь после того, как он исчерпал все мучные запасы, вынесенные из Египта, так и благоволение Небес редко ниспосыпается тем, кто еще руководствуется земными склонностями. «*Дух Мой, — говорит Господь, — не пребудет вечно в человеке, ибо он есть плоть*» (ср. Быт. 6:3, Вульг.).

Глава вторая. О даре обращать еретиков

Наш блаженный имел от Небес дар совершенно особый: обращать грешников внутри Церкви и возвращать тех, кто был вне ее, в лоно сей Матери, — Матери, без которой мы не можем назвать Бога Отцом.

Что до последних, то при возвращении области Шабле в лоно истинной Церкви он не только послужил обращению от сорока до пятидесяти тысяч душ, но и сам лично привел к ней более пятнадцати или шестнадцати тысяч.

Сей особый дар приводить их к покаянию побудил однажды великого кардинала Дюперрона, светоча словесности, сказать, что ежели речь идет лишь о том, чтобы посрамить еретиков, то он, кажется, нашел для сего ключ; но для их обращения следует отсылать к монсеньору епископу Женевскому, имеющему на то поручение с Небес.

Монсеньор кардинал де Берюль был того же мнения и во всеуслышание говорил, что *рука Господня была с блаженным Франциском* (ср. Лк. 1:66).

Глава третья. О реформах

Его неоднократно привлекали к проведению реформ; но метод его состоял в том, чтобы действовать мягко и с великой осторожностью, следуя девизу, который он высоко ценил: «Спеши не торопясь». Он желал, чтобы во всяком деле делали *мало, но хорошо*. И хотя благодать не любит промедлений и отсрочек, он все же не хотел, чтобы действовали с неблагоразумным рвением, которое всегда впадает в крайности и не творит добра из-за желания сотворить его слишком хорошо и разом. Главным его девизом было: *Pedetentim, t.e. постепенно*. Он предпочитал завоевывать землю пядь за пядью, часто повторяя слова Премудрого: «*Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня*» (ср. Притч. 4:18).

Истинное преуспеяние, говорил он, совершается от малого к большему. Сам Бог, не нуждающийся во времени, чтобы довести Свои творения до совершенства, хотя и непреложно достигает цели, которую Себе ставит, однако же делает это с расположениями столь краткими, что они почти незаметны.

Он не подражал тем, кто начинает реформу с внешнего, дабы, как они говорят, прийти к внутреннему, и так долго задерживаются на коре, что забывают о сердцевине. Такие реформаторы подобны художникам или скульпторам, которые трудятся лишь над внешней формой; и дело их — скорее румяна и обман чувств, нежели нечто истинное.

Когда он желал ввести реформу в какой-либо обители, мужской или женской, то в мужской требовал лишь двух вещей: упражнения в умной молитве и ее неразлучной спутницы — духовного чтения, а также частого прибегания к двум таинствам: Покаянию и Евхаристии. «С этим, — говорил он, — все совершается без шума, без усилий, без прекословия, мягко и незаметно».

Что до дев, то он желал от них лишь двух вещей: одной для тела, другой для души. Для тела — затвор, как он предписан Тридентским собором; без этого, полагал он, они не смогут жить ни с добной славой, ни в безопасности для своей чести. Для души — умная молитва дважды в день, по полчаса каждый раз. «С этим, — говорил он, — можно легко вернуть дев к должным деяниям и к истинному соблюдению устава».

О суровых подвигах и телесных подвигах он и не говорил; не советовал ни иных постов, кроме установленных Церковью, ни хождения босиком, ни воздержания от мяса, ни отказа от льняного белья, ниочных бдений — словом, он не советовал умножать подвиги, почитая их, по правде говоря, святыми, но относящимися лишь к внешнему.

Когда однажды с ним советовались о введении обычая ходить босиком в одной женской обители, он сказал: «Ох! К чему тревожить обутые ноги? Реформировать надобно голову, а не стопы».

Глава четвертая. Слезами своими он побуждает грешника к сокрушению

Однажды к нему на исповедь пришел один человек, который перечислял свои грехи с такой отвагой, чтобы не сказать с бесстыдством, и с таким слабым сокрушением и сожалением, что, казалось, он просто рассказывает некую историю, упиваясь собственным красноречием.

Блаженный, распознав по этому тону внутреннее нестроение души, которая из трех частей Таинства Покаяния¹ осуществила лишь одну — исповедание, да и то весьма несовершенное, ибо ему недоставало того стыда и того святого смущения, что должны ему сопутствовать, не прерывая его повествования, начал плакать, вздыхать и рыдать.

Человек тот спросил его, что с ним и не сделалось ли ему дурно.

«Увы, брат мой, — сказал святой, — я-то, слава Богу, здоров, а вот вы весьма нездоровы». Тот дерзко возразил, что он тоже здоров. «Что ж, — сказал блаженный, — продолжайте».

Он продолжал так же вольготно и без всякого чувства скорби говорил об ужасных вещах. Блаженный же начал плакать горько и обильно. Тот снова спросил его, о чем он плачет.

«Увы! — сказал блаженный. — Я плачу о том, что не плачете вы».

Тот, кто остался бесчувствен к первому уколу шпоры, не остался таковым ко второму, ибо час его посещения, надо полагать, настал (ср. Лк. 19:44). И эта скала под ударом жезла тотчас источила воды, и он воскликнул: «О, я несчастный! Я не имею ни малейшего сожаления о моих чудовищных грехах, а они исторгают слезы у того, кто невинен!»

Это так сильно его потрясло, что он лишился бы чувств, если бы блаженный не утешил его. И, научив его акту сокрушения, который тот совершил с замечательным раскаянием, он привел его в состояние, необходимое для принятия благодати Таинства. И с того мгновения человек тот всего себя предал Богу и стал образцом покаяния.

Сам этот кающийся поведал о случившемся одному из своих близких друзей (который, не называя его имени, и передал этот рассказ), добавив одно довольно меткое замечание.

«Прочие духовники, — говорил тот, — порой заставляют плакать кающихся, а вот я заставил плакать духовника. Правда, он мне вернул сторицей. И дай Бог, ко спасению души моей, чтобы я воистину изменился и никогда не утратил той благодати, что была мне тогда ниспослана через благословение от его рук. *Придите и воззрите на чудеса и дивные дела, которые сила Божия творит на земле* (ср. Пс. 45:9, Вульг.) и которые благодать Его совершает в сердцах».

¹ В католическом богословии, догматически подтвержденном на Тридентском соборе (1551), Таинство Покаяния включает в себя три действия со стороны кающегося: 1) Сокрушение (лат. *Contritio*) — сердечное раскаяние в грехах; 2) Исповедание (лат. *Confessio*) — устное признание в грехах священнику; 3) Удовлетворение (лат. *Satisfactio*) — исполнение наложенной епитимии.

Глава пятая. Как он чудесным образом утешает другого кающегося

Один человек, знакомый нашему блаженному, собравшись с духом, пришел к нему на генеральную исповедь и подробно поведал о грехах своей юности. Блаженному эта исповедь весьма пришлась по душе, и, видя доброе расположение кающегося, он выказал ему великое свое удовлетворение и радость.

«Вы это говорите, чтобы меня утешить, — сказал кающийся, — но можете ли вы в душе своей уважать столь великого грешника?»

«После вашего отпущения, — возразил блаженный, — я был бы настоящим фарисеем, если бы смотрел на вас как на такового. Вы предстаете предо мной белее снега (ср. Пс. 50:9) и подобным Нееману, вышедшему из Иордана (ср. 4 Цар. 5:14). Сверх того, я обязан любить вас вдвойне.

Видя любовь и доверие, которые Бог внушил вам ко мне, я смотрю на вас как на сына моего, которого я только что родил во Иисусе Христе (ср. 1 Кор. 4:15), или, лучше сказать, в сердце которого по благодати вверенного мне служения только что изобразился Иисус Христос (ср. Гал. 4:19).

Что же до уважения, то оно возрастает соразмерно моей любви к вам. Из сосуда позора я вижу вас преображенными в сосуд чести и освящения (ср. 2 Тим. 2:21) — ибо изменилась десница Всевышнего (ср. Пс. 76:11, Вульг.). Господь наш не отказался от Своего намерения основать на св. Петре всю Свою Церковь даже после его греха, ибо взирал более на его слезы, нежели на его падение, на его покаяние, нежели на его вину.

К тому же я оказался бы слишком бесчувствен, если бы не разделил той радости, что царит ныне на Небесах среди ангелов Божих о преображении и очищении вашего драгоценного сердца (ср. Лк. 15:10). Поверьте мне, вид ваших слез подействовал на мою душу так же, как вода на кузнецкий горн: от нее пламя не гаснет, а лишь яростнее разгорается.¹

О Боже, как я люблю ваше сердце, которое теперь истинно любит Бога!»

Кающийся тот ушел от трибунала покаяния столь утешенным, что с тех пор, как он признался одному из своих друзей, не находил более сладкого утешения, чем исповедоваться; дошло до того, что он докучал своим духовникам слишком частыми исповедями.

Излюбленными его словами были: «Наипаче омы́й мя, Господи...» (Пс. 50:4), — а блаженного он называл Ангелом Овчей купели (ср. Ин. 5:2-4).

1 Это сравнение основано на реальном физическом явлении. Когда небольшое количество воды попадает на раскаленные добела угли в кузнечном горне, она мгновенно разлагается на водород и кислород. Вступая в реакцию с углеродом, эти элементы образуют горючую смесь газов (водород H₂ и угарный газ CO), которая тут же воспламеняется, вызывая мощную вспышку и на короткое время усиливая жар.

Глава шестая. О том, чтобы жить по духу веры

Меня спрашивают, что разумеет наш блаженный, когда говорит, что надобно ходить пред Богом по духу веры.

Я отвечаю: ходить так — значит руководствоваться не теми правилами, что внушают нам плоть и кровь или человеческий разум, но теми, что открыты нам Отцом Небесным. Это значит искать Иисуса Христа, подобно волхвам, при свете и сиянии звезды.

Но жить по живой вере — значит не только ходить во свете веры, но и в жаре святой любви, которая есть душа и жизнь веры. Это значит идти, подобно Аврааму, *в дневном зное* (ср. Быт. 18:1). Это значит не только верить, но и делать.

Те же, напротив, кто следует лишь за светочем плотского благоразумия и человеческого разума, подобны тем, кто ночью идет на свет блуждающих огней, которые мало-помалу заводят их в пропасть. Например, свет плотского благоразумия учит, что надобно ненавидеть врагов своих; свет же веры учит нас любить их (ср. Мф. 5:44). Первый говорит: «Отомсти»; вторая: «Прощай обиды, как хочешь, чтобы Бог простил тебе» (ср. Мф. 6:14).

Первый говорит, что надобно копить богатства, что богатые счастливы и ни в чем не должны себе отказывать. Вторая же говорит: «Нет! Блажен народ, у которого Господь есть Бог (Пс. 143:15). Блаженны нищие духом (Мф. 5:3). Пойди, продай все, что имеешь, и раздай нищим (ср. Мф. 19:21). Если имеешь богатство, не прилагай к нему сердца (ср. Пс. 61:11). Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду (ср. Мф. 5:40). Корень всех зол есть сребролюбие (1 Тим. 6:10)».

Первый говорит, что получить пощечину — нестерпимое оскорблениe; вторая же велит нам подставить другую щеку (ср. Мф. 5:39) и почитает за честь и радость претерпевать поношения за имя Иисуса Христа (ср. Деян. 5:41). Одним словом, день не более противоположен ночи, и свет — тьме, нежели правила веры — правилам мирского благоразумия.

Глава седьмая. О Конгрегации Дочерей Посещения

Некто, говоря однажды с ним о Конгрегации Дочерей Посещения, спросил его: «Что вы намерены делать с этой общиной женщин и девиц? Какую пользу принесут они Церкви Божией? Разве и без того не довольно других конгрегаций, к которым могли бы примкнуть те, что идут к вам? Не лучше ли было бы вам основать конгрегацию для клириков? Время, что вы тратите на наставление этих девиц, коим надоально сто раз повторить одно и то же, прежде чем они это запомнят, было бы с большей пользой употреблено на обучение духовных лиц. К тому же, это — сокровище, зарытое в землю, светильник под сосудом (ср. Мф. 5:15). Не то же ли это, что рисовать на воде и сеять на песке?»

На это наш блаженный, любезно улыбаясь, отвечал с несравненной безмятежностью и кротостью:

«Не мне трудиться над столь возвышенными материями. Ювелирам — работать с золотом и серебром, а горшечникам — с глиной. Поверьте мне, Бог — великий Мастер; и с помощью малых орудий Он умеет творить великие дела. *Он обыкновенно избирает немощное, чтобы посрамить сильное; невежество, чтобы посрамить знание; и сущее ничто, дабы уничижить то, что кажется чем-то* (ср. 1 Кор. 1:27-28).

Чего только не сотворил Он жезлом в руке Моисея (ср. Исх. 4:2-4), или ослиной челюстью в руке Самсона? (ср. Суд. 15:15). Чем Он победил Олоферна, как не рукою женщины? (ср. Иудифь 13:4). Когда Он сотворил весь мир, откуда Он взял материю, как не из ничего? Согласитесь со мной, что великие пожары могут родиться от малой искры. Где был найден священный огонь по возвращении из плена, как не в густом иле? (ср. 2 Макк. 1:19-22).

Сей немощный пол достоин великого сострадания, и потому надоально иметь о нем больше заботы, нежели о сильном. «Попечение о душах, — говорит св. Бернард, — это попечение не столько о сильных, сколько о слабых». Господь наш не отказывал ему в Своей помощи: за Ним обычно следовало множество, и они не покинули Его у Креста, где Он был оставлен всеми учениками, кроме возлюбленного.

Церковь, дающая этому полу имя «набожный», не так уж низко его ценит.

Впрочем, во что вы ставите добный пример, который они могут распространять повсюду, куда Бог их призовет? Разве так мало, по-вашему, быть Христовым благоуханием, и притом запахом живительным на жизнь? (ср. 2 Кор. 2:15-16). Из двух качеств, желательных для пастырей, — слова и примера, — которое, по-вашему, более достойно уважения? Что до меня, я ценю одну унцию последнего больше, чем сто фунтов первого. Без доброй жизни знание обращается в соблазн: это колокол, который звонит, но сам никогда не идет на службу. Отсюда и упрек: «*Врач! исцели Самого Себя*» (Лк. 4:23).

Правда, есть множество других конгрегаций в Церкви, к которым могли бы присоединиться некоторые из тех, что вступают в эту; но также многие вступают в эту, которые не могли бы вступить в те из-за своего возраста или своих немощей и слабостей, делающими их неспособными выдерживать суровые телесные подвиги других орденов. А если в эту и принимают сильных и крепких, то для того, чтобы они служили немощным и

больным, для которых главным образом эта конгрегация и учреждена; и чтобы исполнять на практике это священное слово: «*Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов*» (Гал. 6:2).

Что до вашего увещания подумать о какой-либо конгрегации для клириков, разве вы не видите, что она уже основана этим великим и верным слугой Божиим, владыкою де Берюлем, у которого куда больше способностей для этого и куда больше досуга, чем у меня, обремененного столь трудной епархией, которая к тому же является как бы центром заблуждений, смущающих Церковь? Впрочем, оставим великие замыслы великим мастерам; Бог сотворит, что Ему будет угодно, из этого малого моего начинания.

Глава восьмая. О презрении к людскому мнению

Не то чтобы он одобрял, когда к добруму имени относились небрежно, будто пуская козла в огород или лису в курятник; нет, он желал, чтобы о доброй славе заботились, но более ради служения Богу, нежели ради собственной чести; и более во избежание соблазна, нежели ради приумножения собственной славы.

Он сравнивал добрую славу с табаком, который может быть полезен, если употреблять его редко и умеренно, но который сушит и чернит мозг, если прибегать к нему слишком часто и без меры.

И в этом он первым следовал своему же учению. Когда же некие корыстные люди превратно истолковали весьма святой совет, данный им в Париже нескольким особам высокой добродетели, это послужило им поводом для злословия. Он написал мне об этом, и в письме его были такие слова:

«Мне пишут из Парижа, что там усердно выщипывают мне бороду, но я уповаю, что Бог отрастит ее вновь, и даже гуще прежнего, если это будет потребно для Его служения. Поистине, не желаю я иной славы, кроме той, что необходима для служения Ему; ибо, коль скоро речь идет о деле Божием, так ли важно, свершается оно в доброй или в худой славе, в сиянии нашего имени или в его тени?»

«Боже мой, — сказал он мне однажды, — что же такое эта добрая слава, что столько людей приносят себя в жертву этому идолу? В конце концов, это сновидение, тень, молва, дым, похвала, память о которой исчезает вместе со звуком; это людское мнение, которое часто бывает столь ложным, что многие изумляются, слыша похвалы добродетелям, на месте которых, как они прекрасно знают, в их душе гнездятся противные им пороки, и порицания за недостатки, которых в них и вовсе нет.

Те, кто жалуется на злословие, весьма чувствительны. Это лишь малый крест из слов, которые уносит ветер. Выражение «он меня уязвил», в значении «он меня оскорбил», мне не по нраву, ибо велика разница между жужжанием пчелы и ее жалом. Надобно иметь ухо и кожу весьма нежные, чтобы первое не выносило жужжания мухи, а вторая была уязвлена этим писком.

Те, кто выдумал пословицу: «Добрая слава лучше золотого пояса», внимали мудrostи плотской, предпочитая добре имя богатству. О, как же это далеко от духа веры! Чья

добрая слава была когда-либо так попрана, как слава Иисуса Христа? Каким оскорблением Он не подвергался? Какой клеветой не был обременен? И однако же, *Отец дал Ему имя выше всякого имени* (ср. Флп. 2:9) и возвысил Его соразмерно Его уничижению. А апостолы — разве не выходили они, радуясь, из синедриона, где претерпели поношение за имя Иисуса? (ср. Деян. 5:41).

«О, но это же слава — страдать за столь достойное дело!» — Я прекрасно понимаю: мы желаем лишь славных гонений, дабы свет наш воссиял посреди тьмы, и тщеславие наше блистало посреди наших страданий; мы хотели бы быть распятными со славой. Как, по-вашему, когда мученики претерпевали столь жестокие пытки, хвалили ли их зрители? Напротив, не проклинали ли их и не гнушались ли ими? И как же мало людей, готовых пожертвовать своим добрым именем, дабы этой жертвой приумножить славу Того, Кто умер в великом бесчестии на Кресте, дабы заслужить для нас славу, которой не будет конца!

Глава девятая. О чистоте Божественной любви

Все дела, намерения и устремления этого святого прелата не имели иной цели, кроме чистой божественной любви; ибо она есть венец всякого совершенства христианина, и в этой жизни, и в будущей; и всякий, кто ищет его в ином месте, заблуждается.

Вот два примера, служащих тому доказательством.

«Да будет угодно, — говорил он однажды в одном из своих писем, — безмерной благости Божией, чтобы Его любовь стала нашей великой любовью. Увы! Но когда же она поглотит нас, и когда поглотит она жизнь нашу, дабы мы всецело умерли для себя и всецело жили для Него? О, да будет Ему одному вовеки честь, слава и благословение».

Второй пример таков; вот что он сказал однажды в порыве духа одной доверенной особе, от которой мы это и знаем:

«Поистине, — сказал он, — если бы я знал хоть одну нить привязанности в моей душе, которая не была бы от Бога, в Боге или для Бога, я бы тотчас от нее избавился; и я предпочел бы совсем не быть, нежели не быть всецело Божиим и без остатка. Если бы я знал в себе малейшую частицу, не отмеченную печатью Иисуса Христа, я бы тотчас от нее отрекся и отверг бы ее так, как учит нас Писание, повелевая *вырвать глаз и отсечь руку или ногу, которые нас соблазняют* (ср. Мф. 5:29-30)».

Все, что не было от Бога, в Боге, для Бога и согласно Богу, для нашего блаженного являлось не просто ничем, но вызывало в нем отвращение; ибо он всегда имел пред очами слово нашего великого Учителя: «*Кто не со Мною, тот против Меня*» (Мф. 12:30).

Отсюда и то правило, которое он довольно часто повторял: чтобы приумножить любовь к Богу, надобно приумножить и желание ее; а чтобы приумножить это желание, надобно умалить прочие желания.

См., что он учит на эту тему в своем «Трактате о любви к Богу», кн. 12, гл. 1 и 2.

Глава десятая. О смирении

Наш блаженный желал, чтобы смирение, как ума, так и воли, было одушевлено любовью, ибо, говорил он, подвизаться в добродетелях без любви — значит уподобляться в том язычникам.

Он предпочитал, чтобы мы возлюбили самоунижение, дабы угодить Богу через те унижения, в коих было бы меньше нашего собственного выбора, говоря, что кресты, которые мы вытесываем для себя, всегда изящнее прочих. И он ценил одну унцию страдания выше многих фунтов делания, пусть и благого, но проистекающего из нашей собственной воли.

Стойкое приятие поношений, унижений и презрения было, по его суждению, истинным пробным камнем смирения, ибо в этом человек более всего уподобляется Иисусу Христу, образцу всякой твердой добродетели, Который *уничижил Себя Самого, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (ср. Флп. 2:7-8).

Следующим по важности он считал добровольное искание унижений и самоунижения, когда они не приходят к нам извне; но в этом он требовал великой рассудительности, ибо самолюбование может тонко и незаметно вкрасться в это искание.

Он почитал за глубокую степень смирения способность находить усаду и удовольствие в унижениях и презрении, словно в величайших почестях; и, напротив, не находить удовольствия в почестях, в отличие от людей тщеславных, которые огорчаются от презрения и оскорблений.

На эту тему он приводил в пример Моисея, который *поношение... почел большим для себя богатством, нежели... славу двора фараонова* (ср. Евр. 11:25-26); Есфири, которая гнушилась великколепием уборов, в которые ее облекали, чтобы угодить взору царя Артаксеркса, чьей супругой она была (ср. Есф. 14:15-16, Вульг.); апостолов, которые *радовались, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие* (ср. Деян. 5:41); и Давида, который плясал перед Ковчегом, радуясь тому, что явил себя ничтожным в глазах своей жены Мелхолы, дочери царя Саула (ср. 2 Цар. 6:14-22).

Он также желал, чтобы смирение сопровождалось послушанием, основываясь на словах св. Павла о том, что Господь наш *смирил Себя, быв послушным*. «Видите ли, — говорил он, — вот мера смирения: послушание. Если вы повинуетесь проворно, чистосердечно, безропотно, с радостью, без оглядки, без возражений, вы истинно смиренны. А без смирения трудно быть истинно послушным, ибо послушание требует покорности, а истинно смиренный почитает себя низшим и подчиненным всякой твари ради любви к Иисусу Христу, и всех людей считает своими наставителями, почитая себя за *поношение у людей, за сор для мира, за прах, всеми попираемый*» (ср. 1 Кор. 4:13).

Он советовал растворять все свои дела в духе смирения и, насколько возможно, скрывать от людских глаз свои добрые дела, желая, чтобы их видел один лишь Бог. Однако он не хотел, чтобы из-за этого люди сдерживались и принуждали себя до такой степени, что вовсе переставали бы делать добро на глазах у других. Он любил смирение благородное, светлое, выполненное мужества, а не малодушное и робкое. Он не хотел, чтобы что-либо делалось ради такой суэтной цели, как похвала; но также не хотел, чтобы переставали

делать добро из страха снискать в ответ уважение и одобрение. «Это удел слабых голов, — говорил он, — страдать мигренью от благоухания роз».

Прежде всего он советовал никогда не говорить о себе ни хорошо, ни дурно, — разве что по крайней необходимости, и то с великой сдержанностью. По его мнению, и хвалить себя, и порицать — от одного корня тщеславия. Что до хвастовства, то оно столь нелепо, что вызывает насмешку даже у самых неотесанных людей. Что же до уничижительных слов о себе, то если они не исходят из глубокой сердечной искренности и из духа, в высшей степени убежденного в ничтожестве собственной природы, — они суть цвет самой изощренной из всех суетностей. Ибо редко случается, чтобы тот, кто их произносит, либо сам в них верил, либо в самом деле желал, чтобы поверили те, кому он их говорит; он скорее желает, чтобы его сочли смиренным, и тем самым уподобляется гребцам, которые поворачиваются спиной к тому месту, куда устремляются изо всех сил, что есть в руках.

Глава одиннадцатая. О мирских заботах епископов

Однажды я сетовал на малое внимание, какое уделял времененным мирским хлопотам своего епископства, всецело полагаясь на верность моих экономов. Я опасался, как бы эта небрежность не вменилась мне в грех, ибо это достояние, о котором мне предстоит дать отчет Богу, а я в этом ровным счетом ничего не знал и не понимал.

«А я, — отвечал он мне, — уверяю вас, никогда не требую отчета у того, кто управляет моими доходами, и имею все основания доверять ему больше, чем себе. Ибо он не только известен мне своей верностью, но и разбирается в хозяйстве куда лучше меня, который бы все расстроил, если бы вмешался».

«Но, — возразил я, — с этим достоянием дело обстоит не так, как с родовым имением, которым распоряжаются по своему усмотрению: его можно запустить, раздарить, кромсать и резать по своей воле. Но допустить, чтобы бенефиций пришло в упадок... что же это будет? Поистине, если бы пришлось судиться, это доставило бы мне немало хлопот, — я имею в виду, судиться из-за мирского имущества, ибо в духовных делах, что относятся исключительно к служению Богу, я бы не уступил ни на йоту».

Он весьма любезно улыбнулся.

«По-вашему, родовое имение — меньшее достояние Божие, чем ваш бенефиций? Неужели вы забыли псалом *Domini est terra?* («Господня земля» (Пс. 23:1, Вульг.)). И думаете ли вы, что дозволено расточать свое родовое имение и что не придется давать за него отчет Богу? Поистине, вы напоминаете одного вельможу, который, хотя и был очень богат, так был привязан к своему достоянию, что все обвиняли его в склонности, и порицали тем более, что у него не было детей и не предвиделось. У него был брат-архиепископ, нрава совершенно противоположного, ибо он был склонен к расточительству и тратам, так что погряз в долгах и порой сидел на мели. Однажды некий кавалер указал этому вельможе, что архиепископ, брат его, живет по-княжески и швыряет деньги на ветер. 'Понимаю, — отвечал тот, — он ведь владеет своими бенефициями лишь пожизненно'. Кавалер резко возразил ему: 'А вы, монсеньор, на сколько жизней получили свои маркизы и графства?' Этот добный вельможа был не вашего нрава, — вы-то полагаете, что с церковным добром можно обращаться как попало, а родовое имение хранить как святыню. Надобно иметь

ровный дух и смотреть на оба вида достояния как на принадлежащие Богу, который сделал нас распорядителями, а не расточителями. Важно быть верным Ему и в том, и в другом».

«Оставим родовое имение, — сказал я, — поговорим о церковном, оно-то меня и тяготит более всего. Стали бы вы судиться, если бы кто-то посягнул на доходы вашего епископства?» «Не сомневайтесь, — отвечал он, — я продал бы дискос, чтобы защитить потир». «Как? Вы бы сами хлопотали по делу?» «Да, — сказал он, — если бы в том была крайняя нужда. Но поскольку я получаю доходы через поверенного, то и судиться мог бы через стряпчего. Однако со своей стороны я бы писал письма и приложил бы все силы, чтобы защитить достояние моего посоха». «А что же станет, — спросил я, — с нашим евангельским правилом: *«Кто захочет... взять у тебя рубашку, отдавай ему и верхнюю одежду»?* (Мф. 5:40)».

Он возразил: «Разве вы не видите, что Он говорит о *нашей* рубашке? А бенефиций — я говорю об основе его — это ваше собственное достояние или церковное? Поистине, о доходах я бы не слишком беспокоился. С ними — как с бородой: чем чаще ее бреешь, тем гуще она растет; как источник, который становится чище, чем больше из него черпаешь. Но когда бросают камни в колодец, как поступили филистимляне с колодцами Авраама (ср. Быт. 26:15), вот тогда и надобно защищаться. Я говорю о тех случаях, когда посягают на саму основу и подкапывают фундамент дома, который мы обещали хранить и защищать».

В конце он привел мне замечательное изречение святого Бернарда, которое я с тех пор всегда помню:

«Добрые епископы, — говорит он, — управляют своим времененным достоянием через экономов, а духовным — сами. Дурные же, напротив, своими руками ведут свои временные дела, требуя точного отчета у своих арендаторов и управляющих; а духовное перепоручают своим генеральным викариям, официалам и архидиаконам, не слишком заботясь о том, как те исполняют свои обязанности» (*De Consideratione, Lib. IV.*).

Поистине, если епископы имеют под своим началом настоятелей приходов, которые снимают с них часть духовного попечения о пастве, будучи призваны разделить с ними пастырские заботы, насколько же разумнее было бы для них положиться на верных управителей в ведении своих мирских дел, чтобы посвятить себя молитве, учению, проповеди слова, совершению таинств и другим епископским обязанностям?

Почему бы им не сказать то, что царь говорил Аврааму: *«Отдавай мне людей, а имение возьми себе»?* (Быт. 14:21). Ибо, поистине, душа больше пищи, и тело — одежды (Мф. 6:25).

Глава двенадцатая. О суетливой поспешности

Он был заклятым врагом суетливой поспешности и обыкновенно называл ее язвой благочестия; ибо благочестие есть усердие кроткое и безмятежное, а поспешность — неблагоразумное и бурное кипение, которое разрушает, мня, будто созидает.

Среди всех видов поспешности он наипаче порицал стремление делать несколько дел одновременно. Он называл это попыткой продеть нитку сразу в несколько иголок. Кто берется за два дела разом, не преуспевает ни в одном.

Когда он что-либо делал или занимался чем-либо, то прилагал к делу весь свой дух, словно у него не было иной заботы и словно это было последнее, что ему предстояло совершить в этом мире.

Иногда, видя, как он проводит целые часы с простыми людьми, которые занимали его весьма легковесными вещами, ему пеняли на это. Он же отвечал: «Им-то эти дела кажутся великими, и они желают утешения, словно так оно и есть. Богу известно, что я и не нуждаюсь в занятии более важном. Мне безразлично всякое дело, лишь бы оно относилось к служению Ему. Пока я исполняю эти малые дела, я не обязан творить другие. Да и разве не достаточно великое дело — творить волю Божию?

Совершать малые дела с великим желанием угодить Богу — значит делать их поистине великими, ибо Он ценит наше служение не по превосходству самого дела, но по любви, которая ему сопутствует; любовь же — по чистоте ее, а чистоту — по единству намерения».

Глава тринадцатая. Об ощущении Божественного присутствия

Спрашивают, что надобно делать, когда Бог лишает нас Своих утешений и сладостного ощущения Своего присутствия.

Именно тогда и надобно показать, следуем ли мы за Иисусом Христом ради хлеба, подобно той толпе, что шла за Ним в пустыне, или же имеем сердце достаточно мужественное, чтобы сказать вместе с апостолами: «Пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11:16).

Сколько людей любят Спасителя на горе Фавор, но оставляют Его, когда приходит время следовать за Ним на Голгофу! Ласточки, что бегут от холодных краев невзгод, дабы лететь в теплые края благодеяния!

Знаете ли, что надобно делать, когда Бог отнимает у нас это ощутимое услаждение, эту сладость и это утешение? Надобно благодарить Его как за милость; подобно доблестному воину, который благодарит своего полководца, когда тот посыпает его на опасные и трудные задания, ибо тем самым он выражает уважение к его мужеству, преданности и верности.

Злой дух прекрасно это понимал, когда сказал Богу: «Разве даром богобоязнен Иов?.. Он ведь находит свою выгоду в служении Тебе; подвергни его небольшому испытанию, и увидиши, останется ли он Тебе верен» (ср. Иов 1:9).

И вот он, великий Иов, подвергнут этому суровому испытанию; он пребывает среди волн неподвижным, как скала, и неизменным в своей правоте; и за это все было возвращено ему вдвойне.

Но не следует ли скорее благодарить Бога, когда Он посыпает нам утешения? Да, несомненно; но и когда Он их отнимает — тоже. Дабы говорить с Давидом: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33:2); и с Иовом: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословленно!» (Иов 1:21).

Дитя благодарит мать, когда она дает ему сахар, и плачет, когда она его отнимает, потому что от сахара у него заводятся глисты. Почему малыш благодарит? Потому что он лакомка и любит эту сладость. Почему плачет? Потому что он дитя и не понимает того благодеяния, которое мать ему оказывает, лишая его этой вредной для него пищи. Вот наш истинный портрет.

О, сколь же плохо подражаем мы тем великим святым, из которых один говорил среди утешений: «Удались от меня, Господи!»; другой: «Довольно, Господи, довольно!»; третий: «Это слишком, слишком для смертного!»; а иной, наш блаженный отец: «Удержи, Господи, поток Твоих милостей и Твоих утешений, я утопаю и поглощен ими».

Но как же часто слышится эхо св. Петра, и как много тех, кто говорит подобно ему: «Хорошо нам здесь быть; сделаем здесь три кущи» (Мф. 17:4).

Вы хотите знать, почему я сказал, что надобно благодарить Бога за лишения.

1. Потому что Его надобно благословлять при всяком событии и во всем поклоняться Еgo воле, Его расположениям и велениям Его Провидения.
 2. Потому что Он не делает ничего, что не было бы нам во благо, и даже к лучшему.
 3. Потому что все содействует ко благу тем, кто любит Его и кого Он любит.
 4. Потому что мы — чада Креста и должны радоваться участию в страданиях Господа нашего (ср. 1 Петр. 4:13).
 5. Потому что в оставленности и в духовной сухости у нас больше возможностей засвидетельствовать Богу нашу верность.
 6. Потому что сладость ощутимых утешений обычно порождает червей самодовольства, а это самодовольство порождает гордыню, которая есть яд для души и губительница всякого доброго дела.
 7. Потому что, наконец, в утешениях мы легко обманываемся, и вместо того, чтобы любить Бога утешений, мы тешим себя, лаская и лелея утешения Божии.
- Замечательная уловка заклятого врага нашего спасения.

Завершу я это словами нашего блаженного, которые суть краткое изложение всего, что я вам представил.

«Когда Бог, — говорит он, — порой лишает нас утешений и ощущений Своего присутствия, Он делает это для того, чтобы не ощутимое владело нашим сердцем, но Он один и Его благая воля. Так Он поступил и с той, которая, желая обнять Его и удержать у ног своих, была отослана в иное место: „Не прикасайся ко Мне, — сказал Он ей, — но иди к братьям Моим и скажи им...“ (Ин. 20:17)».

Поистине, Иаков без труда снял кожу, которой мать его покрыла его шею и руки, ибо она не пристала к телу, но если бы кто-то попытался сорвать кожу с Иисуса, это не обошлось бы без боли и крика (ср. Быт. 27), так вот если и мы кричим, лишаясь ощутимых утешений, — это знак, что они приросли к нашему сердцу или наше сердце приросло к ним. Но когда мы переносим это лишение без жалоб, это весьма явный знак, что один лишь Бог есть достояние нашего сердца, и творение не делит его с Ним. О, как блаженна душа, у которой один лишь Бог — Господь и Владыка! (ср. Пс. 143:15, Вульг.).

Глава четырнадцатая. О пользе болезней

Один знатный и весьма богатый человек, который пользовался своим состоянием (чтобы не сказать злоупотреблял им), предаваясь роскоши, пышности и чрезмерным тратам и особенно держа великолепный стол и устраивая пышные пиры, впал в жестокую болезнь, которая привела его на край могилы. Полагали, что недуг этот случился с ним от пресыщения и других подобных излишеств. И вот пришли просить блаженного помолиться о нем, говоря, что он лежит на одре болезни и жестоко страждет.

Блаженный отвечал сдержанно: «Кто некогда смеялся над воздаянием за добрые дела, тот ныне пожинает плоды дел злых. Врачи часто говорили ему, что излишествами он губит свое здоровье. Дай Бог, чтобы утрата телесного здоровья помогла ему обрести здравие душевное, от такой перемены он ничего не потеряет. Бог умеет и разодрать вретище, и утешить сердце истинной радостью спасения, и укрепить его Духом владычественным (ср. Пс. 50:14, Вульг.). Скажите ему, чтобы он уповал: „эта болезнь не к смерти, но к славе Божией“ (Ин. 11:4). Однако же скажите ему и то, что если впредь он не исправит своей жизни, с ним „случится чего хуже“ (Ин. 5:14)».

Слова эти, переданные больному, чудесным образом утешили его; но жало угрозы, сокрытое в сотовом меде, так уязвило его плоть святым страхом, что своим обращением он сделал нашего блаженного пророком. Ибо нравы его так изменились, что те, кто знал его до болезни, не узнали бы его, когда он исцелился.

Исцелившись, он сперва отправился в церковь воздать хвалу Богу, а затем пошел к блаженному, чтобы поблагодарить его за молитвы. Тот сказал ему дружелюбно: «Видите ли, подобные недуги часто посыпаются нам по правосудию Божию, умягченному милосердием, дабы, раз уж мы не несем в должном количестве добровольных покаянных трудов за наши грехи, то понесли бы хотя бы малые, но вынужденные. Блажен же тот, кто умеет извлечь из этого пользу и сделать из нужды добродетель. Не всем Бог дарует такую милость и не всем с такой благостью являет суды Свои. Благодарите же Его за то, что жезл Его удариł вас столь отечески. „Благо вам, что вы были немного унижены, дабы научиться Его уставам, исполненным правды“ (ср. Пс. 118:71, Вульг.)».

Глава пятнадцатая. О том, что желание духовных благ не может быть чрезмерным

Наш блаженный высоко ценил желания и говорил, что от их доброго употребления зависит все возведение нашего духовного здания.

Чтобы достичь великого преуспеяния в божественной любви, в которой и состоит все наше совершенство, надо иметь непрестанное желание любить все сильнее. Надобно уподобиться тем птицам пророка, что летели всегда вперед, никогда не возвращаясь назад (ср. Зах. 5:9), и великому апостолу, который, забывая заднее, простирался вперед, не почитая себя достигшим цели (ср. Флп. 3:13).

Ибо в вещах духовных и в любви священной ничто не должно казаться достаточным, поскольку само довольство здесь состоит в желании еще большего изобилия, — ведь в этом мире любовь всегда может расти, сколь бы великой мы ее себе ни представляли. Состояние же ее полноты и совершенного возраста обретается лишь на Небесах.

О, как высоко ценил он изречение святого Бернарда: «*Amo quia amo, amo ut atem*» — «Я люблю, ибо люблю; люблю, дабы любить» (Проп. 83 на Песнь Песней). Тот недостаточно любит Бога, кто не желает любить Его еще сильнее, чем любит.

Душа, исполненная великого мужества, не довольствуется тем, что любит Еgo всем сердцем своим; ибо, зная, что Он больше ее сердца, она желала бы иметь сердце еще большее, дабы любить Его еще сильнее.

Глава шестнадцатая. Блаженный пресекает вторую жалобу монсеньора де Белле

Однажды я жаловался нашему блаженному на некоторые весьма явные обиды, причиненные мне особами высокой добродетели, и он мне отвечал: «Разве вы не знаете, что пчелы, которые делают мед, жалят больнее всего?»

После чего он возлил на мою рану елей: «Подумайте, — сказал он мне, — кем был предан Иисус Христос. Послушайте, что пророк влагает в Его уста, говоря о ранах на теле Его: «*Эти раны я получил, — говорит Он, — в доме любящих меня*» (ср. Зах. 13:6). Это люди добродетельные, обманутые ложным рвением. Надобно верить, что, как только истина им откроется, они воздадут вам должное. В сутках двадцать четыре часа; на каждый час — своя скорбь. Молите Бога, чтобы Он просветил их очи и избавил вас от *поношения и посрамления* от людей (ср. Пс. 118:22, Вульг.). В конце концов, разве не долг истинного христианина — благословлять проклинающих его, молиться за гонителей своих и воздавать добром за зло, если он хочет быть сыном Отца Небесного, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посыпает дождь на праведных и неправедных?* (Мф. 5:44-45). Наконец, кратко воздыхните перед Богом и скажите Ему: «*Maledicent illi, et tu benedices*» — они проклянут, а Ты благословишь (Пс. 108:28, Вульг.)».

Затем он дал мне весьма спасительный совет, сказав, что жаловаться позволительно лишь тогда, когда обида справедлива, а беда велика и неотложна; в противном же случае жалоба всегда предосудительна, ибо свидетельствует о душе слабой и изнеженной.

По его мнению, истинный служитель Божий жалуется редко, и еще реже ищет жалости от других. Он говорил, что те, кто жалуется другим, чтобы потом услышать от них слова сочувствия, подобны детям, которые, уколов палец, успокаиваются, когда кормилица подует на ранку или сделает вид, что плачет вместе с ними. Между тем мир полон таких соболезнований, и большинство скорбей — лишь наигранная печаль, искусственные и показные страдания. Свидетельством тому — та женщина, что облеклась в глубокий траур по ложному известию о смерти мужа и не захотела снять его, когда ей принесли истинную весть о том, что он жив, говоря, что теперь-то этот траур ей к лицу более, чем прежде.

Все скорби, которые могут с нами приключиться, исчезают, как звезды перед лицом солнца, если взирать на них сквозь крест Иисуса Христа. Ибо какой член осмелится роптать, когда Глава его так скорбит и страждет? Из пучка мирры (ср. Песн. 1:12, Вульг.)

— из горестей Спасителя — составляется лекарство от всех наших бед, и они обращаются во благо через терпение, подобно тому как пчела превращает в сладчайший мед сок тимьяна, который горек до чрезвычайности.

Если же нам недостает мужества и силы, чтобы подавить скорбь внутри себя, и если мы слишком слабы, чтобы последовать совету Апостола, который советует нам страдать с радостью и хвалиться крестами (ср. Рим. 5:3), — от чего весьма далек тот, кто жалуется, — то будем по крайней мере достаточно благоразумны, чтобы изливать наши жалобы в лоно не просто друзей и доверенных лиц, но людей, обладающих духом твердым и решительным. Ибо если они слабы, то, вместо того чтобы нас утешить, они заразятся нашим недугом, и вместо того, чтобы его умалить, смягчить и облегчить, они его лишь усугубят и приумножат, присовокупив к нему и свой собственный.

Беда еще и в том, что скорбь не только горестна и назойлива в своих жалобах, но и нерассудительна: она без разбора выставляет напоказ свои чувства первому встречному, который, если ему нет до нас дела, насмеяется над нашей слабостью, а если и принимает нашу сторону, то лишь удваивает и продлевает нашу беду; ибо сострадание его как масло, подлитое в огонь, которое лишь усиливает пламя, а не гасит его.

Однажды он отвечал женщине, жаловавшейся ему, что муж ее, будучи здоров, покидает ее, чтобы идти на войну, а возвращаясь раненым или больным, становится так несносен, что к нему невозможно и подступиться. «Какой же соус вам по вкусу? — спросил он. — Он не может оставаться с вами, когда здоров, а вы не можете быть рядом с ним, когда он болен. Если бы вы любили друг друга лишь в Боге, вы не были бы подвержены этим превратностям, и любовь ваша была бы всегда ровной — и в разлуке, и в присутствии, и в болезни, и в здравии. Просите у Бога этой милости с неотступностью, ибо иначе мало надежды на ваш душевный покой».

Глава семнадцатая. О том, что покорность, дабы быть совершенной, должна принимать волю Божию со всеми ее обстоятельствами

Блаженный, находясь в Париже в 1619 году, был приглашен к одному знатному вельможе, который сопровождал принцев Савойских в их путешествии в этот город. Вельможа тот впал в болезнь, и столь тяжкую, что врачи не чаяли, что он от нее оправится.

В сем состоянии вельможа пожелал, чтобы наш блаженный был при нем. Муки болезни он сносил с достаточной твердостью, но смущался из-за вещей, того не стоявших. По сему поводу блаженный сказал мне: «О, сколь плачевна немощь человеческая! Этот муж почитается великим воином и государственным деятелем, и весьма рассудительным; однако же вы видите, какими пустяками занят его дух».

Он жаловался не столько на то, что болен и умирает, сколько на то, что болен и умирает вдали от своей страны и дома. Он сокрушался о скорби своей жены, сожалел об отсутствии ее ухода, о том, что не видит детей своих, дабы дать им благословение. То он вздыхал о своем обычном враче, который знал его сложение столько лет. Он заботливо и с великой настойчивостью наказывал, чтобы его не хоронили в Париже, но перевезли тело на родину, дабы упокоить его рядом с предками, и чтобы составили ему такую-то эпитафию, и проводили его с такой-то пышностью, и похороны устроили таким-то образом.

Он жаловался на воздух Парижа, на воду, на лекарства, на врачей, на хирургов, на аптекарей, на слуг, на жилище, на комнату, на постель — на всё. Одним словом, он не мог умереть в мире, потому что умирал не в том месте, где желал бы умереть.

Когда ему говорили, что он имеет всю желаемую помощь, как для тела, так и для души, и что те, об отсутствии коих он сожалеет, своим присутствием лишь увеличили бы его страдания, он на все утешения, какие ему могли предложить, находил крайне странные возражения, лишь усугубляя свою беду и обостряя свою боль, — столь он был изобретателен в самоистязании.

Наконец он умер посреди всех этих терзаний, напутствуемый Святыми Таинствами и вполне покорившийся воле Божией.

По этому поводу блаженный сказал мне: «Недостаточно желать того, чего желает Бог; надо желать этого так, как Он того желает, и со всеми обстоятельствами. Например, в состоянии болезни надо желать быть больным, ибо так угодно Богу, и именно этой болезнью, а не другой, и в таком-то месте, и в такое-то время, и среди таких-то людей, каких желает Бог. Словом, во всем надо принимать за закон пресвятую волю Божию».

О, как блажен тот, кто может сказать Богу из глубины сердца: «*Да, Господи, все, что Тебе будет угодно, и так, как Тебе будет угодно*» (ср. Мф. 11:26)! «*Я раб Твой и сын рабыни Твоей*» (Пс. 115:7, Вульг.); «*Твой я, спаси меня*» (Пс. 118:94, Вульг.); «*не погуби с нечестивыми душу мою*» (Пс. 25:9, Вульг.) и «*дел рук Твоих не презри*» (Пс. 137:8, Вульг.). Вот какой урок я извлек из этого случая.

Глава восемнадцатая. Об обилии утешений блаженного

«Если бы вы знали, — говорил он однажды одной доверенной особе, — как Бог обращается с моим сердцем, вы бы благодарили Его благость и молили бы Его, чтобы Он дал мне дух совета и крепости для исполнения тех вдохновений премудрости и разумения, которые Он мне посыпает».

Мне он довольно часто говорил то же самое, хотя и в других выражениях.

«Увы! — говорил он мне порой. — «*Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!*» (Пс. 72:1), раз уж Он так благ к тем, у кого сердце столь убого, как мое, столь невнимательно к Его милостям и столь привержено земле! О, как милостив Дух Его к? душам, которые любят Его и ищут Его изо всех сил! Поистине, «*имя Твое — как разлитое миро*» (Песн. 1:2). Неудивительно, что столько добрых душ следуют за Ним с таким благовением, то есть бегут с такой быстротой и радостью *на благоухание мастерей Его* (ср. Песн. 1:3). О, сколь великим вещам научает нас помазание Божие, и со светом столь сладостным, что трудно и различить, что приятнее — сладость ли, или свет, и что любезнее — свет ли, или сладость! (ср. 1 Ин. 2:27). Боже мой!

Но порой меня охватывает священный трепет: не вкушаю ли я рай уже на земле? Я, по сути, не знаю, что такое невзгоды. Я никогда не сталкивался с нищетой. Боли, которые я испытывал, — лишь царапины, едва коснувшиеся кожи. Клевета — это кресты из ветра, память о которых исчезает вместе со звуком. Но мало того, что я избавлен от зол; я преисполнен благ, и мирских, и духовных, я утопаю в них; а посреди всего этого остаюсь

бесчувственным в своей неблагодарности. Ах, ради Бога, помогите мне иногда благодарить Его и молить, чтобы я не съел свой лучший кусок хлеба еще при жизни.

Он прекрасно знает мою немощь и слабость, раз обращается со мной, как с дитятей, и дает мне драже с молоком, без более твердой пищи. Когда же Он позволит мне, после того как я столько вдыхал благоухание Его милостей, немного повздыхать под крестом? Ибо, чтобы царствовать с Ним, надобно и страдать с Ним (ср. 2 Тим. 2:12).

Поистине, надобно либо любить Его, либо умереть; или, лучше сказать, надобно умереть, чтобы любить Его, то есть умереть для всякой иной любви, дабы жить лишь Его любовью, и жить лишь для Того, Кто умер, чтобы даровать нам вечную жизнь в объятиях Своей благости.

«О, как же это хорошо — жить лишь в Боге, трудиться лишь в Боге, радоваться лишь в Боге! Отныне, с помощью благодати Божией, я не хочу принадлежать никому, и пусть никто не будет для меня ничем, кроме как в Боге и ради одного лишь Бога. Я надеюсь исполнить это после того, как мужественно смирюсь пред Ним. Жив Бог, и мне кажется, что все для меня теперь — ничто, кроме как в Боге, в Котором и ради Которого я теперь люблю души еще нежнее.

Aх! Когда же эта естественная любовь — рожденная узами крови, влечением к внешней красоте, светскими приличиями, взаимностью, сродством душ и очарованием — очистится и всецело покорится любви чистейшей, любви к одному лишь благоволению Божию? Когда же наше самолюбование перестанет жаждать зримых присутствий, заверений и знаков, но найдет полное успокоение в той неизменной и непреложной уверенности, что дарована ей от Бога в вечности? Ибо что может прибавить земное присутствие к любви, которую сотворил, хранит и поддерживает Сам Бог? Каких заверений в постоянстве можно требовать от союза, который Он Сам заключил? Ни близость, ни разлука никогда не прибавят ничего к несокрушимости той любви, что создана Самим Богом».

Признаюсь вам, что сердце мое, слыша все эти слова из уст нашего блаженного, воспламенялось, подобно сердцам учеников Эммаусских. Ибо разве это не было все равно что бросать мне в лицо раскаленные угли? О, когда же мы будем на Небесах любить неизменно и беспрестанно Того, Кто возлюбил нас любовью вечною и привлек нас к Своей любви, умилосердившись над нами? (ср. Иер. 31:3).

Глава девятнадцатая. О безмятежности среди бури

Легко вести корабль, когда море спокойно и ветер попутный; но не так-то легко посреди вихрей и бурь. Именно здесь и проявляется искусство кормчего.

Души заурядные благоденствуют, когда все идет по их желанию; но истинная добродетель являет себя посреди прекословий.

Чем больше препон встречал наш блаженный, тем безмятежнее он становился; и, подобно пальме, чем сильнее трепали его ветры, тем глубже он пускал корни.

Этот Самсон извлекал мед из пасти львиной и находил мир посреди войны. Подобно трем отрокам, он находил росу в печи, розы — среди шипов, жемчуг — в море, елей — в скале, и сладость — в горчайшей горечи. Бури влекли его к пристани; он извлекал спасение из врагов своих и обретал убежище, как Иона, во чреве китовом.

Вот как он сам об этом говорит:

«С некоторого времени множество препон и тайных прекословий, нарушивших мой покой, даруют мне столь кроткий и сладостный мир, что лучшего и желать нельзя; и они предвещают мне скорое утверждение души моей в Боге, что, поистине, есть не только великое, но и единственное честолюбивое желание и страсть моего сердца».

Глава двадцатая. О тех, кто желает смерти

Вы спрашиваете меня, дозволительно ли желать смерти, дабы более не оскорблять Бога.

Я отвечу вам тем, что некогда слышал по этому поводу от нашего блаженного. «Желать смерти, — говорил он, — всегда опасно, ибо желание это обыкновенно встречается либо у тех, кто достиг высокой степени совершенства, либо у умов меланхолических, а не у людей среднего склада, каковыми мы и являемся.

Ссылаются на Давида, св. Павла и некоторых других святых, имевших такое желание; но было бы дерзостью говорить, как эти святые, не имея их святости. А помышлять, будто обладаешь их святостью, было бы непростительным тщеславием.

Питать такое желание от печали, досады и пресыщения жизнью — это другая крайность, весьма близкая к отчаянию.

Но, говорят, желают смерти ведь для того, чтобы более не оскорблять Бога. Странная то должна быть ненависть ко греху в душе, чтобы внушить ей такое желание, ибо святые желали смерти лишь для того, чтобы наслаждаться Богом и еще более Его прославлять, а не для того, чтобы более Еgo не оскорблять.

И что бы ни говорили, я полагаю, весьма трудно иметь лишь один этот повод для желания смерти; обычно есть и нечто другое, что делает жизнь постылой и тягостной. В конце концов, не столько желание прославить Бога исторгает эти слова — если не из сердца, то по крайней мере с уст, — сколько желание не бесчестить Его и не умалять Его внешней славы нашими прегрешениями.

Кроме того, на что рассчитывает человек, говорящий такое? Попасть в рай? Но чтобы туда попасть, недостаточно не грешить; надобно еще и творить добро, и творить его так, чтобы это было угодно Богу и чтобы за это Он обещал награду.

Попасть в чистилище? Уверяю вас, окажись они на пороге, они бы отреклись от своего желания и молили бы о возвращении в эту жизнь, чтобы провести хоть целый век в суровом покаянии, лишь бы не пребывать и краткого времени в том всепожирающем огне, в том ужасающем жаре.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Глава первая. Блаженный пресекает третью жалобу монсеньора де Белле

Однажды я жаловался нашему блаженному на некое великое и явное оскорбление, которое мне было нанесено.

Он мне отвечал: «Кому-нибудь другому я постарался бы предложить утешительное снадобье; но ваш сан и та чистая любовь, что я к вам питаю, избавляют меня от этой учтивости. У меня нет елея, чтобы возлить на вашу рану; быть может, если бы я посочувствовал вам, это лишь усилило бы воспаление. У меня есть лишь уксус и соль, чтобы посыпать его. В конце вашей жалобы вы сказали: «Надобно иметь изумительное и испытанное терпение, чтобы сносить подобные нападки, не говоря ни слова». Поистине, ваше-то терпение не слишком крепкой закалки, раз уж вы сетуете так громко».

«Но, отче, — возразил я, — ведь я жалуюсь лишь вам на ушко, поверяя это нашему сердцу. К кому же и прибегнуть дитяти, как не к добруму своему отцу, когда его обижают?»

«О, истинное дитя, — сказал он, — доколе ты будешь любить младенчество? Подобает ли отцу других, тому, кому Бог дал сан отца в Своей Церкви, самому впадать в детство? «Когда я был младенцем, — говорит св. Павел, — то... говорил... как младенец» (1 Кор. 13:11); но не тогда, когда стал мужем. Лепет, умильтельный в грудном младенце, непристоен в том, кто уже не дитя. Хотите ли, чтобы вместо твердой пищи я давал вам молоко и кашу и, подобно кормилице, умилялся вашим горестям? Разве зубы ваши недостаточно крепки, чтобы вкушать хлеб, и притом хлеб грубый, хлеб скорби?

Хорошо же вы смотритесь, жалуясь отцу земному, — вы, кому следовало бы сказать своему Отцу Небесному вместе с Давидом: «Я стал нем, не открываю уст моих, потому что Ты сделал это» (Пс. 38:10).

Но ведь это не Бог, скажете вы, это люди, и притом сорище злых.

Так вы, стало быть, не умеете распознавать волю Божию, именуемую попущением, которая пользуется злобой людской, чтобы либо исправить вас, либо упражнять в добродетели? Иов был в этом искуснее, ибо он сказал: «Господь дал, Господь и взял» (Иов 1:21). Он не говорит: «диавол и разбойники»; он взирает лишь на руку Божию, которая творит все сие, пользуясь теми орудиями, какими ей угодно.

Вы весьма далеки от духа того, кто говорил, что жезл и посох, коими Бог его ударял, приносили ему утешение (ср. Пс. 22:4), и что он был, как человек беспомощный, между мертвыми брошенный (ср. Пс. 87:5-6); что он был, как глухой и немой, не отвечая на оскорблении, ему наносимые (ср. Пс. 37:14); что он молчал и смирялся, и удерживался даже от добрых слов, которые могли бы послужить к его оправданию и защите его невинности (ср. Пс. 38:3)».

Но, отче, скажете вы мне, с каких это пор вы стали так суровы и сменили вашу кротость на жестокость, как говорил Иов Богу? «Где прежние милости Твои?» (ср. Иов 30:21; Пс. 88:50).

Поверьте, они так же свежи и новы, как и прежде. Ибо Бог знает, люблю ли я вас, и люблю ли я себя самого больше, чем вас. И упрек, который я вам делаю, — это тот самый упрек, который я сделал бы собственной душе, допусти она подобный промах.

Поистине, раз вы жалуетесь, то это значит, что оскорблении вам не по нраву, ибо мы не имеем охоты жаловаться на приятное событие; напротив, мы тому радуемся и бываем весьма довольны, когда нас с этим поздравляют, — свидетель тому притча об овце и о найденной драхме.

Не сомневайтесь в этом, скажете вы мне.

О, человек маловерия и малого терпения! Увы! Что же станет тогда с нашими евангельскими правилами — о щеке, подставляемой под удар, о рубашке, отдаваемой тому, кто отнимает верхнюю одежду, о блаженстве гонимых, о благословении проклинающих нас, о молитве за гонителей наших, о любви сердечной и крепкой к врагам? Неужели все это, по-вашему, — лишь кабинетные украшения, а не печати Жениха, коими — согласно Его пожеланию — надлежит нам запечатлеть и сердца, и руки, и помыслы, и дела?

Что ж, я прощаю вас, *по снисхождению* (ср. 2 Кор. 12:13), — выражаясь словами апостола, — но с тем условием, что впредь вы будете мужественнее и станете запирать в ларец молчания подобные милости, когда Бог будет вам их посыпать, не давая этому благоуханию выветриться. И будете в сердце своем благодарить за них Отца Небесного, Который благоволит даровать вам малую частицу креста Сына Своего.

Надо же! Вы с удовольствием носите золотой крест на груди, и не можете снести малого креста в сердце, не извергнув его жалобой? А потом взвываете к терпению, когда оно от вас ускользает, и охотно желали бы, чтобы я почел вас терпеливым, слыша ваши сетования, словно величайший подвиг терпения в том, чтобы не мстить, а не в том, чтобы не жаловаться.

Впрочем, мне кажется, вы весьма не правы, призывая столь великого духа, как терпение, из-за обиды, на которую сетуете. Это слишком могучий заступник в столь ничтожном поединке; довольно было бы, если бы вам на помощь пришли немногого скромности и молчания».

Так он и отоспал меня, посрамленного, но это поражение так меня укрепило, что, выходя от него, я чувствовал, будто все оскорблении мира не исторгли бы из уст моих ни единого слова.

То же самое он повторяет и в одном из своих писем:

«Ничто, — говорит он, — не может даровать нам большего спокойствия в этом мире, чем частые размышления о скорбях, нуждах, унижениях, клевете, оскорблений и поношениях, которые претерпел Господь наш от Своего рождения до Своей мучительной смерти. Взирая на такое множество горестей, не ошибаемся ли мы, называя невзгодами, скорбями и обидами те мелкие неприятности, что случаются с нами? Не стыдно ли нам, говорю я, просить у Него терпения для столь ничтожных невзгод? Ведь одной малой капли скромности было бы достаточно, чтобы мирно снести те оскорблении, которые нам якобы наносят».

Глава вторая. О добрых склонностях

«Если вы, — говорит наш блаженный, — обладаете добрыми природными склонностями, помните, что это — блага, в управлении которыми вам предстоит дать отчет. Посему имейте великое попечение о том, чтобы употребить их на служение Тому, Кто вам их даровал. Привейте к этим дичкам черенки вечной любви, которые Бог готов вам дать, если вы через совершенное отречение от себя приготовитесь их принять».

Есть люди, которые от природы склонны и расположены к некоторым добродетелям, таким как трезвость, скромность, милосердие, смирение, терпение, молчаливость и тому подобным; и, лишь немного потрудившись над ними, они достигают в них заметного преуспеяния.

Языческие философы прославились в делании многих нравственных добродетелей. Ибо стяжение их находится в пределах наших естественных сил, и в нашей власти преуспевать в этих навыках, упражняясь в них через часто повторяемые дела.

И как в обучении некоторым искусствам весьма способствует расположение тела, так и для преуспеяния в добродетелях приобретенных и нравственных великое преимущество дает расположение духа. Но что пользы христианину в стяжании всех нравственных добродетелей, если он погубит свою душу, то есть если все эти добродетели не будут одушевлены и оживотворены благодатью и любовью? Все это, говорит апостол, нисколько не служит для Царства Небесного (ср. 1 Кор. 13:1-3).

Глава третья. Можно быть набожным и весьма злым

«Не заблуждайтесь, — сказал он мне однажды, — можно быть набожным и весьма злым». «Такие люди, — возразил я, — не набожны, а лицемерны». «Нет, нет, — отвечал он, — я говорю об истинной набожности».

Поскольку я не мог разгадать эту загадку, я умолил его мне ее объяснить.

«Набожность по своей сути и природе, — сказал он, — есть лишь добродетель нравственная и приобретенная, а не божественная и влитая; иначе она была бы богословской, а это не так. Итак, это добродетель, подчиненная той, что именуется благочестием; а некоторые говорят, что это лишь один из ее актов; подобно тому как само благочестие есть добродетель, подчиненная одной из четырех кардинальных добродетелей, именуемой справедливостью (ср. Св. Фома, II-II, вопр. 81, ст. 5).

Вы ведь знаете, что все нравственные добродетели, и даже вера и надежда, которые суть добродетели богословские, совместимы со смертным грехом; и в этом случае они становятся бесформенными и мертвыми, будучи лишены любви, которая есть их форма, их душа и их жизнь.

Ибо если можно иметь веру до такой степени, чтобы *переставлять горы*, но не иметь любви (ср. 1 Кор. 13:2); если можно быть истинным пророком и злым человеком, как были Саул, Валаам и Каиафа; если можно творить чудеса, как, по преданию, творил Иуда,

и быть злым, как он; если можно *раздать все имение свое и претерпеть мученичество огненное*, не имея любви, — то насколько же легче можно быть набожным, и весьма набожным, и при этом злым, и весьма злым, поскольку набожность по природе своей есть добродетель менее ценная, чем те, что мы только что перечислили.

Посему не следует вам удивляться, что я сказал, будто можно быть весьма набожным и весьма злым, раз уж можно иметь веру, милосердие, терпение и стойкость до той степени, о какой я говорил, и при этом быть одержимым и испорченным многими главными пороками, такими как гордыня, зависть, ненависть, невоздержание и тому подобными.

«Каков же тогда истинно набожный человек?!» — воскликнул я.

Он молвил в ответ: «Я говорю, что и с этими пороками можно быть истинно набожным и иметь истинную набожность, хотя и мертвую».

Я возразил: «Но разве мертвая набожность — это истинная набожность?» «Да, истинная, — как мертвое тело есть истинное тело, хотя оно и лишено души». «Но, — сказал я, — это истинное тело не есть истинный человек».

«Это, — отвечал он, — не истинный человек, во всей его целостности и совершенстве; но это истинное тело человека, и тело истинного человека, однако же мертвое. Так и набожность без любви есть истинная набожность, но мертвая. Она есть истинная набожность мертвая и бесформенная, но не истинная набожность живая и оформленная.

Любовью человек делается добрым, а набожностью — набожным. Утрачивая любовь, он теряет первое качество, становясь злым, но не второе; потому я и сказал вам, что можно быть набожным и злым, ибо через смертный грех не утрачиваются все приобретенные навыки, и даже вера и надежда, — если только не совершаются прямые акты неверия и отчаяния».

Наш блаженный учит тому же в первой главе своего «Введения в благочестивую жизнь».

Глава четвертая. О набожности и о призвании

Одно из великих правил нашего блаженного гласило, что та набожность, которая не просто шла вразрез с законным призванием каждого, но даже и не сообразовалась с ним, была, без сомнения, ложной набожностью.

Он шел дальше и утверждал, что она приличествует всякому призванию и подобна жидкости, принимающей форму сосуда, в который ее вливают.

Но что значит быть набожным в своем призвании?

Это значит исполнять все обязанности и служения, к которым обязывает нас положение, с усердием, ревностью и радостью, ради чести и любви Божией и во славу Еgo. Само это служение относится к добродетели благочестия; живость же и рвение в нем — от набожности, а любовь — от самой Любви. Действовать так — значит быть совершенно набожным в своем призвании и служить Богу из любви, так, как Он того желает. Это значит быть по сердцу Его и ходить по воле Его.

Святой Фома, вслед за святым Августином, выделяет три разряда людей, пребывающих в набожности, одушевленной любовью: начинающих, преуспевающих и совершенных (ср. св. Фома, II-II, вопр. 82, ст. 1; вопр. 183, ст. 2).

Первые — это те, кто воздерживается от греха, отражает искушения и совершает внутренние и внешние подвиги самообуздания, а также упражнения в добродетели, но с трудом и усилием.

Вторые — это те, кто упражняется в том же с большей легкостью, то есть почти или совсем без усилия, словно бегут по пути Господню с открытым сердцем.

Трети, и последние, — это те, кто совершает то же самое с радостью, ликованием и крайним удовлетворением.

Первые действуют для Бога с некоторой тяжеловесностью; вторые — живее; трети же бегут и летят с удовольствием и ликованием.

«Любовь и набожность, — говорит он, — отличаются друг от друга не более, чем пламя от огня. Ибо любовь, будучи духовным огнем, когда сильно воспламеняется, именуется набожностью; так что набожность не прибавляет к огню любви ничего, кроме пламени, которое делает любовь ретивой, деятельной и усердной не только в соблюдении заповедей Божиих, но и в исполнении советов и небесных вдохновений» (Введение в благочестивую жизнь, ч. 1, гл. 1).

Глава пятая. О внутреннем сосредоточении и о вздоханиях

Он называл внутреннее сосредоточение собиранием всех сил души в сердце, чтобы там беседовать с Богом, один на один и сердцем к сердцу; и говорил, что это возможно делать в любом месте и в любое время, и ни общество, ни занятия не могут помешать этому уединению.

Эти частые взоры, обращенные то на Бога, то на нас самих, — или на Бога в нас и на нас в Боге, — чудесным образом удерживают в исполнении долга и не дают нам пасть, или же помогают быстро восставать от наших падений.

Вздыхания — это вознесения ума к Богу, словно порывы нашей души, которые устремляются прямо к сердцу Божию и священным образом уязвляют его, как сказано в Песни Песней (ср. Песн. 4:9).

Наш блаженный желал, чтобы эти два упражнения стали для нас так же часты и привычны, как вдох и выдох. Он говорил, что все духовные упражнения без внутреннего сосредоточения и вздоханий — это всесожжения без туха, небо без звезд и дерево без листвьев.

Когда из-за необходимых занятий случалось упустить возможность совершить мысленную или словесную молитву, он предлагал возместить этот урон более частыми актами сосредоточения и более частыми вздоханиями; и он уверял, что этим восполняются все потери и можно достичь великого преуспеяния в добродетели.

Глава шестая. О братствах

Он советовал обращавшимся к нему за наставлением вступать во все братства, какие только найдутся в их краях, дабы иметь участие во всех добрых дела, которые в них творятся.

Он успокаивал их, развеивая ложный страх согрешить, если они не исполнят некие благочестивые упражнения, которые уставами этих братств скорее советуются, нежели предписываются.

«Ибо, — говорил он, — если даже некоторые правила монашеских орденов не обязывают под страхом греха, ни смертного, ни простительного, то сколь же менее обязывают уставы братств!¹ То, что советуется в братствах, — лишь наставление, а не заповедь. Тем, кто следует ему, даруются индульгенции, которых лишаются те, кто ему не следует; однако упущение это совершенно безгрешно.

Можно многое приобрести и нечего терять».

Он дивился, что так мало людей в них вступают. Он добавлял, что тому виной два рода людей: одни, по щепетильности совести, боятся возложить на себя иго, которого не смогут понести; другие же, по недостатку благочестия, называют лицемерами тех, кто в братства вступает.

¹ Аллюзия на учение св. Фомы Аквинского, который различает заповедь (*praeceptum*) и совет (*consilium*). Нарушение заповеди есть грех, тогда как неисполнение совета — лишь упущение возможности совершить более совершенное дело (ср. *Summa Theologiae*, I-II, q. 108, art. 4).

Глава седьмая. О любви к слову Божию

Он говорил, что среди признаков предопределения один из вернейших — это любовь к слушанию слова Божия. «Кто от Бога, — сказал Иисус Христос, — тот слушает слова Божии» (Ин. 8:47); и кто любит Бога, тот любит слово Его и хранит его в сердце своем. Слышать голос своего Пастыря (ср. Ин. 10:4-5) — это признак доброй овцы, которой предстоит однажды стать одесную и услышать приговор: «Приидите, благословенные Отца Моего» (Мф. 25:34).

Но он не желал, чтобы мы были лишь тщетными и бесполезными слушателями этого слова. Он хотел, чтобы мы претворяли его в жизнь (ср. Иак. 1:22). И говорил, что Бог расположен исполнять наши молитвы в той мере, в какой мы стараемся исполнять то, что Он предлагает нам устами посланников Своей воли. Ибо как мы просим Его в Молитве Господней простить нам наши прегрешения, как и мы прощаем обидевшим нас, так и Он

готов исполнить то, чего мы желаем от Него в молитве, если мы будем скоры в исполнении того, чего Он требует от нас через слово Свое.

Глава восьмая. О духовном чтении

Он советовал прибегать к нему, как к пище для души, которая сопровождает нас повсюду и во всякое время и которой мы никогда не можем лишиться; тогда как проповеди, духовные наставники и руководители доступны нам не всегда, да и память наша не всегда способна в нужный момент воспроизвести то, что мы слышали в поучениях и увещаниях, как общих, так и частных.

Он советовал запасаться благочестивыми книгами, уподобляя их искрам, возжигающим святую любовь, и не проводить одного дня без обращения к ним. Он хотел, чтобы их читали с великим почтением и благоговением, относясь к ним, как к посланиям, которые святые отправили нам с Небес, дабы указать нам путь и придать мужества следовать по нему.

Надобно признать, что нет более надежных наставников, чем эти усопшие, которые столь живо говорят с нами в своих писаниях. Большинство из них были толкователями воли Божией и Его посланниками в проповеди Его слова; они раздавали хлеб малым сим, и уста их служили им перьями, а после их смерти перья их служат им устами, коими они и поныне вещают нам.

Если же мы встречаем в их книгах места темные или трудные, то можем испросить их разъяснения и истолкования у кого-либо способного и опытного. Так усопшие окажут нам великую помощь в устроении нашей жизни в служении Богу и на пути ко спасению.

Он весьма советовал читать жития святых, говоря, что это — Евангелие, претворенное в жизнь. Самое малое, что остается от этого чтения, — это сильное влечение к благочестию, при условии, что читают со смирением и желанием подражать этим святым.

С этим чтением происходит то же, что и с манной, которая имела тот вкус, какого желал вкушающий (ср. Прем. 16:20-21). Из такого множества разных цветов легко, подобно трудолюбивым пчелам, извлечь мед превосходного благочестия.

Хотя проявления Духа Божия в душах не менее многообразны, чем черты наших лиц, в деяниях святых мы всегда найдем образец для подражания или, по меньшей мере, повод для восхищения благодатью Божией, сотворившей в них и через них столь великое.

И даже если от этого чтения в нас останется лишь одно восхищение, не будет ли и это превосходным способом восхвалять Бога и деяния Его благодати?

Глава девятая. О Покаянии и Евхаристии

Говоря об этих двух Таинствах, он имел обыкновение называть их двумя полюсами христианской жизни. Через первое, говорил он, мы отрекаемся от всякого греха,

истребляем все пороки, преодолеваем все искушения и *совлекаемся ветхого человека* (ср. Еф. 4:22). Через второе же мы облекаемся в нового, который есть Иисус Христос, дабы ходить в праведности и святости, восходя от добродетели к добродетели к горе совершенства.

Он весьма хвалил мысль святого Бернарда, который советовал своим инокам приписывать частому приобщению к сему Таинству жизни все победы, одерживаемые ими над пороками, и всякое преуспеяние в добродетели, говоря, что именно здесь они с радостью черпают из источников Спасителя (ср. Ис. 12:3).

Он говорил, что те, кто ищет предлогов, чтобы уклониться от частого причащения, подобны тем званым из притчи, которые, хотя и привели, казалось бы, уважительные причины для отказа, навлекли на себя гнев отца семейства (ср. Лк. 14:16-24).

Одни говорят, что они недостаточно совершенны; но как же они станут совершенными, если удаляются от источника всякого совершенства? Другие — что они слишком хрупки; а ведь это хлеб сильных. Третьи — что они немощны; а ведь это Врач. Иные — что они недостойны; но разве Церковь не влагает в уста даже самым святым эти слова: «Господи, я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой»? (Мф. 8:8). Иные говорят, что обременены делами; а ведь это Он взвывает: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Другие — что боятся принять Его себе в осуждение; но не должны ли они бояться быть осужденными за то, что *не принимают Еgo?* Иные — что уклоняются по смирению; но часто это ложное смирение, подобное смирению Ахаза, который под предлогом страха искушать Бога противился славе Его (ср. Ис. 7:12).

И как можно научиться достойно принимать Иисуса Христа, если не принимая Его, подобно тому как всякому доброму делу учатся, творя его?

Глава десятая. Истинная набожность заключается в исполнении обязанностей своего звания

Наш блаженный имел обыкновение порицать одно весьма распространенное заблуждение, свойственное людям, особо ревнующим о благочестии: они нередко усердствуют в добродетелях, наименее приличествующих их званию, пренебрегая при этом теми, что ему более соответствуют. «Заблуждение это, — говорил он, — происходит от весьма обыкновенного отвращения, которое большинство людей испытывает к обязанностям, налагаемым на них их положением».

Подобно тому как в монастыри мало-помалу проникает расслабление, когда насельники их желают довольствоватьсь добродетелями, принятыми в миру, так и в частных семействах случается не меньшая смута, когда неблагоразумная и нерассудительная набожность пытается ввести в них порядки обители.

Есть люди, которые, желая похвалить некий дом в миру, говорят: «Это настоящий монастырь, здесь живут, как в обители», — не помышляя, что это все равно что желать собирать смоквы с терновника или виноград с репейника (ср. Мф. 7:16).

Не то чтобы эти упражнения не были добры и святы сами по себе, но надобно принимать во внимание обстоятельства места, времени, лиц и званий. Любовь, лишенная порядка,

уже не любовь; она как рыба, извлеченная из воды, или как дерево, пересаженное в неподходящую для него почву.

Эту неуравновешенность духа, столь неразумную и нерассудительную, он сравнивал с прихотями лакомок, которые желают, чтобы им подавали свежие вишни на Рождество, а лед в августе, и не довольствуются тем, чтобы вкушать все в свое время.

Таким взбалмошным умам, говорил он, скорее требуется очищение, нежели увещание.

Глава одиннадцатая. О том, как он судил о добродетелях

1. Он отдавал предпочтение тем добродетелям, упражнение в которых было более частым, общим и повседневным, перед теми, что являли себя в делах более редких.
2. Он просил не судить о сверхъестественном величии или малости добродетели по ее внешнему проявлению, ибо и добродетель, с виду малая, может быть исполнена великой благодати и любви, а более блистательная весьма мало содержать любви к Богу, которая, однако же, есть мерило и залог их истинной ценности пред Ним.
3. Он предпочитал добродетели более общие тем, что были более ограничены, всегда делая исключение для любви. Например, он ценил выше молитву, которая есть светильник для всех прочих; набожность, которая посвящает все наши дела служению Богу; смирение, которое побуждает нас иметь низкое мнение о себе и своих делах; кротость, которая учит нас уступать всем; терпение, которое помогает нам все сносить, и ценил их выше, чем великодушие, величие дел и щедрость, ибо последние обращены на меньшее число предметов и имеют меньший охват.
4. К добродетелям блистательным он относился с некоторой подозрительностью, ибо, говорил он, своим блеском они открывают легкий доступ тщеславию, которое есть истинный яд для добродетелей.
5. Он порицал тех, кто ценит добродетели лишь по тому, как их хвалит толпа, дурной судья в таких вещах. Так, они предпочитают милостыню телесную — духовной; власяницу, пост и телесные подвиги — кротости, скромности и усмирению чувств, которые воистину несравненно превосходнее.
6. Он также порицал тех, кто желал упражняться лишь в добродетелях, которые были им по вкусу, не заботясь о тех, что имели более прямое отношение к их служению и их долгу; служа Богу на свой лад, а не по Его воле. Злоупотребление это столь распространено, что можно видеть, как бесчисленное множество людей, даже набожных, впадают в него.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Глава первая. Кто жалуется, тот грешит

Одно из обычных изречений нашего блаженного гласило: «Кто жалуется, тот грешит». Вы желаете знать, как он это понимал, и не дозволено ли жаловаться в суде, дабы отстоять свое право пред лицом нанесенной обиды, или же нельзя пожаловаться на болезнь и поведать о своем недуге врачу, дабы получить от него облегчение.

Толковать это изречение столь сурово было бы чрезмерной строгостью. Он имел в виду те жалобы, что близки к ропоту, и говорил, что обыкновенно те, кто жалуется таким образом, грешат, ибо наше самолюбование имеет то несправедливое свойство, что всегда преувеличивает нанесенные нам обиды, прибегая к чрезмерным выражениям для описания довольно легких оскорблений, которые мы сочли бы малостью, нанеси мы их другому.

Не то чтобы он считал дурным спокойно, мирно и бесстрастно отстаивать в суде свое право, когда наносится ущерб имуществу, телу или чести. Но человеческая немощь такова, что трудно даже перед лицом правосудия удержать свой дух в узде и сохранить необходимое хладнокровие, отчего и родилась пословица: «В ста фунтах тяжбы не найдется и унции любви».

Он также советовал при болезни сообщать о своем недуге только тем, кто может принести облегчение, ибо такова воля Божия, Который сотворил врачевание и повелел почитать врача.

Помимо этих случаев, связанных с правосудием и болезнью, он почитал жалобы не только бесполезными, но и, как правило, несправедливыми. Ибо тому, кто обижен и страдает, чрезвычайно трудно, жалуясь, не преступить границ истини и справедливости. Ведь, происходят ли наши беды от причин невинных или от злой воли, всегда надобно взирать на причину первую, которая есть воля Божия, пользующаяся и теми, и другими — первыми по прямому соизволению, вторыми же по попущению, — дабы либо исправить нас, либо дать нам возрасти в добродетели. Так что жалобы, которые мы изрекаем, всегда некоторым образом обращаются против Бога.

Многие, кто ухаживал за нашим блаженным во время его многочисленных болезней, и даже при его кончине, говорили мне, что никогда не слышали от него ни единой жалобы. Он просто говорил о своем недуге так, как его ощущал, не преувеличивая и не преуменьшая, и полностью полагался на предписания врачей, принимая без прекословия все, что ему давали, не только мужественно, но и с некоторым проявлением радости.

Глава вторая. О благом употреблении обид

Он говорил, что время обид и оскорблений — это жатва добродетелей, ибо в этот час множество их собирается, дабы принять участие в деле и явить себя.

1. Справедливость: ибо кто из нас не грешит? И, следовательно, кто не достоин исправления? Если вас оскорбили, помыслите, сколько раз вы оскорбляли Бога, и сколь справедливо, чтобы творения наказали вас, будучи орудиями Его правосудия.

2. Если обвинение справедливо, надобно просто признать свою вину, испросить прощения у Бога и у людей и поблагодарить того, кто на нее указал, даже если сделано это было нелюбезно. Вспомним, что и лекарства, будучи неприятны на вкус, приносят спасительное действие.
3. Если обвинение ложно, надобно спокойно и без волнения засвидетельствовать истину, ибо мы обязаны этим и самой этой добродетели, и назиданию ближнего, для которого наше молчание может послужить соблазном, будучи воспринято как молчаливое признание.
4. Если же, сделав это, мы видим, что нас продолжают обвинять, не следует более защищаться, но надобно дать место гневу [Божию] (ср. Рим. 12:19), упражняясь в терпении, молчании и скромности.
5. Благоразумие также принимает здесь участие, ибо оскорблении, которыми пренебрегают, исчезают. Если же вы гневно им противостоите, вы словно бы признаете их справедливость.
6. За благоразумием следует рассудительность, дабы явить свое действие, которое есть умеренность.
7. Мужество и величие духа — в одолении самого себя.
8. Воздержание, держащее в узде страсти, дабы они не вырвались на волю.
9. Смирение, ибо ему свойственно не только познавать, но и любить свое унижение.
10. И сама вера, которая, по слову св. Павла, *заграждала уста львов* (ср. Евр. 11:33) и которая побуждает нас взирать на Иисуса Христа, «начальника и совершиителя веры», обремененного поношениями и бесчестием и посреди всего этого ставшего, *как глухой и немой, не имеющий в устах своих ответа* (ср. Евр. 12:2; Пс. 37:14-15).
11. Надежда, которая побуждает нас ожидать *венца нетленного* (ср. 1 Кор. 9:25) за *кратковременное легкое страдание*, которое мы претерпеваем (ср. 2 Кор. 4:17).
12. Наконец, любовь, которая *долготерпит, милосердствует, кротка, благосклонна и любезна, всему верит, всего надеется, все переносит* (ср. 1 Кор. 13:4, 7).

О, с какой любовью мы принимали бы обиды и оскорблении, нам наносимые, если бы усердно заботились о своем спасении! И сколь драгоценны были бы для нас эти случаи, раз уж они дают нам возможность упражняться одновременно в стольких делах, угодных Богу!

Глава третья. Ответ блаженного, когда он узнавал, что о нем говорят дурное

Случалось, нашему блаженному доносили, что некие люди злословят его и говорят о нем странные вещи; ибо нет солнца столь высокого, чтобы оно не отбрасывало тени, ни добродетели столь выдающейся, чтобы она не подвергалась клевете.

И вместо того чтобы оправдываться и защищаться, он с кротостью говорил: «Только это и говорят? О! Поистине, они не все знают. Они мне льстят, они меня щадят; я прекрасно вижу, что они питают ко мне более жалости, нежели зависти, и желают, чтобы я был лучше, чем я есть. Что ж, да будет благословен Бог, надобно исправляться. Если я не заслуживаю упрека в этом, то заслуживаю его в ином; и то, что меня укоряют так мягко, — это поистине милость».

Когда же его начинали защищать, говоря, что все это ложь, он отвечал: «Что ж, пусть это послужит мне предостережением, чтобы я не сделал эту ложь правдой. Разве не милость мне оказываю, предупреждая, чтобы я обошел этот подводный камень?»

Когда он видел, что кто-то негодует на злословящих, он говорил: «Увы! Разве я давал вам доверенность гневаться за меня? Оставьте их говорить; это лишь крест из слов, скорбь от дуновения ветра, память о которой исчезает вместе со звуком. Только сущий неженка не в силах снести жужжания муhi. Кто сказал нам, что мы безупречны? Возможно, они видят мои недостатки лучше, чем я сам или те, кто меня любит. Мы часто называем злословием правду, когда она нам не по нраву».

Какой вред нам причиняют, когда имеют о нас дурное мнение? Разве мы не должны сами иметь о себе такое же? Такие люди не противники наши, но союзники, ибо они вместе с нами трудятся над разрушением нашего самолюбования. Зачем же гневаться на тех, кто приходит нам на помощь в борьбе со столь могущественным врагом?

Так он посмеивался над клеветой и оскорбленийми, полагая, что для противостояния им достаточно молчания или скромности, и не стоит призывать на помощь терпение из-за такого пустяка.

См. «Введение в благочестивую жизнь» (Филотея), ч. 3, гл. 5.

Глава четвертая. О терпении в клевете

Слова божественного апостола были ему чрезвычайно по сердцу, и он весьма часто их повторял: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]» (Рим. 12:19). Пушечные ядра вязнут в шерсти, тогда как сокрушают все, что им противится. *Краткое слово отвращает гнев* (ср. Притч. 15:1), как вода гасит огонь. Ничто так скоро не усмиряет разъяренного слона, как вид маленького ягненка; и медведь бежит от кошки.

Обладание землею обещано Иисусом Христом тем, кто кроток, терпелив и незлобив (ср. Мф. 5:5), ибо своей кротостью они делаются владыками и обладателями всех сердец. И как те, кто кроток, легко исполняют волю других, так и другие легко сообразуются с их волей.

Главным его советом в случае тяжкой клеветы было взирать на Спасителя, умирающего, как разбойник, на кресте посреди двух воров. «Вот, — говорил он, — медный змий, лишенный яда, один взгляд на которого исцеляет нас от укуса и мук клеветы. Пред лицом этого великого примера страданий мы устыдимся жаловаться, и тем более — питать злобу к клеветникам».

«Но если, никак не возражая [на клеветнические обвинения] и терпеливо снося [их], мы кого-то соблазним¹?»

На это есть ответ: спокойно противопоставив истину клевете, можно пребывать в покое, зная, что есть большая разница между соблазном действующим и соблазном претерпеваемым. Первое свойственно злым, второе — немощным. Злые подают первый своим порочным поведением; самые же добродетельные люди могут подать второй, сами того не желая, через преступления, должно им приписываемые. Так, Господь наш назван

камнем преткновения (ср. 1 Пет. 2:8), и Сам Он говорил Своим ученикам, что они *соблазняются о Нем* в ночь Его страстей (ср. Мф. 26:31).

Господь наш сказал также Своим апостолам: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и... всячески неправедно злословить за Меня... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:11-12).

Это не значит, что мы не можем прибегать к молитве, прося Бога отвратить от нас этот бич. Так, Давид молил Его, чтобы Он избавил душу его *от уст лживых и языка лукавого* (ср. Пс. 119:2) и *от поношения и посрамления*, дабы он мог с большей легкостью хранить заповеди Еgo (ср. Пс. 118:22).

Тот, кто может сохранить мир в сердце посреди бури клеветы, достиг великого преуспеяния на пути к совершенству.

¹ Соблазн (греч. σκάνδαλον, skandalon — «камень преткновения», «ловушка») в христианской аскетике — это любое действие, слово или даже бездействие, которое может стать для другого человека поводом к греху, сомнению или ослаблению в вере. Автор далее различает «себлазн действующий» (когда злой умысел подает повод ко греху) и «себлазн претерпеваемый» (когда немощный в вере соблазняется о поступке невинном).

Глава пятая. Как следует говорить о Боге

Блаженный рассуждал по этому поводу так:

«Никогда не следует говорить о Боге и о вещах, относящихся к Его почитанию, то есть к религии, кое-как, ради одного лишь разговора и времяпрепровождения; но всегда — с великим почтением, великим уважением и великим чувством».

Говорил он и так:

«Говорите всегда о Боге, как о Боге, то есть с благоговением и благочестием, не корча из себя ни знатока, ни проповеднику, но с духом кротости, любви и смирения» (Филотея, ч. 3, гл. 26).

Первый совет относится к тем, кто говорит о предметах веры, как о любой другой теме для беседы, не принимая во внимание ни времени, ни места, ни слушателей, и без всякого иного намерения, кроме как поболтать и скротать время. Об этом бедствии сокрушался еще в свое время св. Иероним, говоря, что во всех искусствах и науках есть свои знатоки, и лишь им одним подобает говорить о том как наставникам; и только Священное Писание и богословие, которое есть корень всех наук, подвергаются столь недостойному обращению, что о них решают судить за столом — не только в частных домах, но даже и в кабаках. Ветреный юнец, невежественный ремесленник, выживший из ума старик — всякий простой люд норовит высказать свое мнение о высочайших тайнах веры.

Второй совет — для тех, кто в беседах желает казаться ученым и прослыть весьма сведущим в благочестии и в мистическом богословии, отстаивая свои мнения с пылом,

досадой, язвительностью, раздражением, упрямством и гордыней. Они шумят больше тех, чьи доводы основательнее, но у кого нет ни столь упрямой головы, ни столь зычного голоса, словно громкий крик может прибавить веса рассуждению.

Посему блаженный заключал, говоря:

«Итак, никогда не говорите о Боге и о набожности ни для проформы, ни ради поддержания беседы, но всегда со вниманием и благоговением. Я говорю это, чтобы избавить вас от одной примечательной формы тщеславия, что встречается у многих, ревнующих о благочестии. Они по любому поводу изрекают святые и пламенные слова как поговорку, совершенно о них не помышляя; а произнеся их, воображают, будто и сами таковы, какими слова их кажутся, а это вовсе не так».

Глава шестая. О насмешничестве

Когда он слышал, как в обществе над кем-то насмехаются, он показывал всем своим видом, что разговор ему неприятен, и заводил речь о другом, чтобы перенаправить беседу. А когда и это не помогало, он вставал и говорил: «Довольно терзать этого доброго человека, это уже переходит все границы. Кто дал нам право развлекаться за счет других? Хотели бы мы, чтобы с нами обращались так же и препарировали наши жалкие недостатки бритвой языка? Сносить ближнего и его несовершенства — это великое совершенство, а кромсать их так насмешками — великое несовершенство».

«Он говорил по этому поводу, что одно из наихудших свойств, какими может обладать дух, — это насмешливость; Бог чрезвычайно ненавидит этот порок и посыпает за него суровые кары» (Филотея, ч. 3, гл. 26).

Однажды одна девица в его присутствии забавлялась насмешками над другой, которая не была красива, и потешалась над некоторыми природными недостатками, с которыми та родилась. И после того как он кротко сказал ей, что это *Бог сотворил нас, а не мы сами* (ср. Пс. 99:3), и что *дела Божии совершенны* (ср. Втор. 32:4), другая принялась еще пуще насмехаться над его словами. Тогда он промолвил: «Поверьте мне, душа у нее прямее, прекраснее и лучше сложена. И удовольствуйтесь тем, что я это хорошо знаю». И так заставил ее умолкнуть.

В другой раз в его присутствии смеялись над одним отсутствующим человеком, у которого был совершенно обезображеный стан, ибо он был горбат и спереди, и сзади. Блаженный тотчас же вступился за него и привел то же слово из Писания, что дела Божии совершенны. «Как же совершенны, — возразил собеседник, — при столь несовершенном стане?» Блаженный отвечал с изрядным изяществом: «Ох! Неужели вы думаете, что не бывает совершенных горбунов, так же как и людей совершенно прямых?» Когда же его попросили объяснить, о каком совершенстве он говорит, о внутреннем или о внешнем, он сказал: «Довольно того, что сказанное мною — правда. Поговорим о чем-нибудь лучшем».

Глава седьмая. О неосуждении ближнего

Человек видит лишь внешнее, а Бог один — внутреннее. Ему одному дано испытывать сердца и ведать помышления (ср. 1 Цар. 16:7; Пс. 7:10). Наш блаженный говорил по этому поводу, что душа ближнего — это древо познания добра и зла, к которому запрещено прикасаться под страхом наказания, ибо суд над ней Бог оставил за Собой.

Блаженный подмечал одно весьма обыкновенное для людей душевное нестроение: они от природы склонны судить о том, чего не знают, то есть о внутреннем мире ближнего, и избегают судить о том, что знают или, по крайней мере, должны знать, то есть о своем собственном внутреннем мире. Первое им запрещено, а второе — предписано.

В этом они подобны той женщине, которая всю жизнь делала все наперекор тому, что велел ей муж. Когда она утонула в реке, ее мужа упрекнули в том, что он ищет ее тело против течения. Неужели вы думаете, сказал он, что смерть излечила ее от духа противоречия?

Спрашивают, запрещено ли иметь подозрения, основанные на веских и сильных предположениях. Ответ — нет, ибо подозревать — это еще не судить, но лишь путь к суждению. Но надобно весьма осторегаться, чтобы не поддаться ложным признакам и на основании их не вынести поспешного суждения; и вот тот подводный камень, о который столь многие разбиваются, впадая в грех опрометчивого осуждения.

Чтобы избежать этого нестроения, наш блаженный давал превосходное правило:

«Если у поступка может быть сто лиц, всегда смотри на самое прекрасное из них. Если нельзя оправдать сам поступок, можно смягчить его, оправдав намерение. Если же и намерение нельзя оправдать, надобно списать вину на силу искушения, или на неведение, или на внезапность, или на немощь человеческую, дабы постараться умалить по крайней мере соблазн» (Филотея, ч. 3, гл. 28).

Наконец, те, кто усердно заботится о своей совести, говорит наш блаженный, редко впадают в грех опрометчивого осуждения. Разбирать поступки других — удел души праздной и мало занятой собою. Как превосходно сказал один древний автор: «Порода людей, любопытных до чужой жизни, весьма нерадива в исправлении собственных недостатков» (Augustinus Hippo, Conf., 10.3).

Глава восьмая. О злословии

Наш блаженный обыкновенно говорил, что кто искоренил бы из мира злословие, искоренил бы и великую часть грехов, и был прав. Ибо все грехи сводятся к грехам в помышлении, слове и деле, но самые частые, а порой и самые опасные — это грехи словом, и на то есть несколько причин.

Во-первых, грехи в помышлении вредят лишь тому, кто их совершает, и не подают ближнему ни соблазна, ни досады, ни дурного примера. Один лишь Бог их знает, и Он один ими оскорблён; и возвращение к Богу в покаянной любви изглаживает их. Грехи же словом простираются дальше, ибо слетевшее слово нельзя вернуть назад, разве что

смиренным отречением [от злых твоих слов]. А между тем сердце ближнего остается зараженным и отравленным через слух.

Во-вторых, грехи делом, когда они значительны, подлежат публичному наказанию, но злословие, если оно не является чрезвычайно гнусным и позорящим, ему не подлежит, отчего так много людей и впадает в этот грех.

В-третьих, этот грех почти никогда не бывает заглажен в должной мере, ибо духовники проявляют в этом вопросе чрезмерное снисхождение, чтобы не сказать малодушие.

Глава девятая. О двусмысленности

Он питал отвращение к учению о двусмысленности¹ и говаривал порой, что этим ухищрением пытаются возвести ложь в ранг святыни.

«Нет хитрости лучше и желаннее простоты, — говорил он. — Мирские мудрования и плотские уловки — удел сынов века сего, чада же Божии ходят путями прямыми и имеют сердце бесхитростное. «Кто ходит в непорочности, — говорит Премудрый, — тот ходит безопасно» (Притч. 10:9). Ложь, двуличие, притворство всегда будут свидетельствовать о духе слабом и низком».

Если «уста лживые убивают душу» (Прем. 1:11), то что же сделает язык лукавый, говорящий «от сердца притворного»? (Пс. 11:3).

Об этом учении, состряпанном в лавке отца лжи, он говорил то же, что Господь наш говорил о книжниках и фарисеях, которые обходят море и сушу, дабы обратить хотя бы одного, а обратив, делают его сыном геенны, вдвое худшим, чем они сами (ср. Мф. 23:15). Ибо те, кто думает спасти истину этим ухищрением, убивают и душат ее вдвое, поскольку ничто так не оскорбляет истину и простоту, как двуличие.

«А есть ли, — говорил наш блаженный, — что-либо более двуличное, чем двусмысленность?»

См. «Введение в благочестивую жизнь» (Филотея), ч. 3, гл. 30.

1 Это учение, вызвавшее в XVII веке ожесточенные богословские споры, касалось допустимости использования двусмысленных выражений и мысленных оговорок, чтобы скрыть правду, формально не прибегая ко лжи. Оно включало в себя два основных понятия: 1) Эквиивокация (двуслывенность): Использование слов и фраз, которые имеют несколько значений. Говорящий вкладывает в них один, истинный смысл, в то время как слушающий, скорее всего, поймет их в другом, ложном смысле; 2) Мысленная оговорка (*reservatio mentalis*): Произнесение некоего утверждения, которое само по себе является ложью, но к которому говорящий мысленно, про себя, добавляет некие слова, делающие всю фразу истинной (по крайней мере, для него самого).

Оно разрабатывалось в основном в рамках казуистики — раздела нравственного богословия, занимавшегося разбором сложных «случаев совести» (*casus conscientiae*).

Особенно активно его обсуждали некоторые богословы из ордена иезуитов в XVI-XVII веках. Они пытались найти ответ на сложный вопрос: как поступить человеку, если сказать правду — значит навредить ближнему или Церкви (например, как священнику в протестантской Англии отвечать на допросе, чтобы не выдать местонахождение других католиков), а лгать — значит совершить грех?

Как видно из текста, наш блаженный считал это учение «состряпанным в лавке отца лжи». Для него, как и для многих других богословов (например, для его современника Блеза Паскаля, яростно критиковавшего казуистов в своих «Письмах к провинциальному»), подобные ухищрения были недопустимы, потому что они: 1) разрушают простоту: христианин, по мнению Франциска, должен быть прямодушен и бесхитростен, а двусмысленность — это проявление двоедушия; 2) оскорбляют истину: попытка «спасти» истину с помощью лживых по сути уловок — это оскорблении самой истины; 3) ведут к самооправданию: это учение, по мнению его критиков, открывало лазейку для оправдания любой лжи и обмана под видом «благих намерений». Таким образом, Франциск Сальский видел в этом учении опасную попытку «возвести ложь в ранг святыни», что было абсолютно несовместимо с его идеалом евангельской простоты и прямоты.

*Это учение было официально осуждено Папой Римским. Ключевую роль в этом сыграл папа Иннокентий XI. В 1679 году он осудил 65 положений так называемой «послабительной морали» (*laxismus*), которую развивали некоторые казуисты. Среди осужденных положений были и те, что оправдывали широкое использование мысленных оговорок и двусмысленности для скрытия правды. Например, осужденные тезисы №26 и №27 прямо касались этой практики, утверждая, что можно клясться ложно, имея в уме некую оговорку, и что это допустимо ради сохранения здоровья, чести или имущества. Таким образом, позиция Святого Престола была однозначно против подобных уловок. Осуждение со стороны Иннокентия XI положило конец спорам и подтвердило, что такие практики несовместимы с католическим нравственным учением. Позиция св. Франциска Сальского, выраженная в тексте, полностью соответствует последующему официальному учению Церкви по этому вопросу.*

Глава десятая. О том, чтобы не прекословить никому без причины

Нет на свете умов более враждебных человеческому обществу, чем умы упрямые, косные и склонные прекословить другим. Они — погибель для бесед, бич для компаний и сеятели ссор. Умы же кроткие, напротив, снисходительные и гибкие, уступчивые и податливые, легко уступающие, — суть живые талисманы, которые влекут к себе и покоряют весь мир.

Наш блаженный весьма хвалил совет св. Людовика, который состоял в том, чтобы никогда никому не прекословить, если только молчание не грозит грехом или значительным ущербом. Этот святой король говорил так не из человеческого благородства, которого он был врагом, и не следуя правилу того языческого императора, что никто не должен уходить от государя недовольным. Нет, он исходил из чувства истинно христианского, дабы избегать всяких споров и пререканий, согласно совету апостола, который велит нам тщательно их уклоняться (ср. 2 Кор. 12:20; Флп. 2:14).

«Но не будет ли это попустительством, а следовательно, и соучасием в заблуждении или грехе ближнего, если мы не воспротивимся ему, имея на то возможность?»

Вот ответ нашего блаженного:

«Когда, — говорит он, — важно возразить кому-либо и противопоставить свое мнение чужому, надобно действовать с великой кротостью и искусством, не желая насиловать ничей дух, ибо, поступая резко, все равно ничего не добьешься.

Когда вы доводите коня до отчаяния, беспрестанно его мучая, он, если норовист, закусит удила и понесет всадника, куда ему вздумается, вопреки его воле. Если же всадник отпустит поводья, перестанет его бить и понукать шпорами, конь остановится и станет послушен.

То же и с духом человеческим: когда вы злоупотребляете шпорами, вы его раздражаете; когда вы его раздразните, он станет на дыбы; когда встает на дыбы, вы его окончательно разъярите. Он желает, чтобы его убеждали, а не принуждали; принуждать его — значит толкать на бунт. „Когда приходит кротость, — говорит пророк, — вот, он исправлен и покоряется“».

Глава одиннадцатая. О молчаливости

Есть люди, которые молчаливы от природы; другие — из гордыни; иные — от глупости, а иные — от досады.

И очень немногие молчаливы по добродетели, то есть из рассудительности и умеренности.

Однажды в присутствии нашего блаженного зашла речь об одном человеке, который желал прослыть великим мужем, усердствуя в молчании. «Если так, — сказал наш блаженный, — то он нашел способ снискать себе славу малой ценой». И, немного помолчав, добавил: «Никто так не походит на мудреца, как глупец, когда молчит».

Мудрость не в том, чтобы не говорить ни слова, но в том, чтобы говорить, когда должно и как должно, а также молчать, когда время и место того требуют.

Чтобы молчаливость была добродетелью, она должна, как и все прочие, состоять в некой благой умеренности и избегать обеих крайностей.

Глава двенадцатая. О неприязни

Есть такие, что с великим усилием и с помощью благодати исторгают из сердца своего грех ненависти, который они питали к своим обидчикам. Но подобно тому как срубленное под корень дерево, как известно, еще оставляет в земле свои корни, и требуется время, чтобы их выкорчевывать, так и на смену ненависти приходит

неприязнь, которую истребить тем труднее, что она кажется менее предосудительной, нежели первая.

Всякий знает, что надобно прощать врагу своему, сколь бы великую обиду он нам ни нанес, если мы хотим, чтобы Бог простил нас, и об этом мы ежедневно просим Отца Небесного в молитве, которой Сын Его, Господь наш, научил нас собственными устами. Но как после яростной бури, когда ветры утихнут, волны морские еще долго остаются неспокойны, так и некоторые, отрекшись из любви к Богу от ненависти, которую питали к своему врагу, полагают, что делают великое дело, говоря, будто не желают ему зла, не памятуя, что по Закону Иисуса Христа недостаточно не желать зла врагу нашему (ибо это значит лишь не иметь более ненависти), но надобно еще иметь и любовь, то есть желать ему блага.

Иные, теснимые этими доводами, говорят: «Я не только прощаю ему нанесенную обиду и не желаю ему никакого зла, но и желаю ему тех же благ — природных, земных, благодатных и небесных, — каких и себе самому. Но я не могу решиться ни видеть его, ни беседовать с ним, ибо его присутствие вносит смуту в мою душу, и я боюсь, как бы раны мои не открылись вновь при воспоминании о нанесенной мне обиде».

Оправдание это кажется отчасти благовидным, если принять во внимание немощь человеческую, что слабее тростника, колеблемого ветром. Но сколь бы ни казалось похвальным это недоверие к себе, оно не таково перед Богом, Который желает, чтобы мы и радовались перед Ним со трепетом, и уповали на Него в той же мере, в какой не доверяем себе; чтобы мы смирялись, не впадая в уныние, и всецело опирались на Его благодать, а не на самих себя. Этому и учит нас святое слово, говоря, что мы *сами от себя не способны ни на что, но способность наша от Бога* (ср. 2 Кор. 3:5), что без Него мы не можем делать ничего (ср. Ин. 15:5), но с Ним можем все и даже преодолеть стены всяческих препон. Ибо, раз уж Он и хотение дал нам (ср. Флп. 2:13), и положил начало, мы должны уповать, что Он по Своей благой воле даст нам силы и довершить. А потому, если Он даровал нам благодать простить от всего сердца, не желать зла и даже желать всяческих благ, мы должны также уповать, что Он даст нам и силу противостоять искушениям, которые враг нашего спасения может возбудить в низшей части нашей души при виде того, кого мы простили, но лишь при условии, что мы сделали это от всего сердца.

Есть и такие, кто, убежденный этими доводами, скажет: «Я готов его видеть и не стану избегать его общества, но говорить с ним — этого я не могу, ибо боюсь, как бы не сорваться на какие-нибудь упреки, а от них и на оскорбления, которые вновь разожгут огонь ненависти, вместо того чтобы его угасить, и *последнее будет хуже первого*» (ср. Мф. 12:45).

Поистине, когда тот, кого оставила лихорадка, пьет все еще с некоторой жадностью, это знак, что в жилах его еще остался жар и волнение. Какие бы мины ни строили подобные люди, с сожалением покидающие Египет ненависти и оглядывающиеся назад, в сердцах их, без сомнения, еще таится некая застарелая горечь.

Таким людям надлежит взять сердце свое в обе руки и великодушным усилием истогнуть из него эту тайную неприязнь и молить Бога, чтобы Он помог их немощи, дабы они могли исполнить на деле евангельское учение — *творить добро ненавидящим их* (ср. Мф. 5:44) и *побеждать зло добром* (Рим. 12:21).

Запечатлеем же сказанное нами прекрасным изречением нашего блаженного.

«Язычники, — говорит он, — любят любящих их (ср. Мф. 5:46, Лк. 6:32); христиане же должны пробуждать в себе дружеское расположение к тем, кто их не любит, и к тем, к кому они сами испытывают великое отвращение и неприязнь».

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Глава первая. О присутствии Божием

Упражнение в присутствии Божием он ценил столь высоко, что советовал его как хлеб насущный. Я говорю «хлеб насущный», ибо, подобно тому как в телесной пище хлеб сочетается со всяким кушаньем, так и нет духовного упражнения, которое сочеталось бы со всеми нашими делами удобнее и с большей пользой, нежели присутствие Божие.

«Ах! — говорил он. — Это драгоценное упражнение блаженных, или, лучше сказать, непрестанное упражнение их блаженства, согласно словам Господа нашего: «*Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного*» (Мф. 18:10).

И если царица Савская почитала блаженными слуг и придворных Соломона, которые всегда пребывали в его присутствии и слушали слова мудрости, исходившие из уст его (ср. 3 Цар. 10:8), то сколь же более блаженны те, кто непрестанно внимает святому присутствию Того, в Кого *желают проникнуть взором ангелы* (ср. 1 Пет. 1:12), хотя и видят Его непрестанно! Желание это держит их в вечной жажде все более и более видеть Того, Кого они созерцают; ибо чем более они видят Желанного, тем более желают Еgo видеть, никогда не насыщаясь в своем непрестанном насыщении.

Вы знаете, сестры мои, что, когда вы собираетесь вместе, будь то для работы, для отдохновения или для иных упражнений, всегда одна из вас назначается, чтобы напоминать об этом сладостном и спасительном присутствии. «Да памятают, — говорит она время от времени, — о святом присутствии Божием все наши сестры». — «И о пресвятом Причастии сего дня», — добавляет она, если это день причащения для всей общины, каковыми являются воскресные и праздничные дни, а также четверги».

«Большая часть упущений, — говорил наш блаженный, — которые совершают в своем долге благочестивые люди, происходит от того, что они недостаточно пребывают в присутствии Божием».

Глава вторая. О страхе и надежде

Чтобы уверенно идти по этой жизни, надобно всегда идти между страхом и надеждой: между страхом пред судами Божиими, которые суть *бездна великая* (ср. Пс. 35:7, Вульг.), и надеждой на Его милосердие, которое бесчисленно и безмерно и *превыше всех дел Его* (ср. Пс. 144:9).

«Надобно, — говорил блаженный, — бояться божественных судов, но без уныния; и надобно ободряться при виде Его милосердия, но без самонадеянности».

«И в другом месте: Те, — говорит он, — кто испытывает крайний и неумеренный страх быть осужденным, показывают, что более нуждаются в смирении и покорности, нежели в рассуждении. Надобно весьма смиряться, и унижать, и губить душу свою (ср. Мф. 16:25, Мк. 8:35), но надобно, чтобы это было для того, чтобы ее обрести, сохранить и спасти (ср. там же). Всякое смирение, которое вредит любви, есть, без сомнения, ложное смирение».

Ибо то смирение, что ведет к унынию, отчаянию и смущению, противно любви, которая желает, чтобы мы прилагали все наши усилия, хотя и *со страхом и трепетом* (ср. Флп. 2:12), и чтобы мы никогда не теряли упования на благость Бога, Который хочет, чтобы *все люди спаслись и пришли к покаянию* (ср. 1 Тим. 2:4).

Глава третья. О себялюбии и о любви к себе

Велика разница между этими двумя видами любви, ибо, хотя всякое себялюбие есть любовь к себе, не всякая любовь к себе есть себялюбие.

Себялюбие всегда дурно; и нет ни единого греха, великого или малого, без себялюбия, то есть без самовольного предпочтения твари или самого себя воле Творца. Именно эта любовь, — говорит св. Августин, — воздвигла злосчастный град Вавилон, стены которого простираются до презрения и ненависти к Богу (св. Августин, *О граде Божием*, XIV, 28).

Любовь же к себе не такова; ибо, будучи заповедана, она не может не быть благом. Посему мы обязаны любить себя в Боге и согласно Богу, желая себе и стараясь снискать, по мере наших сил, блага естественные, блага благодатные и блага славы [небесной].

Эта любовь к себе может быть естественной или сверхъестественной. Естественной, когда она обращена на блага естественные: именно в силу этой любви апостол говорит, что *никто никогда не имел ненависти к своей плоти* (Еф. 5:29); и любовь эта, когда она упорядочена, не противна Богу, Который есть Творец и природы, и благодати. Сверхъестественной, когда она обращена на блага благодати и славы; и любовь эта настолько же выше первой, насколько блага благодати и славы выше естества.

Сверхъестественная любовь к себе может быть любовью надежды или любовью святой любви¹ (*charité*). Любовь надежды корыстна, ибо ею мы любим Бога как наше верховное благо, а не как верховное благо в Нем Самом и ради Него Самого, что и составляет любовь святой любви. Любовь же эта совершенно бескорыстна, ибо тогда мы любим Бога ради Него Самого, и себя — в Нем и для Него, все относя к Его славе.

Законная любовь к себе — как естественная, так и та, что от надежды, — не всегда соотносится с Богом, но всегда может быть соотнесена с Ним. Любовь же святая (*charité*) не просто может быть соотнесена, но всегда и соотносится с Богом, будь то по навыку, по намерению или по действию.

«Спаситель, — говорит наш блаженный, — искупивший нас Свою кровью, бесконечно желает, чтобы мы любили Его, дабы мы достигли вечного спасения; и желает спасения нам, дабы мы вечно любили Его. Его любовь устремлена к нашему спасению, а наше спасение — к Его любви» (Трактат о любви к Богу, кн. 1, гл. 18).

Спасение наше во всей его полноте должно охватывать как ту славу, которую Бог дарует нам на Небесах, так и ту, которую мы воздадим Ему соразмерно этой дарованной славе. В этом и заблуждаются те, кто, говоря о вечном спасении, помышляет лишь о своей выгоде, то есть о славе, которую Бог дарует им на Небесах, и нисколько — о той, которую они воздадут Богу. А ведь именно последняя и есть главная, конечная и верховная цель, ради которой Бог и сотворил Рай. Первая же есть лишь цель ближайшая и менее главная и служит как бы средством для достижения второй; ибо никто не славит Бога на Небесах, кроме тех, кто сперва прославлен Им, дабы мог Еgo прославить.

¹ Оригинальное французское слово — *charité*. В отличие от современного, более общего слова *amour* («любовь»), этот термин, происходящий от латинского *caritas*, в богословии XVII века сохранял специальное значение, восходящее к греческому понятию *agape* (ἀγάπη). В античной и христианской традиции различалось несколько видов любви: *eros* (ἔρως) — страстная, вожделеющая любовь; *philia* (φιλία) — дружеская привязанность; *storge* (στοργή) — родственная любовь; и *agape* (ἀγάπη) — бескорыстная, жертвенная, божественная любовь. Именно *agape/caritas/charité* имеется в виду в данном контексте.

Глава четвертая. О мере любви к Богу

Вы спрашиваете меня, какова мера любви к Богу?

Я отвечу вам словами святого Бернарда: мера ее в том, чтобы не иметь никакой меры¹; ибо, поскольку предмет ее бесконечен, она не может иметь границ.

Наш блаженный называл трусливыми и ленивыми те умы, что ставили пределы своей любви и заключали ее в рамки неких обязанностей, за пределы которых не желали выходить, словно желая заключить Дух Божий в своих ладонях.

Поскольку Бог *больше сердца нашего* (ср. 1 Ин. 3:20), что за дерзкое предприятие — пытаться вместить Его в столь тесные пределы! Если любовь Иисуса Христа была безмерной (ср. Ин. 13:1), какой же для нас позор — желать удержать нашу в пределах умеренности! Если море и преисподня никогда не говорят: «Довольно» (ср. Притч. 30:15-16), то что же должна говорить святая любовь, чьи пламена, как сказано в Песни Песней, яростнее пламени преисподней? (ср. Песн. 8:6).

Наш блаженный произнес по этому поводу замечательное изречение:

«Пребывать долгое время в одном и том же состоянии — невозможно; кто не приобретает, тот теряет в этой торговле; кто не восходит, тот нисходит по этой лестнице; кто не побеждает, тот терпит поражение в этой битве. Мы живем посреди сражений, которые ведут с нами наши враги; если мы не будем сопротивляться, мы

погибнем; а мы не можем сопротивляться, не одолевая, и одолевать — не одерживая победы, за которой следует триумф и венец».

Св. Бернард подтверждает эту мысль, говоря, что не идти вперед — значит пятиться назад, ибо мы беспрестанно гребем против течения по бурному морю, где всякого, кто перестает грести, тотчас уносит потоком.

¹ Ср. св. Бернард Клервоский, *Трактат о любви к Богу*, гл. VI, 16.

Глава пятая. О деле и слове

Господь наш, образец всякого совершенства, *Пастырь и Блюститель душ наших* (ср. 1 Пет. 2:25), начал с того, что *делал*, а затем — *учил* (ср. Деян. 1:1). Тридцать лет Он делал и лишь три года учил, показывая Своим примером, что дело должно предшествовать слову.

Посему и порицает Он учителей Своего времени, которые *говорят и не делают*, возлагая на других *бремена неудобоносимые, каких сами не хотят и перстом двинуть* (ср. Мф. 23:3-4).

Не то чтобы Он хотел, дабы мы судили об учении по жизни и нравам учащего, но чтобы показать, насколько убедительнее становится учение, когда оно подкреплено добной жизнью того, кто его изрекает. Ибо как может он убедить других в том, в чем сам не убежден?

Такой человек подобен трубе, что трубит к атаке, в которую сама не идет; лестнице, что ведет в покой, в которые сама не входит; столбу на большой дороге, что указывает путь, но сам остается на месте.

Глава шестая. О самообуздании и о молитве

Мысль его была такова, что самообуздание без молитвы — это тело без души, а молитва без самообуздания — душа без тела.

Он советовал разделять их, но стремиться к тому, чтобы, подобно Марфе и Марии, они без всяких споров пребывали в добром согласии на службе Господу нашему.

Он сравнивал их с двумя чашами весов, из которых одна опускается, когда другая поднимается. Чтобы возвысить дух молитвою, надобно смириТЬ плоть самообузданием, иначе плоть подавит дух и не даст ему вознести к Богу.

Лилия и роза молитвы и созерцания хорошо сохраняются и питаются лишь среди шипов самообуздания. К холму фимиама, символу молитвы, приходят не иначе, как через гору мирры, то есть самообуздания (ср. Песн. 4:6). Сам фимиам, изображающий молитву, источает свое благоухание, лишь будучи возжигаем; так и молитва не может вознести к

Небесам, как благоухание приятное, если не исходит от человека, умертвившего свою плоть.

Когда мы мертвы для самих себя и для своих страстей, тогда мы живем для Бога, и Он питает нас в молитве хлебом жизни и разума и манной Своих вдохновений.

Наш блаженный произнёс по этому поводу весьма примечательное изречение:

«Надобно жить в этом мире, — говорил он, — так, словно дух наш уже на Небесах, а тело — в гробнице».

Первая часть этого изречения опирается на слова: «*Наше жительство да будет на Небесах*» (ср. Флп. 3:20); а вторая — на эти: надобно жить, «*как убитые, спящие во гробах, о которых уже не вспоминают*» (ср. Пс. 87:6, Вульг.), и пребывать «*в темных местах, как давно умершие*» (ср. Пс. 142:3, Вульг.).

Глава седьмая. О лжи

Нередко возникает вопрос, как понимать слова нашего блаженного: «Как редко удаётся солгать (сколь бы мала ни была ложь!), не причинив вреда ближнему».

Ключ к пониманию — в слове «редко». Однако же можно сказать, что всякая ложь, какой бы незначительной она ни казалась, всегда причиняет зло — либо нам самим, либо другому; она всегда ранит истину и чистосердечие. И всякий, кто лжет, пусть даже ради одной лишь забавы, свидетельствует, что у него сердце двоедушное, что он говорит *от сердца притворного* (ср. Пс. 11:3, Вульг.). И всякому известно, что Господь *погубит уста лживые* (ср. Пс. 5:7, Вульг.) и что Ему *мерзки те, кто говорит с двуличием* (ср. Притч. 12:22).

Итак, да будет слово ваше простым, прямым, бесхитростным и истинным, если хотите быть чадами Того, Кто есть Отец истины (ср. Ин. 8:44), и Сама Истина по существу.

Глава восьмая. О неосмотрительных суждениях

Ему было тяжело слышать, когда кого-либо объявляли злым за один предосудительный поступок. Ибо, говорил он:

«Добродетельные навыки не погибают от одного-единственного противного им поступка; так, нельзя назвать человека невоздержанным за один-единственный акт невоздержания, и так далее» (Трактат о любви к Богу, кн. 4, гл. 4).

Поэтому, когда он видел, что за один грех человеку вменяли в вину самый порок, он кратко оспаривал это обвинение, говоря, что есть большая разница между пороком и грехом: первое означает навык, второе же — поступок. И подобно тому, как одна ласточка весны не делает, так и один-единственный греховный поступок не делает человека порочным, то есть укоренившимся в том пороке, грех которого он совершил.

«Но, — говорили ему, — в таком случае нельзя будет и судить, пребывает ли человек в благодати и имеет ли любовь, сколь бы святым он ни казался в делах своих».

Он отвечал, что если вера, по слову святого Иакова, познается из дел (ср. Иак. 2:18), то тем более — любовь, которая есть добродетель куда более деятельная. Дела по отношению к ней — как искры, свидетельствующие, что где-то есть огонь. И хотя, видя, как совершается явный смертный грех, мы можем сказать, что совершивший его утратил благодать, откуда нам знать, не коснулся ли Бог его сердца мгновение спустя, и не обратился ли он от злого пути своего актом сокрушения?

Посему никогда не следует судить о ближнем дурно, кроме как со страхом; но чтобы судить о нем хорошо, мы имеем полную свободу, ибо любовь *всему верит, всего надеется,* не мыслит зла о ближнем, радуется истине и добру, а не беззаконию (ср. 1 Кор. 13:6-7).

Глава девятая. О сущности святой любви (Charité)

Он полагал, что суть ее — в предпочтении Бога и Его воли всему прочему.

Сильнейшее доказательство того, что мы пребываем в состоянии благодати, — это отсутствие в нас воли, противной воле Божией. Ибо если таковая в нас есть, мы, без сомнения, предпочитаем нечто Богу, и тогда в нас уже нет любви, которая перестает быть любовью, как только перестает царствовать.

Мы должны не только предпочитать Бога всему прочему, но и не должны ничего любить наравне с Богом. «Тот меньше любит Тебя, — говорит св. Августин, — кто наряду с Тобой любит нечто, что любит не ради Тебя»¹, — то есть не соотнося эту привязанность с любовью к Богу и не подчиняя ее ей.

Я не говорю, что нельзя любить многое наряду с Богом, ибо нам заповедано любить и самих себя, и ближнего своего, как самого себя. Но любить что-либо больше Бога или наравне с Богом — вот что несовместимо с любовью; ибо в сердце, коим она владеет, все творения предстоят перед Творцом, как звезды перед солнцем.

¹ Св. Августин, *Исповедь, кн. X, гл. 29, 40.*

Глава десятая. О различных видах дел

В богословии различают четыре вида дел: живые, мертвые, умерщвленные и оживотворенные.

Дела живые — это те, что имеют в себе начало жизни, и притом жизни вечной, то есть благодать, и совершаются в любви и по побуждению любви.

Дела мертвые — это те, что лишены этого начала и совершаются в состоянии смертного греха; то есть они не имеют ни основания, ни корня в любви. И хотя они могут быть добрыми сами по себе, добром нравственным и естественным, тем не менее, как говорит св. Григорий, «ветвь доброго дела не может иметь никакой живости и не принесет никакого доброго плода пред Богом, если не привита к корню любви».

Дела умерщвленные — это те, что были совершены в состоянии благодати и имели корень жизни, но последующий смертный грех лишает их всей живости и силы, подобно растениям зимою, которые, если бы зима длилась вечно, в конце концов погибли бы безвозвратно. Но весенное солнце, вновь возвращая земле тепло, заставляет их опять порождать цветы, листья и плоды и своего рода воскресением призывает их к новой жизни (ср. *Трактат о любви к Богу*, кн. 11, гл. 12).

И это и есть дела, именуемые оживотворенными, то есть обновленными и призванными от смерти к жизни. Это происходит, когда человек выходит из состояния смертного греха, чтобы вновь обрести благодать. Тогда все святые дела, что были умерщвлены грехом, ожидают и вновь обретают свою прежнюю живость и силу.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Глава первая. Об усладительной любви

Истинная усладительная любовь к Богу должна быть укоренена и основана на святой любви (*charité*) и исходить из истинного ее побуждения, которое бескорысто и всецело возводится к Богу и Его славе, дабы быть такой, какой желает ее Бог. И если мы хотим, чтобы Он находил усладу в нас, то нам самим надлежит находить нашу высочайшую усладу в помышлении о том, что Бог есть Бог и что благость Его безмерно бесконечна.

Вот как наш блаженный объясняет это:

«Душа, упражняющаяся в усладительной любви, — говорит он, — непрестанно взывает в своем священном безмолвии: „Мне довольно того, что Бог есть Бог, что благость Его бесконечна, что совершенство Его безмерно. Умру ли я или буду жить — для меня это не имеет значения, ибо мой дражайший Возлюбленный вечно живет жизнью всепобеждающей. Сама смерть не может опечалить сердце, знающее, что его верховная Любовь жива. Для любящей души довольно того, чтобы Тот, Кого она любит больше себя самой, был преисполнен вечных благ, ибо она более живет в том, кого любит, нежели в теле, которое одушевляет; или, лучше сказать, уже не она живет, но живет в ней ее Возлюбленный“» (ср. Гал. 2:20; *Трактат о любви к Богу*, кн. 9, гл. 4).

Итак, истинное услаждение в Боге — это находить радость в Боге ради Бога, радоваться радости Божией, не помышляя, приятно ли это нам, но лишь о том, угодно ли это Богу. Так мы соединяем нашу радость с радостью Божией, и таким образом рождается та любовная услада, которую мы обретаем в благе Божием ради Самого Бога.

Глава вторая. О благожелательной любви

Надобно различать в Боге два рода благ: одно внутреннее, другое — внешнее. Первое есть Он Сам, ибо благость Его не отлична от Его сущности, равно как и прочие Его совершенства. И поскольку благо это бесконечно, оно не может быть ни приумножено нашими служениями и почестями, ни уменьшено нашими грехами и мятежами. Второе же, хотя и принадлежит Ему, пребывает, однако, не в Нем, но в Его творениях, подобно тому как казна государя хоть и принадлежит ему, но хранится в сундуках его казначеев. Это внешнее благо суть почести, повиновение, служения и поклонение, которые должны и которые воздают Ему творения, ибо все они предназначены к славе Его как к конечной цели своего сотворения. И это-то благо мы можем, с Его помощью, желать и даровать Богу, приумножая Его внешнюю славу, которую мы можем также уменьшить нашими грехами.

По отношению к этому внешнему благу мы и можем упражняться в благожелательной любви, творя ради приумножения Его чести все добрые дела, какие только можем, с намерением благословлять, славить и превозносить Его во всех наших поступках и равным образом воздерживаясь от всех проступков, которые могли бы омрачить эту славу.

Благожелательная любовь к Богу на этом не останавливается. Поскольку святая любовь (*charité*) обязывает нас любить ближнего, как самого себя, мы делаем все, что в наших силах, дабы побудить его служить этой божественной славе; мы призываем его творить всякое добро, чтобы прославлять Бога, по примеру пророка, который говорил: «*Придите, прославьте Господа со мною, и превознесем вместе святое Имя Его*» (ср. Пс. 33:4, Вульг.).

То же самое рвение побуждает и понуждает нас, как говорит св. Павел (ср. 2 Кор. 5:14), противостоять злу, которое ближний мог бы совершить против Бога, и пресекать грехи, которыми оскорбляется божественная благость. Именно это и называется рвением (*zèle*), тем, от которого «иссыпал» пророк, видя, что грешники предают Бога забвению (ср. Пс. 118:139, Вульг.).

Меня спрашивают, не может ли эта благожелательная любовь быть также обращена и на Бога — в отношении того внутреннего и бесконечного блага, которым Он обладает, и которое есть Он Сам.

Я отвечу словами нашего блаженного: мы можем желать этого блага, радуясь тому, что Он им обладает и что Он есть то, что Он есть. Можно также порой, в необыкновенных порывах и в избытке любви, желать Ему этого же блага в воображаемых и невозможных помыслах — таким, например, было желание, приписываемое св. Августину и переданное нашим блаженным в таких словах:

«О, Господи, я — Августин, а Ты — Бог; но если бы все же — чего нет и быть не может — я был Богом, а Ты был бы Августином, я бы, поменявшись с Тобой, пожелал стать Августином, дабы Ты был Богом» (Трактат о любви к Богу, кн. 5, гл. 6).

Мы можем еще желать Ему этого же блага, радуясь, что даже и в желаниях наших мы не можем ничего прибавить к непостижимой бесконечности и бесконечной непостижимости Его величия и Его совершенства. О, Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф, исполнь небо и землю славы Твоей! Хвала Богу в вышних.

Глава третья. О желании при насыщении

Вы говорите: «Как понимать слова св. Петра, что *ангелы желают проникнуть взором в тайну Иисуса Христа?* (ср. 1 Пет. 1:12). Ведь желание обращено на то, чего нет; как же могут они желать того, чем уже обладают?»

На это ответит вам не я, но наш блаженный:

«Блаженные, — говорит он, — в своем верховном услаждении столь полно насыщаются души свои довольствием, что, однако же, не перестают желать еще большего насыщения; и, вкушая божественную благость, они желают вкушать ее еще и еще. Насыщаясь, они алчут, и, вкусив, жаждут насытиться» (Трактат о любви к Богу, кн. 7, гл. 6).

И, объясняя тот самый отрывок, который вы привели, он говорит так:

«Глава апостолов сказал в своем первом послании, что сами ангелы желают взирать на божественного Спасителя. Как это следует понимать? Они, несомненно, видят Его всегда, но видением столь приятным и уладительным, что улада, которую они от этого получают, насыщает их, не отнимая желания, и заставляет их желать, не отнимая насыщения. Наслаждение не умаляется желанием, но, напротив, им совершенствуется, подобно тому как и желание их не угасает, но утончается от наслаждения».

Вы еще не убедились и спрашиваете, как две столь противоположные вещи, как пресыщение и алкание, могут совмещаться в одном и том же существе?

Поистине, это одно из чудес благодати и славы, и оно — выше естества. В этом уверяет нас Сам Спаситель, когда говорит, что те, кто будет вкушать Его милости, будут не только по-прежнему желать их, но и алкать (ср. Сир. 24:23). Пчела приправляет свой мед остротой собственного яда; и благодать, которая в Писании сравнивается с медовым сотом, всегда сохраняет сладостную остроту желания в самом насыщении от своего наслаждения.

«Это хорошо, — скажете вы, — в состоянии благодати, которая в этой жизни всегда может быть приумножена; но в состоянии славы, где благодать достигла полноты, она не может быть увеличена, и потому это желание кажется несовместимым с полнотой удовлетворения блаженных».

Наш блаженный сам вам ответит:

«Наслаждение благом, которое услаждает всегда, никогда не увядает; напротив, оно вечно обновляется и цветет. Оно всегда любезно, всегда желанно. Непрестанное довольство блаженных порождает вечно удовлетворенное желание, подобно тому как их непрестанное желание рождает в них вечно желанное довольство. Благо конечное прекращает желание, когда дарует наслаждение, и отнимает наслаждение, когда пробуждает желание, ибо им нельзя обладать и желать его одновременно. Но благо бесконечное дает царствовать желанию в обладании и обладанию в желании, ибо в нем достаточно силы, чтобы утолить желание своим святым присутствием, и

достаточно — чтобы вечно поддерживать в нем жизнь величием своего превосходства. Оно питает во всех, кто им обладает, желание, вечно удовлетворенное, и удовлетворение, вечно желающее.

О, превосходство вечного блаженства! *Господи, Боже сил, как возделенны жилища Твои! Один день во дворах Твоих лучше тысячи. Блаженны живущие в доме Твоем, они будут восхвалять Тебя во веки веков* (ср. Пс. 83:2, 11, 5), то есть без конца.

Чем более они хвалят Бога, тем более желают Его хвалить; чем более обладают тем, чего желают, тем более желают им обладать; чем более поклоняются Тому, Кого любят, тем более любят Ему поклоняться; чем более видят то, что их восхищает, тем более восхищаются, видя Его.

Глава четвертая. О спорах в вопросах веры

Споры о предметах веры были ему весьма противны, особенно когда их затевали за столом или тотчас после трапезы; он говорил, что это не предмет для застольных бесед. Однажды на это его слово я заметил, что, если и разбивают эти «сосуды» (ср. Суд. 7:19-20), то для того, чтобы явить сокрытые в них светильники истины, которые суть огнь и пламень.

«Да, поистине, — тотчас возразил он, — огнь и пламень гнева и пререканий, от которых один лишь дым да копоть, а света весьма мало».

Наипаче он не одобрял, когда в проповедях касались спорных вопросов вероучения, ибо проповедь установлена скорее для назидания, нежели для разрушения, и для исправления нравов, а не для разрешения споров о вере, которые ведут те, кто пребывает вне лона Церкви.

Но, скажут, это делается для того, чтобы укрепить католиков в их вере, разрушая пред ними веру их противников.

Довод благовидный, но, как показывает опыт, мало действенный. Ибо, помимо терний многочисленных трудностей, встречающихся в этих щекотливых спорах, ум человеческий, по испорченности своей природы, имеет такую склонность ко злу, что скорее задерживается на возражении, нежели на его разрешении, и так *вместо хлеба получает змею* (ср. Лк. 11:11).

Метод его состоял в том, чтобы и в проповедях, и в частных беседах с протестантами изъяснять, с той ясностью и легкостью, что были ему так свойственны, простые и неприкрашенные истины веры. Он говорил, что истина в своей бесхитростной простоте обладает очарованием и притягательностью, способными расположить к себе даже самые мятежные души.

Этот подход приносил ему столь замечательные плоды, что, стоило ему добиться от протестанта спокойного и мирного внимания, он не только выбивал оружие из его рук и лишал его всех возражений еще до того, как тот успевал их высказать, но, если и не обращал его на месте, то наносил ему столь глубокую рану, что тот вскоре возвращался,

дабы искать лекарства и исцеления от той руки, что так благодатно его уязвила (ср. Втор. 32:39; Ос. 6:1; Иов 5:18).

Глава пятая. Секрет, как говорить о спорных вопросах в проповеди

Сей секрет имеет многие достоинства.

1. Он скрывает ланцет в вате: когда делаешь вид, будто смазываешь нарыв маслом, стоит лишь надавить посильнее — и он вскрыт.
2. Он устраняет скуку и назойливость, которые обыкновенно сопутствуют утомительным прениям о спорных вопросах.
3. Он приятно удивляет слушателей и помогает им принять истину не только без труда, но и с услаждением.
4. Он прост и, однако же, в своей простоте таит дивную силу, обращая оружие наступательное в оборонительное и извлекая доказательства в защиту истины из самих возражений заблуждающихся.

Применяется же он следующим образом.

Поскольку ответы, которые католики дают на возражения, извлекаемые протестантами из Писания, согласны с истинами, которым учит Церковь, надобно лишь выдвинуть на первое место сам ответ. Изложив его как следует, в виде рассуждения, и не показывая, что это — ответ на возражение, затем приводят то самое место из Писания, на которое ссылаются в возражении, но уже как доказательство выдвинутой истины. Этому научил меня наш блаженный, и вот пример, который сделает все ясным.

Протестанты обыкновенно возражают против реального присутствия, ссылаясь на место из Писания: «*Дух животворит; плоть не пользует никако*» (Ин. 6:63). На это мы приводим два ответа: один — св. Иоанна Златоуста, другой — св. Августина. Первый гласит, что *плоть одна, без духа, то есть без Божества, не принесла бы пользы*. Второй — что *плотское, грубое разумение*, какое было у кепернаумлян, *не приносит пользы*.

Чтобы применить этот искусный прием, надо сперва показать немощь одной лишь плоти, без соединения с Божеством или Его помазания, и объяснить, что именно Божество дает человечеству Христову силу воздействовать на своих членов, то есть на верных, сообщая им, как Глава, ту благодать, что была Ему дана. И таким образом, именно этот дух Божества и эта священная плоть и животворят души, которые через причащение делаются Его причастниками.

Следуя второму смыслу, надо лишь показать, сколь грубым и недостойным величия этого таинства было чувство кепернаумлян и сколь далека католическая вера от этого чувства. А затем заключить, сколь истинно слово Спасителя, что плоть, понимаемая этими двумя способами, не принесла бы никакой пользы, обращая таким образом возражение против правоверного учения в подтверждение его же самого.

Он говорил мне, что весьма долго пользовался этим методом, который чрезвычайно искусно скрывает спорные вопросы, ибо даже если проповедовать только о них, слушателям, не предупрежденным заранее, трудно это заметить.

Он проповедовал один Адвент и один Великий пост в Гренобле, где было множество протестантов, которые посещали его проповеди усерднее, чем проповеди своих пасторов, ибо, как они говорили, в нем не было духа пререканий. А между тем он всегда посвящал первую часть своих проповедей изложению истин католического учения, — но тем способом, о котором я только что сказал, — а вторую часть отводил нравственности и благочестию. Изумление же у протестантов, не замечавших отточенной гибкости метода блаженного, вызывало то, что он доказывал положения веры Римской Церкви теми же самыми местами из Писания, из которых они сами выводили главные свои возражения.

Глава шестая. Ответ скромный и духовный

Когда блаженный трудился над обращением протестантов в Шабле, чему он посвятил пять или шесть лет и за что заслужил имя апостола, случилось ему однажды рассуждать с кафедры в городе Тонон, главном в тамошних краях, о месте из Евангелия, где заповедано подставить правую щеку тому, кто ударил в левую (ср. Мф. 5:39). Когда он сошел с кафедры, к нему подошел один протестант и спросил, способен ли он сам на деле исполнить, о чем только что говорил, или же он из тех, кто говорит, но не делает.

«Дорогой брат мой, — отвечал святой, — я человек слабый и немощный и исполненный всяческих немощей; однако же, сколь бы ни был я жалок, Бог достаточно ясно дает мне понять, как я должен был бы поступать. Но поскольку *дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26:41), не знаю, как бы я поступил. Правда, как без благодати мы не можем ничего, так с благодатью мы можем все, и тростинка в руке этой небесной благодати становится несокрушимой колонной.»

Если мы должны быть готовы, — продолжал он, — претерпеть смерть ради защиты нашей веры, то сколь же более — снести поношение ради сохранения любви. Добавлю, что если бы я так мало сообразовался благодати, что не смог бы терпеливо снести эту обиду, то само Евангелие, порицая тех, кто говорит доброе, но не творит его, учит слушающих *делать то, что они говорят, а не поступать по делам их* (ср. Мф. 23:3)».

«Но Спаситель, — возразил протестант, — не подставил другой щеки слуге первосвященника, что дал Ему пощечину, но, напротив, указал на несправедливость его поступка (ср. Ин. 18:22-23)».

«Таким образом, — отвечал блаженный, — вы бы поставили Господа нашего в один ряд с теми, кто говорит, но не делает, а это было бы кощунством. Мы питаем к сему образцу всяческого совершенства чувства более благоговейные, ибо, во-первых, не нам рассуждать о поступках Того, Чьи деяния, по твердой нашей вере, все до единого совершенны, и не нам вопрошать Его: «Почему Ты поступаешь так?», а во-вторых, мы видим, что Спаситель, движимый ревностью о спасении души этого нечестивца, указал ему на его проступок, дабы призвать его к покаянию. А после этого Он подставляет не только щеки Свои тем, кто желал бы их ударить, но и все тело Свое — ранам, которые покрыли Его, в подобие Иову, от стоп до самой головы (ср. Иов 2:7)».

Глава седьмая. О его строгости и кротости

Наш блаженный с помощью благодати сумел дивным образом соединить в себе эти два качества.

Тот луч величия и достоинства, что благодать изливала на чело его, он умел окружать таким радушием и кротостью, что можно было подумать, будто это Моисей, прикрывающий сияющий лик свой, дабы по-дружески беседовать с братьями своими (ср. Исх. 34:33-35).

И если он обладал очарованием, располагавшим к любви, то была в нем и такая строгость и скромность, что нельзя было не бояться его или по крайней мере не почитать, — но почтением, столь исполненным любви, что я знал многих, кто трепетал при его появлении не столько из страха ему не угодить (ибо ничто ему не претило, и самых грубых людей он всегда принимал хорошо), сколько из страха угодить ему недостаточно.

Признаюсь чистосердечно, я находил такое услаждение, делая что-либо ему угодное, что, когда он выказывал мне свое одобрение, я возносился до самых звезд; и если бы он не научил меня возводить все это к Богу как к конечной цели, не задерживаясь на нем самом, многие из моих дел остановились бы на полпути.

Я знал особ высокого звания, которые, привычно вращаясь в кругу величайших государей и государынь, признавались мне, что в присутствии нашего блаженного следили за собой с большим вниманием, нежели пред лицем этих земных богов; ибо им казалось, что Бог наложил на лик его отпечаток Своего света, проникавший в самую глубину их сердец.

Что же до его кротости, то она была неведома лишь тем, кто никогда его не видел. Казалось, что в нем эта добродетель облеклась в человеческий образ и он был не столько человеком, одаренным этой добродетелью, сколько самою кротостью во плоти. Это давало ему такую власть над душами, что все ему уступали; и поскольку он снисходил до каждого, *делаясь всем для всех* (ср. 1 Кор. 9:22), так и все сообразовывались с его желанием, которое состояло лишь в том, чтобы видеть их преданными служению Богу и утвержденными на пути спасения.

Глава восьмая. Любовь определяет ценность наших дел

Наш блаженный неизменно держался того правила истины, что любовь к Богу есть наш вес¹, и чем более ее в наших делах, тем они драгоценнее.

Дела наши не слиток золота, где чем тяжелее, тем дороже; но скорее пламя, где чем оно чище, тем дальше от всего вещественного.

Есть люди, которые измеряют благость и превосходство добродетельных дел лишь по их природному достоинству или по трудности их совершения, и ценят лишь добродетели блестательные и заметные, не помышляя, что в добродетелях христианских и влитых мерить их надо по меркой не природы, а благодати.

Правда, когда речь идет о славе, именуемой случайной², достоинство или трудность дела, совершенного в благодати, имеют некоторое значение; но когда речь идет о славе сущностной, вся мера ее — в любви.

Когда находились те, кто порицал конгрегацию, только что учрежденную нашим блаженным, находя ее [устав] слишком мягким и удобным, он отвечал лишь одно: «Кто больше возлюбит, тот будет больше возлюблен, а кто будет больше возлюблен, тот будет больше прославлен»; и еще: «Награда дается за любовь». Это вполне согласно с учением Святого Духа, изреченным через святого апостола, который ни во что не ставит ни веру, ни милостыню, ни даже мученичество огненное — без любви (ср. 1 Кор. 13). Она есть совокупность совершенства (ср. Кол. 3:14), без которой все добродетели несовершенны и неспособны ввести нас в славу.

¹ Аллюзия на знаменитое изречение св. Августина: «*Amor meus, pondus meum; eo feror, quoscumque feror*» — «Любовь моя — вес мой; ею я влеком, куда бы ни был влеком» (Исповедь, XIII, 9).

2 Здесь противопоставляются два вида небесной славы, или награды, согласно учению схоластического богословия: 1) Слава сущностная (*gloria essentialis*): Это главная и основная награда в Раю. Она заключается в лицезрении Бога (блаженном видении) и напрямую зависит только от степени любви (*caritas*), которой душа обладала на земле. Чем сильнее любовь, тем глубже единение с Богом, тем выше «сущностная» слава. Это сама суть небесного блаженства; 2) Слава случайная (*gloria accidentalis*): Это вторичная, или дополнительная, радость. Она не является сутью блаженства, но прилагается к ней. «Случайная» здесь используется в философском смысле (от лат. *accidens* — случайное, несущественное свойство) в противоположность «сущности» (*essentia*). Эта слава проистекает не от самого видения Бога, а от осознания совершенных на земле подвигов.

Глава девятая. Замечательное терпение

Однажды знатный человек пришел к нему просить бенефиций для одного священнослужителя, которому он покровительствовал.

Блаженный отвечал ему, что в раздаании бенефициев он добровольно связал себе руки, постановив давать их лишь по итогам соискания, и что в совете судей он имеет лишь один голос, хотя и председательствует на нем. Он пообещал принять во внимание его рекомендацию, в случае если тот, кого он предлагает, явится на экзамен вместе с прочими.

Этот вельможа, нрава резкого и вспыльчивого, вообразил, что это лишь отговорка, и обвинил нашего блаженного в неискренности и даже в лицемерии. И поскольку гнев не знает меры, но, подобно разливающемуся потоку, выходит из берегов при малейшем препятствии, он дошел и до угроз.

Наш святой, не находя лучшего ответа на эти угрозы, чем молчание, оставался тверд, как скала, о которую разбиваются волны, лишь убеляя ее своей пеной. Если же он и

обращался к нему с тем или иным кратким словом, чтобы его умиротворить, тот отвечал, что подобные речи годятся лишь на то, чтобы убаюкивать бабенок, а ему такой лапши не навешаешь.

Блаженный попросил его позволить ему частным образом проэкзаменовать того священнослужителя, которого тот ему рекомендовал; но священнослужитель, будучи человеком малых способностей, и слышать об этом не захотел.

«Как же, — сказал блаженный дворянину, — неужели вы желаете, чтобы я вслепую вверил ему попечение о душах, за которые мне держать ответ? Посудите сами, сударь, есть ли справедливость в таком требовании?»

Вельможа же начал кричать еще громче и изрыгать на блаженного оскорблений, которыми я не хочу марать этой бумаги.

Когда он удалился, один весьма добродетельный священнослужитель, который при этом присутствовал, спросил святого, как он мог снести все эти унижения, не выказав ни малейшего волнения.

«Видите ли, — возразил блаженный, — это говорил не он, а страсть. Вне этого состояния он один из лучших моих друзей, и вы увидите, что мое молчание лишь укрепит меня в его добром расположении. — И затем, возвысив свою мысль, он добавил. — Увы! Разве вы не видите, что Бог от вечности видел, что Он дарует мне благодать с радостью претерпеть это поношение? Чашу сию, от руки столь доброго Отца подаваемую, как же не испить? (ср. Ин. 18:11). О, как сладостен мне сей упоительный кубок из дланя, которую я с детства навык почитать!»

«Но, — спросил его тот священнослужитель, — неужели вы совсем ничего не чувствовали?»

«Я прибег к отвлечению, — отвечал святой, — ибо я заставил себя думать о добрых качествах этого человека, дружбу которого я некогда почитал за великую утеху; и я уповаю, что, когда это настроение пройдет и туман рассеется, вновь настанет ясный день, и он взглянет на меня безмятежно».

И поскольку в тот год он был первосвященником, то изрек пророчество (ср. Ин. 11:51), ибо упомянутый дворянин, прия в себя и размыслив о своей вспышке и о том, как недостойно обошелся со святым епископом, излив гнев в нескромных выражениях, почувствовал глубочайшее сожаление, пришел к нему и со слезами на глазах выказал такое раскаяние, что блаженному стоило немалого труда не то чтобы простить его, но утешить. И с тех пор тот полюбил его вдвойне.

Глава десятая. Его самое любимое блаженство

Однажды его спросили, какое из восьми блаженств кажется ему самым превосходным и более всего по сердцу. Тот, кто задал этот вопрос, полагал, как он сам потом говорил, что блаженный изберет второе — блаженство кротких.

Но он отвечал, что это восьмое: «Блаженны изгнанные за правду».

А когда его спросили о причине такого выбора, он сказал: «Потому что жизнь гонимых за правду всецело *сокрыта в Боге со Христом* (ср. Кол. 3:3) и *сообразна образу Его* (ср. Рим. 8:29), ибо божественный Спаситель всю Свою жизнь был гоним за правду, которую, однако же, исполнял во всей полноте. Они, — добавил он, — *сокрыты в тайне лица Божия* (ср. Пс. 30:21, Вульг.). Они кажутся злыми, а они добры; мертвыми, а они живы; нищими, а они богаты; безумными, а они мудры. Наконец, они в презрении у людей, но в благословении у Бога, для Которого они — благоухание жизни, ведущее к жизни» (ср. 2 Кор. 6:8-10).

После чего он высказал желание, достойное его любви: «Если благодать Божия и вложила в меня некую праведность и сотворила некое благо во мне и через меня, я желал бы, чтобы в день суда, когда откроются тайны сердец, один лишь Бог знал бы о моей праведности, а все творения — о моих неправдах».

О, как дивен Ты в душах, которые наполняешь Своей благодатью, и как чудесны уловки святой любви!

Глава одиннадцатая. О смиренномудрии

Св. Бернард имел дар творить чудеса, причем с такой легкостью, что казалось, будто вся природа ему повинуется. И когда мир рукоплескал ему и воздавал хвалу за эту благодать, он горько плакал. А когда его спрашивали о причине его слез, он отвечал: «Видите ли, я читаю в Писании, что многие из тех, кто сотворят чудеса именем Божиим, окажутся отверженны (ср. Мф. 7:22), тогда как *смиренные духом* — спасутся (ср. Пс. 50:19). И поскольку дар этот неизбежно влечет за собой народную славу, а с нею искушение тщеславием, врагом сердечного смирения, оттого и плачу я, видя, какой опасности подвергаюсь».

Наш блаженный был причастен духу этого великого святого, к которому питал особое благоговение. Ибо, видя, что к нему из разных мест приводят больных и одержимых, дабы он прикоснулся к ним и помолился о них, и что часто от этого случаются необычайные исцеления, и зная в то же время, какой великой славой святости он пользуется, он порой вздыхал и говорил, что эта слава святости однажды дорого ему обойдется, ибо его надолго оставят в чистилище, перестав молиться о нем в уверенности, будто он уже в раю.

Глава двенадцатая. Он никому не отказывал

Он исполнял буквально священный завет: «*Всякому, просящему у тебя, давай*» (Лк. 6:30), — и другой: «*Раздели с голодным хлеб твой*» (Ис. 58:7). Правда, хлеб его земной был так скучен, что оставалось лишь дивиться, как он мог раздавать его в таком изобилии. И часто мне приходило на ум, что Бог, умножая плоды правды (ср. 2 Кор. 9:10), творил в его доме чудо умножения хлебов, где остатков оказывалось гораздо больше, чем было вначале.

Что же до хлеба духовного, то здесь он был не просто щедр, но расточителен. Ибо он никогда не отказывал в духовном утешении никому, будь то в частной беседе или в общей проповеди, — так он боялся упрека: «*Дети просят хлеба, и никто не преломляет им*» (Плач. 4:4).

Он обладал таким великим запасом этого хлеба жизни и разумения, что всегда был готов раздавать его, подобно кормилицам, у которых в избытке молока и которые не желают ничего иного, как поделиться им.

Я много раз дивился, с какой готовностью он проповедовал, будучи от природы медлительным, не обладавшим живым умом и говорившим неспешно и размеренно.

Когда он был в Париже, его попросили произнести проповедь на один из праздников, и он тотчас согласился. И когда один из его домочадцев напомнил ему, что несколькими днями ранее он уже обещал проповедовать в тот же день в другом месте, он отвечал: «Не беспокойтесь, Бог дарует нам благодать умножить наш хлеб. *Он богат милостью ко всем, призывающим Его*» (ср. Рим. 10:12).

Ему сказали, что беспокоятся лишь о его здоровье, которому это может повредить. «Если Бог, — возразил он, — укрепляет наш дух, внушая слова, что требуется сказать, неужели вы думаете, что Он оставит тело, которое есть орудие для раздаяния Его учения? *Возложим на Него заботы наши, и Он укрепит нас*» (ср. Пс. 54:23).

Ему отвечали, что Бог не запрещает заботиться о своем здоровье. «Нет, — сказал он, — но Он запрещает не доверять Его благости». И, чтобы окончательно пресечь этот разговор, он добавил: «Уверяю вас, если бы меня попросили о третьей проповеди в тот же день, мне было бы и духом, и телом легче ее произнести, нежели отказать. Разве не должны мы расточить себя, телом и душой, ради этого дорогого ближнего, которого Господь наш так возлюбил, что умер за него от любви?»

Глава тринадцатая. Блаженный обращает священнослужителя, ведущего соблазнительную жизнь, а затем исповедуется у него

Когда он совершал объезд своей епархии, ему принесли множество жалоб на одного священнослужителя, чья жизнь была соблазнительна, а поведение не соответствовало учености, которой он обладал.

Сей священнослужитель предстал перед блаженным с такой дерзостью, словно был невинен во всем, в чем его обвиняли перед святым прелатом, и громко вопиял о клевете.

Святой принял его весьма благосклонно и со своей обычной добротой; но, видя его дерзость в самозащите, краснел за него. Одно лишь это выражение лица, без всякого иного увещания, тронуло сердце нераскаянного грешника.

Он решается предстать перед судом вышнего Судии в исповеди и просит святого епископа выслушать его на трибунале покаяния. Ухо святого тотчас же отверзлось ему, а еще более — сердце; и грешник вышел из этой спасительной купели, подобно Нееману из вод Иорданских (ср. 4 Цар. 5:14), и лицо его было покрыто тем святым стыдом, что *ведет к славе* (ср. Сир. 4:25).

И сказал священник святому: «Что ж, монсеньор, что вы думаете о величайшем грешнике на земле?» — «То, что Бог излил на вас, о брат мой, великое Свое милосердие, — отвечал блаженный. — В очах моих вы весь сияете благодатью». — «Но, — возразил тот, — вы ведь знаете, каков я». — «Вы таковы, как я говорю», — возразил святой. — «Я хотел сказать, каким я был». — «А этого, — отвечает блаженный, — я уже не помню. И зачем мне хранить в памяти то, что Бог предал забвению? Неужели вы принимаете меня за того фарисея, который судил о Магдалине по тому, какой она была, а не по тому, какой она стала, омывая слезами ноги Спасителя? (ср. Лк. 7:39).

А в доказательство того, — добавил он, — что я вижу в вашем сердце полноту благодати небесной, аж переливающуюся через край во все стороны, прошу вас уделить мне от них долю, преподав мне ваше благословение. — И с этими словами блаженный бросился к ногам священника, отчего тот пришел в полное замешательство. — Нет, — сказал святой, — это не притворство. Я умоляю вас оказать мне ту же услугу, какую вы только что получили от меня, и выслушать мою исповедь».

Тот отказывался, но святой понудил его согласиться, отчего тот получил несказанное назидание. И чтобы показать ему, что он воистину и от всего сердца его уважает, он еще дважды или трижды исповедался у него на глазах у всего народа, который не знал, чему дивиться более: изумительному ли смирению святого епископа или чудесному обращению священнослужителя.

Глава четырнадцатая. О довольстве своей участью в бедности

Он иногда повторял слова Сенеки: «О бедность, сколь великое ты благо, но как мало познанное!»

«Я весьма ее люблю, — говорил он, — да и кто не возлюбил бы ту, которую так лелеял Господь наш и которая так верно сопутствовала Ему во дни плоти Его и в пору пребывания среди людей? Но, по правде сказать, я не слишком хорошо ее знаю, ибо никогда не видел ее вблизи; я говорю о ней лишь понаслышке, как теоретик».

«Вам бы еще менее пристало, — говорил я ему, — рассуждать о богатстве, имея столь малое достояние».

Он отвечал мне прекрасными словами того же Сенеки: «Счастлива бедность, когда она радостна; но она и не бедность вовсе, если не весела». Такова была бедность апостолов, радовавшихся в нуждах и страданиях за Иисуса Христа.

«Священнослужитель, — говорил он (а святой Павел говорит то же о всяком христианине), — который, имея пропитание и одежду (ср. 1 Тим. 6:8), недоволен, не заслуживает имени священнослужителя, ибо Господь есть часть наследия его и чаши его (ср. Пс. 15:5, Вульг.). Мое епископство, — говорил он, — стоит для меня столько же, сколько архиепископство Толедское, ибо оно сулит мне рай или ад, — так же как и тому архиепископу, — в зависимости от того, как каждый из нас исполняет свое служение.

Великое приобретение — быть благочестивым и довольным (1 Тим. 6:6). Моего дохода достаточно для моих нужд; то, что сверх того, было бы излишеством. Те, у

кого больше, имеют это «больше» лишь для того, чтобы содержать большую свиту. Стало быть, это не для них, а для их слуг, которые в праздности расточают достояние Распятого. У кого меньше, с того меньше и спросится (ср. Лк. 12:48). У кого меньше излишеств, тому меньше и раздавать, и меньше забот о том, кому раздать. Ибо Царь Славы желает, чтобы Ему служили и почитали Его с рассуждением (ср. Рим. 12:1). Те, кто имеет большие доходы, порой тратят столько, что к концу года у них остается не больше моего, а то и вовсе влезают в долги. Я же полагаю величайшим богатством не иметь долгов.

Как для борьбы с честолюбием лучшее средство — принимать во внимание тех, кто ниже нас, а не тех, кто выше, так и для борьбы со стяжательством — тех, кто беднее, а не тех, кто богаче. Обычно мы бедны лишь в сравнении, а не на самом деле. Если мы будем желать лишь необходимого для природы, мы никогда не будем бедны; если же будем желать согласно людскому мнению, никогда не будем богаты. Чтобы разбогатеть быстро и с малыми затратами, надобно не копить блага, а умалять алчность; подражать скульпторам, которые создают свое творение, отсекая лишнее, а не художникам, которые его создают, добавляя новое. Никогда не удовлетворится тот, кому недостаточно того, что достаточно.

Наиболее несносны для него были жалобы священнослужителей на бедность. «Ибо, — говорил он, — иерей вступает в священный сан либо с бенефицием, либо с родовым именем, достаточным для его содержания. Раз так, на что же он жалуется? Если он представил ложные сведения о доходах или получил недостаточный бенефиций, то жаловаться ему надобно на свой обман или на свою неосмотрительность, а не на бедность. В сущности, пусть он вспомнит, что сказал пред лицом Церкви торжествующей и воинствующей, принимая постриг: что Господь есть *часть наследия его* (ср. Пс. 15:5, Вульг.). А тот, у кого в уделе Сам Бог и Его провидение, в чем может он испытывать недостаток? Ибо что насытит того, кому не довлеет Сам Бог?»

Глава пятнадцатая. О различии между простительным грехом и несовершенством

Наш блаженный говорил, что простительный грех всегда гнездится в воле, ибо без ее согласия не может быть греха.

Несовершенство же, собственно, есть некий ущербный порыв, который предваряет полное согласие воли. Смеяться неумеренно и непристойно, с обдуманным удовольствием, не обращая особого внимания на дурной пример, подаваемый присутствующим, — это простительный грех. Но быть застигнутым врасплох желанием рассмеяться и разразиться смехом без обдумывания — это лишь несовершенство. Обдуманная досада, выказывающая раздражение, — это простительный грех; но когда она возникает внезапно и скоро, без обдумывания, подобно молнии, что исчезает, едва появившись, — это лишь несовершенство.

И вот эти несовершенства не составляют достаточной материи для [того, чтобы в них исповедоваться и просить] отпущения грехов, в отличие от простительного греха, исповедь в котором, однако же, не является строго обязательной.

Именно по этому поводу наш блаженный сказал однажды одной доброй душе, которая исповедовала ему лишь несовершенства, почитая их простительными грехами, что он не

находит в ней материи для отпущения; и, воспользовавшись случаем, объяснил ей разницу между одним и другим.

Глава шестнадцатая. О почтении к своему призванию

«*Каждый оставайся в том звании, в котором призван*», — говорит апостол (1 Кор. 7:20). Одно из блаженств этой жизни — находить удовольствие и быть довольным тем положением, в котором находишься. Кто желает иного, никогда не знает покоя. Трудно хорошо обходиться с гостем, которого хочешь выпроводить. Однако же надо любить свое призвание так, чтобы не сотворить из него идола.

Чрезмерное почтение к своему положению никогда не обходится без некоторого тщеславия, которое обнаруживается в частых и чрезмерных похвалах, ему расточаемых, и еще более — когда доходят до презрения к другим призваниям. Сказать: «*Я не таков, как прочие люди*», — значит выказать тщеславие того, кто, выйдя из Храма, не возвращается в дом свой оправданным (ср. Лк. 18:11-14).

Вот как наш блаженный говорил об этом доченькам своим:

«Дочери ордена Посещения, — говорил он, — всегда будут говорить весьма смиленно о своей малой конгрегации и, признавая первенство чести и уважения за всеми другими орденами, свой собственный они, однако же, будут предпочитать по любви, с радостью свидетельствуя при всяком удобном случае, сколь отрадно им жить в своем призвании. Подобно тому как жена предпочитает своего мужа всем прочим — не по чести, но по сердечной привязанности; как каждый любит свою страну больше других — не из почтения, но из любви; и как кормчий дорожит своим судном более, чем прочими, пусть и более богатыми и лучше оснащенными, так и мы признаем чистосердечно, что другие конгрегации лучше, богаче и превосходнее, но для нас нет ничего любезнее и желаннее нашей. Ибо Господу нашему было угодно, чтобы именно она стала нашим отечеством и нашим кораблем, и чтобы сердце наше было обрученено с этим Установлением» (Беседы, 1).

Я помню, как наш блаженный хвалил особенно монсеньора епископа Салуцкого, своего близкого друга, прелата святой памяти, за то, что, будучи священником Оратория в Риме, он либо редко говорил о своей Конгрегации, либо говорил о ней в самых смиренных выражениях, хотя в сердце своем он почитал и лелеял ее так сильно, что покинул ее лишь со слезами, дабы принять по велению папы епископское служение. Но когда речь заходила о других орденах, то отзывался о них с величайшей похвалой; особенно же о пастырском служении он говорил в самых возвышенных выражениях.

Таков обычай святых, для которых все велико, кроме них самих и того, что их касается. И как же далек он от образа действий тех, кто не может похвалить безбражие, не порицая брака; или добровольную нищету, не порицая богатства, даже того, которым пользуются во благо; или послушание, не презирай властей и начальств; или жизнь в общине, не унижая жизни уединенной.

ПЯТНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

Глава первая. Об изъявлениях ласки

Хотя наш блаженный от природы был нрава чрезвычайно приветливого, добросердечного и любвеобильного, а следовательно, учтивого и ласкового, он, однако же, был весьма сдержан в изъявлениях чувств, часто облекая их в великую скромность. И если кротость его внушала доверие, то степенность его вызывала не то чтобы страх, но по меньшей мере смесь страха с почтением, что производило то же действие, что и робость.

И вот какой совет он давал по этому поводу:

«Не следует, — говорил он, — слишком часто прибегать к изъявлениям ласки и по всякому поводу расточать медовые речи, щедрой рукой рассыпая их перед первым встречным. Ибо, подобно тому как мясо, чрезмерно посыпанное сахаром, становится приторным и вызывает отвращение, так и слишком частые ласки становятся навязчивыми, и на них перестают обращать внимание, зная, что это лишь привычка. И как неприятны на вкус кушанья, в которые соли бросили целую пригоршню, из-за их едкости, те же, где соль и сахар положены в меру, приятны на вкус, так и ласковые изъявления, оказываемые с мерой и рассудительностью, приятны и полезны тем, кому они адресованы» (Трактат о любви к Богу, кн. 4, гл. 9).

Глава вторая. О несправедливости людей в деле спасения

«Сыны человеческие, — говорит Царь-Пророк, — обман на весах» (ср. Пс. 61:10), ибо суэта чувств вводит их в заблуждение. Так, неправедный, желая изгнать из сердца страх Божий, внушает себе, будто Бог слишком благ, чтобы взыскивать за прегрешения с людей, облеченных немощью, — с духа, что влечется ко греху и сам собой от него не отвращается. Другие же, еще более нечестивые, говорят: «Не видит Господь» того или не обращает на то внимания (ср. Ис. 47:10).

Мнительные же души впадают в иную крайность: они воображают себе Бога, Который находит угоду лишь в наказании и вооружен одними молниями. Все их страшит, и они не помышляют, что милосердие Божие в проявлениях своих выше Его правосудия, что оно превыше всех дел Его (ср. Пс. 144:9) и что даже в величайшем гневе Своем Он не в силах сдержать потока Своей милости.

Наблюдая эту неуравновешенность человеческого духа, наш блаженный порой пользовался случаем, чтобы направить свои увещания, как общие, так и частные следующим образом.

Он говорил, что те, кто утвердился и закоснел во зле до той плачевной крайности, что не имеет никакой заботы о своем вечном спасении, либо впадают в излишество, либо не делают и того, что должно.

Впадают в излишество (если еще веруют в ад), ибо даже из себялюбия им следовало бы заботиться о том, чтобы не усугублять своих мук и не обременять себя чрезмерными

долгами перед правосудием Божиим. Ведь и самые отъявленные злодеи на земле не творят всего зла, к которому влечет их злоба, из страха перед земными казнями. А не делают и того, что должно, если не сохранили в душе и проблеска веры, истребив в себе всякую веру в муки будущей жизни.

Что ж до тех, кто еще имеет некоторую заботу о своем спасении и говорит: «Я хочу спастись», — поистине, говорил наш блаженный, большинство из них либо впадают в излишество, либо не делают и того, что должно.

Впадают в излишество — в том смысле, что воображают, будто Бог, будучи богат милостью, легко прощает и десять тысяч талантов, а значит, для спасения не требуется особой точности и усердия; и потому недостаточно следят за своими путями. Не делают и того, что должно — творя мало доброго, да и то малое так несовершенно и с таким нерадением, что дела их подобны медленным стрелам, пущенным детской рукой, что не могут достичь цели.

И как же мало среди них, даже среди тех, кто ревнует о благочестивой жизни, таких, кто действует ради конечной цели и все свои дела возводит к славе Божией!

Глава третья. О добром господине

Хочу рассказать вам историю, которую я слышал из уст нашего блаженного.

Один прелат высокого происхождения так охотно принимал людей к себе на службу, что имел их втрое больше, чем ему было нужно. И хотя слуг у него было великое множество, служили ему от этого не лучше, а вот обедали лучше. Это вовлекло его в расходы, намного превосходившие его доход, хотя он и был весьма богат; так что он сильно задолжал, и дошло до того, что его управляющим с великим трудом удавалось находить средства на пропитание челяди.

Его родственники, люди весьма влиятельные, видя его положение, посоветовали ему распустить по меньшей мере половину свиты. Тяжкое слово для этого доброго господина! Однако же он согласился, столь он был мягок и снисходителен.

Ему составили список тех, кто был ему бесполезен. Он велел позвать их и, когда они явились, спросил, не имеют ли они к нему каких-либо просьб. Большинство, уже проведав о своем увольнении, принялись плакать, и один из них, говоря за всех, сказал ему:

«Монсеньор, надобно покинуть сей мир, чтобы найти господина лучше вас. Нет ни одного из нас, кто не желал бы умереть на вашей службе. Покидая вас, мы можем поистине сказать, что потеряли все». — «Как! — сказал прелат. — Стало быть, я вам необходим?» — «Увы, — отвечал тот, — монсеньор, так необходимы, что, если вы нас оставите, мы все станем несчастными». — «Клянусь душой, — сказал добрый прелат, — не будет так, как мне советуют. Что ж, оставайтесь все со мной, дети мои: одни — потому что они мне необходимы и я не могу без них обойтись, а вы — потому что я вам необходим и вы не можете обойтись без меня. Пока у меня будет хлеб, и вы будете иметь в нем долю; когда же его не станет, мы все вместе умрем от голода».

Он сказал это, смешивая свои слезы со слезами этих бедных слуг.

Однако же, мало-помалу он пристроил их, определив к своим друзьям; и многие по его рекомендации и протекции обрели хороший удел.

Блаженны кроткие... и милостивые, ибо они помилованы будут (ср. Мф. 5:5, 7).

Глава четвертая. О красноречивых проповедях

Когда речь заходила о проповедниках, которые «творят чудеса», он спрашивал:

«А сколько людей обратилось благодаря их проповеди? Ибо обращение душ, — добавлял он, — есть дело более чудесное, нежели воскрешение мертвых, поскольку это — переход от смерти греховной к жизни в благодати».

Если ему отвечали, что под этими чудесами разумеют красноречие, ученость, память, красоту жеста и прочие достоинства оратора, он возражал:

«Эти достоинства свойственны оратору мирскому, и их можно добиться человеческими усилиями; но не [эти качества присущи] тому, в кого Святой Дух излил свыше дарованное знание гласа Небесного, которое есть спасительное знание святых.

Когда вы выходите с проповеди, не тешьте себя множеством пустых восторгов толпы: «О, как хорошо он говорил!», «О, какой прекрасный слог!», «О, бездна учености!», «О, изумительная память!», «О, какой изящный оратор!», «О, какое удовольствие слушать этого человека, никогда не бывал на таком пиршестве!». Все это — лишь пустая болтовня, исходящая из голов безрассудных.

Христианские проповедники, — говорил св. Иероним¹, — должны искать не ухищрений риторов, а простых слов рыбаков, то есть святых апостолов.

Если св. Павел осуждает слушателей, у которых зудят уши, сколь же более отвергает он проповедников, которые услаждают их слух изысканными словами, размеренными периодами и отточенными оборотами (ср. 2 Тим. 4:3)!

Но если, выходя с проповеди, вы встретите таких, кто, ударяя себя в грудь, подобно сотнику (ср. Лк. 23:47-48), говорит: «Воистину, этот человек от Бога; он проповедует Иисуса Христа, и притом распятого, а не себя самого (ср. 1 Кор. 2:2); он учит нас каяться в грехах наших; лишь от нас зависит, оставим ли мы наши дурные пути. Проповедь эта будет нам в укор в день Судный, если мы не воспользуемся ею во благо»; или если они говорят: «О, как необходимо покаяние тому, кто хочет спастись! Как прекрасна добродетель, как сладостно бремя Креста, как легко игра закона! Как мерзок и ненавистен грех! Лучше умереть, чем согрешить!»; или если, без долгих речей, слушатели свидетельствуют о плодах проповеди исправлением своей жизни, — вот тогда и судите о благости и достоинстве проповедника, но не к его славе, а к славе Пославшего его, Который есть Бог, говорящий его устами и исполняющий его Своим Духом».

Он подтвердил мне это следующим примером.

«Один весьма знаменитый проповедник, — рассказал он мне, — однажды приехал ко мне в Анси. Я попросил его произнести проповедь, на что он согласился. И, взяв высокий слог,

изложил возвышенные мысли в столь пышных выражениях и с таким великолепным красноречием, что поразил всех этих добрых горцев».

По окончании проповеди слышались лишь слова восторга и восхищения. Никогда еще столько благовоний хвалы не возносилось смертному. Все наперебой расточали ему похвалы и превозносили его до звезд.

Блаженный, присутствовавший на этой проповеди и знавший, насколько она превосходила разумение этих восторженных слушателей, отвел нескольких в сторону и спросил, что именно они запомнили и какую пользу извлекли. Но они так и не смогли ничего сказать.

Один из них, самый чистосердечный, ответствовал: «Если бы я его понял и смог пересказать, значит, он не сказал бы ничего, кроме пошлостей. Наше невежество и побуждает нас к этим восторгам, ибо он говорил о вещах столь высоких и возвышенных, что они превосходят наше разумение, и именно это и заставляет нас еще выше ценить величие тайн нашей веры».

Блаженный похвалил его чистосердечие и счел, что тот извлек из этой проповеди хоть какой-то плод.

Ибо весна красна цветами, а осень — плодами. Проповедник же, чье слово богато лишь листвой речей да изяществом мыслей, рискует разделить участь тех бесплодных смоковниц, которым в Евангелии грозят секирой и огнем (ср. Мф. 3:10, Лк. 13:7). «Я вас избрал, — говорил Господь наш Своим апостолам, — чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал» (Ин. 15:16).

¹ Ср. св. Иероним Стридонский, Письмо 52 (к Непоциану), 8.

Глава пятая. О грехах соучастия

Есть души столь слабые, что все ввергает их в мрак. Им мчится, будто змеи кишат у них под ногами, и в своей мнительности они полагают, будто все их ранит и отравляет. Находясь в обществе, они всякое слово, противное их чувствам, и всякий поступок, нарушающий благопристойность, вменяют себе в новый грех, хотя на деле и питают к ним лишь неприязнь да отвращение.

Однако же, поскольку искушения не могут нам повредить, покуда мы говорим «нет», то как же мы могли бы соучаствовать в проступках других, не давая на то своего согласия или одобрения?

«Но разве братское вразумление не только рекомендовано, но и заповедано?» —«Оно, несомненно, заповедано в определенных случаях и определенным лицам, как, например, настоятелям, которые обязаны увещевать тех, кто находится под их началом, и равным себе, — однако же, со всяким долготерпением и назиданием (ср. 2 Тим. 4:2). И даже нижестоящие обязаны к этому, но лишь со всей скромностью и смиренiem, когда видят,

что есть надежда на исправление. Вне этих случаев братское вразумление может быть опущено без греха.

Полагать же, будто обязан делать замечание всякий раз, как видишь или слышишь нечто предосудительное, — это рвение неблагоразумное и лишенное истинного ведения».

Одной душе, терзавшейся этим вопросом, наш блаженный сказал так:

«В беседах сохраняйте мир в сердце, что бы там ни говорилось и ни делалось. Ибо если говорится и делается доброе, у вас есть повод хвалить Бога; если же злое — у вас есть повод послужить Ему, отвратив от того сердце свое, не выказывая при этом ни изумления, ни досады. Вы здесь бессильны, и у вас не хватит власти, чтобы пресечь дурные речи тех, кто желает их произносить, а при малейшей попытке им воспрепятствовать они наговорят еще худшего. Поступая так, вы сохраните совершенную невинность среди змеиного шипения и, подобно прекрасной землянике, не заразитесь никаким ядом от соседства с языками ядовитыми».

Из этих слов вы видите:

1. Что не всегда необходимо делать замечание.
2. Что порой это даже и нецелесообразно, дабы не усугубить зло.
3. К тому же, что отложено, то не потеряно.
4. Есть лекарства, которые, будучи приняты или даны не вовремя, усугубляют болезнь, вместо того чтобы ее исцелять.
5. Рвение нерассудительное — это врач, который более нуждается в собственном исцелении, нежели в том, чтобы лечить других.

Глава шестая. Его пламенная ревность о душах

Когда блаженный совершал обезд своей епархии в высоких горах Фосиньи, где зима вечно, подобно владыке, восседает на ледяном престоле, он узнал, что один бедный пастух, спасая свою корову, сорвался в глубокую пропасть и там замерз насмерть. Из этого он извлек для себя дивный урок, с какой заботой он должен печься о пастве, вверенной ему Богом, и что не должен щадить и жизни своей ради их спасения.

«Видел я, — говорил он, — в минувшие дни устрашающие горы, сплошь покрытые льдом толщиной в десять или двенадцать пик¹. И жители соседних долин рассказали мне, что один пастух, отправившись на поиски своей коровы, сорвался в расщелину глубиной в двенадцать пик и там замерз насмерть. О Боже, — сказал я тогда себе, — неужели пыл этого пастуха в поисках коровы был так горяч, что и этот лед не смог его остудить? И почему же я так нерадив в поисках моих овец? Поистине, это умилило мое сердце, и лед, сковавший его, растаял.

Я видел в тех краях чудеса: долины были полны домов, а горы до самого подножия — полны льда. Малые вдовицы, малые селянки, подобные этим низким долинам, так плодоносны в добродетели; а епископы, столь высоко вознесенные в Церкви Божией, совсем ледяные. Ах! Неужели не найдется солнца, достаточно сильного, чтобы растопить тот лед, что меня леденит?» (Кн. 2, Письмо 57).

Сколько ревности о душах, сколько смирения, сколько ревности, сколько благочестия в этом рассказе!

1 «Пика» (pique) — это старинная французская мера длины, не имевшая строгого стандарта. Ее размер соотносился с длиной пехотного копья — пики. В XVII веке длина такой пики составляла примерно от 4,5 до 5,5 метров. Таким образом, «десять или двенадцать пик» — это приблизительно от 45 до 60 метров. Речь идет о толщине ледника.

Глава седьмая. Об отвращении к своему званию

Нет ничего более частого в мире, да, быть может, и за его пределами, чем отвращение к своему званию. Когда враг не может склонить нас ко злу прямыми искушениями, он нападает сбоку; и когда не может заставить нас споткнуться, он делает все, чтобы внушить нам беспокойство. А среди всех беспокойств нет более тягостных и причиняющих больше горечи, чем те, что внушают нам отвращение к нашему званию.

Святой Дух взывает к нам в Священном Писании: «*Каждый оставайся в том звании, в котором призван*» (1 Кор. 7:20); а лукавый дух не внушает нам ничего с таким усердием, как желание оставить его и переменить. Посему великая тайна в том, чтобы твердо стоять в той ладье, в которую поместил нас Бог, дабы благополучно совершить плавание по этой жизни к пристани блаженной вечности.

Такова была мысль нашего блаженного, которую он выражает следующим образом:

«Не тешьте себя иными делами. Не сейте желаний своих в чужом саду. Возделывайте как следует лишь свой собственный. Не желайте стать тем, кем вы не являетесь, но желайте в совершенстве быть тем, кто вы есть. Займите помыслы ваши тем, чтобы совершенствоваться в этом, и нести кресты, малые или большие, которые вы на этом пути встретите. Поверьте мне, вот великое слово, и наименее понятое в духовном руководстве: каждый любит по своему вкусу; немногие любят по своему долгу и по вкусу Господа нашего. К чему строить воздушные замки, когда нам надобно строить на своей земле? Таков мой неизменный урок, и вы его прекрасно понимаете» (Кн. 1, Письмо 3).

Глава восьмая. Праведник падает семь раз в день

Одна добрая душа, размышляя однажды над этим отрывком из Писания (ср. Притч. 24:16) и понимая его слишком буквально, впала в дивные терзания, говоря себе: «Если праведник падает столько раз, то сколько же раз в день должна падать я, неправедная?». Однако же, при вечернем испытании совести, со всей возможной тщательностью исследуя себя и со всем вниманием подмечая в течение дня свои

недостатки, она порой не насчитывала и этого числа, что причиняло ей крайнюю скорбь и великое смущение духа.

Она решилась посоветоваться с нашим блаженным об этом своем недоумении; и вот как он вывел ее из него и как объяснил ей этот отрывок:

«В приведенном вами отрывке, — возразил блаженный, — не сказано, будто праведник *видит* или *ощущает*, что падает семь раз в день, но лишь то, что он *падает* семь раз. Ибо он и встает, не замечая, как встает. Посему не терзайтесь этим, но смиренно и чистосердечно исповедуйте то, что заметили; а то, чего не заметили, предайте кроткому милосердию Того, Кто подхватывает падающих по немощи, дабы падение их не было сокрушительным. Он поднимает их столь скоро и столь бережно, что они не замечают ни своего падения, ибо рука Божия удержала их, ни своего восстания, ибо Он воздвиг их так внезапно, что они и помыслить о том не успели (ср. Пс. 144:14; Пс. 36:24).

Есть души, которые помышляют о себе слишком мало и почти не размышляют о своем поведении; а есть и другие, что помышляют слишком много и от избытка размышлений лишь загромождают свой дух.

Несомненно, — говорит наш блаженный, — покуда мы здесь, облеченные в это столь тяжелое и тленное тело, в нас всегда есть некий недостаток. Не знаю, говорил ли я вам когда-нибудь: надобно иметь терпение ко всем на свете, и в первую очередь — к самим себе. Мы для себя докучнее, чем кто-либо другой, с тех пор как научились различать ветхого и нового Адама, человека внутреннего и внешнего» (Кн. 2, Письмо 42).

Глава девятая. Об обществах и беседах

Иные, движимые добром, но непросвещенной ревностью, едва вознамерившись посвятить себя благочестивой жизни, тотчас полагают, будто надобно бежать от общества и бесед, подобно совам, что сторонятся дневных птиц. Таким суровым и нелюдимым поведением они лишь внушают отвращение к набожности, вместо того чтобы являть ее любезный и привлекательный лик.

Наш блаженный был против этого, он предпочитал, чтобы те, кто посвящает себя набожной жизни, своим добрым примером были *светом мира и солью земли*, позволяя вкусить благочестие тем, кто не имел к нему вкуса (ср. Мф. 5:13-14).

«Но, — говорят, — если соль вернется в море, из которого вышла, она растает и растворится». — «Это правда, — отвечал он, — но также правда и то, что если она не смешается с яствами, те останутся безвкусными».

Одной доброй душе, спросившей его, могут ли те, кто желает жить в некотором совершенстве, видеть мир, он отвечает так:

«Совершенство состоит не в том, чтобы не видеть мира, но в том, чтобы не вкушать его и не услаждаться им. Все, что приносит нам зрение, — это опасность, ибо кто видит мир, рискует его полюбить; но тому, кто тверд и решителен, зрение не вредит.

Одним словом, совершенство святой любви (*charité*) есть совершенство жизни, ибо жизнь души нашей есть любовь. Первые наши христиане пребывали в мире телом, а не сердцем, и оттого не переставали быть в высшей степени совершенны».

Глава десятая. О любви к слову Божию

Подобно тому как аппетит есть один из вернейших признаков телесного здравия, так и аппетит духовный и вкус к слову Божию позволяют судить о благости души и о здравии духовном. Все святое, равно как и слово о нем, неизменно любезно святым душам.

Главный признак предопределения в душе, говорит св. Бернард¹, это любовь, которую она питает к слову Божию; и не знаю, не есть ли это часть той алчбы и жажды правды, которая есть одно из блаженств (ср. Мф. 5:6). Ибо всякий, кто стремится к большей праведности, находит уладу в слушании тех, кто указывает ему средства к преуспеханию на стезях правды, а это и делают проповедники, наставляя на путь Божий.

Но в сердце тех, кто находит уладу в слушании слова Божия, часто вкрадывается недостаток, а именно — лицеприятие; они словно бы не разумеют, что спасительный хлеб и вода небесной премудрости равно полезны душе, приносит ли их ворон или ангел, то есть проповедник добрый и приятный или же дурной и неприятный.

«Отчего же, — скажут, — одни приятнее других?»

Часто это происходит не из-за недостатка или совершенства проповедников, а из-за суждения людского, чей суд в таких делах обычно несправедлив. Из трех задач оратора: учить, волновать и услаждать — мир, весь погруженный в удовольствия, ценит лишь последнюю, хотя она-то и есть самая малая и ее-то и следует наименее искать. Ибо написано, что Бог сокрушит кости человекаугодников (ср. Пс. 52:6, Вульг.), и апостол говорит о себе, что если бы он нравился людям, то не был бы рабом Христовым (ср. Гал. 1:10).

Большинство слушателей разделяют вкус того, кто говорил пророку: «Говорите нам лестное» (ср. Ис. 30:10), — и того царя, что жаловался на другого пророка, ибо тот не возвещал ему ничего, кроме дурного (ср. 3 Цар. 22:8). Они хотят, чтобы им льстили, чтобы говорили им лишь о прощении и милосердии, и с трудом выносят, когда их укоряют в грехах и напоминают о наказаниях, которые они справедливо заслужили своими преступлениями. Тех, кто берется просто учить, презирают; популярны лишь те, кто усердствует в услаждении слуха ухищрениями риторики.

Вот как объясняет это наш блаженный:

«Я замечаю, — говорит он, — что когда пишу кому-либо на плохой бумаге и, следовательно, дурным почерком, меня благодарят с той же сердечностью, как если бы я писал на лучшей бумаге и более красивым почерком. Почему так? Не потому ли, что обращают внимание не на плохую бумагу и не на дурной почерк, но лишь на меня, пишущего? Так же надобно поступать и со словом Божиим. Не смотреть на того, кто его нам возвещает и изъясняет. Нам должно быть довольно того, что Бог пользуется этим проповедником, чтобы научить нас. И раз уж мы видим, что Бог

оказывает ему такую честь, говоря его устами, как же мы, с нашей стороны, могли бы не почтить и не уважить его самого?»

¹ Ср. св. Бернард Клервоский, Проповедь 7 на Песнь Песней.

Глава одиннадцатая. Об упражнении в предании себя в руки Божии

Поскольку, хотим мы того или нет, нам не дано ни избежать Бога, ни укрыться от Духа Его и от взора Его, то не мудрее ли будет добровольно и с любовью принять неизбежное, свободно предавая свою участь в Его руки и в этой жизни, и в грядущей вечности?

Именно это упражнение в предании себя наш блаженный так усердно советует во всех своих писаниях, видя в нем краткое изложение евангельского совершенства, которое говорит лишь об отречении от себя из любви к Богу. И следует заметить, что это предание себя должно совершаться *в любви и ради любви* Божией; ибо без этой живой и царствующей любви ни раздача всего своего имущества бедным, ни предание собственного тела на сожжение не послужило бы никакого для жизни вечной (ср. 1 Кор. 13:3) и походило бы, в лучшем случае, на отречение философов, которых любовь к человеческой мудрости заставляла от всего отказываться.

Вот как говорит об этом наш блаженный:

«Надобно знать, — говорит он, — что предать душу свою и отречься от себя — это и значит отрешиться от собственной воли, дабы вручить ее Богу. Ибо какая польза была бы в самоотречении, если бы оно не вело к совершенному нашему единению с божественной благостью?» (Беседы, 1).

Но как совершается это единение? Ибо в этом — великий плод и главное следствие этого предания себя. Оно совершается, говорит наш блаженный в «Трактате о любви к Богу», через полное подчинение и сообразование нашей воли с волей Божией — как явленной (*signifiée*), так и промыслительной (*de bon plaisir*). Приложение нашей воли к воле Божией, нам явленной, совершается через покорность или бесстрастие, а к воле промыслительной — через приостановку [своих желаний] или простое ожидание. Так что личность, совершенно предавшая себя, не просто желает того, чего желает Бог, но и так, как Он. Сердце ее уподобляется мягкому воску, способному принять любые отпечатки, какие будет угодно Богу на нем оставить.

И в этом-то и состоит сладостнейшая кончина нашей воли. (Не то чтобы под этой смертью он разумел, будто свободная воля наша нас оставляет; ибо она, напротив, становится еще более сообразной воле Божией, в послушании которой и состоит совершенная свобода детей Божиих (ср. Рим. 8:21)). Он сам объясняет это, говоря, что, как только душа, предавшая себя промыслу Божию, замечает в себе некое своеволие, она тотчас же дает ему умереть и скончаться в воле Божией, подобно тому как свет звезд всякое утро растворяется в свете Солнца, когда оно возвращает нам день.

Глава двенадцатая. Скромная и уединенная жизнь — великий прибыток

Вот примечательный пример на сей счет, который я услышал из уст нашего блаженного.

Монсеньор Веспасиан Гримальди, пьемонтец по рождению, сделал во Франции довольно большое состояние в духовном сословии во времена регентства королевы Екатерины Медичи. Он был возведен в сан архиепископа Вьенского в Дофине и, стремясь к блестящей жизни, приобрел, помимо этого, еще несколько других бенефициев с большим доходом; именно при дворе он и скопил все свое состояние. Но то ли из-за того, что Бог не благословлял его пути, то ли по собственной чрезмерной склонности к расточительству и пышности он вечно испытывал недостаток — не только в средствах, но и в здоровье.

Устав влечь столь томительную и стесненную жизнь, он решился на уединение. Некогда взор его обратился к берегам Женевского озера, где он и приметил пейзаж, прекраснее которого и представить невозможно; край, изобилующий всеми житейскими удобствами. Там-то он и решил поселиться, дабы в мире завершить остаток своих дней.

Для этого он выбрал небольшой городок под названием Эвиан (*Aquinum*) из-за обилия и чистоты его вод и прекрасных источников; он расположен на берегу озера и окружен землями не менее плодородными, чем приятными. Оставив свое архиепископство и все свои бенефиции, за исключением пенсии в две тысячи экуо, он ушел на покой в сопровождении лишь трех или четырех слуг, достигнув возраста шестидесяти пяти лет, сломленный, впрочем, скорее, телесными немощами, нежели годами.

Он намеренно избрал это уединенное место, лежавшее вдали от проезжих дорог, дабы укрыться от докучных визитов и шумных компаний. Так он искал отдохновения от шума, суеты и смятения Парижа и других больших городов, где в придворной службе прошла часть его жизни. При этом, однако, он не покидал пределов своей провинции, ибо городок Эвиан, хоть и находился в Женевской епархии, относился к Вьенской митрополии в Дофине.

Там, живя без шума, без забот, без пышности и без свиты, имея попечение лишь о святости своей души и о здравии своего тела, он обрел во внутреннем мире столь крепкое и сильное здоровье, что все, кто видел его в прежних его немощах, думали, будто он помолодел; словно бы прозревали в душе его *обновление орлиной юности* (ср. Пс. 102:5). Ибо истинно священное речение о том, что *все земные блага приложатся тем, кто ищет прежде всего Царства Божия и правды его* (ср. Мф. 6:33), и потому Бог излил великое процветание на то малое достояние, которое он себе оставил и которым пользовался весьма бережливо. Дожив до ста двух или трех лет, он умер, имея более шести тысяч экуо годового дохода, на которые творил столько добра и милостыни по всей округе, что на две или три лиги вокруг едва ли можно было найти нуждающегося.

И именно этот добный прелат, в сослужении монсеньоров епископов Труа-Шато и Дамаска, рукоположил в епископы нашего блаженного Франциска в церкви Торан в Женевской епархии, в день Зачатия Пресвятой Девы в 1601 году.

Пример этот учит нас следующему:

1. Двор — неподходящая среда для прелатов.
2. И тем более — для их здоровья и святости.
3. Большие состояния — это большое рабство и большие тревоги.

4. Сколь блаженна жизнь мирная, спокойная и сокровенная, и с точки зрения здравого смысла, и с точки зрения самой природы.
5. И сколь более — с точки зрения благодати и спасения.
6. Сколь истинна древняя пословица, что нет большего дохода, чем тот, что от бережливости и разумной экономии.
7. Никаких средств не хватит на излишние траты, совершаемые ради того, чтобы насытить взоры мира и поддержать блеск тщеславия.
8. Тот, кто живет, оглядываясь на мнение света, никогда не будет богат, и никогда не будет беден тот, кто довольствуется самым необходимым.
9. Милостыня — это семя, приносящее стократный плод уже в этой жизни.
10. Не говоря уже о блаженной вечности, что ожидает ее в будущей, если сия милостыня творится в любви и ради любви к Богу.

Глава тринадцатая. О благоденствии

Слово «фортуна» его коробило, и он почитал его недостойным уст христианских. Когда он слышал, как говорят о том, чтобы «сделать состояние», о «счастливом случае» или о «баловнях фортуны» — выражениях весьма распространенных, — он говорил: «Я изумляюсь, как этот языческий идол устоял, когда все прочие были низвергнуты христианством. Да сохранит Бог от того, чтобы стать „первенцами фортуны“, тех, кто должен быть лишь чадом Провидения Божия и возлагать все свое упование *не на богатство неверное, но на Бога живаго*» (ср. 1 Тим. 6:17).

Он подчеркивал эту мысль еще настоятельнее, когда говорил: «Как могут те, кто исповедует свою приверженность Иисусу Христу на кресте и желает хвалиться одними лишь поношениями Его (ср. Гал. 6:14), — как могут они так пламенно стремиться к накоплению богатств и так крепко привязываться к ним сердцем, когда они наколплены? Ведь Евангелие полагает христианское блаженство лишь в нищете, презрении, скорби, слезах и гонениях. И даже философия учит нас, что благоденствие — мачеха истинной добродетели, а невзгоды — ее мать».

Однажды я спросил его, отчего мы так скоро прибегаем к Богу, когда нас уколет шип скорби, и так ревностно молим об избавлении от болезни, клеветы, нужды и прочих неудобств.

«Это, — сказал он, — говорит наша немощь, и это признак слабости, которой мы облечены. Ибо как рыба, вскормленная солеными водами, обретает упругость, тогда как пресноводная остается мягкой и безвкусной, так и души благороднейшие находят свою стихию в крестах и скорбях, в то время как малодушные услаждаются лишь благоденствием.

Сверх того, — добавлял он, — чистая любовь к Богу несравненно легче утверждается в невзгодах, нежели в благополучии. Ибо скорбь сама по себе не имеет иной привлекательности, кроме того, что [Всевышний] ниспосыпает ее. Потому сим путем гораздо легче прийти прямо к воле Божией и соединиться с Его промыслом, нежели через благоденствие, чьи чары услаждают наши чувства. Ведь они, подобно Далиле, усыпляют наш разум и вводят в обман, так что мы невзначай начинаем любить сам дар, забывая о признательности и любви к Дарителю. К тому же, даже если мы и пользуемся этим благоденствием, чтобы славить Бога, и возводим оное к чести Его, в таком благоговении

и всегда найдется некоторая примесь своекорыстия, что делает любовь к Богу менее чистой, а следовательно, и менее совершенной, согласно прекрасному изречению святого Августина: «*Тот, Господи, меньше любит Тебя, чем должно, кто любит нечто наряду с Тобой, не любя это ради Тебя*» (Исповедь, X, 29).

ШЕСТНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

Глава первая. О его бесстрашии среди опасностей

Бесчувственность стоиков — истинная химера, ибо в этой смертной жизни невозможно до конца избавиться от человеческого, то есть не претерпевать натиска и воздействия страстей. Высшая точка практической философии — в том, чтобы умерять их и подчинять власти разума.

Один философ этой школы, оказавшись в море на корабле, застигнутом яростной бурей, от вида близкой опасности побледнел и затрепетал, как и прочие, не притязавшие на столь бесчувственную мудрость. Когда же буря утихла и его упрекнули в том, что он погрешил против правил своего учения, он не нашел более остроумной отговорки, чем сказать, будто он трепетал из страха за жизнь человека добродетельного (подразумевая, в своем смирении, самого себя), тогда как прочие, будучи людьми злыми, имели все основания не страшиться смерти.

Один из спутников возразил ему, что, почитая себя человеком добродетельным, он напрасно впустил страх в свое сердце, ибо после смерти ему не могли не открыться райские обители; тогда как прочие, кого он почитал злыми, имели все основания страшиться не только смерти, но и мук, ожидающих души злых в иной жизни.

По правде говоря, существует некий естественный страх, который сам по себе нейтрален и может обитать — в области чувств¹ — даже в людях, выдающихся по своей добродетели и святости, особливо страх перед грозой. Св. Фома Аквинский, не менее прославленный своим благочестием, чем своим учением, был подвержен ему до такой степени, что боялся молний с некоторой чрезмерностью. В таких случаях на устах и в сердце его были священные слова, служившие ему щитом: «*Слово стало плотию и обитало с нами*» (Ин. 1:14).

Говорят, что и Цезарь, бывший образцом доблести, испытывал такой страх, что, являя сверхчеловеческую доблесть среди опасностей войны, он казался менее чем человеком, когда гремел гром. И поскольку он знал, что молния не ударяет в лавры, он всегда велел носить их за собой и укрывался под сенью этих деревьев, когда воздух бывал полон молний и громов.

Мало найдется людей, кто не испытывает страха, когда гремит гром, особенно когда раскаты его сильны и внезапны. Однако же есть души столь твердые и имеющие такое упование на Бога, что они подобны горе Сион, которая не подвигнется вовек (ср. Пс. 124:1).

Во время бурь и вихрей прочие птицы прячутся в своих укрытиях; но орел в это время покидает свое и находит уладу в том, чтобы парить на просторе и рассекать ветры. Прочие рыбы уходят на дно морское, когда поверхность его взволнована бурей, и лишь дельфин находит удовольствие в смятении вод, и когда видят, что он играет и резвится на волнах, это считается предвестием шторма.

В Альпийских горах грозы часты и ужасны из-за эха, рождающегося в скалах; так что порой кажется, будто эти высокие вершины вот-вот рухнут и вывернутся из своих корней. Однако наш блаженный в это время был так мирен и спокоен, что все изумлялись.

Вот как он сам описывает один из таких случаев:

«Вчера вечером у нас здесь были сильные громы и чрезвычайные молнии, и мне было так отрадно видеть, как наши люди умножают крестные знамения и призывают имя Иисуса. Ах! — сказал я им, — без этих ужасов мы бы не так усердно взывали к Господу нашему. Поистине, я получил от этого особое утешение, хотя от силы раскатов я и содрогался, и не мог удержаться от смеха».

Столь истинно божественное изречение, что *чистая и спокойная совесть есть вечный пир* (ср. Притч. 15:15). Поистине, ничто не может отнять у нее ни радости, ни светлой надежды на спасение, которая мирно покоится в ее лоне.

О, как блажен, Господи, тот, кого Ты избрал и принял в Свои объятия! Он пребудет тверд в селениях Твоих (ср. Пс. 64:5, Вульг.).

1 Это выражение относится к чувственной, или низшей, части души — согласно аристотелико-томистической схеме. Душа, согласно этому учению, условно делится на две основные части: 1) высшая, разумная часть, к которой относятся разум (*intellectus*) и воля (*voluntas*) — эта часть души способна к познанию абстрактных истин и к свободному выбору, именно здесь принимаются нравственные решения; 2) низшая, чувственная часть («область чувств»), которая является седалищем эмоций, страстей и влечений (таких как страх, гнев, желание, радость) — эта часть души реагирует на внешние раздражители непроизвольно, и она есть у нас общая с животными.

Глава вторая. О том, что нельзя знать, пребываешь ли в благодати

Испытание из испытаний, по моему суждению, — это желание знать, пребываешь ли в благодати, с уверенностью, превосходящей простое умозаключение или догадку, которыми мы и должны бы, следя Божией воле, довольствоваться. Ибо «*кто исследует величие, говорит Святой Дух, того подавит слава*» (ср. Притч. 25:27, Вульг.), и кто захочет проникнуть в тайны Божии, тот запутается в лабиринте, из которого не сможет выйти.

И наконец, приговор произнесен: «*Никто не знает, — я имею в виду с уверенностью веры, — достоин ли он любви или ненависти*» (Еккл. 9:1, Вульг.). Уверенности же, рождающей

упованием, нам может быть дано в преизбытке; ибо как не уповать на бесконечную Благость, Чьи дары непреложны (ср. Рим. 11:29) и Которая всегда довершает то доброе, что начинает в нас, коль скоро наша собственная злоба не противится действиям Ее милосердия (ср. Флп. 1:6)?

Одной душе, увявшей, подобно пчелке, в паутине таких сомнений, наш блаженный предлагает утешение, столь исполненное умиления, что оно кажется мне целительным бальзамом для подобных ран:

«Исследовать, угодно ли ваше сердце Ему, не следует; но следует — угодно ли Его сердце вам. И если вы взглянете на Его сердце, невозможно, чтобы оно вам не понравилось; ибо это сердце столь кроткое, столь сладостное, столь снисходительное, столь любящее убогие творения, — лишь бы они признавали свое убожество, — столь милостивое к несчастным, столь благое к кающимся! И кто не возлюбил бы это царственное, по-отечески и по-матерински нежное к нам сердце?» (Кн. 5, Письмо 18).

Дабы исцелить нас от тягостного недуга [мнительности], наш блаженный учит нас не исследовать того, угодно ли наше сердце Богу, но взглядываться в то, угоден ли Бог нашему сердцу; ибо в этом и заключается вернейший признак, какой только мы можем иметь, что мы угодны Ему.

Глава третья. О душевной оставленности

Есть души, не знающие иной набожности, кроме чувственной, и чьи духовные зубы так немощны, что не могут вкушать Хлеб Небесный, если он не будет для них умягчен.

Наш блаженный был весьма сострадателен к другим. Сколько раз я видел его плачущим о грешниках и о немощных, подражая возлюбленному Спасителю нашему, Который плакал об Иерусалиме и о Лазаре. Но к самому себе он не был снисходителен. Никогда не жаловался. Если же ему случалось заболеть, он просто говорил о своем недуге так, как его ощущал, а затем предавал себя Провидению и предписаниям врачей.

Что же до скорбей душевных, то он был, так сказать, их приверженцем и говорил, что, подобно тому как лучшая рыба — та, что питается в соленой воде морской, так и лучшие души, и наиболее твердые в добродетели, — это те, что обретают мир Божий в горчайшей горечи (ср. Ис. 38:17, Вульг.) самых гнетущих скорбей.

Одной душе, жаловавшейся ему на лишение духовных улад в ее благочестивых упражнениях, он сказал однажды:

«Любовь к Богу состоит не в утехе да неге, иначе что? — Господь наш не любил Отца Своего, когда скорбел смертельно и взывал: „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?“ (Мф. 27:46). А ведь именно тогда Он и совершил величайший акт любви, какой только можно себе представить. Ну а мы всегда желаем, чтобы пища наша была приправлена да подслажена, то есть, чтобы и в любви были ощутимы утеша и нега».

В другой раз он с большим изяществом заметил, что сухое варенье не менее лакомо, чем жидкое, и что жареное вкуснее вареного; и наконец, что сухие розы благоухают сильнее, чем свежие и влажные, а здоровый желудок лучше насыщается пищею твердой, нежели жидкой.

Глава четвертая. О пользе несовершенств

Мухи и блохи летом чрезвычайно докучливы, но не беспощадны. Они могут упражнять нашу сдержанность, но не терпение. Не стоит призывать на помощь столь великую добродетель из-за такой мелкой неприятности, как укусы столь ничтожных тварей.

Есть души, у которых кожа совести так нежна и чувствительна, что малейшее несовершенство их уязвляет; а порой они досадуют на то, что поддались досаде, и досада эта оказывается еще мучительнее той, что вызвала ее. Все это происходит от самолюбования, тем более трудного для исцеления, чем оно более сокровенно; ибо хорошо распознанная болезнь наполовину излечена.

Они такого высокого мнения о собственном совершенстве, что, замечая в нем изъяны, приходят в смятение, подобно тем утонченным красавицам, что смущаются от малейшего румянца, приступившего на лице.

Они подобны и тем, кто так печется о своем здоровье, что считает себя больным при малейшем ощущении боли, и в конце концов губит свое здоровье из-за чрезмерных предосторожностей и лекарств.

Наш блаженный учил обращать во благо наши же несовершенства, возводя из обломков собственных падений вал смирения и побуждая нас *надеяться сверх надежды* (ср. Рим. 4:18). «Так, — говорил он, — обретают спасение от врагов своих, исхищая его из рук недругов».

Поистине, смиряясь при виде наших несовершенств, мы обращаем потерю в великое приобретение; ибо польза от преуспеяния в этой превосходной добродетели с лихвой возмещает всякий ущерб от наших промахов.

Глава пятая. О епископском духе

Епископы, будучи преемниками апостолов, не должны ограничивать свои заботы пределами своих епархий, забывая о том *попечении о всех церквях* (2 Кор. 11:28), в котором главным образом и состоит дух епископский.

Наш блаженный, помимо неукоснительного внимания, которое он уделял управлению своей паствой, имел также попечение о благе вселенской Церкви, о чем Бог даровал ему особые прозрения и свет разумения через дары ведения и совета; так что, будь он призван в кардинальский сан, он, без сомнения, подал бы папе советы, весьма полезные для всего христианского мира.

Кардинал Беллармин, равно прославленный и благочестием, и ученостью, чьи речи были исполнены приятной кротости (что я говорю, удостоившись в некоторой мере его дружбы), никогда не получал писем от нашего блаженного, с которым состоял в особой переписке, не выказав при этом искренней радости. Я видел один из его ответов блаженному, где он говорил если не в этих самых выражениях, то по крайней мере в этом смысле:

«Монсеньор, всякий раз, получая ваши письма, я испытываю искушение пожелать себе папского престола, — лишь для того, чтобы тотчас же ввести вас в Священную Коллегию. Ибо мне кажется, что она весьма нуждается во многих людях, подобных вам, коим, как я вижу, Бог сообщает прозрения и свет разумения о благе вселенской Церкви — о том, что должно быть предметом забот Его Святейшества и чем должны занимать свои помыслы кардиналы. Вы доставите мне удовольствие, если будете сообщать ваши мысли по мере того, как Бог будет вам их ниспосылать, дабы я мог время от времени и по обстоятельствам предлагать их на рассмотрение Его Святейшеству».

Помню, как за несколько месяцев до своей кончины он поведал мне о внутреннем побуждении отправиться в Рим. Он желал предложить папе и кардиналам многое из того, что открылось ему за тридцать пять лет служения душам, и особенно в деле обращения заблудших, — то, что он почитал не просто полезным, но почти необходимым для управления вселенской Церковью.

Так сей истинно апостольский прелат простирая свою бдительность на попечение о всех Церквях.

Глава шестая. О чувственной набожности

Он не одобрял ее, равно как и души, ею увлеченные, которые, по его словам, обычно оказывались изнеженны и потому теряли там, где чаяли приобрести, подобно матерям, которые, излишне балуя своих детей, лишь портят их.

«Чти Господа от имени твоего», — говорит Премудрый (Притч. 3:9). Но кажется, что мы служим Богу своим именем более во времена бесплодия, нежели во времена изобилия. Ибо, служа Богу без утешения, мы ищем не утешения от Бога, но Бога утешений, Которого мы любим тем сильнее, чем чище, и тем чище, чем меньше в этой любви нашей корысти.

Ибо, как говорил блаженный, добродетельное дело, которое мы совершаем, тем превосходнее, чем меньше в нем «нашего», ибо «я», «мое», «наше» чаще всего портят наше творение и уподобляется паутине, что опутывает все пчелиное хозяйство, и часто сам мед оказывается отравленным.

Одной особе, жаловавшейся ему, что она не испытывает при молитве никаких приятных чувств, словно Бог сорвал все розы, оставив ей одни лишь шипы, он отвечал однажды: «Тем лучше! Вот вы и покинули стан тех погибших, что говорили: „Увенчаем себя розами“ (ср. Прем. 2:8), и оказались в обществе блаженной Екатерины Сиенской, которая предпочла венец терновый венцу из драгоценных камней. Скажите мне, продолжал он, что вы предпочтете: добротное мясо, но без соуса, или соус без мяса? куропатку без апельсина или апельсин без куропатки? О Боже! Доколе мы, подобно малым детям, будем

любить молоко да сладкий горошек вместо пищи более грубой, но более питательной?» (ср. Притч. 1:22).

Глава седьмая. О продолжительности проповедей

В этом он был сторонником краткости и говорил, что, подобно тому как лампады гаснут от избытка масла, а растения вянут от чрезмерного полива, так и память слушателя утомляется, когда ее отягощают избытком материала.

Надобно говорить мало, но по существу, и усердно это внушать, не обращая внимания на те пресыщенные умы, что досадуют, когда проповедник вновь и вновь возвращается к сказанному.

«А что вы думали?! — говорил он. — Дабы выковать клинок, сколько ударов молота должно нанести! Дабы завершить полотно, сколько раз должна пройтись по нему кисть! Сколь же более усилий требуется, чтобы запечатлеть вечные истины в сердцах, закосневших во зле, и в умах загрубелых!»

Он желал, чтобы говорили не только кратко, но и о вещах полезных и тщательно отобранных. Для этого он советовал обращать внимание на гомилии древних, краткие в словах, но исполненные немногих, зато великой важности, наставлений.

Он одобрял это правило и желал, чтобы ему следовали все проповедники: «*Hora integra ineptis praedicatori praelonga, idoneo satis longa videtur: tres horae quadrantes a bonis aestimatoribus horae integrae preeferuntur*» (Целый час для неумелого проповедника кажется чрезмерно долгим, для искусного же — в самый раз; однако добрые ценители предпочитают три четверти часа целому часу)¹.

¹ Иоанн Иисуса Марии, босоногий кармелит, Малые сочинения. – прим. изд.

Иоанн Иисуса Марии (в миру Хуан де Сан-Педро-и-Устаррос, 1564–1615) — видный испанский богослов, мистик и писатель, принадлежавший к ордену босоногих кармелитов. Он был одной из ключевых фигур в развитии ордена после великих реформаторов, святой Терезы Авильской и святого Иоанна Креста. Будучи современником святого Франциска Сальского, он пользовался большим авторитетом как духовный наставник и автор множества аскетических и богословских трудов. – прим. пер.

Глава восьмая. История о прощении врагов, рассказанная блаженным

Он говорил, что узнал эту историю в Падуе, где она и случилась (думаю даже, в те годы, когда он сам там учился).

Студенты этого университета имеют дурной обычай по ночам бегать по улицам с оружием, окликая прохожих «кто идет?» и стреляя в тех, чей ответ им не понравится.

Случилось так, что один студент, проходивший по улице и не ответивший на оклик, был убит. А тот, кто его убил, бросился искать убежища у одной доброй вдовы, чей сын был его однокашником и другом. Признавшись в злодеянии, которое он только что совершил, студент умолял ее спрятать его в каком-нибудь тайном месте.

Добрая вдова заперла его в укромной каморке; и вот, немного времени спустя, ей приносят ее мертвого сына.

Не потребовалось долгих расследований, чтобы узнать, кто был убийцей. Она идет к нему и, вся в слезах, говорит: «Увы! Что сделал тебе мой бедный сын, чтобы ты убил его так жестоко?»

Тот, узнав, что это был его друг, зарыдал и стал рвать на себе волосы. И вместо того, чтобы просить прощения у этой добродушной матери, он падает перед ней на колени и умоляет предать его в руки правосудия, желая прилюдной [казнью] искупить столь варварский проступок.

Мать, будучи женщиной истинно христианской и милосердной души, была глубоко тронута раскаянием этого юноши и сказала ему, что если он попросит прощения у Бога и пообещает исправить свою жизнь, она отпустит его, и, взяв с него слово, именно так поступила.

Сей великий пример милосердия был столь угоден Богу, что Он позволил душе ее сына явиться добродушной матери. Сын заверил ее, что столь милосердное прощение, дарованное ею тому, кто убил его, не зная его, и за кого она могла бы совершенно законно и без труда отомстить, оказалось столь приятно Богу, что ради этого он был избавлен от чистилища, в котором без того пребывал бы долгое время. *О, как блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (ср. Мф. 5:7), — и милость сия коснется не только их самих, но и близких их!

Глава девятая. О чистилище

По его мнению, мысль о чистилище может принести нам более утешения, нежели страха. «Большинство тех, — говорил он, — кто так боится чистилища, боится его из-за корысти и любви к себе, а не из-за ревности о славе Божией. И происходит это оттого, что проповедники с кафедры обыкновенно говорят лишь о муках этого места, а не о блаженстве и мире, которые вкушают там души».

Правда, мучения там столь велики, что самые жестокие страдания этой жизни не могут с ними сравниться; но и внутренние утешения там таковы, что никакое благоденствие и никакое довольство земное не могут с ними сравниться.

1. Души там пребывают в непрестанном единении с Богом.
2. Они там совершенно покорны Его воле, или, лучше сказать, воля их столь преображенна в волю Божию, что они не могут желать ничего, кроме того, чего желает Бог; так что, если бы им был открыт Рай, они скорее низверглись бы в ад, нежели предстали пред Богом с теми сквернами, что еще видят в себе.
3. Они очищаются там добровольно и с любовью, ибо такова благая воля Божия.

4. Они желают пребывать там так, как угодно Богу, и столько времени, сколько Ему будет угодно.
5. Они не могут согрешить и не способны даже на малейший порыв нетерпения или малейшее несовершенство.
6. Они любят Бога больше себя самих и всего на свете любовью совершенной, чистой и бескорыстной.
7. Там их утешают ангелы.
8. Они там уверены в своем спасении, ибо надежда их уже не может быть посрамлена в своем ожидании.
9. Их горчайшая горечь облечена глубочайшим миром.
10. Если это своего рода ад в том, что касается страдания, то это и рай в том, что касается сладости, которую любовь изливает в их сердца; любовь, которая *сильна, как смерть, и могущественна, как преисподня, и чьи светильники — огнь и пламень* (ср. Песн. 8:6).
11. Состояние блаженное, паче желанное, нежели устрашающее, ибо пламена эти — пламена любви и милосердия!
12. Устрашающее, однако же, ибо оно откладывает полноту свершения, которая состоит в том, чтобы видеть Бога и любить Его, и через это видение и эту любовь хвалить и славить Его во всю вечность.

По этому поводу он настоятельно советовал читать дивный трактат о чистилище, составленный блаженной Екатериной Генуэзской. По его совету я часто перечитывал его, и он всякий раз доставлял мне новые улады и новые прозрения; и признаюсь, что в не встречал ничего, что в такой же мере утолило бы мою духовную жажду понимания [сущи чистилища].

Я даже предлагал его прочесть некоторым протестантам, и они остались весьма довольны; среди прочих — один весьма ученый муж, который объявил мне, что если бы ему предложили этот трактат до его обращения, он был бы тронут им более, чем всеми спорами, которые ему доводилось вести на эту тему.

Если это так, скажут мне, то к чему же так усердно молиться за души в чистилище? — К тому, что, несмотря на все упомянутые блага, состояние этих душ весьма мучительно и воистину достойно нашего сострадания. А кроме того, слава, которую они воздадут Богу на Небесах, откладывается. Эти два побуждения должны побуждать нас добиваться для них скорейшего избавления нашими молитвами, нашими постами, нашими милостынями и всякого рода добрыми делами, но особливо — приношением жертвы святой Мессы.

Глава десятая. Об отказе в просьбе

После того как он со всей возможной кротостью и терпением разъяснил одному человеку несправедливость его просьбы, но не смог ни удовлетворить его, ни отвратить от его домогательств, блаженный, бывший непреклонным в подобных случаях, был вынужден отказать ему наотрез, сказав, что удовлетворить его прошение невозможно.

Тот возразил ему: «Это не от недостатка власти (ибо вы можете это сделать), но от недостатка доброй воли ко мне».

«Добродетельный человек, — возразил блаженный, — ограничивает свою власть тем, что дозволено, и называет невозможным то, что не разрешено».

Когда тот пригрозил, что не забудет этого отказа, блаженный отвечал: «Если я попрошу вас о вещах несправедливых, вы окажете мне услугу, отказав; если же о вещах справедливых, то вы слишком справедливы, чтобы мне в них отказать».

Тот же заявил, что отказал бы ему, будь его просьбы и справедливейшими в мире.

«Вы не настолько нерадеете о своем вечном спасении, — возразил блаженный, — чтобы поступить так. Что до меня, то признаюсь вам, при всем моем убожестве, что я уповаю на Царство Небесное и не могу решиться продать свое первородство за чечевичную похлебку» (ср. Быт. 25:34).

Глава одиннадцатая. О чудесах

Св. Бернард, хотя и был в высочайшей степени наделен свыше даром чудотворения, ценил его так мало, что почитал несравненно более важным распинать свою плоть со всеми ее вожделениями (ср. Гал. 5:24) и свой дух со всеми его волениями, нежели воскрешать мертвых.

Наш блаженный разделял это мнение; и когда речь заходила о подвиге добродетели, совершенном в любви и любовью, он называл его чудом благодати. Довод его был таков: подобно тому как чудо есть дело Божие, превосходящее законы и обычный порядок природы, так и дело, имеющее заслугу пред Богом, совершенное сверхъестественной благодатью в нас и через нас, есть деяние как бы чудесное. Наш блаженный добавлял, что одна унция благодати освящающей стоит больше, чем сто фунтов тех благодатных даров, которые богословы называют безвозмездными¹, к числу которых и относится дар чудотворения. Ибо последние могут существовать со смертным грехом и не являются необходимыми для спасения, и многие, обладавшие ими, не спасутся; тогда как всякий, кто умирает, имея хотя бы малейшую степень благодати оправдывающей, не может быть осужден и имеет участие в наследии спасения.

Добавьте к этому, что дары, именуемые безвозмездными, обыкновенно даются не для того, кто ими обладает, а для назидания ближнего; тогда как благодать оправдывающая и освящающая дается для того, в кого она излита Святым Духом, и запечатлевает в нем образ чада Божия.

¹ Богословие, в частности св. Фома Аквинский, различает два вида благодати: благодать освящающую (лат. *gratia gratum faciens*), которая делает человека угодным Богу и необходима для спасения, и дары безвозмездные (лат. *gratia gratis data*), или харизмы (дар пророчества, чудотворения, языков и т.д.), которые даются для блага Церкви и не являются залогом личной святости.

Глава двенадцатая. Что блаженный отвечал на совет, данный ему по поводу книги «Введение в благочестивую жизнь»

Многие из его друзей, мудрых мудростью века сего, видя великий успех, который имела у публики его книга «Введение в благочестивую жизнь», — книга, которую весь мир прочел на всевозможных языках, — посоветовали ему более не писать, ибо невозможно ему будет создать что-либо, что имело бы подобный успех.

Он сказал мне однажды по этому поводу, что дух мудрости божественной и христианской весьма отличен от духа мудрости человеческой и мирской, и что уроки Креста во всем противоположны урокам мира сего.

«Видите ли, — говорил он, — эти добрые люди любят меня, и именно любовь, которую они ко мне питают, заставляет их так говорить. Но если бы им было угодно хоть немного отвратить свой взор от меня, человека ничтожного и убогого, и устремить его на Бога, они заговорили бы совсем иначе.

Ибо если Бог благоволил благословить это малое сочинение, почему Он откажет в благословении второму? И если из этого первого Он извлек славу Свою, как некогда Он извел свет из среды тьмы (ср. 2 Макк. 1:22) и священный огонь — из грязи, *разве умалилась рука Его, и разве ослабела мощь Его?* (ср. Ис. 59:1). И не может ли Он и вновь источить живую, утоляющую жажду воду из ослиной челюсти? (ср. Суд. 15:19).

Но не об этом помышляют эти добрые люди, а о моей славе, о моей собственной, словно бы мы должны желать ее для себя, а не возводить к Богу, Который и творит в нас все то доброе, что от нас исходит.

По духу же Евангелия, мы не только не должны обращать внимания на рукоплескания мира, но, напротив, святой Павел объявляет, что угождение людям есть дурной признак для служителя Божия (ср. Гал. 1:10). *Ибо дружба с миром есть вражда против Бога* (Иак. 4:4).

А потому, если книга эта и принесла мне толику суетной славы, мне следовало бы написать другую, менее удачную, дабы рассеять этот дым и стяжать то блаженное презрение от людей, которое делает нас тем угоднее Богу, чем более мы распяты для мира.

Глава тринадцатая. О различных путях двух примечательных духовных наставников

Когда блаженный был в Париже в 1619 году, многие благочестивые души обращались к нему за советом в дела, касавшихся их внутренней жизни и спасения. Это дало ему возможность наблюдать разнообразие путей, которыми Бог привлекает и направляет к Себе души, а также подметить различные подходы служителей Божиих к духовному руководству.

Среди прочих, рассказал он мне однажды, заслуживали внимания двое выдающихся мужей, прославленные проповедники, которые занимались также духовным наставничеством. Оба были вернейшими служителями Божиими и вели жизнь в высшей степени образцовую, однако пути, которыми они вели души, были столь различны, что казались почти противоположными, хотя и стремились к одной цели — к тому, чтобы люди служили Богу и славили Его в совершенстве.

Один, говорил он, был чрезвычайно суров и грозен — как в своих проповедях, так и в руководстве душами. Он говорил лишь о подвигах самообуздания, о суровой аскезе, о непрестанном испытании совести и о прочих строгих упражнениях. И этим страхом, которым он исполнял умы, он приводил их к точному соблюдению закона Божия и к величайшей заботе о своем спасении, не стесняя их, однако же, никакими сомнениями, но держа в дивном подчинении. Действие его руководства было таково, что Бога весьма боялись и трепетали перед Ним, от греха бежали, как от змеи, а добродетели исполняли неукоснительно.

Другой же вел души к Богу путем противоположным. Проповеди его говорили лишь о любви Божией. Он учил более любить добродетель, нежели ненавидеть порок; и любить первую — потому, что она угодна Богу, а не потому, что она приятна сама по себе; и ненавидеть второй — потому, что он противен Богу, а не из-за того вреда, который он причиняет предающемуся ему. Действие этого руководства было таково, что души проникались великой любовью к Богу, — любовью чистой и сильной, — и великой любовью к ближнему ради любви к Богу.

Слушая этот рассказ, я не мог не восхититься путями Божиими и божественными измышлениями ради блага душ, которых Он призывает на Свое служение, и тем, как разными дорогами можно прийти к одной и той же цели.

Глава четырнадцатая. О том, как следует вести себя, став жертвою клеветы

Однажды нашего блаженного спросили, не следует ли отражать клевету оружием истины. Он отвечал, что случай этот предоставляет возможность для упражнения во многих добродетелях.

1. Первая — это *истина*. Любовь к Богу и к самим себе в Боге обязывает нас свидетельствовать о ней, но свидетельствовать кротко и мирно, без смущения и поспешности, не заботясь о последствиях. Спаситель наш, обвиненный в том, что в Нем бес, отвечал просто: «*Во Мне беса нет*» (Ин. 8:49). Порицают ли вас за какой-либо великий и возмутительный недостаток? Если вы не признаете его за собой, скажите просто и без волнения, что по милости Божией вы его не имеете.
2. Если же вас продолжают упрекать, здесь *смирение* требует своей доли, и это прекрасный случай, чтобы в нем поупражняться. Скажите, что у вас есть недостатки куда более великие, но неведомые другим; что вы убоги, и убожество ваше должно скорее вызывать сострадание, нежели гнев; что, если бы Бог не поддерживал вашу немощь, вы бы совершили преступления куда более чудовищные. Смирение это нисколько не вредит истине. Разве не из чувства истинного смирения и смиренной правды Давид говорил, что, если бы Господь не был ему помощником, душа его вскоре вселилась бы в ад? (Пс. 93:17, Вульг.).

3. Упорствуют ли в гонениях на вас? Вот и *молчанию* наступает черед; оно желает противостоять им, исполняя наставление Царя-Пророка: «Я стал, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа» (Пс. 37:14-15, Вульг.). Если возражение — это масло в светильнике клеветы, то молчание — вода, что его гасит. Возражаете — раздражаете; молчите — усмиряете.
4. Если молчание оказывается бесплодно, то вот и *терпение* требует своего места и предлагает вам щит непробиваемой закалки. Именно оно, по словам Священного Писания, *делает дело наше совершенным* (ср. Иак. 1:4). Именно оно в соединении с любовью вводит нас в блаженство алчущих правды и гонимых за правду.
5. Если клевета удваивается, приходит пора *стойкости*, которая есть удвоенное терпение и противостоит самым яростным бедам.
6. Если клевета и после этого не утихает, то потребуется *долготерпение*, которое есть терпение долговременное.
7. За долготерпением следует *неотступность*, которая доходит до конца поприща и получает венец.
8. *Благоразумие, кротость, скромность в словах* — все они также желают явить себя. Но превыше всего — наставница сонма добродетелей, их царица, их жизнь и душа — *святейшая любовь*, ибо без нее все это скопление добродетелей было бы лишь грудой камней. Именно она возлагает *горячие угли на главы* тех, кто нас клевещет (ср. Рим. 12:20); она заставляет нас *благословлять проклинающих нас и молиться за гонителей наших* (ср. Мф. 5:44). Именно она часто так изменяет их сердца, что обращает их из гонителей в наших защитников, а из клеветников — в наших панегиристов.

Глава пятнадцатая. О попечении о душах

Тридентский собор говорит, что это служение — бремя, страшно тяжелое и для самих ангелов¹, а святой Григорий называет управление душами *искусством из искусств*².

Один пастырь жаловался однажды нашему блаженному на терния своего призвания, на неотделимые от него заботы, но главным образом — на непокорство народа и его жестоковы́йность.

Блаженный отвечал, что следует обращать внимание не столько на эту жестоковы́йность, сколько на изнеженность многих пастырей, которые часто унывают и впадают в нетерпение, видя, что семя их увещаний и трудов не приносит той жатвы и не имеет того успеха, какого бы они желали.

Земледельца порицают не за то, что он не собрал обильного урожая, но за то, что он плохо возделывал свое поле и не приложил всех необходимых усилий.

Уныние в этом деле — признак великого самолюбования и рвения, соединенного с малым знанием. Добрый урок для пастырей апостол преподает всем в лице Тимофея: «*Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием*» (2 Тим. 4:2); и, по-видимому, слово «долготерпение» есть ключ ко всей этой тайне. Этой добродетелью мы *стяжаем души наши в мире* (ср. Лк. 21:19, Вульг.).

Он добавил прекрасное слово святого Бернарда: «*Opus animarum non validarum est, sed infimarum*» (Бремя душ — это бремя не сильных, а немощных), — и объяснил его двумя сравнениями.

Перья, если вдуматься, обременяют птиц, и однако же без этого бремени они не могли бы подняться в воздух. Бремя душ святых и добродетельных — это ноша, благоухающая корицей, которая своей сладостью облегчает несущего ее; и души эти помогают пастырям воспарять к Небесам и бежать по пути заповедей Божиих.

Другое сравнение. «Подставьте, — говорил он, — что пастух ведет стадо из ста овец. И если одна из них сломает ногу, он взваливает ее на плечи, чтобы донести до овчарни, и она одна тяготит его больше, чем все остальные, что идут сами. Души, которые сами идут к добру, мало требуют заботы и бдительности от пастырей; их попечение — о душах несовершенных и трудных в управлении».

¹ Ср. Тридентский собор, Сессия VI, гл. 1 о реформе. ² Ср. св. Григорий Великий, Пастырское правило, ч. I, гл. 1.

Глава шестнадцатая. О вдохе и выдохе

Наш блаженный говорил, что через внутреннее сосредоточение мы уединяемся в Боге или же привлекаем Бога в себя.

«Но когда и где можно к нему прибегать? — Во всякое время и на всяком месте. Ни трапеза, ни общество, ни служба, ни занятия не могут ему помешать, так же, как и оно само не мешает и не препятствует никакому делу. Напротив, оно как соль, что приправляет всякое кушанье, или, лучше сказать, как сахар, что не портит никакого соуса.

Состоит оно лишь во внутренних взорах веры, обращенных на Бога: на себя — в Боге, и на Бога — в себе; и чем проще это сосредоточение, тем оно лучше.

Что же до вздоханий, то это также краткие, но живые порывы к Богу; и чем пламеннее и любвеобильнее вздохание, тем оно лучше.

Все эти порывы, или вздохания, тем лучше, чем они короче. Вздыхание св. Бруно (Кельнского) кажется мне превосходным по своей краткости: «О, благость!»; св. Франциска: «Боже мой и всё мое!»; св. Августина: «О, любить, о, умереть для себя, о, прийти к Богу!».

Эти два упражнения связаны и следуют одно за другим, как вдох и выдох. И подобно тому как, вдыхая, мы вбираем в грудь свежий воздух извне, а выдыхая, извергаем теплый, так и, вдыхая через сосредоточение, мы привлекаем Бога в себя, а выдыхая, вверяем себя в объятия Его благости. Блаженна душа, которая так вдыхает и вздыхает, ибо так она пребывает в Боге, и Бог — в ней.

Глава семнадцатая. О решениях, принимаемых в молитве

Есть души, которые унывают в молитве и доходят до того, что оставляют это упражнение — не потому, что встречают в нем трудности, но потому, как они говорят, что не могут сдержать обещаний, данных в молитве, и боятся сделаться более виновными, чем если бы вовсе их не давали (ср. Еккл. 5:4).

Наш блаженный считал это весьма опасной уловкой врага.

«Мы ведь, — говорил он, — ждем целый год, чтобы собрать колос с зерна, брошенного в землю, и много лет — чтобы вкусить яблок от посаженного семечка.

Никогда не следует оставлять упражнение в молитве, разве что ради дел более важных; да и в этом случае надобно восполнять упущенное частыми воздыханиями.

И в этом упражнении никогда не следует переставать принимать решения, ибо они — весь плод молитвы. И хотя мы исполняем эти решения не сразу и не при первой же возможности, представившейся для их исполнения, а оступаемся и малодушно озираемся назад, семена эти, однако же, пускают корни в нашем сердце и приносят плоды в иное время, даже тогда, когда мы менее всего помним, что их сеяли.

И даже если бы этими решениями мы не делали ничего иного, кроме как упражнялись в духовной доблести, и то эти добрые воления были бы угодны Богу, Который издали разумеет помышления наши и знает *все пути наши* (ср. Пс. 138:2-3). И даже если бы мы были лишь подобны тем школьарам, что в академиях учатся скакать на коне и владеть оружием, и то было бы уже нечто. И тот, кто сегодня пасует, — как говорил один древний, — в другой раз будет сражаться мужественно.

Посему никогда не следует терять мужества, но говорить с пророком: «На Господа уповаю; как же вы говорите душе моей: „улетай в пустыню, как воробей“?» (ср. Пс. 10:2, Вульг.). «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога» (Пс. 41:6, 12). Да, мы будем еще хвалить Его и служить Ему однажды; Он — спасение мое и сила моя, и истинный Бог мой (ср. Пс. 41:6).

Глава восемнадцатая. О том, что недоверие к себе не должно покидать нас в течение всей жизни

Мы не имеем в себе ничего, кроме злобы и немощи; и что касается истинного блага, которое сверхъестественно и устремлено к вечности, мы не способны *сами по себе* помыслить ничего доброго; *вся наша способность — от Бога* (ср. 2 Кор. 3:5), от Которого исходит *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный* (Иак. 1:17). Посему мы имеем веские основания жить в непрестанном недоверии к самим себе.

Наш блаженный, следуя учению своей возлюбленной книги «Духовная брань», считал это недоверие основанием здания внутреннего совершенства.

В миру бытует правило, что недоверие — мать безопасности, поскольку оно заставляет быть настороже. Это правило верно и в делах духовной жизни, о чём Писание увещевает нас во многих местах, призываю внимать себе и бодрствовать на путях своих. «Кто

нерадит о путях своих, тот погибнет» (Притч. 19:16). «Пренебрегающий малым мало-помалу придет в упадок» (Сир. 19:1).

Подобно тому как ходящие по канату держат в руках противовесы, чтобы сохранять равновесие на столь опасной стезе, так и мы в этой жизни (где мы ступаем по местам столь скользким, что и стоящему на ногах трудно удержаться в прямом положении) должны шествовать между страхом и надеждой, имея две опоры: недоверие к себе и упование на Бога.

Память о наших прошлых проступках должна учить нас, сколь мы немощны и что без благодати вновь впадем в наше прежнее состояние, и, быть может, еще худшее, ибо рецидивы обыкновенно опаснее самих болезней.

Никогда не следует полагаться ни на свою прошлую добродетель, ни на множество духовных богатств и добрых навыков, которые, как нам кажется, мы накопили. Ибо немощь наша так велика, что достаточно лишь одного мгновения, чтобы потерять то, что приобреталось долгое время; подобно тому как хватит лишь четверти часа, чтобы в пожаре сгорел дом, который в многолетнем труде наполняли добром.

Подтвердлю это историей, рассказанной нашим блаженным:

«Нам нужно, — говорил он, — бодрствовать ежечасно, сколь бы мы ни преуспели в совершенстве, поскольку страсти наши возрождаются, порой даже после долгих лет жизни в монастыре и после великого преуспеяния в совершенстве. Так случилось с одним монахом св. Пахомия по имени Сильван, который в миру был по профессии комедиантом. Обратившись и став монахом, он провел год своего послушничества и многие последующие годы в самом образцовом самообуздании, так что никто никогда не видел, чтобы он хоть каким-нибудь жестом выдал в себе былого комедианта. Двадцать лет спустя он счел, что может ради развлечения братии позволить себе некую шутку, полагая, будто страсти его уже до того умерщвлены, что он не преступит черты невинного увеселения. Но сколь же жестоко обманулся сей несчастный! Ибо страсть к балагурству воспряла в нем с такой силой, что от шуток он перешел к распутству, и братия постановила изгнать его из обители. И приговор был бы приведен в исполнение, если бы один из его собратьев не поручился за Сильвана, заверив, что он исправится, что и произошло, и впоследствии тот стал великим святым» (Беседы, 26).

Глава девятнадцатая. По чому можно узнать, преуспеваешь ли в добродетели

Среди многих средств он особенно ценил вот это: любовь к исправлению и обличению. Ибо, подобно тому как признак доброго желудка — когда он легко переваривает пищу грубую и жесткую, так и добрый знак духовного здоровья — способность сказать вместе с пророком: «Праведник исправит меня в милости своей, елей же грешника», то есть льстеца, «да не умастит главы моей» (Пс. 140:5, Вульг.).

Когда увершания, заставляющие нас задуматься о путях своих, нам приятны, это — великое свидетельство того, что мы ненавидим порок и совершаемые нами проступки происходят скорее от внезапности, невнимания и немощи, нежели от злобы и обдуманного произволения. Кто любит исправление, тот любит и добродетель,

противную тому недостатку, за который его порицают, и извлекает пользу из этих увещаний, дабы избежать противного ему порока.

Больной, желающий здоровья, мужественно принимает предписанные ему лекарства, сколь бы ни были они едки, горьки и мучительны. Кто жаждет добродетели, — а ведь она-то и есть и полное здоровье, и истинная святость души, — тот ради достижения своей цели не устрашится никаких преград, даже исправлений и обличений.

Другое средство, чтобы узнать, преуспеваешь ли в добродетели, — это не упускать ни единого случая для упражнения в смирении, которое бывает страдательным и деятельным. Большинство желают упражняться лишь во втором, а первое принимают с неохотой. Я хочу сказать, что мы охотно находим удовольствие в том, чтобы смирять самих себя, будь то в словах или в делах; но не в том, чтобы быть смиряемыми другими. Каждый хочет сам рассчитываться за себя, и притом той монетой, какая ему по нраву. Каждый хочет исправлять и порицать самого себя, но не быть исправляемым или порицаемым другими.

А между тем, несомненно, что одна унция уничижения и исправления, приходящих от другого, стоит больше, чем многие фунты тех, что исходят от нас самих. Наш выбор, наш вкус обыкновенно портят лучшие наши дела; и когда мы думаем, что они полны сока и крепости, они оказываются полны ветра и пыли, подобно тем плодам, что растут на берегах Мертвого моря, у которых кожура прекрасна и румяна, но внутри они полны праха.

Глава двадцатая. О речи

Речь является человека, ибо язык укоренен в сердце. Хотите узнать, здраво ли суждение человека и добра ли его воля? Внимайте его речам, вдумывайтесь в его слова, и, сколь бы ни был он скрытен, вы узнаете, каков он.

Даже врачи не имеют лучшего средства для распознания состояния больного. О корне дерева судят по листьям и плодам, а о корне совести — по словам, ибо *от избытка сердца говорят уста* (ср. Мф. 12:34).

К этому я прибавлю слово нашего блаженного: кто искоренил бы грехи языка, тот избавил бы мир от трети его грехов. «*Кто не согрешает в слове*, — говорит святой Иаков, — *тот человек совершенный*» (Иак. 3:2).

Глава двадцать первая. О проповеднике, который запнулся

В Анси прибыл один монах, преподаватель богословия, который славился среди своих братьев ученостью и которого они повсюду представляли как знаменитого проповедника. Он сгорал от страстного желания проповедовать в присутствии нашего блаженного и явить свое красноречие, дабы получить какое-нибудь видное место на время Адвента или Великого поста.

Наш святой, никогда не отказывавший ни в своей кафедре, ни во внимании ни одному правоверному проповеднику, охотно сизошел к его желанию. Он восседал на своем престоле в окружении каноников, духовенства и народа, внимая сей столь тщательно подготовленной проповеди, на которую все братья того монаха не преминули созвать весь город.

И вот, сей добный муж, по некоему тайному суду Божию, так запутался в своих мыслях и пришел в такое смятение, что, произнеся несколько бессвязных фраз, вконец умолк, ибо память не подсказала ему ничего лучшего, чем молчание.

Так он и сошел с кафедры, сгорая от стыда, и принял этот позор так близко к сердцу, что впал в меланхолию, близкую к безумию и отчаянию. Он говорил вещи, которые страшно было слышать, обращая свои упреки к Самому Богу. Он дошел до того, что возжелал умереть, не в силах, как он говорил, пережить этого позора, и не мог сомкнуть глаз ни днем, ни ночью.

К потере сна он решил прибавить и отказ от пищи, дабы уморить себя голодом. Пришлось позвать святого епископа, чтобы тот утешил его и убедил поесть.

Блаженный, который сам мне и поведал эту историю, сказал, что никогда не воображал такой невоздержанности в человеке, принадлежавшем к столь суровому уставу.

Наконец, с великим трудом и после многих угроз вечным проклятием, он убедил его согласиться поесть, но лишь с тем условием, что ему пообещают перевести его не только в другую провинцию, но и в другую страну.

По этому поводу он сказал мне, что желал бы видеть в этом монахе меньше наготы телесной и больше — духовной, меньше суровости внешней и больше — самообуздания внутреннего.

И, говоря об одном ордене, где много усердствуют в науках и выставляют это напоказ, он сказал: «Я желал бы ему немного меньше знания, которое надмевает, и немного больше любви, которая назидает (ср. 1 Кор. 8:1); немного меньше самодовольства и немного больше смирения».

Слово это напомнило мне другое, сказанное кардиналом де Берюлем, который, говоря об одном докторе, весьма глубоком богослове, но мало проворном и неловком в делах практических, заметил: «Я желал бы ему немного меньше богословия и немного больше здравого смысла; от этого он не меньше заслуживал бы титула *sapientissimus* (премудрейшего)».

Глава двадцать вторая. О духовной сухости

Детям свойственно любить сласти да леденцы, но по неразумию своему они не ведают, что лакомства эти вредят им и порождают недуги.

Так же и душам, нетвердым в благочестии, свойственно преуспевать в добродетели лишь в той мере, в какой Бог проливает на них манну внутренних утешений. Но едва даст о себе знать сухость, как они тотчас впадают в уныние, нерадение и становятся в тягость и себе,

и другим; помыслы тревожат их и терзают им сердце; одним словом, они подобны сынам Ефремовым, которые дивно стреляли в цель, но обращались в бегство при виде врага (ср. Пс. 77:9, Вульг.).

«Не следует так поступать, — говорит наш блаженный, — напротив, чем более Бог лишает нас утешения, тем усерднее мы должны трудиться, чтобы засвидетельствовать Ему нашу верность. Один-единственный акт, совершенный в сухости духа, стоит больше, чем многие, совершенные с великим умилением, ибо он совершается с любовью более сильной, хотя и не столь умильной и приятной» (Беседа 7).

Доблестный воин хладнокровно идет навстречу опасностям, но большинство идет на них, лишь когда их понукают. Чтобы заставить их идти, приходится прибегать к грохоту барабанов и звуку труб.

Тот, кто доблестен в делах духа, не унывает во времена сухости и оставленности; именно тогда он и является сугубую стойкость. Лишь трусливые и робкие соглядатаи Израилевы ужасаются при виде жителей земли обетованной (ср. Чис. 13). Кто служит Богу ради утешений, тот любит утешения Божии более, нежели Бога утешений; а бегущий от Креста не достоин ни следовать за Божественным Учителем, ни именоваться учеником Его.

Глава двадцать третья. О скромности при отходе ко сну

Этому действию мало кто придаёт значение, не соблюдая в нём никаких правил осмотрительности и благопристойности.

Мы должны отходить ко сну благопристойно, памятуя, что недремлющее око Божие видит нас в этот миг, как видят нас и наши ангелы-хранители, и злые духи, которые именно тогда расставляют нам сети.

«Мы должны, — говорит наш блаженный, — всегда и везде иметь Бога перед глазами: и в уединении, и в обществе, и во всякое время, — да, даже и во сне. Один великий святой писал своему ученику, чтобы тот отходил ко сну со скромностью, в присутствии Божием. Ему надлежало поступать так же, как поступил бы человек, которому Господь наш, еще живя на земле, повелел бы спать и лежать пред Его очами; и хотя, — говорит он, — вы не видите Его и не слышите Его повеления, всё равно поступайте так, словно видите, ибо Он воистину присутствует при вас и хранит вас, пока вы спите. О Боже мой! Как скромно и набожно мы отходили бы ко сну, если бы видели Тебя! Мы, без сомнения, складывали бы руки на груди с великим благоговением».

Некоторые служители Божии произносят в этом случае такие святые слова:

Я сплю, а сердце мое бодрствует (Песн. 5:2).

Храни меня, Господи, как зеницу ока; в тени крыл Твоих укрой меня (Пс. 16:8).

Окружи меня истиною Твою, как щитом, и сохрани от страховочных (ср. Пс. 90:5).

В Нём я в мире усну и упокоюсь, ибо Он утвердил меня в дивной надежде на Свою благость (ср. Пс. 4:9).

Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (Пс. 126:1).

Глава двадцать четвёртая. Начальствовать по послушанию

Одна сестра из ордена Посещения, которую предназначали в настоятельницы, жаловалась нашему блаженному, говоря, что лишится плода послушания. Он же утешил её такими словами:

«Отнюдь нет, дочь моя, — сказал он, — плод этот для вас чрезвычайно умножится. Ибо, оставаясь в подчинении, вы вкушали бы лишь тот плод послушания, который возлагала бы на вас настоятельница; но, став настоятельницей, вы, сколько повелений отدادите вашим сёстрам, столько же раз и сами окажете послушание».

Сестра, изумившись этим словам, попросила его их разъяснить.

«Видите ли, дочь моя, — сказал он ей, — разве не Бог, избрав вас для начальствования над общиной, тем самым повелевает вам начальствовать? А значит, повинуясь этому повелению и смиренно принимая возложенную на вас должность, неужели вы не видите, что, начальствуя по послушанию, вы всяким своим повелением для других и сами оказываете послушание? Ведь вы будете начальствовать из послушания, потому что сами повинуетесь повелению, которое вам дано: начальствовать.

Впрочем, я считаю вас счастливой, что вы вступаете в должность с таким отвращением к начальствованию и с такой великой любовью к послушанию, ибо это приведёт к тому, что вы будете начальствовать из любви и ради любви, и сия божественная любовь сделает ваше бремя лёгким, а иго для других — благим» (ср. Мф. 11:30).

Глава двадцать пятая. Об умственной молитве

Я однажды спросил нашего блаженного, не лучше ли в молитве брать для размышления лишь один предмет и извлекать из него лишь одно расположение и одно решение.

Он ответил, что единство и простота во всём, и особенно в духовных упражнениях, всегда предпочтительнее множественности. И что брать несколько предметов для размышления советуют лишь начинающим, дабы занять их ум.

Что до множественности расположений и решений, он ответил на это сравнением: когда весна обильна цветами, пчёлы тогда-то и делают меньше всего мёда; ведь, находя великое удовольствие в том, чтобы порхать над этим изобилием, они не дают себе труда извлечь сок и самую суть, из коих слагают свои соты. Свойственно, — добавил он, — шмелям производить много шума, а плода приносить мало.

На вопрос же, не лучше ли часто повторять то же расположение и то же решение, дабы глубже их укоренить, он ответил, что в этом следует подражать живописцам и ваятелям, которые творят свои произведения, раз за разом нанося удары кистью и резцом; так и нам, чтобы запечатлеть что-либо в глубине сердца, надобно повторять это снова и снова.

Он добавил, что подобно тому как пловцы, слишком проворно движущие руками и ногами, идут ко дну, ибо двигать ими надоменно плавно и неспешно, так и те, кто слишком торопится в молитве, рассеиваются в своих помыслах, и эти рассеянные помыслы сокрушают их сердце.

Глава двадцать шестая. О том же

Что до заданного мне вопроса, как понимать слова, которые наш блаженный приписывает великому святому Антонию, — молящийся должен быть столь внимателен к Богу, что должен забыть о том, что он молится, — то я отвечаю, следя учению нашего блаженного. Размыщение молящегося о собственном действии отвлекает его внимание и, если не является прямым рассеянием, то по крайней мере служит поводом, открывая ему дверь.

«Надобно, — говорит наш блаженный, — держать свою душу в молитве твёрдо, не позволяя ей оборачиваться назад, дабы посмотреть, что она делает или довольна ли она собой. Увы! Наши удовольствия и утешения не услаждают взора Божия, но лишь тешат то жалкое самолюбие и ту заботу о себе, что живут в нас вне Бога и помышления о Нём. Дети, коих Господь наш ставит нам в образец совершенства, обычно ни о чём не заботятся, особенно в присутствии своих отцов и матерей; они льнут к ним, не оборачиваясь, чтобы взглянуть на свои удовольствия или утешения, которые принимают с чистым сердцем и коими наслаждаются в простоте, без всякого любопытства, не размышляя ни о причинах их, ни о следствиях; любовь занимает их настолько, что ни на что другое они не способны. Тот, кто всецело поглощён стремлением с любовью угодить небесному Жениху, не имеет ни расположения, ни досуга обращаться к самому себе, ибо дух его непрестанно устремлён туда, куда влечёт его любовь».

Наш блаженный был таким ревнителем единства, что всякая множественность была ему если не неприятна, то по крайней мере всегда подозрительна. Он чрезвычайно одобрял совет, приписываемый св. Фоме: чтобы преуспеть в учении, имей лишь одну книгу.

В связи с этим он хвалил тех, кто в своей духовной жизни прилеплялся к какой-либо одной книге, исполненной благоговения, как то: «Духовная брань», бывшая его излюбленным чтением; «Способ служить Богу» (Алонсо Родригеса), который с его позволения я избрал для себя; «О подражании Христу» (Фомы Кемпийского); «Путеводитель» или «Памятная книга» (Луиса) Гранадского и им подобные. Не то чтобы он отвергал другие книги, но лишь предпочитал, чтобы они служили дополнением и как бы толкованием к книге основной.

Тот же порядок он советовал соблюдать и в духовных упражнениях. Он желал, чтобы душа избирала одно из них и ему предавалась со всем усердием: будь то пребывание в присутствии Божиим, которое онставил превыше всего; чистота ли намерения, столь им ценимая; покорность ли воле Божией, которую он глубоко почитал; или же полное

предание себя в руки Божии и отречение от себя — делание, в котором он видел средоточие всего христианского совершенства.

Он хотел также, чтобы избирали какую-либо одну добродетель, как то: смиление, кротость, терпение, умерщвление плоти, молитву, милосердие и им подобные, — дабы упражняться в ней особенно прилежно, говоря, что почти все святые преуспели в какой-либо одной, особой добродетели, и даже что каждый монашеский орден имеет свою, которая составляет его дух и о которой там пекутся более всего, не пренебрегая, впрочем, и остальными.

Исходя из этого правила, он не ждал ничего доброго от тех, кого видел порхающими от упражнения к упражнению, от книги к книге, от одной благочестивой практики к другой. Он сравнивал их со шмелём, что садится на все цветы, но не собирает с них мёда; они вечно учатся, но никак не могут дойти до истинного познания святых; вечно берут, копят и запасают, но не становятся богатыми, ибо всё это кладут в дырявый кошель и высекают себе разбитые водоёмы, неспособные удержать воду. Это беспокойные души, которые ищут мира в духовных богатствах, коими, как им кажется, они себя наполняют, но не находят его; они подобны тем, кто уязвлен ревностью: для них всё — пища для страсти, и ничто — лекарство.

По поводу этой множественности он говорил мне, что одно молитвенное вздохание, повторённое сто раз, он ценит больше, чем сто разных вздоханий, произнесённых по одному разу. И приводил в пример святых, таких как св. Франциск, который проводил порой целые дни и недели, повторяя: «Бог мой — всё для меня». А св. Бруно: «О Благость!». А святая Тереза: «Всё, что не Бог, — ничто». И добавлял, что чем дольше пчела сидит на одном цветке, тем больше мёда она с него соберёт.

Подтвержду это словами нашего блаженного из одной из его бесед:

«Те, кто на пищу пробует понемногу от каждого блюда, сильно расстраивают себе желудок, и от такого несварения не могут спать всю ночь и лишь отплёвываются. Подобное происходит и с теми душами, что желают вкусить от всех способов и всех средств, которые ведут или могут вести нас к совершенству. Ибо желудок их воли не имеет достаточно жара, чтобы переварить и применить на деле столько средств; оттого возникает некое несварение, которое лишает их мира и спокойствия духа пред Господом нашим, Который и есть то единое на потребу, что избрала Мария и что не отнимется у неё» (ср. Лк. 10:42).

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Глава первая. О немощных

Quis infirmatur, & ego non infirmor? (Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? — 2 Кор. 11:29). Наш блаженный был в высшей степени проникнут духом святого апостола, питая особенную любовь к немощным телом и духом.

Он говоривал, что в год искуса, установленный в общинах перед принесением обетов, слишком строго смотрят на телесные и духовные немощи, как будто монастыри не являются своего рода больницами, устроеными для того, чтобы врачевать больных и телом, и духом.

Правда, как существуют некоторые заразные телесные болезни, понуждающие отделять заражённых ими от общества здоровых людей, так есть и болезни духовные, как то: неуживчивость нрава и неисправимость, из-за которых могут отказать в принесении обетов.

«Я, — говорил наш блаженный, — страстный заступник немощных и всегда опасаюсь, как бы неудобства, которые от них претерпеваю, не заразили обители духом мирской расchetливости, побуждающим избавляться от больных, пренебрегая духом милосердия. Посему я принимаю сторону вашей немощной сестры, лишь бы она была смиренна и сознавала, сколь многим обязана любви остальных насельниц. Для прочих же это станет постоянным и спасительным упражнением в добродетели».

Глава вторая. О придворной жизни

Что бы ни думали и ни говорили о том многие, наш блаженный не считал придворную жизнь местом, противным святыни. Душа, стяжавшая благодать Божию и хранящая в ней свою чистоту, может обрести там спасение, и не бывает в общении столь цепкой заразы, от коей не защитило бы это небесное врачевство.

Авраам среди идолопоклонников, Лот в городе гнусном и Иов в земле Уц были святы посреди нечестивых.

«Давид, — говорит наш блаженный, — а после него св. Людовик, среди множества опасностей, трудов и забот освятили себя при дворе. Св. Бернард, — продолжает он, — ничуть не замедлил чаемого преуспения в святой любви, хотя и находился при дворах и в войсках великих государей, где трудился над тем, чтобы обратить дела государственные на служение славе Божией.

Он менял место, но не менял сердца; сердце его не меняло своей любви, а любовь — своего предмета. И, говоря его собственными словами, перемены эти совершились *с ним*, но не *в нем*, ибо, хотя занятия его и были весьма различны, он оставался равнодушен ко всем занятиям и отстранен от них, не принимая окраски дел и разговоров, подобно хамелеону, что принимает цвет тех мест, где находится; но всегда оставаясь единственным с Богом, всегда белым в чистоте, всегда алым в любви и всегда исполненным смирения.

Израильяне (ср. Пс. 136) по праву отказывались петь священные песни Сиона вавилонянам, понуждавшим их к тому; но разве вы не видите также, что эти несчастные не просто находились среди вавилонян, но были у них в плена? Кто рабствует милостям двора, успеху в тяжбах, воинской славе — о Боже, с тем всё кончено, тот не сможет петь песнь божественной любви. Но тот, кто пребывает при дворе, на войне или в суде лишь по долгу службы, тому помогает Бог, и небесная кротость служит покровом его сердцу, дабы уберечь его от заразы, царящей в тех местах».

Есть рыбы, которые, покидая соленые воды моря и входя в пресные воды рек, не только не портятся, но становятся лучше и приятнее на вкус, как то: лососи, алозы и им подобные; и подобно тому, как розы, посаженные рядом с чесноком, источают двойной аромат, так и иные души усугубляют своё благочестие в тех местах, где распутство и нечестие, казалось бы, торжествуют над добродетелью.

Такова была и душа нашего блаженного; ибо, зная, что посвященный Богу не должен связывать себя делами века сего (ср. 2 Тим. 2:4), он говорит одной доверенной душе следующее: «Признаюсь, как священник я в хлопотах и делах, особенно мирских, стал ныне менее сноровист, чем когда-либо, ибо, слава Богу, именно при дворе я научился быть проще и чуждаться суеты мирской».

Глава третья. Об унынии

Самое подлое из всех искушений, — говоривал наш блаженный, — это уныние. Когда враг лишает нас мужества преуспевать в добродетели, мы становимся для него легкой добычей, и вскоре он низвергает нас в пропасть порока.

Чтобы исправить этот недостаток, наш блаженный сказал однажды одной душе: «Имей терпение ко всем, но в особенности — к самой себе. Я хочу сказать: не смущайся своими несовершенствами и всегда имей мужество от них восставать. Я очень рад, что ты каждый день начинаешь съезжаться. Нет лучшего средства благополучно завершить духовную жизнь, как всегда начинать заново и никогда не считать, что уже сделал достаточно».

И в самом деле:

1. Как мы будем с терпением сносить недостатки ближнего, если нетерпеливы к собственным?
2. Как мы сможем укорять других кротко, если самих себя исправляем с досадой, горечью и огорчением?
3. Тот, кто смущается своими несовершенствами, не может их исправить, ибо исправление, дабы принести пользу, должно исходить от духа мирного и покойного.

Глава четвертая. О страдании

«Сын мой, — говорит премудрый, — если хочешь поступить на служение Господу, то приготовь душу твою к искущению» (Сир. 2:1); «ибо что знает неискушенный?» (ср. Сир. 34:10). Как может он без искуса надеяться на венец жизни (ср. 2 Тим. 2:5)? Неужели не ведаем мы, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22)? Сын Божий вошел в славу Свою через страдание (ср. Лк. 24:26); посему, если не хотим мы нести креста своего, нечего и надеяться войти в число Его учеников (ср. Лк. 14:27). Если с Ним не терпим, то и царствовать с Ним не будем (ср. 2 Тим. 2:12).

«Надобно, — говорит наш блаженный, — часто приносить сердце наше в жертву любви Иисусовой на самом алтаре Креста, на коем Он принес в жертву Свое сердце из любви к нам. Крест — вот царские врата, ведущие в храм святости. Кто ищет иного пути, тот не обрящет и крупицы ее».

Любить Бога среди благоденствия — это хорошо, если только не любят само благоденствие столько же или более, чем Бога; ибо Бог не желает иметь в сердце нашем ни товарища, ни господина. Чтобы любить Бога как должно, надобно и благоденствие, посылаемое Им, обращать к Его любви, ибо Он посыпает его нам лишь для того, чтобы мы лучше служили Ему и лучше Его прославляли.

Но путь, пролегающий через кресты и невзгоды, куда короче и свободнее от препон; на нём менее опасности сбиться с пути или прельститься творением, вместо того чтобы идти к Творцу. Ибо любовь к Богу, что закаляется в страдании, не останавливается на самом страдании, в коем нет ничего привлекательного, кроме руки Божией, его посылающей.

Кто любит Бога в довольстве и благоденствии, тому трудно очистить свою любовь от всякой привязанности и услаждения этим благоденствием; но в напастях вино любви Божией не имеет осадка: к Распятию прилепляются любовью совершенно чистою. Истинный признак подлинной, искренней и крепкой любви — страдать охотно и радостно за того, кого любишь. И даже умереть за него — сладостно, и это есть доказательство совершенной любви.

Глава пятая. О душах, излишне себя жалеющих

Хотя наш блаженный был нрава чрезвычайно кроткого и сострадательного, кротость его, однако, сочеталась с крепостью и силой; в этом он был подобен стали, которая становится прочнее, чем мягче и податливее делает ее отпуск после закалки.

Признаком же крепости и силы его духа было то, что он не любил души изнеженные и слишком себя жалеющие и повсюду, где встречал эту изнеженность и жалость к себе, боролся с ними беспощадно.

Он проводил четкое различие между слабостью и немощью — и этой изнеженностью. Слабость для нас как бы естественна, и потому он был так сострадателен к бедным грешникам, особенно к тем, кто падал по оплошности, человеческой хрупкости и без великого злого умысла. Но к душам, которые были слишком чутки к самим себе, он был строг и суров.

Эту жалость к себе, как духовную, так и телесную, он почитал качеством, не менее противным твердому и крепкому благоговению, нежели суеверность, ибо и то, и другое — верные признаки самолюбия.

Ту же строгость он проявлял и к самому себе. Он почти совсем не жаловался на случавшиеся с ним невзгоды, телесные ли, духовные ли; дошло до того, что в предсмертной болезни, когда ему приложили к телу раскаленное железо, чтобы вывести его из забытья, он в ответ на жестокую боль издал лишь легкий вздох.

Он настолько напитал своих дочерей из ордена Посещения этим духом, что многие из них доходили до крайности: они переносили любые страдания — внутренние и внешние, духовные и телесные — без единой жалобы, почитая всякое сетование признаком жалости к себе, недостойной дочерей, давших обет жить лишь у подножия Креста Иисусова. Свидетельством тому служит пример одной сестрицы, которая за час до кончины, чувствуя, как смертные муки не просто обступают, но уже и стискивают ее, все же не решалась признаться, что ей очень дурно, из опасения проявить неверность Спасителю. При этом она не помыслила, что Сам Господь наш, будучи пригвожден ко Кресту, воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46) — а в борении смертном сказал ученикам Своим, что душа Его скорбит смертельно (ср. Мф. 26:38).

Наш блаженный учил больных рассказывать о своей болезни совершенно просто и бесхитростно, не умаляя ее из ложного мужества и не преувеличивая из изнеженности или малодушия. Он требовал в этом не только правдивости, но и прямоты и искренности. Сверх того, он хотел, чтобы больные неукоснительно повиновались врачам и не отказывались ни от каких прописанных ими средств, и говорил, что в этом повиновении и состоит та честь, которую Бог повелевает им воздавать по надобности в них (ср. Сир. 38:1).

Одной душе, которая с излишней чувствительностью жаловалась ему на сухость в молитве, он сказал: «Мы всегда привержены к сладости, приятности и утешениям, но горечь сухости всё же плодотворнее. И хотя св. Петр любил гору Фавор и хотел избежать горы Голгофской, последняя, тем не менее, не перестает быть полезнее первой, и кровь, пролитая на одной, вожделенное света, излитого на другой».

К чему он прибавил: «Лучше вкушать хлеб без сахара, нежели сахар без хлеба».

Глава шестая. О смене духовника

Добротель, как и истина, всегда обретается посредине между двумя предосудительными крайностями. В нашем случае это, с одной стороны, готовность менять духовника по всякому поводу, а с другой — боязнь сменить его хотя бы раз, доходящая до того, что человек скорее оставит исповедь, чем пойдет к кому-либо, кроме своего обычного духовника. В первой крайности есть нечто от легкомыслия, во второй — от малодушия. И если вы спросите меня, которая из двух предосудительнее, я отвечу, что вторая, ибо в ней, как мне кажется, проявляются и человеческий страх, и привязанность к творению, и дух рабства, совершенно противный Духу Божию, который обитает лишь там, где царит святая свобода (ср. 2 Кор. 3:17). Св. Павел говорит нам, что, будучи искуплены великой и неизмеримой ценою крови Иисуса Христа, мы не должны делаться рабами человеков (ср. 1 Кор. 7:23).

Святой Тридентский собор проявил мудрость, предписывая три или четыре раза в год давать монахиням внеочередных духовников, дабы избавить их от ига и стеснения, порождаемых неизменным общением с одним и тем же духовником. Следуя этому духу, блаженный Франциск пожелал, чтобы его дочери из ордена Посещения имели такую возможность ежегодно в недели постов Четырех времен года. Он также усердно наказывал настоятельницам давать сестрам, которые о том попросят и будут в том нуждаться, такую возможность и чаще, если только просьба их не будет вызвана

своенравием или пристрастием. Ибо, хотя и должно удовлетворять справедливые нужды, не следует повторствовать нуждам воображаемым.

Блаженная Тереза также весьма заботилась о том, чтобы сестры ее обладали этой святой и справедливой свободой, которая и делает иго Спасителя поистине благим и легким. И ее дочери-кармелитки поныне хранят этот обычай, являя похвальную свободу.

Вот что наш блаженный писал однажды одной настоятельнице:

«Не следует быть переменчивым в желании сменить духовника без веской причины, но не должно и коснуться в своем выборе, ибо могут возникнуть законные поводы для перемены. Посему и епископы не должны связывать себя до такой степени, чтобы лишиться возможности произвести замену, когда то будет целесообразно, особенно, если о том с общего согласия попросят сестры или же сам духовник».

Глава седьмая. О падениях

Он хотел, чтобы всякий, совершив падение, восставал от него с кротостью, в мире и спокойствии, ибо, восставая со смущением и досадой, можно пасть еще тяжелее.

«Когда, — говорил он, — случается нам пасть от внезапных порывов самолюбия или страстей, при первой же возможности простремся ниц пред Богом и скажем в духе упования и смирения: „Помилуй меня, Господи, ибо я немощен“ (Пс. 6:3). Восстанем же в мире и спокойствии и, вновь связав нить нашей любви, продолжим наше делание. Не должно ни рвать струны, ни бросать лютню, когда замечаешь разлад. Надобно прислушаться, чтобы понять, откуда он пошел, и с кротостью натянуть или ослабить струну, как того требует искусство».

«Правда и то, — говорил он тем, кто ему возражал, — что мы должны судить себя со строгостью, что мы должны иметь к себе сердце судии; но как судия рискует совершить несправедливость, когда торопится с приговорами или выносит их в смятении от страстей, — чего не случается, когда поступками его и поведением правит разум, — так и нам, чтобы судить себя по справедливости, надобно делать это в духе мирном и кротком, а не с негодованием и смущением».

Глава восьмая. Об извинениях

Слушать самооправдания зачастую тяжелее, чем прямые упреки, однако и упреки, если переходят всякую меру, не менее пагубны.

Правда и то, что праведник, как говорит Священное Писание, — первый обвинитель самому себе (ср. Притч. 18:17), и, зная свои недостатки, он бесхитростно в них признаётся, дабы исцелиться спасительными наставлениями.

Правда и то, что извинять себя — своего рода зло, ибо всякое самоизвинение, как правило, хуже самой ошибки, так как свидетельствует, что провинившийся почитает себя правым, а это противно справедливости.

Если бы наши прародители не стали оправдываться — один, ссылаясь на жену, другая — на змия, — а простодушно признались бы в своем грехе, являя раскаяние, они бы раздавили скорпиона на самой ране. И Бог, Который призывал их к тому столь кротким и любящим вопросом: «Адам, где ты?», — помиловал бы их по милосердию Своему.

Это и побуждало Давида говорить: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих. Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных» (Пс. 140:3–4). Так этот святой пророк называл слова, которые измышляют, дабы извинить свои грехи.

Однако и в том, и в другом надобно быть справедливым и правдивым и держать весы ровно. Вот какой совет давал блаженный на сей счет: «Будь справедлив, — говорил он, — не извиняй и не обвиняй свою бедную душу иначе, как по зрелом размышлении, дабы, оправдывая ее без основания, не сделать ее дерзкой, а обвиняя легкомысленно — не сокрушить ее мужества и не сделать ее малодушной. Ходи просто, и будешь шествовать с упованием».

Однажды я слышал от него такое прекрасное изречение: «Кто оправдывает себя несправедливо и хитро, тот поистине открыто обвиняет себя; а кто обвиняет себя просто и смиленно, тот заслуживает, чтобы его извинили с кротостью и простили с любовью».

Есть исповедь, что приносит стыд, и есть другая, что приносит славу. «Исповедь, — говорит св. Амвросий, — вот истинное лекарство от греха для того, кто раскаивается».

Глава девятая. Несколько советов касательно искушений

От неумения как следует различить, стоит ли искушение *перед* нашим сердцем или уже в нашем сердце, мы смущаемся и страдаем.

Но как же, скажете вы, узнать это различие?

Вот пробный камень. Посмотрите, приятно ли вам искушение или неприятно, и знайте, что если грехи не могут повредить, когда они неприятны, то тем более — искушения.

Вот изречение нашего блаженного на сей счет: «Заметьте вот что, — говорит он, — пока искушение вам неприятно, нечего бояться; ибо отчего оно вам неприятно, как не оттого, что вы его не хотите?»

Но если я задерживаюсь на нем долго, будь то по невниманию, по оцепенению или из малодушия, не желая с ним бороться или его отгонять, нет ли в этом своего рода услаждения? — Зло искушения измеряется не его продолжительностью: оно может терзать нас всю жизнь. Но пока оно нам неприятно, оно не может ввергнуть нас в грех; напротив, если оно нам неприятно, то эта неприятность не только берегает нас от его яда, но и служит нам поводом к стяжанию добродетели, а следовательно, и венца.

Но я боюсь, что оно мне понравилось. — Этот страх — знак того, что оно было вам неприятно; ибо не боятся того, что нравится, а пугаются зла. Если у вас хватило досуга или рассудительности, чтобы счесть искушение злом, оно не могло вам понравиться.

Но разве задерживаться на нем — не зло в любом случае? — Если эта задержка предваряет полное пользование разумом, она не имеет большого значения. А чтобы это услаждение, которое называют затяжным (*delectatio morosa*), стало грехом, требуется некоего рода добровольное лукавство и согласие.

Но как же распознать это согласие? — Определить его трудно, и здесь надобно сказать с пророком: «Кто усмотрит погрешности свои?» Посему он взывает ко Господу: «От тайных моих очисти меня» (Пс. 18:13), то есть от грехов, которые он не мог как следует распознать.

Тем не менее, скажу вам по этому поводу то, что я сам некогда узнал от нашего блаженного, задав ему об этом вопрос: «Когда сомневаешься, — сказал он мне, — дал ли ты согласие на зло, всегда считай это сомнение за „нет“».

Дело в том, что для совершения греха требуется согласие воли, ибо не бывает греха, если он не доброволен. Не спешите верить, будто вы дали согласие; ибо если сердце ваше не укоряет вас, вы должны быть спокойны (ср. 1 Ин. 3:21).

Глава десятая. О тщеславии

Есть тщеславие разума — почитать себя большим, чем ты есть; но есть и более опасное тщеславие воли — стремиться к положению более высокому, нежели то, что имеешь, и воображать, будто ты его достоин.

Тот, кто почитает себя большим, чем он есть, обретает в мыслях своих некое подобие довольства, а следовательно, и своего рода спокойствие. Но тот, кто притязает на положение более высокое, нежели то, в коем находится, пребывает в непрестанном беспокойстве; он презирает всё, что ниже его или равно ему, и счастливыми почитает лишь тех, кто стоит над ним и к чьему положению он стремится. Достигнув же его, он видит в нем лишь ступень, чтобы притязать на еще большее, и так проводит жизнь в притязаниях, подобно путнику, который смотрит на постоянные дворы лишь как на пристанище на пути, где не должно задерживаться.

Наш блаженный, почитая, что и так уже слишком высоко вознесся в церковных санах, думал скорее о том, чтобы сойти с высоты, нежели подняться еще выше; об уединенном затворе, а не о больших должностях. Он страшился даже того высокого почтения, коим, как он знал, был окружён, и опасался, как бы, снискав столь великую любовь людей, не ослабить ревности в служении Богу.

Однажды некто вопросил его, как ему удается сохранять чистосердечное смирение среди стольких рукоплесканий и похвал. Он ответил: «Вы оказываете мне великую услугу, напоминая о святом смирении. Ибо, знаете ли, когда ветер, запертый меж гор, проносится по нашим низинам, он даже там губит малые цветы и вырывает с корнем деревья; а уж я, занимая столь высокий епископский пост, претерпеваю от него тем паче».

«О Господи, спаси нас; запрети сим ветрам тщеславия, и настанет великая тишина» (ср. Мф. 8:26).

Глава одиннадцатая. О Святом Причастии

Чувства его касательно Святого Причастия Телу и Крови Иисуса Христа в Пресвятом Таинстве Евхаристии были в высшей степени нежны и сладостны, и столь глубоко проникался он при этом божественной любовью, что благоговейный страх нисколько не вредил упнованию, а упновие — благоговению.

Он говоривал порой, что ни в одном таинстве Спаситель не предстает нашему созерцанию в образе более кротком, достойном любви, сладостном и восхитительном. Он страстно желал, чтобы человек, принимая Святые Дары, как бы уничтожал себя, подобно тому как Спаситель умалил Себя, дабы сообщить Себя нам, «приклонив небеса» (Пс. 17:10) Своего величия, дабы сообразоваться и соединиться с нашей ничтожностью.

Но куда приятнее вам будет услышать о чувствах его из собственных его уст. Вот слова его, что кажутся мне слаще сахара и меда, и я молю вас вкусить их по достоинству. Сказаны они были одной душе, которая по ложному смирению не решалась приступить к сему божественному Таинству, говоря подобно св. Петру, но не в духе св. Петра: «Выходи от меня, Господи!» (ср. Лк. 5:8). И он повелел передать ей эти слова через доверенное лицо:

«Передайте же ей, да причащается она дерзновенно и с миром, во всем смирении, дабы отклиknуться на любовь Жениха, Который, соединившись с нами, умалил Себя и с кротостью уничижился до того, что соделал Себя нашей пищей и снедью, — нам, кои сами лишь пища и снедь для червей. О, кто причащается в духе Жениха, тот и сам себя уничтожает, говоря Господу нашему: „Раздроби меня, перевари меня, уничтожь меня и претвори в Себя“. Ибо я не нахожу в мире ничего, что было бы нам более подвластно и покорно, нежели пища, которую мы уничтожаем, дабы поддержать жизнь свою. И Господь наш явил такую безмерную любовь, что стал для нас этой пищей.

А мы, чего же не должны сделать мы, дабы Он владел нами, дабы вкушал нас, раздроблял, поглощал и претворял в Себя, дабы творил из нас все, что Ему благоугодно?»

Глава двенадцатая. Об упновании на Господа и о стойкости в скорбях

Упновать на Господа — значит в спокойствии духа ожидать с блаженным упнованием исполнения Его обетований в то время, которое Он Сам определил для их свершения. Именно это блаженное упновение исполняет души в Чистилище столь глубоким миром, а их терпение — такой торжествующей силой, что в них умолкает всякая жалоба, всякий ропот и всякое желание, противное воле Божией.

Чтобы иметь такое упновение, нужна отвага поистине мужская, противоположная малодушной изнеженности; посему пророк Исаия говорит, что *надеющиеся на Господа*

(упованием, оживотворенным любовью) обновяется в силе, обретут крепость сверхъестественную, и поднимут крылья, как орлы (ср. Ис. 40:31), — птицы, что взмывают ввысь и не опускаются, покуда сами того не пожелают.

Проявлять же стойкость ради Господа — значит переносить скорби, посыаемые нам от Бога, с такой твердостью духа, которая заставляет нас *надеяться сверх надежды* (Рим. 4:18) и говорить со святым праведным Иовом: «*Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться*» (Иов 13:15).

Глава тринадцатая. Или умереть, или любить

Девизом святой Терезы было: «*Или страдать, или умереть*», ибо божественная любовь так пригвоздила ко Кресту сию верную служительницу Иисуса распятого, что она желала жить лишь для того, чтобы иметь возможность страдать ради любви к Нему.

Великий и серафический св. Франциск был тех же чувств, почитая, что Бог забыл его, и даже с любовью сетуя на это, когда проходило несколько дней, а он не бывал посещён какой-либо болью; и как нищету он называл госпожой своей, так страдание именовал сестрой.

Воистину, как страдание с любовью и ради любви к Богу есть путь и истинные врата в Царство Небесное, так без этой любви оно — преддверие ада.

«Несчастна смерть без любви Спасителя, — говорил наш блаженный, — и несчастна любовь без смерти Спасителя; ибо именно эта драгоценная смерть снискала нам божественную любовь, без которой ни дела наши, ни страдания не имеют никакого доступа к жизни вечной».

Девизом же нашего блаженного было: «*Или умереть, или любить*». Вот как он сам разъясняет это в некоторых из своих творений: «Или любить, или умереть. Умереть и любить. Умереть для всякой иной любви, чтобы жить для любви Иисуса, дабы не умереть нам навеки, но, живя в вечной любви Твоей, о Спаситель душ наших, вечно воспевать: „Да здравствует Иисус, я люблю Иисуса! Да здравствует Иисус, Которого я люблю! Я люблю Иисуса, живущего и царствующего во веки веков. Аминь“».

И в другом месте: «Я желаю умереть или любить Бога; или смерть, или любовь; ибо жизнь без этой любви воистину хуже смерти».

Глава четырнадцатая. О мире сердца среди суety

Великое заблуждение некоторых душ, впрочем, добрых и благочестивых, — воображать, будто невозможно сохранить внутренний покой среди житейской суэты. Бывает ли колыхание сильнее морского? Вечно качаются на волнах корабли, и однако же те, кто на них, находят там и отдых, и сон, а стрелка компаса неизменно обращена к северу.

Всякий, кто во всех своих действиях взирает лишь на Бога и не имеет иного намерения, кроме как обращать их к божественной славе, повсюду обретает покой, даже в величайших волнениях; ибо, обращая и самые эти волнения к чести Того, Кто их попускает или посыпает, он достигает единственной цели своих стремлений, которая в том и состоит, чтобы чтить Бога во всем и при всех обстоятельствах.

Я дивлюсь, когда те, кто посвятил себя Богу в святейших служениях, порой сетуют, что их назначают на должности, сопряженные с великой суетой, и называют это «рассеивающими послушаниями».

Воистину, рассеивающими являются лишь те занятия, что отделяют нас от Бога, а отделить нас от Него может один лишь грех; всякое же законное занятие не только не отделяет нас от Него, но и служит средством к еще более тесному единению с Ним.

Тяжущиеся в судах могут соединяться с Ним, обращая отправление правосудия к славе Божией и служа Ему в этом столь беспокойном деле. То же можно сказать и о купцах, о ремесленниках, о воинах — словом, о людях любого звания.

Вот как наш блаженный разъясняет это:

«Будем же всецело принадлежать Богу среди тех хлопот, что предлагаются нам разнообразие мирских дел. Как еще можем мы лучше засвидетельствовать нашу верность, если не среди противных обстоятельств? Увы! В уединении — свои браны, в миру — своя суета. Повсюду надобно иметь изрядно мужества, ибо повсюду помочь небесная готова для тех, кто уповаёт на Бога и со смирением и кротостью взывает к Его отеческому заступничеству. Берегитесь же, дабы забота ваша не обратилась в смущение и беспокойство; и, плывя по волнам среди ветров бесчисленных хлопот, всегда взирайте на Небо и говорите Господу нашему: „О Боже, ради Тебя я плыву под парусом; будь моим вождем и кормчим“. А затем утешайтесь мыслью, что, когда мы достигнем гавани, сладость, которую мы там обрящем, изгладит из памяти все труды, понесенные на пути к ней.

И мы идем к ней среди всех этих бурь, если только сердце наше право, намерение — благо, мужество — твердо, взор устремлен к Богу, и всё упование наше — на Него. Если же штормовая качка порой вызовет в нас дурноту и легкое головокружение, не будем смущаться; но, как только сможем, переведем дух и воодушевим себя на лучшее. Вы всегда существуйте путем святых своих решений, я в том уверен; так не огорчайтесь же из-за этих малых приступов беспокойства и досады, которые рождает в вас множество домашних дел. Нет, ибо это служит вам упражнением для стяжания самых драгоценных и любезных добродетелей, которые заповедал нам Господь наш. Поверьте мне, истинная добродетель не вскармливается во внутреннем покое, так же как добрая рыба не водится в застойных болотных водах».

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Глава первая. О добром имени

Разве стал бы он домогаться ложных почестей, что даруют должности, коими недостойные владеют чаще достойных, если даже подлинная добрая слава — это благовоние, воскуряемое лишь на алтаре истинной добродетели, — трогала его лишь в той мере, в какой могла послужить к славе Божией, единственному достоянию его сердца?

Когда против него воздвигли тяжкую клевету, да так, что она прогремела повсюду, он не сказал ничего, кроме следующего: «Я смирил себя (ср. Пс. 118:71) и не стал приводить в свою защиту те благие дела, о которых мог бы рассказать, довольствуясь тем, что сокрыл свою скорбь в глубине души. Плод, который произвело во мне это терпение, состоял в том, что сердце мое еще более воспламенилось любовью к Богу, и разгорелся огонь моей молитвы. Я сказал Богу: „Ты — заступник мой и прибежище мое в этом бедствии. Тебе надлежит избавить меня, о Боже истины! Избавь меня от клеветы человеческой“» (ср. Пс. 30:6; 118:134).

Вот что наш блаженный писал по поводу этого великого посягательства на его доброе имя одной благочестивой душе, принимавшей его дела к сердцу более, чем он сам:

«Впрочем, Промыслу ведомо, какая мера доброй славы мне потребна для служения, к которому Он меня призывает; я же не желаю ее ни больше, ни меньше, чем Ему будет угодно».

Глава вторая. О печали

Как блаженство будущей жизни именуется в Писании *радостью*, так и счастье жизни настоящей состоит в радости, но не во всякой. Ибо радость лицемера, говорит Святой Дух устами Иова, как мгновение (ср. Иов 20:5). «Проводят дни свои в счастьи, — сказано о нечестивых, — и мгновенно нисходят в преисподнюю» (ср. Иов 21:13). Слезы — вот итог смеха (ср. Притч. 14:13).

Истинная радость может проистекать лишь из внутреннего мира, а мир этот — лишь из свидетельства доброй совести (ср. 2 Кор. 1:12), которая именуется «непрестанным пиршеством» (ср. Притч. 15:15). Именно эту радость о Господе (ср. Неем. 8:10) и в Господе (ср. Флп. 4:4), сопряженную с любовью и скромностью, так настоятельно заповедует нам апостол.

Наш блаженный столь высоко ценил эту святую радость, что в ней полагал счастье земной жизни, и так в ней утвердился, что один великий служитель Божий говорил о нем, будто он обладает миром невозмутимым и неизменным.

И как наш блаженный был другом мира и радости о Духе Святом, кои, по словам св. Фомы, суть два великих плода любви, так был он и врагом смущения и печали. Вот как он говорит о том одной душе, которая им поддавалась:

«Пребывайте в совершенном мире и питайте сердце ваше сладостью небесной любви, без коей сердца наши безжизненны, а жизнь наша — несчастна. Ни в коем случае не поддавайтесь печали, врагу благочестия. О чем скорбеть дочери и служанке Того, Кто вовеки будет нашей радостью?

Ничто, кроме греха, не должно нас огорчать и удручать; но и за этим огорчением о грехе непременно должна следовать радость святого утешения».

И это настолько верно в отношении покаяния, что великий царь, бывший по сердцу Божию, смешав питие свое со слезами и омочив ложе свое слезами, просит Бога, дабы Он возвратил ему радость спасения Своего и Духом владычественным утвердил его (ср. Пс. 50:14).

Глава третья. О жизни мертвотой и о смерти живой

Вы просите меня разъяснить это краткое, но изысканное изречение нашего блаженного: «Надобно, чтобы мы жили жизнью мёртвой и умирали смертью живой и животворящей в жизни Царя нашего, Любви нашей и кроткого Спасителя нашего».

Эти противоположения, в коих видится противоречие, суть истинный язык и чистый слог Писания. Св. Павел говорит: «*Ибо вы умерли, и жизнь ваша скрыта со Христом в Боге*» (Кол. 3:3). И еще: «*А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего*» (2 Кор. 5:15). Говоря же о себе: «*И уже не я живу, но живет во мне Христос*» (Гал. 2:20).

Жить жизнью мертвотой — значит жить не по влечению чувств и естественных склонностей, но по внушению духа и устремлений сверхъестественных. Это — смерть по природе, но жизнь по духу. Это значит умертвить в нас ветхого человека, дабы из пепла его возродился новый.

А умирать смертью живой и животворящей — значит умерщвлять и распинать плоть с ее похотями (ср. Гал. 5:24), дабы дух жил жизнью благодати. Ибо жизнь эта была заслужена для нас жизнью и смертью Иисуса Христа, Господа нашего, Который умеет извлекать жизнь из смерти, как Самсон извлек сотовый мед и пищу из пасти рыкающего льва (ср. Суд. 14:8-9). Воистину, если мы не умрем со Христом, то и жить с Ним не будем; и если не будем страдать с Ним, то и царствовать с Ним не будем (ср. 2 Тим. 2:11-12).

Глава четвертая. Об умерщвлении плоти

В деле умерщвлении плоти подвиги внутренние несравненно превосходнее внешних, ибо отнюдь не чреваты, в отличие от последних, лицемерием, тщеславием и нерассудительностью.

А те, что выпадают нам от Бога или от людей по попущению Божию, всегда изысканнее тех, что проистекают из нашего выбора и рождаются от нашей воли.

Однако многие претыкаются об этот камень: с великой ревностью они принимают те умерщвления, которые подсказывает им их склонность, и которые, хоть и кажутся суровыми, даются им без особого труда благодаря природному влечению; но когда

выпадает им подвиг от иной причины, он кажется им невыносимым, сколь бы легок ни был.

К примеру, один будет весьма склонен к упражнению в бичеваниях, ношении власяниц, постах и веригах, но при этом столь щепетилен в вопросах чести, что малейшая насмешка или пересуды лишат его всякого самообладания, нарушают его покой и помрачат разум, толкая на прискорбные крайности.

Другой с пылом предастся молитвенным практикам, покаянию, безмолвию и подобным благочестивым подвигам, но впадет в нетерпение и несравненную ярость, будет безмерно сетовать при проигрыше в тяжбе и при малейшем ущербе своему имуществу.

Третий будет щедро раздавать милостыню и делать пышные пожертвования, но при малейшей немощи или болезни станет исходить стонами и дрожать от страха, а легчайшая телесная боль исторгнет из него жалобы несказанные и бесконечные.

Смотря по тому, насколько кто привязан к благам чести, пользы или удовольствия, он с большим или меньшим терпением переносит беды, этим благам противные, не помышляя, что это рука Божия отнимает их или дает, как Ей угодно (ср. Иов 1:21).

В действительности же мы хотим служить Богу не по Его воле, а по нашей; на свой лад, а не на Его. Справедливо ли это, по-вашему? Не вправе ли Он поступать со Своим — и с нами, Ему принадлежащими, — как Ему угодно (ср. Мф. 20:15)?

Чтобы излечить одну душу от этой болезни, наш блаженный говорит ей так:

«Лобызайте почаше сердцем те кресты, которые Сам Господь наш возложил вам на рамена. Не смотрите, из драгоценного ли они дерева, из благоуханного ли. Они в большей степени кресты, когда сделаны из дерева простого, презренного и дурно пахнувшего. Удивительное дело, — и мысль эта постоянно возвращается ко мне, — что я не знаю иной песни.

Без сомнения, это песнь Агнца (ср. Откр. 15:3); она немного печальна, но гармонична и прекрасна. Отцу Своему, Который знает, что творит, Он молвит: „Не как Я хочу, но как Ты“ (Мф. 26:39).

Магдалина ищет Господа нашего, хотя Он прямо перед ней (ср. Ин. 20:14-15). Она спрашивает о Нем Его Самого. Она видела Его не в том образе, в каком желала, и потому не удовольствовалась тем, что видела Его так, — она ищет Его, чтобы найти иным. Она хотела видеть Его в одеянии славы, а не в убогом платье садовника; но, тем не менее, узнала Его, когда Он сказал ей: „Мария“.

Видите ли, Господа нашего в одеянии садовника вы и встречаете каждый день в тех обыденных умерщвлений плоти, что вам выпадают. Вы бы хотели, чтобы Он предлагал вам иные страдания, покрасивее; о Боже, но красивейшие — не значит лучшие. Думаете, Он уже говорит вам: «Мария, Мария»? Нет; прежде чем явить вам славу Свою, Он желает насадить в саду вашем множество цветов малых и смиренных, но угодных Ему, для того Он и облекся в одеяние садовника. Так пусть же вовеки сердца наши будут едины с Его сердцем, а воля наша — с Его благим изволением».

Глава пятая. О любви к ближнему

Любовь эта бывает или естественной, или сверхъестественной. Легко привить сверхъестественную любовь к естественной и любить ради Бога тех, кого мы любим любовью естественной; но не так легко любить их лишь любовью сверхъестественной.

Но, скажут мне, разве дурно любить ближнего ради того блага, что в нем есть? Нет, и в этом и состоит любовь естественная, именуемая дружеской. Но если трудно так очистить естественную дружескую любовь от всякой корысти, чтобы мы не любили друга еще и потому, что он нам приятен или ради того удовольствия, что он нам доставляет, то еще труднее очистить сверхъестественную дружескую любовь так, чтобы мы не любили в нем ничего, кроме Бога и Его пресвятой воли.

Это та степень любви к ближнему, на которую восходят лишь весьма преуспевшие в добродетели. На этой ступени и обретается любовь к врагам и к тем, кто нам в тягость. Ибо любить тех, кто нас утешает или делает нам добро, — дело легкое и не требующее добродетели; но лелеять тех, кто причиняет нам зло и доставляет неудобства, без иной причины, кроме того, что это угодно Богу, — вот что значит любить ближнего любовью поистине сверхъестественной; это значит любить его в Боге и лишь в Боге.

Вот как выражается наш блаженный на сей счет: «Надобно иметь нам сердце доброе, кроткое и любящее по отношению к ближнему, и особенно когда он нам в тягость и неприятен; ибо тогда в нем нет для нас ничего, за что можно было бы его любить, кроме почтения к Спасителю, которое, без сомнения, делает любовь превосходнее и достойнее, поскольку она чище и свободна от всего проходящего».

Оsmелюсь прибавить к словам нашего блаженного и собственное суждение, ибо мне представляется, что эта святая любовь к ближнему, — чистая, в которой нет ничего, кроме Божьего, — с не меньшим трудом обретается по отношению к приятнейшим друзьям и благодетелям, нежели по отношению к врагам и людям нам докучным и неприятным.

Вот причина моего суждения. Кто говорит «чистый», говорит «свободный от всякой примеси». Кто же говорит «любить чисто в Боге и для Бога», тот говорит о любви, взирающей единственно на Бога, без всякой оглядки на творение.

Что же, скажут на это, неужели, стремясь любить добродетельного или благодетеля лишь в Боге, надобно быть слепым, дабы не видеть его добродетелей, или неблагодарным, дабы не признавать его благодеяний? Нет, конечно; но надобно и то, и другое относить к Богу. Ибо кто сотворил добродетельного, как не Бог добродетелей? Кто дал ему возможность делать нам добро, как не Тот, от Кого исходит *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный* (Иак. 1:17)? Итак, любить его за то, что он добродетелен и благодетелен, относя его добродетели и благодеяния к их первому источнику, то есть к Богу, — это всегда значит любить его в Боге, и Бога в нем как в конечной цели.

Однако весьма часто случается, что мы восхищаемся его добродетелями, словно они — его собственное достояние, и [услаждаемся] его благодеяниями, потому что они нам полезны, не возводя их к Богу; или даже, возводя их, мы смешиваем в любви своей друга с Богом: не то чтобы предпочитая его или равняя с Ним, но соединяя их, мы любим его *пусть и после Него, но вместе с Ним*. Вот почему я говорю, что сверхъестественная любовь к ближнему в чистоте своей обретается лишь в немногих душах, ибо весьма редки те, кто любит одного лишь Бога в ближнем, и ближнего — лишь в Боге; столь трудно на деле это духовное отречение.

Глава шестая. Скорбное для него время

Его скорбным временем было карнавал — время бесчинства и распутства, который, подобно потоку, увлекает в ту или иную вольность людей даже самых твердых и ревностных в благочестии.

Будучи всем для всех, немощным с немощными, он пылал ревностью вместе с теми, кто соблазнялся (ср. 2 Кор. 11:29). И кто не соблазнится, видя, как среди христианского мира все еще празднуется языческий праздник вакханалий? Поистине, из-за этого хулигия имя Божие, а Католическая вера незаслуженно порицается, словно она попускает то, чему не может воспрепятствовать; словно предписывает то, что с болью терпит; словно повелевает то, что ненавидит и против чего вопиет, сколько может, устами своих проповедников.

Вам, быть может, небезинтересно будет услышать, как наш блаженный сетует на это время, но сетует голосом горлицы, подобно пеликану в пустыне и одинокой птице (ср. Пс. 101:7).

«Знайте же, — говорит он, — что для меня настало скорбное время; ибо от Богоявления до самого Поста сердце мое терзают странные чувства. Ведь сколь бы ни был я жалок — скажу даже, гнусен, — я исполнюсь скорби, видя, как оскудевает благочестие и охладевают души. За последние два воскресенья число причастников у нас уменьшилось вдвое, что меня глубоко опечалило. Ведь те, кто перестал причащаться, не делаются злыми; но отчего же они перестают быть добрыми? Нипочему, ради суеты. Разве это не прискорбно?»

Вот предохранительные средства, которые святой епископ советовал против танцев:

1. В тот самый час, когда вы скакали, многие души уже горели в адском огне за грехи, совершенные во время плясок или по их причине.
2. В тот же час многие иноки и благочестивые люди предстояли Богу, воспевая Ему хвалы и созерцая Его благость. О, сколь несравненно лучше употребили они свое время, нежели вы!
3. Пока вы бесились, многие души испустили дух в страшных муках. Тысячи и тысячи мужчин и женщин страдали на своих одрах, в больницах и на улицах от подагры, каменной болезни и горячки. Увы! Они не знали покоя. Неужели нет в вас сострадания к ним? И неужели не помышляете вы, что однажды и вам предстоит стечь, как они, в то время как другие будут танцевать, как танцевали вы?
4. Господь наш, Пресвятая Дева, Ангелы и святые взирали на ваши ужимки. О, какую великую жалость вызывали вы у них, ибо они видели сердце ваше, преданное столь великому вздору и поглощенное этой пустотой!
5. Увы! Пока вы были там, время ваше истекало, а смерть приближалась. Вот, она уже насмехается над вами и зовет вас на свой танец, где вам предстоит сделать лишь один шаг — от жизни к смерти. Этот танец — истинная забава смертных, ибо в нем за одно мгновение переходят от времени к вечности — к вечным благам или вечным мукам.

В другом месте блаженный приводит рассказ об обращении одного юного распутника, который мы сочли нeliшним здесь привести. «Когда я был молод, — говорит он, — и

учился в Париже, два студента, один из коих был еретиком, предаваясь ночью в предместье Сен-Жак бесчестному распутству, услышали, как у картезианцев звонят к утрене. Еретик спросил своего товарища, что означает этот звон, и тот поведал ему, с каким благоговением совершаются священные службы в этой святой обители. „О Боже, — воскликнул еретик, — сколь же занятие этих иноков отлично от нашего! Они творят дело ангелов, мы же — дело скотов“. И, пожелав на следующий день воочию убедиться в услышанном, он застал этих отцов в хоре, стоявших в ряд, подобно мраморным изваяниям в нишах, и недвижных для всего, кроме псалмопения, которое они совершали с поистине ангельским сосредоточением и благоговением, как то предписывает устав их святого ордена. При виде того, с каким благоговением поклоняются Богу католики, этот бедный юноша преисполнился такого восхищения и утешения, что тут же принял решение, которое затем и исполнил, — вернуться в лоно истинной и единственной Церкви, Невесты Того, Кто посетил его Своим наитием на гнусном ложе мерзости, в коей он пребывал».

Глава седьмая. О желании и о любви

Как любовь среди разумных движений души есть первое и благороднейшее порождение воли, так и желание есть первое порождение любви. Любить в общем смысле — значит желать блага, будь оно далеким или близким.

Желание есть любовь к благу далекому, а радость — любовь к благу близкому. Кто находит усажду в истинной любви, тот и в истинном желании обретает её; и чем сильнее любят то, чего желают, тем сильнее желают любить это.

Желать любить Бога — великий шаг к этой любви; а уже полюбив Его, желать любить Его еще сильнее — это могучее побуждение и отличное средство к преуспеянию в этой любви. Это и есть то *желание нищих, которое так охотно слышит Бог* (ср. Пс. 9:38); то *уготование сердца их*, коему Он так охотно внимает слухом Своим; то желание добрых душ, которое столь Ему любезно и из-за которого пророк Даниил был назван *мужем желаний* (Дан. 9:23). Кто истинно любит, тот истинно желает; кто истинно желает, тот истинно ищет; кто истинно ищет, тот находит; а кто находит благодать, тот находит жизнь и черпает спасение свое в Господе (ср. Притч. 8:35).

Вот прекрасное изречение нашего блаженного на сей счет:

«Ни о чем не следует молить Бога с большим настоянием, чем о чистой и святой любви к Спасителю нашему. О, как должны мы желать этой любви и как должны любить само это желание! Ибо разум велит нам желать любить то, что никогда не может быть любимо в достаточной мере, и любить само желание того, чего никогда не может быть желаемо в достаточной мере».

Глава восьмая. О смерти

На нашем языке мы называем умерших *преставившимися*, как бы желая сказать, что они *перестали из этой жизни в лучшую*. И, по правде говоря, то пребывание, что мы влечим на земле во дни плоти нашей и что именуем жизнью, есть скорее смерть, нежели жизнь, ибо каждое мгновение влечет нас ко гробу.

Это и побудило одного древнего философа сказать, что мы умираем каждый день и что каждый день от нашего бытия отнимается некая частица (Сенека, Луц., 24, 20). Отсюда и прекрасное слово мудрой Фекоитянки: «Мы умрем и будем, как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать» (ср. 2 Цар. 14:14).

Природа запечатлела во всех людях ужас смерти. Сам Спаситель, облекшись в плоть нашу и уподобившись братьям Своим во всем, кроме греха (ср. Евр. 4:15), не пожелал избавить Себя и от этой немощи, хотя и знал, что сей переход должен освободить Его от человеческих страданий и перенести в ту славу, которой Он уже обладал душою.

Один древний муж говорил, что смерть не следует почитать злом или чем-то прискорбным, если ей предшествовала добная жизнь, ибо ничто не делает ее столь ужасной, как то, что за ней следует. (*Mors non est mala, si bene praecesserit vita; nihil enim facit tam formidabilem mortem, nisi quod sequitur mortem* — Смерть не есть зло, если ей предшествовала добная жизнь; ибо ничто не делает смерть столь ужасной, как то, что за ней следует (св. Августин)).

Однако против всех ужасов, рождающихся от страха перед божественным судом, у нас есть щит блаженного упования. Он побуждает нас возлагать все наше доверие не на нашу добродетель, а на одно лишь милосердие Божие, и уверяет нас, что надеющиеся на благость Его никогда не будут постыжены в своем ожидании (ср. Пс. 24:3).

Но я совершил много грехов. — Это правда; но кто будет столь безумен, чтобы думать, будто он может совершить больше грехов, чем Бог может простить? И кто дерзнет соизмерять величие своих преступлений с безмерностью того бесконечного милосердия, которое потопляет их в пучине забвения, когда мы раскаиваемся в них из любви к Нему? Лишь отчаявшимся, подобно Каину, пристало говорить, что грех их столь велик, что нет ему прощения (ср. Быт. 4:13); ибо «у Господа милость, и многое у Него избавление, и Он избавит Израиля от всех беззаконий его» (Пс. 129:7–8).

Послушайте, какое прекрасное утешение давал наш блаженный одной душе, объятой страхом смерти и ужасом грядущего суда:

«О, — говорил он, — смерть отвратительна, это сущая правда; но зато жизнь, что следует за нею, даруемая нам Богом, в высшей степени вожделенна. А потому отнюдь не должно впадать в отчаяние; ибо, хотя мы и жалки, но мы не столь жалки, сколь милосерд Бог к тем, кто желает Его любить и кто возложил на Него свои надежды. Когда блаженный кардинал Борромео был при смерти, он повелел принести образ усопшего Господа нашего, дабы уладить свою смерть Его смертью. Это лучшее из всех лекарств против страха кончины — помышление о смерти Того, Кто есть жизнь наша; и никогда не следует помышлять об одном, не присовокупив помышления о другом.

Конечно, взирая на наши прошлые грехи, мы должны исполниться страха и горечи. Но не следует на этом останавливаться: надобно идти дальше, призывая на помощь веру, надежду и любовь к божественной и беспредельной благости. Так наша горчайшая горечь обратится в мир, наш рабский страх станет чистым и сыновним, а недоверие к себе, это весьма горькое алоэ, уладится сахаром упования на Бога».

Тот, кто останавливается на одном лишь недоверии и страхе, не переходя к надежде и упнованию, подобен тому, кто в розарии срывал бы одни лишь шипы, оставляя розы. Надобно подражать хирургам, которые не вскрывают вену, пока не готовы все повязки, чтобы остановить кровь.

Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется ни от какой бури (ср. Пс. 124:1).

Глава девятая. О внутренних скорбях

Как в жизни телесной ясные дни куда реже мрачных, дождливых и ненастных — ибо жизнь эта так устроена, что шипов в ней гораздо больше, чем роз, — так и в жизни духовной богооставленность, сухость и мрак куда чаще утешений и небесного света. В такой тоске вздыхал Давид, когда просил Бога возвратить ему радость спасения Его и Духом Владычественным утвердить его (ср. Пс. 50:14).

И однако же, именно посреди этих внутренних теснин, словно под гнетом пресса, истекает чистейшее вино святой любви; именно здесь терпение, взращенное на любви, «имеет совершенное действие» (Иак. 1:4).

Многие заблуждаются, воображая в такие минуты, будто Бог разгневан, хотя сердце их не укоряет (ср. 1 Ин. 3:20) и совесть дает им доброе свидетельство (ср. 1 Кор. 4:4); ибо Он Сам сказал, что «с нами в скорби» (ср. Пс. 90:15), и что, не неся креста, мы недостойны следовать за Ним (ср. Лк. 14:27). Тай, то есть Крест¹, — не он ли знак избранных (ср. Иез. 9:4)?

В час Рождества Христова, когда пастухов осиявал небесный свет и окружала ангельская музыка, Мария и Иосиф были в хлеву, слыша лишь плач Младенца в мраке ночным. Но кто же предпочтет жребий первых жребию вторых? И кто не возлюбит скорее быть с Иисусом, Марией и Иосифом во мраке, нежели вкушать восторги пастухов, хотя бы их радость и была подобна ангельской?

Св. Петр говорил в миг торжественного явления на Фаворе: «Хорошо нам здесь быть; сделаем здесь три кущи», — и притом не знал, что говорил (ср. Мф. 17:4). Верная же душа с равной любовью взирает и на Иисуса, обезображенного на Голгофе, и там, среди тьмы, крови, крестов, гвоздей, терний и ужаса смертного, в самой глубине этой оставленности, говорит от всего сердца: «Сделаем здесь три обители: одну для Иисуса, другую для Его Пресвятой Матери, третью для возлюбленного ученика».

Мысль эта принадлежит нашему блаженному; говорю же сие для того, дабы вы прониклись к ней большим благовением.

¹ В оригинальном еврейском тексте книги пророка Иезекииля (9:4) стоит ת (тав). Это слово (буква) означает «знак», «отметина», «метка». Однако вся суть этого богословского толкования заключается в том, как эта буква выглядела в древности. В древнееврейском (палеоеврейском) алфавите буква «тав» писалась как крестик (x или +). Именно поэтому ранние отцы Церкви (Тертуллиан, Ориген, бл. Иероним) видели в этом знаке прообраз и пророчество о Кресте Христовом. Знак, который спасал избранных в видении Иезекииля,

— это, в их понимании, спасительный знак Креста. Таким образом, автор следует этой древней христианской традиции толкования, напрямую отождествляя «тав» с Крестом.

Глава десятая. О нетерпеливых сетованиях

Наш блаженный полагал, что никакая жалоба, сколь бы справедливой она ни была, не обходится без некоторого самолюбия, а долгие и пространные сетования суть явный признак излишней жалости к себе или, вернее сказать, явного малодушия.

Ибо, в конце концов, к чему и служат жалобы, как не для того, чтобы сотрясать воздух и являть всему свету, что обиду, на которую сетуешь, ты терпишь с горечью, печалью и не без некоторого желания отмщения? Несмазанное колесо скрипит громче всех, и тот, в ком меньше всего масла терпения, тот и оглашает мир своими жалобами громче всех.

Однако все сыны человеческие обманываются в суждениях своих (ср. Пс. 61:10), ибо те, кто сетует, отнюдь не желают прослыть нетерпеливыми; напротив, они твердят, что если бы не то-то и то-то, они бы и смолчали, и стерпели, но вообще-то жаль, мол, что Господь воспретил мщение, а не то они бы отплатили обидчикам сполна.

Поистине, эта душевная немощь достойна сострадания, но совершенно не приличествует мужеству, именующему себя посвященным служению кресту Иисусову.

Не то чтобы сетовать среди великих скорбей, телесных или духовных или при больших потерях было вовсе запрещено. Иов, это зерцало терпения, излил множество жалоб без всякого ущерба для той добродетели, что соделала его столь славным в памяти потомков и столь ценимым Богом.

И было бы не только дурно, но, пожалуй, и грешно под предлогом терпения утаивать телесную боль до такой степени, чтобы, не прибегая к помощи врача и лекарств, ввергать себя тем самым в смертельную опасность. В бесчисленных местах Священного Писания Сам Бог, будучи всесовершен, не перестает возвышать Свой голос в сетованиях на грешников.

Здесь, следовательно, надобно соблюдать должную меру, и хотя порой следует страдать молча, в иных случаях необходимо изливать справедливую скорбь, ибо Сам Сын Божий, образец совершенства, плакал и громко взывал при смерти Лазаря и на кресте. Мерой же, которую следует соблюдать в сетованиях, является рассудительность, которую св. Антоний называл правительницей и наставницей в царстве добродетелей.

На сей счет мы имеем превосходный урок от нашего блаженного:

«Надобно, — говорит он, — воздерживаться от одного неприметного, но весьма вредного несовершенства, коего мало кто избегает: если случится нам осудить ближнего или пожаловаться на него (что должно происходить с нами крайне редко), мы никак не можем остановиться, но снова и снова повторяем наши жалобы и сетования без конца, что есть признак уязвленного сердца, в коем еще нет истинной любви. Сердца сильные и могучие скорбят лишь о великом, да и то недолго предаются этому чувству, и уж во всяком случае без смущения и суеверности».

Эти последние слова — истинный пробный камень, позволяющий отличить жалобы несправедливые от справедливых; ибо как первые всегда беспокойны и гневны, так вторые всегда спокойны, кротки, любезны, умиротворены и подобны стенанию голубицы, не имеющей желчи и сетующей лишь с любовью.

Глава одиннадцатая. О нерассудительных подвигах

Вот один из тех подводных камней, о которые довольно часто разбиваются те, кто только вступает на путь благочестия. Им кажется, что они никогда не делают достаточно, и, словно силой одной лишь воли чая исправить былые ошибки, почитают, что лучше всего поступают именно тогда, когда всё губят. Злой дух, у которого и палка стреляет, пользуется этим неумеренным рвением, чтобы затем, лишив человека телесных сил, сделать его неспособным к служению Богу.

Надобно иметь дух более рассудительный и помнить, что Бог желает от нас «служения разумного» (Рим. 12:1) и что честь Его требует рассудительности. Св. Бернард в начале своего обращения преткнулся об этот камень; под конец жизни он сетовал на свои былые суровые подвиги, как другие сетуют на свои распутства, и по смирению называл их «грехами юности своей» (ср. Пс. 24:7).

Мне был знаком один муж, славный ученостью и добродетелью, который погубил в себе самое цветущее и крепкое телесное сложение, какое я когда-либо встречал, и слишком поздно распознал это искушение. Тщетно пытался я умерить его рвение и был для него Кассандром: предрекал истину, но остался неуслышан.

Одной монахине, которая под предлогом покаяния принимала на себя больше телесных строгостей, чем могло вынести ее хрупкое и слабое сложение, наш блаженный дает следующий совет, достойный его кротости и благородства:

«Не обременяйте ваше слабое тело никакими иными суровыми подвигами, кроме тех, что предписывает вам устав. Берегите ваши телесные силы, чтобы служить ими Богу в духовных упражнениях, которые мы часто бываем вынуждены оставить, когда нерассудительно перегружаем того, кто вместе с душою должен их совершать».

Очень немногие, даже среди людей духовных, находят здесь должную меру. Бодрый дух почти всегда перегружает немощную плоть, забывая, что как духу несносна плоть излишне тучная, так и плоти не под силу нести дух, когда она слишком истощена.

Глава двенадцатая. Слава Божия — конечная цель нашего спасения

Вы желаете, чтобы я разъяснил это изречение нашего блаженного: «То, что мы делаем для нашего спасения, делается ради служения Богу; ибо и Сам Спаситель наш в этом мире не творил ничего иного, кроме нашего спасения».

Я не раз говорил вам, что тот не ставит славу Божию своей первойшей целью, кто служит Богу лишь ради воздаяния, пусть даже и райского.

Спросите большинство христиан, творящих добрые дела, зачем они их делают, они ответят, что ради своего спасения. Но если вы спросите их дальше, почему они так страстно желают своего спасения, вы тотчас увидите, что уста их, говоря от избытка сердца (ср. Мф. 12:34), чистосердечно признаются: главное, что влечет их взор, — это блага чести, пользы и улады, коих они ожидают в небесном блаженстве. Если же вы заговорите с ними о прославлении Бога, то заметите, что это для них лишь нечто второстепенное.

Между тем, конечная цель, ради которой Бог сотворил и рай, и всё сущее, есть Его слава, а не их слава, которая есть лишь цель ближайшая и средство для достижения конечной. Пророк хорошо понимал это, когда, говоря о небесном блаженстве и называя блаженными обитателей сего небесного жилища, он именует их таковыми не только ради почестей, улад и богатств, коими они будут наслаждаться, но потому, что они будут хвалить Бога во веки веков (ср. Пс. 83:5).

Посему истинно то, что делаемое нами для нашего спасения делается ради служения Богу, но лишь при условии, что мы обращаем наше спасение к Его славе как к конечной цели. Равным образом истинно и то, что Спаситель наш в этом мире творил одно лишь наше спасение как цель ближайшую, но и само это спасение обращал к славе Отца Своего как к цели конечной, говоря, что пришел не для того, чтобы искать славы Своей, но славы Пославшего Его (ср. Ин. 7:18), и даже заявляя, что если бы Он искал Своей славы, то слава Его была бы ничто (ср. Ин. 8:54), то есть была бы тщетной, не будь слава Божия Его главной целью.

Именно так следует понимать и наш Символ веры, когда в нем говорится, что Иисус Христос «нас ради человек и нашего ради спасения» сошел с небес, воплотился, вочеловечился и был распят; ибо это «нас ради» не должно восприниматься так, будто мы и наше спасение были конечной целью Воплощения и Страстей Христовых, а не слава Отца Его.

Глава тринадцатая. О доброте и терпении к самому себе

Любовь к ближнему, заповеданная нам Богом, должна соизмеряться со справедливой и христианской любовью к самим себе. И поскольку милосердие, долготерпеливое и благое, обязывает нас исправлять недостатки ближнего в духе кротости, наш блаженный не одобрял, чтобы мы действовали иначе, исправляя самих себя. Он не хотел, чтобы мы, падая, восставали с суровой и резкой бранью на самих себя.

Что же, скажут, неужели надо близкого льстить самому себе? — А кто вам сказал, что, исправляя ближнего, надо ему льстить? Не тот ли это «елей грешного», которым, по слову пророка, не должно умащать главы (ср. Пс. 140:5)? Не следует ли подражать доброму самарянину, который возлил на раны масло и вино (ср. Лк. 10:34), смешивая сладость слов с естественной горечью упрека? Укорять ближнего с бранью и угрозами — значит не исправлять его, а раздражать; это все равно что подмешивать желчь в его пищу и уксус в его питие.

И если мы должны так приправлять наши упреки ближнему, чтобы в них было больше масла, нежели уксуса, то почему же нам быть менее сострадательными к самим себе? Ибо «никто никогда не имел ненависти к своей плоти» (Еф. 5:29), и «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). Почему же нам не поступать по отношению к самим себе так, как здравый смысл предписывает поступать по отношению к другим?

Послушайте превосходный урок нашего блаженного на сей счет:

«Когда мы совершаем проступки, тотчас же вникнем в наше сердце и спросим его, хранит ли оно по-прежнему живую и твердую решимость служить Богу; и я надеюсь, оно ответит нам „да“, и что скорее оно претерпело бы тысячу смертей, нежели отступилось от этой решимости. Спросим его снова: отчего же ты преткнулся? Отчего ты так мало душно? Оно ответит: „Я было застигнуто врасплох, не знаю как; но я так немощно“. Увы! Надобно его простить; не от неверности оно падает, а от немощи.

Посему надобно исправлять его с кротостью и спокойствием, а не гневаться на него и не смущать его еще больше. „Ну что ж, — должны мы сказать ему, — сердце мое, друг мой, во имя Божие, мужайся, пойдем дальше, будем внимательны к себе, призовем на помощь Бога“. Увы! Надобно быть милосердными к своей душе и не бранить ее, коль скоро мы видим, что она согрешает не со злым умыслом».

Он не хотел также, чтобы мы ни предавались чрезмерным самообвинениям, ни преувеличивали своих ошибок; не из потворства пороку, отнюдь, но дабы под покровом смирения не ввергнуть душу в уныние или печаль.

Надобно иметь дух справедливый и шествовать срединным путем, смиряясь без уныния и ободряя себя со смирением.

«Будь справедлив, — говорит наш блаженный, — не извиняй и не обвиняй свою бедную душу иначе, как по зрелом размышлении, дабы, оправдывая ее без основания, не сделать ее дерзкой, а обвиняя легкомысленно — не сокрушить ее мужества и не сделать ее малодушной. Ходи просто, и будешь шествовать с упованиям».

Поэтому он при всяком случае напоминал о терпении к самим себе. Ибо когда мы досадуем с горечью, и когда наше внутреннее око мутится от гнева на самих себя (ср. Пс. 6:8), — это не терпение, а истинное нетерпение. Судия, объятый страстью, никогда не творит правого суда, и то, на что мы смотрим через цветное стекло, кажется нам окрашенным в цвет этого стекла.

И как терпение имеет действие совершенное (ср. Иак. 1:4), так нетерпение — всегда несовершенное, и часто случается, что из-за простительных ошибок впадают в досаду, худшую, чем сама ошибка. Бывают люди столь неистовые, что из-за стакана, неосторожно разбитого бедным слугой, осиплют его тысячию оскорблений и изобьют до полусмерти. Кто не видит, что такое исправление в тысячу раз хуже проступка?

Вот прекрасный урок нашего блаженного на сей счет:

«Знайте, — говорит он, — что добродетель терпения более всего утверждает нас в совершенстве; и если надобно иметь ее по отношению к другим, то надобно иметь ее и по отношению к себе. Те, кто стремится к чистой любви Божией, нуждаются в терпении не столько к другим, сколько к самим себе. Надобно сносить собственное несовершенство,

чтобы достичь совершенства. Я говорю: сносить его с терпением, а не любить его или лелеять. Смирение питается этим страданием».

Смотрите, как он учит нас возводить укрепления из наших же прорех и извлекать пользу из наших потерь. Поистине, падениями своими мы можем возвыситься, если они побуждают нас глубже и глубже погружаться в смирение.

Глава четырнадцатая. О довольстве

Мы говорим здесь не о той самонадеянности, что есть ветвь гордыни и тщеславия и коей одержимые именуются самодовольными, но о том довольстве, о котором говорил один древний мудрец: всё, чего достаточно, уже под рукой, а беспокоимся мы лишь о вещах излишних; и еще: «Если жить согласно с природой, никогда не будешь беден; а если согласно с людским мнением — никогда не будешь богат» (Сенека, Луц., 16, 8).

Довольствоваться тем, чего достаточно, и твердо уверить себя, что излишек или вреден, или ко вреду ведет, — вот верное средство вести жизнь спокойную, а следовательно, и счастливую.

И это не одно лишь мое мнение — нет, это мысль нашего блаженного, который поздравляет одну добрую душу с тем, что она довольствуется необходимым, не желая ничего сверх того. Вот его слова:

«Да будет прославлен Бог за то довольство, которое вы обрели в том достатке, что Он вам даровал; и продолжайте благодарить Его за это, ибо в том и состоит истинное блаженство этой временной и земной жизни — довольствоваться малым. Ибо кто не довольствуется этим, тот никогда и ничем не будет доволен. И как говорит ваша книга, — ибо вы называли ее своей книгой, — „кому недостаточно того, что достаточно, тому никогда и ничего не будет достаточно“».

Дай Бог, сестры мои, чтобы это правило глубоко запечатлелось и укоренилось в обителях ваших, и дабы «Ничего сверх меры» стало вашим девизом, ибо почти всеобщий порок общинных трапез — никогда не говорить: «Довольно».

Между тем, вы знаете, что намерение нашего блаженного состояло в том, — и он достаточно ясно выразил это и в ваших установлениях, и в других своих писаниях, — чтобы, когда обители ваши будут в достаточной мере обеспечены и упрочены, вы не брали более ничего за прием девиц, кроме того, что необходимо для достойного существования монастыря. Помните же крепко эту заповедь, ибо сама она справедлива, а исполнение ее — праведно.

Глава пятнадцатая. О мелких искушениях

Когда искушитель видит, что сердце наше столь утверждено в благодати, что мы бежим от греха, как от змеи (ср. Сир. 21:2), и что даже одна тень его, то есть искушение, нас

устрашает, он, видя, что не может сделать большего, довольствуется тем, что досаждает нам.

Для этого он воздвигает на нас множество мелких искушений, которые бросает нам в глаза, словно пыль, дабы огорчить нас и сделать путь добродетели менее приятным.

Против великих искушений надобно хвататься за щиты и оружие; но есть искушения мелкие и обыденные, которые лучше всего прогонять презрением. От волков и медведей защищаются; но кто вздумает принимать оборонительную позу против множества мух, досаждающих нам летом?

Одной душе, которая беспокоилась и впадала в уныние оттого, что ее одолевали различные помыслы против веры, хотя они были ей настолько неприятны, что сердце ее терзалось, наш блаженный пишет так:

«Искушения ваши против веры возобновились, и хотя вы не отвечаете им ни единым словом, они продолжают вас теснить. Вы им не отвечаете — и это хорошо, дочь моя; но вы слишком много о них думаете, слишком их боитесь, слишком их страшитесь; без этого они не причинили бы вам никакого вреда. Вы слишком чувствительны к искушениям. Вы любите веру и не хотели бы, чтобы хоть один противный ей помысел пришел вам на ум, и как только он вас коснется, вы тотчас же огорчаетесь и смущаетесь. Вы слишком ревностно оберегаете чистоту своей веры, и вам кажется, что всё ее пятнает.

Нет, нет, дочь моя; пусть ветер шумит, и не думайте, что шелест листьев — это бряцание оружия. Недавно я был у пчелиных ульев, и несколько пчел село мне на лицо. Я хотел было смахнуть их рукой. „Нет, — сказал мне один крестьянин, — не бойтесь и не трогайте их, и они вас ни за что не ужалят. А если тронете — ужалят“. Я поверил ему, и ни одна меня не ужалила. Поверьте и вы мне: не бойтесь этих искушений, не трогайте их, и они вам не причинят вреда. Проходите мимо и не задерживайтесь на них».

К этой мысли добавлю, что презрение лучше одолевает и искушения, и искусителя, нежели борьба. Ибо бороться с врагом — значит признавать его силу и считаться с его нападениями; но когда им пренебрегают, это знак того, что его почитают уже побежденным и недостойным гнева. Презрение к искушениям есть великий признак преуспеяния в добродетели или же крепкого упования на Бога браней, Который сражается за нас, когда мы молим Его о том в самый разгар нападений.

Что же до искусителя, то ничто не прогоняет его столь действенно, как презрение, ибо его непомерная гордыня не может снести пренебрежения. И как он преследует тех, кто его боится, так бежит от тех, кто с благородным мужеством не только противостоит ему, но и презирает его усилия.

Великое преимущество имеем мы над ним в том, что он не может победить нас иначе, как через нас самих, когда мы по предосудительному малодушию протягиваем ему руку, склоняясь на его обольщения.

Глава шестнадцатая. О действенности слова Божия

Служение проповедника весьма удачно сравнивают со служением сеяния из евангельской притчи, ибо он бросает семя свое наудачу, не зная, какова будет жатва.

Однажды наш блаженный произносил в Париже проповедь о Страшном суде, коей Бог даровал такую силу и действенность, что несколько особ протестантского исповедания, пришедших послушать его из любопытства, возвратились оттуда столь уязвленные в самое сердце, что в них родилось желание побеседовать с ним о некоторых вопросах веры. Беседа эта принесла им такое удовлетворение, что целое семейство, и притом весьма знатное, обратилось и было принято в лоно Католической Церкви.

Вот как сам блаженный повествует об этом событии: «Когда я был в Париже и проповедовал в королевской капелле о дне Страшного суда (а проповедь та не была полемической), там оказалась госпожа де Пердровиль, пришедшая из любопытства. Она попалась в эти сети и, выслушав проповедь, решила искать наставление в вере, а три недели спустя привела ко мне на исповедь всё свое семейство, и я был восприемником¹ их всех при миропомазании. Видите ли, та проповедь, хоть и не была направлена против ереси, тем не менее, самим духом своим обличала ересь; ибо Бог даровал мне тогда этот дух ради спасения сих душ. С тех пор я всегда говорил, что кто проповедует с любовью, тот проповедует достаточно и против еретика, даже если не произносит против него ни единого полемического слова».

Поистине, за тридцать три года, что Бог призвал меня на это священное служение — преломлять хлеб слова Его для народа, — я заметил, что нравоучительные проповеди, произносимые с благоговением и рвением, действуют на присутствующих при том протестантов, как раскаленные угли. Они принимают их с большой пользой, получают от них назидание и становятся более восприимчивыми и открытыми к беседе, когда дело доходит до разъяснения спорных вопросов. И это не одно лишь мое мнение, но и мнение известнейших проповедников, каких я знал. Все согласны, что кафедра не поле битвы для полемики, и что на ней больше разрушают, нежели созидают, если касаются этих вопросов не мимоходом.

1 В Католической Церкви для таинства миропомазания (конфирмации), так же как и для крещения, необходим восприемник. Его роль — духовно поддерживать конфируемого, помогать ему быть верным обетам крещения и свидетельствовать о его готовности принять дары Святого Духа. Часто эту роль исполняет один из крестных родителей, чтобы подчеркнуть связь между крещением и миропомазанием.

Глава семнадцатая. О его портрете

Я знал великих служителей Божиих, которые ни за что не позволили бы написать свой портрет, почитая, что на это нельзя согласиться без некоторого тщеславия или опасного самоуождения.

Наш же блаженный, будучи всем для всех, не видел в том никакого затруднения. Довод его был таков: если закон любви обязывает нас делиться с ближним образом нашего духа, открыто и без зависти сообщая ему то, что мы познали в науке спасения, то почему же

нам отказывать друзьям в утешении иметь перед глазами, благодаря искусству живописца, образ нашего земного состава?

Если мы не только без огорчения, но и с удовольствием видим в руках ближнего наши книги, кои суть портреты нашего духа, то почему же отказывать ему в чертах нашего лица, коль скоро это может послужить к его утешению?

Вот как он сам разъясняет это в письме к одному из своих друзей:

«Впрочем, вот же вам образ сего земного человека, ибо я совершенно не в силах отказать в чем-либо вашему желанию. Мне говорят, что я никогда не бывал хорошо написан, да и, по-моему, это неважно. *In imagine pertransit homo, sed et frustra conturbatur* (В образе человек преходит, но напрасно смущается — Вульг. Пс. 38:7). Я одолжил его, чтобы передать вам, ибо своего у меня нет. Увы! Если бы образ моего Создателя сиял во всей своей красе в духе моем, с какой бы радостью вы узрели его! *O Jesu, tuo lumine, tuos redemptos sanguine tuo, refove, perfice, et tibi conformes effice. Amen* (О Иисусе, светом Твоим, искупленных кровью Твою, согрей, усоверши и соделай подобными Тебе. Аминь)».

Заметьте, с какой изобретательностью он обращал в упражнение в добродетели и относил к славе Божией всякий представлявшийся ему случай, воспользовавшись и этим портретом, чтобы преподать столь прекрасный урок смирения и скромности — и тому, кому писал, и самому себе, — выказав столь любезную снисходительность.

Дух скованный и робкий долго бы чинился и упирался, и скорее вызвал бы крайне неловкую ситуацию, нежели позволил бы написать свой портрет. И ради чего? Чтобы сохранить смирение или из страха повредить ему. А вот святой, который из самого этого обстоятельства извлекает повод к смирению, и притом с такой любезностью, что трудно решить, что в этом поступке достойно большей хвалы: великодушие ли в его смирении, или смирение в его великодушии.

Глава восемнадцатая. Что он ответил монсеньору де Белле, который настоятельно просил называть его сыном

Приняв из его священных рук епископский сан, я счел своим правом дерзновенно величать его отцом. Но он неизменно выказывал мне столь скромное почтение, что я никак не мог добиться от него ответного именования «сын». Тогда я обратился к нему в письме со столь горячей мольбой, что его любовь, уступая моей просьбе, подсказала ему ответ, исполненный редкого остроумия и достойный того, чтобы о нем рассказать.

Он написал мне, что, хотя почтение и неотделимо от истинной любви, надобно, однако, осторегаться, дабы оно не удушило, ибо чрезмерное почтение рождает страх, не подобающий любви, которая должна быть прямой и бесхитростной; правда и любовь без почтения вырождается в неуместную фамильярность. Дабы и меня утешить, и самого себя не стеснить, и не нарушить благоговения, причитающегося моему сану, он отныне будет взирать на меня троекратным образом, подобно тому как патриарх Иаков некогда взирал на своего сына Иосифа.

Ибо тот взирал на него в трех качествах: как на отца, брата и сына. Как на отца — по причине его положения наместника Египта и как на того, кто прокормил его и его

семейство в годы голода, поразившего египтян и окрестные земли. Как на брата — ибо тот был патриархом, как и он сам. Как на сына — ибо он поистине им и был, и Бог воспользовался им, дабы явить миру столь достойное чадо.

«Подобным же образом, — говорил он, — я хочу взирать на вас как на отца — по причине тех даров природы и благодати, коими Бог наделил вас паче меня; как на брата — ибо Бог поставил нас в один и тот же чин пастырства в Своей Церкви; и, поскольку вы того желаете, как на сына, и сына единственного, ибо вы — единственный епископ, которого я рукоположил, и ради той благодати, которую Бог излил в вашу душу через возложение моих рук. И я не стану умолять вас возгревать в себе сию благодать (ср. 2 Тим. 1:6), ибо полагаю, что вы никогда ее не теряли, но молю не оставлять ее праздной, то есть бесплодной, но с пользой употреблять на служение нашему великому Учителю в меру тех талантов, которые благоугодно было Его благости вам сообщить».

Так его любовь была изобретательна в изыскании любезных ухищрений, при чем он являл такую искренность и сердечность, что он привязывал к себе все сердца узами несравненной любви.

Глава девятнадцатая. О затяжных болезнях

Болезни острые либо скоро проходят, либо уносят нас в могилу; болезни же затяжные делятся долее и одинаково испытывают терпение как страждущих, так и тех, кто им служит.

Вот как говорит об этом наш блаженный: «Затяжные болезни — добрая школа милосердия для тех, кто ухаживает за больными, и любвеобильного терпения для тех, кто их претерпевает. Ибо одни стоят у подножия Креста с Богородицей и святым Иоанном, подражая их состраданию, а другие находятся на Кресте с Господом нашим, подражая Его страданию».

Но как можно подражать этому состраданию и этому страданию, если и те, и другие не будут претерпевать их с любовью? Ибо сострадание Пресвятой Девы и святого Иоанна было тем мучительнее, чем сильнее была их любовь к дражайшему Распятому.

Именно у подножия Креста оружие скорби пронзило душу Пресвятой Девы (ср. Лк. 2:35). Именно там суждено ей было испытать те родовые муки, которых она не ощутила при рождении Сына. И именно там возлюбленный ученик испил чашу горечи, которую предсказал Спаситель, сообщив ему прежде восторги Фавора.

Вся жизнь христианина есть не что иное, как долгое страдание. «Вы, — говорил наш блаженный одной душе, распятой на кресте, — супруга не прославленного еще Иисуса, но Иисуса распятого. Посему и перстни, и ожерелья, и знаки отличия, которые Он вам дарует и коими желает вас украсить, — это кресты, гвозди и терния, а брачный пир состоит из желчи, иссопа и уксуса. Там, в горних, мы получим рубины, алмазы, изумруды, вино чистое, манну и мед».

Мир — это каменоломня, где высекаются и обтесываются живые камни, долженствующие послужить к созиданию небесного Иерусалима, как о том поет Церковь: *Tunsionibus, pressuris expoliti lapides, etc.* («Ударами и скорбями обтесанные камни, рукою

Зодчего на вечные времена устрояются в святом здании». — Гимн «Urbs beata Ierusalem» на освящение храма).

Глава двадцатая. О рассеянности, неотлучной от дел

Одна настоятельница вздыхала о покое и сетовала на сопряженные с ее должностью хлопоты, которые, по ее словам, отвлекали ее от единения с Богом. Он же пресек ее жалобы, указав, что ничто, кроме греха, не может отлучить нас от Бога.

Св. Павел бросает вызов всем творениям небесным и земным и, словно порицая их, заявляет, что ничто не сможет отлучить его от любви Божией (ср. Рим. 8:38-39).

Явное заблуждение — думать, будто законные занятия отлучают нас от божественной любви. Напротив, нет уз крепче, чтобы связать нас с Богом, нежели исполнять эти занятия ради одной лишь славы Еgo. Оставлять их ради единения с Богом в молитве, уединении, чтении, безмолвии, сосредоточенности, покое или созерцания — значит скорее оставлять Бога, чтобы соединиться с самим собой и со своим самолюбием.

Всякий, кто оставляет обязанности своего звания, чтобы предаться занятиям, которые ему по нраву, сколь бы благочестивыми они ни казались, не делает ничего доброго. Желая служить Богу на свой лад, он не служит ни Богу, ни себе, ибо Бог желает, чтобы Ему служили по Его воле, а не по нашей. И как можем мы быть в единении с Богом, отказываясь подчинить нашу волю Его воле?

Есть большая разница между отвлечением *от Бога* и отвлечением *от сладости*, которую обретают в ощущении Его присутствия. Правда, в занятиях и заботах, неотлучных от управления, не всегда вкушают эту сладость; но когда лишают себя ее ради Бога и когда все свои попечения обращают к Его славе, тогда теряют, чтобы обрести, и оставляют сладостное ради существенного. Если Бог «с нами в скорби», как Он уверяет нас через Своего пророка (ср. Пс. 90:15), то как же Его не будет с нами, когда мы трудимся лишь для служения Ему и во славу Его любви?

Чтобы укрепить эту душу, наш блаженный сказал ей в заключение:

«Чем больше дел будете вы вешать ради Бога, утверждаясь в святом послушании, тем щедрее Он будет содействовать вам, совершая ваше дело вместе с вами, покуда вы совершаете Его дело вместе с Ним. А дело Его — освящение и совершенство душ. Трудитесь же над ним смиренно, просто и с упование, и пагубная рассеянность никогда не коснется вас. Ибо не истинен тот мир, что обретается в бегстве от трудов, потребных для прославления имени Божия».

Глава двадцать первая. Об основании общины девиц, посвятивших себя труду и обучению

О, какое бы я обрел утешение, если бы до смерти своей смог узреть в Церкви Божией общество девиц и жен, куда в качестве приданого приносили бы лишь добрую волю и умение добывать пропитание трудами рук своих, и которое потому не имело бы иной трапезной, кроме трудовой палаты, где все вместе приобщались бы к тому блаженству, о коем говорит пророк: «Блажен ты, когда будешь есть от трудов рук твоих» (ср. Пс. 127:2).

О Боже, какое великое утешение — вкушать хлеб свой в поте лица своего и иметь возможность сказать с великим апостолом: «Вы сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20:34)! Эта нищета драгоценнее пред Богом, нежели все сокровища земные.

В этом-то и состоит подлинная евангельская нищета, какую явил нам Спаситель наш, а по Его примеру — Пресвятая Дева, святой Иосиф и апостолы, оставившие все, чтобы жить от трудов своих, духовных или телесных.

Должен признаться, что из всех женских конгрегаций, госпитальерки и урсулинки, а также сестры из Конгрегации Нотр-Дам, которые посвящают себя обучению малых девочек, мне паче всех по сердцу, ибо они поистине живут от трудов своих, будь то духовных или телесных.

Не то чтобы я не ценил другие ордена, которые живут на доходы от имений или на пожизненные пансионы и трудятся лишь во избежание праздности, а не ради пропитания. Но что меня, как и многих благочестивых людей, изумляет, так это то, почему столь обильные пожертвования во многих местах ничуть не уменьшают размера приданого для девиц, поступающих в монастырь; напротив, чем богаче обитель, тем больше надобно дать, чтобы в нее вступить.

Так что из трех сословий девиц лишь одно имеет доступ в большинство монастырей, ибо беднейшие туда попасть не могут, оттого что для достижения этого рода нищеты требуется быть богатой. Девицам же среднего достатка куда выгоднее устроиться в миру. Таким образом, монастыри служат лишь для того, чтобы избавить богатые семейства от дочерей, за которых они могут дать большое приданое.

И если пожизненные пансионы прекращаются со смертью тех, кому они были назначены, то, быть может, после кончины сестер, принесших богатое приданое, на их место принимают нескольких бедных девиц, не требуя с них ничего? О таком мне еще слышать не доводилось.

Куда же идут эти богатые приданые? Их употребляют, скажут, на постройки; но постройки эти никогда не кончаются.

Между тем, намерение нашего блаженного состояло в том, чтобы, когда обители святой Марии будут в достаточной мере обеспечены, они принимали бы девиц даром. Кажется даже, что он предписывает труд не только для избежания праздности (труд, к которому обязаны и богатейшие миряне), но и для пропитания. Известно, что он говорит об этом в своих Установлениях. Вот же как он пишет в одном из своих писем:

«Надобно вести жизнь, полную трудов, ибо мы — чада труда и смерти Спасителя нашего».

Глава двадцать вторая. О нищете и послушании

Удивительное дело: те, кто без умолку твердят о нищете, святой добродетели нищеты, обете нищеты, исповедании нищеты, ничего так не страшатся, как плодов этой святой добродетели. Это несказанная жажда стяжания, несказанный страх потери.

Чтобы не говорить об этом от себя, послушаем совета нашего блаженного: «При приеме девиц, — говорил он, — я бесконечно предпочитаю кротких и смиренных, пусть и бедных, богатым, но менее смиренным и кротким. Но, — добавлял он, — сколько бы мы ни говорили: „Блаженны нищие“, мирская мудрость не перестанет твердить: „Блаженны монастыри, капитулы и обители богатые“. А в этом-то и надобно возвращивать ту нищету, которую мы ценим: с любовью претерпевать, когда ее презирают».

Другое, не менее примечательное обстоятельство: я не вижу во всем христианском мире людей, столь влюбленных в диспенсации, льготы, привилегии, иммунитеты, вольности, — словом, менее склонных к послушанию, нежели те, кто наполняет слух наш прекрасными словами: «послушание», «обет послушания», «покорность», «слепое послушание».

Я не вижу, чтобы мирияне, которых с неким нажимом называют «миром» или «мирскими», искали столько льгот и привилегий, дабы уклониться от послушания своим пастырям, по божественному праву установленным, то есть епископам и даже приходским священникам. Для них достаточно общего права и установления Иисуса Христа и апостолов. Они не столь щепетильны, чтобы желать повиноваться лишь тем, кого сами избрали; они позволяют вести себя, как овец, тем, кого Бог посыпает им без их избрания.

Но желать и мочь повиноваться лишь тому настоятелю, которого сам избрал, да и то на определенный срок, с условием, что в свой черед будешь начальствовать над ним, — не есть ли это в некотором роде послушание самому себе или, по крайней мере, собственному выбору?

Глава двадцать третья. О духовном руководстве инокинь

Наш блаженный никогда не считал, что инокини должны находиться под руководством монашествующих братьев, особенно из того же ордена.

Вот что он однажды написал мне: «Я вижу, — говорил он, — что знатные особы весьма склоняются к мнению, будто монастыри должны находиться под властью ординариев, как то было в древности, — обычай, восстановленный почти по всей Италии, — или же под властью монашествующих, согласно обычаю, введенному четыреста или пятьсот лет назад и соблюдаемому почти по всей Франции. Что до меня, то я чистосердечно признаюсь, что в настоящее время не могу примкнуть к мнению тех, кто желает, чтобы женские монастыри были подчинены монахам, и в особенности из того же ордена. В этом я следую желанию Святого Престола, который, где это представляется уместным, препятствует такому подчинению. Не то чтобы это не делалось и не делается поныне похвальным образом во многих местах, но было бы еще похвальнее, если бы делалось иначе, о чем можно было бы сказать многое.

Более того, мне кажется, что изъять сестер какого-либо ордена из-под юрисдикции монахов того же ордена ничуть не более предосудительно, чем некогда было изъять монастыри из-под юрисдикции ординария, имевшей столь древнее происхождение и столь давнее право. И наконец, похоже, что Папа и в самом деле подчинил этих добрых французских инокинь власти монашествующих; думаю, эти добрые девицы и сами не ведают, чего хотят, желая оказаться под таким началом. Ибо монахи, по правде говоря, суть превосходные служители Божии, но для девиц всегда тяжело быть под управлением мужских орденов, которые обыкновенно лишают их святой свободы духа».

Скромность нашего блаженного заставляет его скрывать под словами «потеря святой свободы духа» многое, что лучше сокрыть под покровом молчания, нежели раскрывать в речах.

Из сего вы можете заключить:

1. Что более тысячи лет монахи и монахини не имели иных пастырей и настоятелей, кроме ординариев, и что изъятие из-под этой власти существует лишь четыреста или пятьсот лет.
2. Что епископы по общему и изначальному праву суть отцы, пастыри и истинные настоятели монашествующих.
3. Что в Италии почти все монахини находятся под руководством и юрисдикцией епископов, чему я очевидец; и я заметил, что во Флоренции, где более пятидесяти женских монастырей, нет и четырех, которые бы не находились под руководством и юрисдикцией архиепископа.
4. Что Святой Престол восстановливает, насколько возможно, эту древнюю форму управления женскими монастырями.
5. Что если в прошлом и был справедливый повод изъять монахинь из-под руководства и юрисдикции ординариев, то ныне есть еще больше причин вернуть их под эту юрисдикцию, отняв ее у монашествующих; и, поступая так, мы возвращаем вещи к их первоначальному и чистейшему источнику.
6. Что монахини, желающие находиться под руководством братьев, даже из своего ордена, поистине подобны дочерям Зеведеевым, кои не знают, чего просят (ср. Мк. 10:38).

Глава двадцать четвертая. О боязни духов

Страх есть естественная страсть, которая, подобно прочим, сама по себе ни добра, ни зла; она дурна, когда переходит в излишество и смущение, и добра, когда подчинена разуму.

Есть люди от природы столь робкие, что дрожали бы, если бы им пришлось говорить на людях; другие до безумия боятся грома и даже молний; иные подвержены ночным ужасам и страшатся теней и одиночества; иные же так опасаются явлений духов, что не осмелились бы спать одни в комнате.

Я знаю от вернейшего свидетеля, что один из храбрейших и славнейших военачальников нашего времени, который безбоязненно бросается в самую гущу опасностей, убил бы собственного камердинера, если бы тот, уложив его спать, оставил его одного в комнате, ибо он был не в силах оставаться один по ночам.

Наш блаженный так утешает одну благочестивую особу, страдавшую этой немощью: «Мне говорят, что вы боитесь духов. Дух верховный, Дух Бога нашего, повсюду, и без воли Его или попущения ни один дух не движется. Кто имеет страх пред этим божественным Духом, тому не должно бояться никакого иного духа. Вы под крылами Его (ср. Пс. 90:4), чего же страшитесь?»

В юности я и сам был подвержен этой мнительности; и, чтобы от нее избавиться, я мало-помалу принуждал себя ходить в одиночестве, вооружив сердце упением на Бога, в те места, где воображение мое грозило мне страхом. И в конце концов я так укрепился, что мрак и ночное одиночество стали для меня уладой, ибо в этом одиночестве с большей отрадой наслаждаешься вселюбезным присутствием Божиим. Добрые ангелы окружают вас, словно рать воинов. Истина Его, — говорит Пророк, — окружит тебя и покроет щитом своим; не убоишься ужасов в ночи (ср. Пс. 90:5). Эта уверенность будет приобретаться мало-помалу, по мере того как благодать Божия будет возрастать в вас; ибо благодать рождает упование, а упование не постыжает».

Глава двадцать пятая. О снисхождении к ближнему

«Носите бремена друг друга, — говорит святой Апостол, — и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Если камни не будут поддерживать друг друга, как устоит здание? Мы — строение Божие, возведенное из живых камней (ср. 1 Пет. 2:5; 1 Кор. 3:9); если они не будут нести друг друга, строение это станет грудой камней.

Величайший плод любви — любить врагов наших; другой же плод, едва ли уступающий первому, — с добрым сердцем сносить несовершенства ближнего.

Легко любить того, кто приятен и любезен; какие мухи не летят на сахар и мед? Но любить того, кто несносен, упрям и брюзглив, — дело столь же неприятное, как жевать горькие пилюли.

И однако же, в этом — пробный камень истинной любви к ближнему.

Чтобы упражняться в ней, хорошо поставить себя на место этого ближнего, который нам противен, и подумать, как бы мы хотели, чтобы он обходился с нами, будь у нас его недостатки. Надобно быть продавцом, когда покупаешь, и покупателем, когда продаешь, если мы хотим, чтобы торг наш был честным.

Во всяком случае, надобно сносить его так, как глотают лекарства, — закрыв глаза: закрыв на неприятное творение, но открыв на Бога, в Котором и ради Которого все прекрасно, ибо все, что Он сотворил, хорошо, и дела Его совершенны.

Жезл Моисея в руке его чудотворен, а вне руки — змей; близкий сам по себе — земляной червь, змей; в руке же Божией он — орудие, направляющее нас на Небо.

Послушаем нашего блаженного: «О Боже! — говорит он. — Когда же снисхождение к ближнему обретет силу в сердцах наших? Это самый превосходный урок из учения святых. Блажен тот, кто его усвоил. Мы желаем снисхождения к нашим недостаткам, которые всегда почитаем достойными того, чтобы их сносили. Недостатки же ближнего

всегда кажутся нам большими и тягчайшими, а следовательно, более несносными и невыносимыми.

Когда речь идет о благах, зависть всегда представляет нам достояние ближнего большим, нежели наше. Когда речь идет о бедах, самолюбие всегда представляет нам наши скорби тягчайшими, нежели скорби другого. А в отношении несовершенств, мы — орлы, когда речь идет о чужих, и кроты — когда о своих».

Глава двадцать шестая. О больных, которые не могут молиться

Всему свое время (ср. Еккл. 3:1). Одно время — страдать, другое — действовать. Когда Бог призывает нас к страданиям, Он освобождает нас от действия.

Есть больные, которые, лежа на одре, сетуют не столько на свои страдания, сколько на неспособность служить Господу нашему так, как они служили Ему в здравии. В этом они глубоко заблуждаются, ибо один час страдания из любви и покорности воле Божией ценнее многих дней труда, совершающегося с меньшей любовью.

Но вот в чем загвоздка: мы всегда хотим служить Богу на свой лад, а не на Его; по своей воле, а не по Его. И мы любим Его волю, когда она сообразна с нашей, вместо того чтобы любить нашу лишь постольку, поскольку она сообразна с Его.

Когда Он хочет, чтобы мы болели, мы хотим быть здоровы. Когда Он желает, чтобы мы служили Ему страданием, мы желаем служить Ему действием. Когда Он хочет, чтобы мы упражнялись в терпении, мы хотим упражняться в смирении, благочестии, молитве или какой-либо иной добродетели — не потому, что она более угодна Ему, а потому, что она более угодна нам. Мы любим добродетель под сладким соусом, а не с желчью и уксусом. Голгофа нам не так по нраву, как Фавор; не на той горе, а на этой мы хотели бы поставить себе кущи.

Одним словом, мы любим здоровье больше, чем болезнь, и потому любим Бога неравно в болезни и в здравии. Мы любим Его больше, когда Он нас ласкает, нежели когда Он нас бичует. И так мы обманываемся, и вместо того, чтобы любить любовь Божию, мы любим сладость этой любви. Ибо кто любит одного лишь Бога, тот любит Его равно во всякое время — в болезни и в здравии, в благоденствии и в напастях, в страдании и в радости, — потому что Бог всегда равен Самому Себе, и неравенство нашей любви к Нему может проистекать лишь от чего-то, что не есть Он.

Одной душе, которая во время долгой болезни жаловалась нашему блаженному, что не может предаваться умной молитве — упражнению, которое она нежно любила и без которого дух ее пребывал словно в томлении, — он сказал:

«Не огорчайтесь, что пребываете на одре болезни, не имея возможности предаваться размышлению; ибо претерпевать удары бича от Спасителя нашего — дело, без сомнения, не менее благое, чем размышлять. Ибо лучше быть на Кресте со Спасителем нашим, нежели только взирать на Него. Но я хорошо знаю, что и на одре болезни вы тысячу раз на дню вверяете сердце свое в руки Божии, и этого довольно.

Повинуйтесь же как следует врачам; и когда они запретят вам какое-либо упражнение — будь то пост, мысленная или устная молитва или даже богослужебное правило, кроме кратких молитвенных воздыханий, — заклинаю вас изо всех сил и почтением, и любовью, которые вы желаете мне оказать, быть в высшей степени послушной, ибо так повелел Бог. Когда же вы исцелитесь и окрепнете, потихоньку возобновите свой путь, и увидите, как мы с Божией помощью преуспеем».

Глава двадцать седьмая. С каким благоговением он относился к больным

Если бедные — члены Тела Христова в качестве бедных, то и больные — в качестве больных. Сам Спаситель говорит об этом так: «Был болен, и вы посетили Меня» (Мф. 25:36).

Великий король св. Людовик ухаживал за больными на коленях и с непокрытой головой, из того соображения, что они — члены Тела Христова и вместе с Ним пригвождены ко Кресту.

Наш блаженный так выражал свое чувство почтения и уважения одной больной особе:

«Пока я буду думать о вас, страждущей на одре болезни, я буду оказывать вам (и говорю это с полным основанием) особое благоговение и необычайную честь, как творению, посвященному Богом, облеченному в Его одежды и Его особенной невесте. Когда Господь наш оказался на Кресте, даже врачи провозгласили Его царем; так и души, пребывающие на кресте, провозглашаются царицами.

Вы не знаете, чему в нас завидуют нам ангелы? Поистине, ничему иному, кроме того, что мы можем страдать за Господа нашего, и того, что они никогда ни в чем не страдали за Него.

Св. Павел, который был на Небесах и среди блаженств Рая, почитал себя счастливым лишь в немощах своих и в Кресте Господа нашего (ср. 2 Кор. 12:10; Гал. 6:14)».

И затем он поручает ей важное дело: «Умоляю вас, — говорит он ей, — вверить Богу в молитве одно доброе дело, свершения коего я пламенно желаю, и творить сие особенно в часы ваших мучений; ибо тогда молитвы ваши, хоть и краткие и сердечные, будут приняты Им с бесконечной благосклонностью. Испрашивайте у Него в это время и тех добродетелей, в коих вы более всего нуждаетесь».

Глава двадцать восьмая. Что он думал о монастырях

«Знаете ли вы, — говорил он, — что такое монастырь? Это мастерская строгого исправления, где всякая душа учится вверять себя рукам искусного ваятеля, дабы он обтесал и отшлифовал ее, и чтобы, пройдя эту обработку, она была совершенно приложена к воле Божией, едина и неразрывна с нею. Желать исправления — вот явный

знак совершенства, ибо это — главный плод смирения, которое и открывает нам нужду в исправлении.

Монастырь, — продолжал он, — это лечебница для душ, отягченных духовными недугами, которые, алкая исцеления, соглашаются и кровопусканию подвергнуться, не страшатся ни ланцета, ни лезвия, ни зонда, ни раскаленного железа и огня, ни лекарств, сколь угодно горьких. Не зря в древней Церкви иноков называли именем, которое означает „исцелители“¹. О дочь моя, будь же такой, и не обращай внимания на то, что самолюбие шепчет тебе противное, но прими с кротостью, сердечно и с любовью это решение: „Или умереть, или исцелиться“. И поскольку я не хочу умирать духовно, я хочу исцелиться; а чтобы исцелиться, я хочу претерпеть врачевание и исправление, и готов умолять врачей не щадить меня ни в чем, что я должен выстрадать ради исцеления».

1 Речь идет о терапевтах (греч. Θεραπευταῖ). Это название, означающее «целители» или «служители», впервые встречается у Филона Александрийского в его описании общины аскетов-созерцателей, живших близ Александрии. Позднее раннехристианские авторы, например Евсевий Кесарийский, видели в них предшественников христианских монахов и прилагали это наименование к ним.

Глава двадцать девятая. О сострадании

Хотя дух его отличался редкой твердостью и был одарен дивным упновением, сердце его, однако, было в высшей степени нежно и сострадательно. Вот что он сказал одной особе, безутешной после смерти сестры:

«О Боже, я не стану говорить вам: не плачьте; нет, ибо весьма справедливо и разумно, чтобы вы немного поплакали. Но немного — в свидетельство искренней любви, которую вы к ней питали, в подражание нашему дражайшему Учителю, Который и Сам прослезился о друге Своем Лазаре (ср. Ин. 11:35). Но не много, как те, кто, устремив все свои помыслы на мгновения этой жалкой жизни, непомнит, что и мы существуем в вечность, где, если будем жить праведно в этом мире, воссоединимся с нашими дорогими усопшими, дабы уже никогда не разлучаться с ними.

Мы не можем запретить нашему бедному сердцу скорбеть о доле сей жизни и о потере тех, кто был нам милым спутником; но не должно, однако, отрекаться от торжественного обета, который мы дали, неразрывно соединять нашу волю с волей Бога нашего».

Он, как видите, позволяет нам отдавать дань скорбным чувствам плоти и крови, но лишь с тем условием, чтобы в этом любовном союзе главная часть принадлежала Богу.

Но взгляните, молю вас, с какой нежностью он сам говорит о своих чувствах, когда горе постигало его самых дорогих родных и друзей:

«Поистине, — говорит он, — я и сам плачу в таких случаях, и мое сердце, черствое к небесному, проливает слезы о земном. Но, слава Богу, слезы эти всегда кротки и всегда проникнуты великим чувством любовной покорности Промыслу Божию. Ибо с тех пор, как Господь наш возлюбил смерть и обратил саму Свою смерть в предмет нашей любви, я

не могу злобиться на смерть ни сестер моих, ни кого-либо иного, лишь бы кончина их совершилась в любви к священной смерти Спасителя моего».

И в другом случае он говорит так: «Поистине, нет на свете человека, чье сердце было бы нежнее и преданнее в дружбе, нежели мое, и кто острее страдал бы в разлуке. И все же я столь ничтожной почитаю эту суетную жизнь, что никогда не обращаюсь к Богу с большей любовью, чем в те часы, когда Он Сам уязвляет меня или попускает мне быть уязвленным».

Те, кто воображает, будто христианская чувствительность несовместима со святой покорностью, мыслят не так, как наш блаженный. Ибо хотя эта нежность и проистекает из кротости сердца, а твердость — из силы духа, но как нет ничего столь сильного, как эта сердечная кротость, так и нет ничего столь кроткого, как эта сила мужества.

Глава тридцатая. Об истинной любви

Как разумность есть мера истинных, приобретенных нравственных добродетелей, так любовь есть мера истинных добродетелей вдохновенных, живых и спасительных.

Правило первых — правота человеческого разума; правило вторых — правота разума божественного, которая есть не что иное, как воля Божия, Царица всех освященных воль и разум всякого здравого разума. Учение сие принадлежит Ангельскому доктору и принимается всеми богословами.

Если бы христиане соизмеряли все свои поступки с этим последним мерилом, то в них воссияла бы совсем иная святость, нежели та, что видима ныне, и притворная любовь не занимала бы у многих места истинной.

Малые дела, совершенные с великой любовью, имеют совсем иную цену, нежели великие, совершенные с меньшей.

Таково мнение всех богословов, выраженное нашим блаженным следующим образом: «Знаю, что малые скорби досаждают более великих по причине своей многочисленности и неотступности, а домашние — более, чем внешние; но знаю и то, что победа над ними зачастую угоднее Богу, нежели многие другие победы, которые в глазах мира кажутся более значительными».

Поэтому он хотел, чтобы мы ценили добродетели по любви к Богу, а не по их природному совершенству. То, что он говорит о молитве в одном из своих наставлений, следует понимать и в отношении всякой другой добродетели:

«Надобно, — говорит он, — любить молитву, но любить ее подобает из любви к Богу. А кто любит ее из любви к Богу, тот желает от нее лишь столько, сколько Бог желает ему дать; Бог же желает дать лишь столько, сколько позволяет послушание».

Вы видите, как он любовью венчает молитву; а в своем «Трактате о любви к Богу» он указывает, что и послушание должно бы проистекать из той же любви к Богу: «Поистине, — говорит он, — любя, мы повинуемся, как и повинуясь, мы любим; но если послушание сие в высшей степени достойно любви, то потому, что оно устремлено к совершенству любви. И совершенство зависит не от того, что, любя, мы повинуемся, а от того, что,

повинуясь, мы любим. Так что, как Бог равно есть конечная цель всего благого, так же как и его первоисточник, так и любовь, которая есть начало всякого доброго расположения, есть также и его конечная цель и совершенство».

Завершу же я учением первоверхового апостола: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов. Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Говорит ли кто, говори как слова Божии; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Пет. 4:8-11).

КОНЕЦ

*Перевод: Константин Чарухин
Корректор: Ольга Самойлова*

Подготовлено для сайта [РУСКАТОЛИК.РФ](#)

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin
или
Счёт в евро: PL44102043910000660202252468
Счёт в долл. США:
PL49102043910000640202252476
Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN
Банк: BPKOPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ КОНСТАНТИНА
ЧАРУХИНА**